

В. А. Лапшин

Топография и хронология Нижегородского кремля XIII–XIV вв

(по материалам раскопок 2001–2002 гг.)

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

Proceedings. Vol. LIX

V. A. Lapshin

**The topography and chronology
of the Nizhny Novgorod Kremlin
of the 13th–14th centuries**
(after materials from excavations of 2001–2002)

St Petersburg
2022

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Труды ИИМК РАН. Том LIX

В. А. Лапшин

**Топография и хронология
Нижегородского кремля XIII–XIV вв.
(по материалам раскопок 2001–2002 гг.)**

Санкт-Петербург
2022

УДК 902
ББК

Работа выполнена в рамках темы НИР FMZF-2022-0015
«Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве:
формирование археологических культур и культурных центров,
становление научного подхода к их изучению»

Рецензенты:
член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков (Институт археологии РАН);
д-р ист. наук М. П. Черная (Томский государственный университет)

Печатается по решению Ученого совета ИИМК РАН

Лапшин В. А.

Топография и хронология Нижегородского кремля XIII–XIV вв.
(по материалам раскопок 2001–2002 гг.). — СПб.: ИИМК РАН, 2022. — 224 с.

Нижний Новгород — один из важнейших средневековых центров Северо-Восточной Руси. Основанный в 1221 г., он относится к числу «молодых» русских городов. Наряду с Москвой и Тверью в XIV в. Нижний Новгород прошел путь от пограничной крепости Владимиро-Суздальской земли до столицы Нижегородского великого княжества (1341–1392) и превратился в процветающий торговый центр на Волжском пути. Однако ранняя история и культурный облик города по сей день плохо изучены. Причина этого — в его бурной истории, многочисленных штурмах, разорениях и разграблениях. Единственный на сегодняшний день источник новой информации о средневековой истории города — его культурный слой.

Книга является результатом изучения материалов раскопок, проведенных в Нижегородском кремле в 2001–2002 гг. под руководством автора. В исследовании всесторонне охарактеризованы яркие комплексы второй половины XIII — XIV в. — периода наиболее интенсивной жизни города и его кратковременного парадоксального расцвета в условиях монгольского владычества.

Издание рассчитано на археологов, историков и всех интересующихся отечественной историей.

Nizhny Novgorod is one of the most important mediaeval centres of North-Eastern Russia. Founded in 1221, it belongs to the number of the “young” Russian towns. Along with Moscow and Tver, Nizhny Novgorod underwent in the 14th century the fate beginning from a border fortress in the Vladimir-Suzdal land to the capital of the Nizhny Novgorod Grand Duchy (1341 and 1392) and became a prosperous trade centre on the Volga route. Nevertheless, the early history and the cultural character of the city are poorly studied even now. This fact has resulted from its tempestuous history, numerous sieges, devastations and plunders. Presently the single source of new information on the mediaeval history of the city is that of its cultural deposits.

This book is a result of the examination of materials from excavations conducted in 2001–2002 under the guidance of the present author at the Nizhny Novgorod Kremlin. These investigations have comprehensively characterized the remarkable complexes of the second half of the 13th to 14th century which was a period of the most intensive occupation of the city and its brief paradoxical flowering in the conditions of the Mongol sway.

This publication is intended for archaeologists, historians and all who are interested in the national history.

DOI 10.31600/978-5-6047952-6-2
ISBN 978-5-6047952-6-2

© Лапшин В. А., 2022.
© Коваль В. Ю., 2022.
© Грибов Н. Н., 2022.
© Петренко А. И., Асылгараева Г. Ш., 2022.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ВВЕДЕНИЕ	9
ГЛАВА 1. Археологическое изучение Нижнего Новгорода и его сельской округи	12
1.1. Нижний Новгород	12
1.2. Нижегородский кремль и городище Городок	14
1.3. Сельская округа Нижнего Новгорода	15
1.4. Проблемы топографии и хронологии Нижегородского кремля	16
ГЛАВА 2. Раскопки в Нижегородском кремле в 2001–2002 гг.	19
2.1. Расположение раскопа	19
2.2. Методика раскопок зимой	19
2.3. Особенности культурного слоя и специфика сложения комплексов	20
2.4. Материальная культура средневекового Нижнего Новгорода	21
2.4.1. Общая характеристика находок	22
Изделия из железа	22
Изделия из цветных металлов	27
Изделия из стекла	31
Изделия из кости	35
Изделия из камня и янтаря	36
Изделия из глины	38
2.4.2. Керамика Востока из раскопок в Нижнем Новгороде (<i>В. Ю. Коваль</i>)	41
2.4.3. Массовый керамический материал: описание основных типологических групп (<i>Н. Н. Грибов</i>)	59
2.4.4. Особенности материальной культуры и хронологии Нижнего Новгорода	73
2.5. Комплексы материковых ям	76

ГЛАВА 3. К исторической топографии Нижегородского кремля XIII–XIV вв. по данным археологии	81
3.1. Образ Киева в топографии Нижнего Новгорода	81
3.2. Древнейшая топография Нижнего Новгорода	82
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
Место Нижнего Новгорода в политической структуре Северо-Восточной Руси XIII–XV вв. .	87
ПАМЯТИ ДРУГА	91
ПРИЛОЖЕНИЯ	93
Приложение 1. Каталог комплексов материковых ям	93
Приложение 2. Osteологические материалы животных из раскопок Нижегородского кремля (А. И. Петренко, Г. Ш. Асылгараева)	122
ИЛЛЮСТРАЦИИ	130
ЛИТЕРАТУРА	201
SUMMARY	218
Список сокращений	221

ПРЕДИСЛОВИЕ

Осенью 2001 г. меня пригласили руководить спасательными раскопками в Нижегородском кремле. Из-за задержки финансирования работы начались только в середине ноября и продолжались три месяца, до середины февраля 2002 г. Это был один из первых опытов раскопок зимой, не только физически очень тяжелый, но и потребовавший выработки новой методики раскопок. Удачей было, что благодаря неурочному зимнему времени в работах смогли принять участие многие молодые нижегородские археологи, подобрался дружный, оптимистично настроенный коллектив. Основной рабочей силой стали студенты исторических факультетов Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского и Нижегородского государственного педагогического университета, соблазненные необычной перспективой пройти летнюю археологическую практику в зимние каникулы.

Среди исследователей, специализировавшихся на археологии Северной Руси, традиционно господствовало представление о том, что на смену яркой культуре X — начала XIII в. в результате монгольского нашествия пришли общий упадок и запустение, сокращение количества поселений, обеднение материальной культуры. Слои второй половины XIII — XV в. в крупных древнерусских городах или вовсе отсутствовали, или были представлены незначительным количеством находок. Исключением являлись Новгород и Псков, чья богатая материальная культура золотоордынского времени только подчеркивала упадок подвергнувшихся разгрому более южных городов. При всей справедливости этих положений акценты в оценках начали меняться с рубежа 1980–1990-х гг., когда по всей стране стали разворачиваться охранно-спасательные раскопки, охватившие значительные площади средневековых городов. Постепенно стало выясняться, что представление о мертвых городах золотоордынского времени преувеличено и связано с недостатками базы археологических источников. Многозначность культурных трансформаций в переломном XIII в. стала темой специального сборника (Русь в XIII веке 2003). В частности, оказалось, что не все города и сельские поселения Северо-Восточной Руси пострадали в одинаковой степени, многие сумели сохранить преемственность ремесленных и культурных традиций (Макаров 2003; Чернецов 2003; Сарачева 2007; Лапшин 2009).

Автор, занимавшийся в 1980-е гг. преимущественно археологией домонгольского времени (Лапшин 1985а), в 1992–1998 гг. провел масштабные раскопки в Твери и очутился в совершенно новом для себя мире. На территории бывшего Тверского кремля был исследован влажный культурный слой конца XIII — первой половины XV в., сохранивший органику, в том числе остатки бревенчатых построек, что позволило выстроить на основе значительной серии дендродат достаточно дробную (в среднем до 20 лет) хронологическую шкалу (Лапшин 2009). В результате исследований возник образ динамично развивавшегося в XIV в. города, быстро восстанавливавшегося не только после обычных для средневекового деревянного города пожаров, но и после страшного погрома, учиненного московско-татарскими войсками в 1327 г. (Федорчукова рать), о чем свидетельствовала серия порубочных дат

1330-х гг. Находки золотоордынской кашинной керамики и бус, египетского стекла говорили о наличии разнообразных внешних связей с Ордой и через Орду. По итогам раскопок 1990-х гг. Тверь стала лидером среди русских городов по количеству золотоордынских импортов. Поэтому закономерен интерес, который у меня вызвала перспектива раскопок в Нижнем Новгороде — городе с судьбой, во многом схожей с Тверью: «молодой» город, основанный в начале XIII в., переживший расцвет в XIV в., бывший столицей великого княжения в 1341–1392 гг. и находившийся в глубоком упадке вплоть до начала XVI в. Именно XIV в., один из самых драматичных периодов в русской истории, дух которого так ярко передан в фильме А. А. Тарковского «Андрей Рублев», привлекал внимание более всего.

Результаты исследований, представленные в данной книге, свидетельствуют о том, что достоверных комплексов XIII в., соответствующих летописному свидетельству об основании Нижнего Новгорода в 1221 г., пока не обнаружено, хотя отдельные находки могут быть отнесены к предмонгольскому времени. Наиболее многочисленная группа материковых ям (подполий и подпечных ям наземных построек) относится к XIV в., по-видимому, преимущественно ко второй его половине. Они свидетельствуют о том, что город после монгольского нашествия был восстановлен и процветал, несмотря на близость Золотой Орды. Более того, судя по многочисленным находкам восточного происхождения (от сиро-египетского стекла до китайского селадона) Нижний Новгород поддерживал постоянные и активные торговые контакты с золотоордынскими городами. Вероятно, на участке раскопок в XIV в. находилась богатая городская усадьба. Показательны полное отсутствие слоев XV в. и относительно немногочисленные комплексы XVI–XVII вв. Это согласуется с наблюдениями, сделанными на раскопах в других частях города. Видимо, после нескольких разрушений и пожаров в конце XIV — начале XV в., о которых известно по письменным источникам, Нижний Новгород длительное время находился в полном запустении.

Автор благодарен всем нижегородским коллегам, принимавшим самоотверженное участие в исследованиях 2001–2002 гг., прежде всего И. А. Очеретину (1965–2017), осуществлявшему общее хозяйственное и финансовое руководство полевыми работами, и Н. Н. Грибову, взявшему на себя камеральную обработку находок. Чертежную фиксацию на раскопе выполнила И. В. Ануфриева; начальниками участков работали А. Н. Кикеев, А. Н. Рогачев, Д. А. Антонов, А. Н. Маслов, А. Дасаев. Автор благодарен также студентам-историкам, прошедшим археологическую практику в столь экзотических условиях, а также жителям Нижнего Новгорода, принимавшим посильное участие в раскопках. Особая благодарность В. Ю. Ковалю и Н. Н. Грибову, подготовившим и написавшим разделы этой книги (соответственно 2.4.2. «Керамика Востока...» и 2.4.3. «Массовый керамический материал...»). Иллюстрации к этим разделам выполнены их авторами, рисунки индивидуальных находок — И. В. Заботиной; чертежи для издания обработаны автором.

Фундаментальная монография Н. Н. Грибова «Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города» (2018), в которой проанализирован весь массив неизданных археологических данных по Нижнему Новгороду, содержащихся в полевых отчетах, значительно облегчила подготовку данной книги.

Исследование выполнено в рамках темы НИР FMZF-2022-0015 «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению». Коллекция находок хранится в Музее Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

ВВЕДЕНИЕ

В X — первой трети XIII в. складываются система расселения и государственная территория Ростово-Суздальской земли, основой которой была система городских центров, сформировавшихся в местах концентрации сельского населения, по основным водным путям и на границах (рис. 1; Кучкин 1984).

Одним из направлений княжеской экспансии становится Поволжье. Торговым контрагентом и одновременно военным соперником здесь выступала Волжская Булгария. Территорию от нижнего течения Оки до северной границы Булгарии по Волге заселяли мордовские племена. Судя по археологическим находкам на древнерусских памятниках, торговые отношения Волжской Булгарии с Северо-Восточной Русью установились уже в X — начале XI в. (Полубояринова 1993а: 115). Первые летописные свидетельства о военных столкновениях появляются с начала XII в. В 1107 г. болгары осадили Суздаль и сожгли окрестные села (ПСРА. XXXIV: 72). По-видимому, войско прибыло вверх по Оке, Клязьме и Нерли Клязьминской. В ответ в 1108 г. к югу от Суздаля строится новая пограничная крепость — Владимир (Воронин 1961: 39). Дальнейшее продвижение русского населения на восток, вниз по Клязьме от Владимира, в течение XII в. закрепляется строительством крепостей Стародуб, Ярополь и Гороховец (Седова 1972; 1978). Характерно, что для набега на Ярославль в 1152 г. болгары избрали путь по Волге, в обход новых крепостей (ПСРА. XXIV: 77). Ответом послужило основание Городца Радилова на Волге (первое упоминание в 1172 г. — ПСРА. I: Стб. 364). Археологически возникновение города датируется второй половиной XII в. (Медведев 1967; 1968; Гусева 1992; Грибов 2008а; Гусева, Чеченков 2012). Нападения болгар на Ростово-Суздальскую землю в 1107 и 1152 гг. неслучайно совпадали с походами местных князей на юг. Видимо, болгары получали своевременные и точные сведения о Северо-Восточной Руси, скорее всего, через своих купцов (Кучкин 1975: 36). В середине XII в. военная инициатива переходит к владимирским князьям. На фоне княжеских походов на Волжскую Булгарию в 1164, 1171–1172, 1183, 1185, 1205, 1220 гг. (Кучкин 1975) осваивается течение Волги между Ярославлем и Городцом.

Продвижение вниз по Волге завершилось основанием Нижнего Новгорода. Город заложен в 1221 г. князем Юрием Всеволодовичем (ПСРА. I: Стб. 445 — 6729 г.) при слиянии Волги и Оки как пограничная с Булгарией крепость и плацдарм для освоения новых земель в Поволжье. Строительство города закрепляло успех похода 1220 г. на мордву и Волжскую Булгарию (Кучкин 1974: 236). За Нижним Новгородом начинались «пределы мордовские», как написано в летописи под 1228 г. (*цит. по:* Насонов 2002: 173).

Поход Батыей зимой–весной 1237 г. привел к захвату и разрушению наиболее значительных северо-восточных городов. Неясна судьба Нижнего Новгорода. Поскольку он не упомянут среди разрушенных городов, В. А. Кучкин отнес город к числу непострадавших (Кучкин 1974: 237; 1990: 72; 2011: 6). Но маловероятно, что татары его миновали в 1237 г., продвигаясь по берегу Волги к Городцу, или в 1239 г., проходя по берегам Оки и Клязьмы

к Гороховцу. Скорее на фоне гибели крупнейших и старейших городов основанный менее двух десятков лет назад Нижний Новгород был «забыт» летописцем как незначительный пункт.

В политических комбинациях Орды первой трети XIV в. Нижний Новгород выступает не как политическая единица, а как часть нестабильных новообразований (Кучкин 1974: 241). Вторая половина XIII — первая треть XIV в. — наиболее «темный» период истории города, однако, по-видимому, именно в это время город вырастает в значительный центр поволжской торговли. В противном случае трудно объяснить, почему при формировании Нижегородского княжества в 1341 г. столицей стал Нижний Новгород, а не вошедший в новое политическое образование древний Суздаль. С одной стороны, новый статус свидетельствовал о возросшем значении города, а с другой — способствовал дальнейшему его подъему. Великое княжество Нижегородское просуществовало 50 лет — с 1341 по 1392 г., при князе Константине Васильевиче (1341–1355) и его сыновьях Андрее (1355–1365), Дмитрие (1365–1383) и Борисе (1383–1388, 1391–1392). Вторая половина XIV в. — период максимального расцвета столицы княжества. Но в 1392 г. Василий Дмитриевич московский купил в Орде ярлык на Нижний Новгород (ПСРА. XV, 1: Стб. 162; XVIII: 142), самостоятельный нижегородский стол был ликвидирован, а городом стал управлять московский наместник (ПСРА. XXV: 220; XXIII: 133; XXIV: 159). Нижний Новгород переживает период упадка, который заканчивается лишь в начале XVI в. после строительства уже московским князем нового каменного кремля. Город вновь играет роль плацдарма, на этот раз при военных столкновениях с Казанским ханством. После походов Ивана IV на Казань и Астрахань и объединения в границах единого государства всего Волжского пути Нижний Новгород приобретает значение в первую очередь как богатый торговый город. Закономерно, что именно нижегородское ополчение сыграло решающую роль в восстановлении русской государственности в начале XVII в. Нижегородская ярмарка оставалась крупнейшей в стране со второй половины XVII до начала XX в.

Специальных исследований по ранней истории Нижнего Новгорода не так много, как можно было бы ожидать, учитывая значение города в судьбе страны. В середине XIX в. был опубликован труд нижегородского краеведа Н. И. Храмцовского «Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода» (Храмцовский 1857; 1859; 1998; о Н. И. Храмцовском см.: Памяти Храмцовского 1899). Одновременно, в 1857 г., архимандрит Макарий (Н. К. Миролюбов) издал описание памятников церковных древностей Нижегородской епархии (Макарий 1999). На протяжении столетия эти книги оставались единственными сводными трудами по истории города.

Нижний Новгород упоминается во всех общих работах по русской истории, но предмет специальных исследований стал только во второй половине XX в. А. М. Сахаров дал общую характеристику развития Нижнего Новгорода в книге «Города Северо-Восточной Руси XIV–XV веков» (Сахаров 1959: 65–73). В. А. Кучкин обращался к отдельным аспектам истории Нижнего Новгорода в ряде статей (Кучкин 1974; 1976; 1990; 2002) и в разделе монографии, посвященной формированию государственной территории Северо-Восточной Руси (Кучкин 1984: 206–231). Сборник статей В. А. Кучкина по истории Нижнего Новгорода и Нижегородского княжества издан отдельной книгой (Кучкин 2011). Ряд работ современных нижегородских историков посвящен различным периодам истории Нижегородского края в XII–XVI вв. (Таловин 2001; Пудалов 2004; Чеченков 2001а; 2001б; 2004; Кузнецов 2008). Обстоятельства присоединения Нижнего Новгорода к Москве освещаются в статье и разделе книги А. А. Горского (Горский 2004б; 2010: 41–71). Основателю

Нижнего Новгорода Георгию (Юрию) Всеволодовичу посвящены книги В. П. Макарихина (Макарихин 1994) и А. А. Кузнецова (Кузнецов 2006).

Одним из главных письменных первоисточников по истории Нижнего Новгорода является «Нижегородский летописец», который был впервые издан еще в конце XIX в. (Гацкий 1886). Его научное издание подготовлено 120 лет спустя (Шайдакова 2006). Нижегородско-Суздальскому летописанию посвящен раздел книги о летописании Северо-Восточной Руси XIII–XV вв. (Муравьева 1983: 164–200). Ряд монографий посвящен письменным источникам по истории Нижегородского края в целом (Макарихин 1991; Пудалов 2001).

Важным направлением исследований является изучение исторической топографии Нижнего Новгорода. Источниками для разработки этой темы являются, прежде всего, писцовые книги XVII в. (Писцовая и переписная книги 1896), свидетельства иностранцев (Агафонова, Давыдов 2010), данные топонимики (Барсов 2011; Попов 1965; Морохин 1997). На этой основе сделаны интересные наблюдения и реконструкции, относящиеся преимущественно к позднесредневековому городу (Бондаренко, Шумилкин 1988; Еремин 1992; Шумилкин С., Шумилкин А. 2010). Общий обзор топографии Нижнего Новгорода первой половины XVII в. дается в монографии Н. Н. Грибова, который при этом подчеркивает, что проецировать данные XVII–XVIII вв. на более раннее время без привлечения данных археологии нельзя (Грибов 2018: 13–15).

В ряде публикаций архитекторов, историков и краеведов, посвященных истории и архитектуре Нижегородского каменного кремля начала XVI в., авторы касаются и истории укреплений более раннего времени (Агафонов 1960; 1976; 2008; 2019; Кирьянов 1956а; 1956б; 1958; 1961; 1968; 2001; Пудеев 2014; Черников 2010; Чеченков 2002; 2010).

Важнейшим и неисчерпаемым источником по истории Нижнего Новгорода являются археологические материалы, к обзору которых мы и переходим.

ГЛАВА 1

Археологическое изучение Нижнего Новгорода и его сельской округи

1.1. Нижний Новгород

До середины XX в. планомерных археологических исследований на территории Нижнего Новгорода не проводилось. В конце XIX — первой половине XX в. раскопки и наблюдения местных краеведов носили эпизодический характер и за редкими исключениями не документировались. Все доступные сведения об этом этапе собраны в специальной статье (Ануфриева 2005). Обзоры истории археологического изучения Нижнего Новгорода с середины XX до начала XXI в. подготовлены в связи с изданием Археологической карты Нижегородской области (Николаенко 2004; 2008а: 111–144) и в монографии Н. Н. Грибова (Грибов 2018: 15–20).

Первая документированная находка была сделана в исторической части Нижнего Новгорода в 1877 г.: на ул. Большой Покровской возле Покровской церкви при закладке фундамента было обнаружено «погребение с мордовскими украшениями». Однако автора раскопок — этнографа В. Н. Майнова — интересовал только антропологический материал, и археологический контекст не был зафиксирован (Антропологическая выставка 1878–1879: 31; Грибов 2018: 15).

Начиная с 1880-х гг. по инициативе директора Петербургского археологического института Н. В. Калачова в Российской империи стали создаваться губернские ученые архивные комиссии. Положение о губернских комиссиях было утверждено Александром III 13 апреля 1884 г. Комиссии объединяли энтузиастов-краеведов, которые собирали и публиковали рукописи, создавали губернские музеи, проводили этнографические и археологические исследования. Одной из первых в 1888 г. была создана Нижегородская учёная архивная комиссия (НГУАК). С конца XIX в. члены НГУАК А. Я. Садовский, С. М. Парийский, В. Т. Илларионов осуществляли надзор за земляными работами на территории Нижегородского кремля. По свидетельству А. Я. Садовского, в 1890-х гг. были обнаружены следы дубовой стены, поднимавшейся вдоль кремлевского съезда от Ивановской к Георгиевской башне (Кирьянов 1968: 21). В 1910–1911 гг. А. Я. Садовский и С. М. Парийский провели исследования стен, башен и подземелий кремля. Документация не сохранилась, по-видимому, и не велась (Ануфриева 2005: 38). В 1913 г. С. М. Парийский производил наблюдения за прокладкой коммуникаций в кремле. Он описал стратиграфию культурного слоя и остатки совершенных по христианскому обряду погребений, обнаруженных у фасада современного здания Управления Федерального казначейства (корпус 1А), а также место находки на Ивановском съезде клада из 183 золотоордынских серебряных монет (Парийский 1914; Ануфриева 2005: 38).

НГУАК была расформирована в 1918 г., но активное ядро ее членов вошло в организованную в 1921 г. Нижегородскую археолого-этнологическую комиссию (НАЭК). Ее председателем стал А. Я. Садовский, а ученым секретарем — С. М. Парийский. НАЭК входила в Этнологическое отделение Российской академии истории материальной культуры (РАИМК, позднее ГАИМК). Работа комиссии развернулась в нескольких направлениях: археологическое и геологическое изучение края; археографические и архивные изыскания; исследование этнических взаимосвязей, фольклора и памятников архитектуры Нижегородского Поволжья. Членами НАЭК в 1921–1930 гг. были продолжены охранные наблюдения в Нижнем Новгороде. В 1929 г. члены НАЭК произвели вскрытие гробниц в Спасском кафедральном соборе и наблюдали за земляными работами в кремле (Нижегородская археолого-этнологическая комиссия... 1930: 4, 20). В 1929 г. Спасский собор был разобран для постройки на его месте административного здания. В ходе наблюдений были прослежены фундаменты собора 1652 г. и найдены резные детали белокаменного убранства собора XIII в. (Воронин 1962: 44–46, 488; Ануфриева 2005: 39).

После репрессий начала 1930-х гг., направленных против краеведов и археологов («Дело краеведов»), изучение города и края было прекращено. В 1930-е гг. локальные исследования были проведены экспедициями ГИМ (Алихова, 1937 г. — см.: Грибов 2018: 15). В 1938 г. экспедицией ИИМК под руководством Н. Н. Воронина у стен Архангельского собора были заложены два шурфа, которые показали, что здание 1631 г. стоит на основаниях стен древнерусского храма (Археологические экспедиции 1962: 85; Воронин 1962: 48, 49).

После окончания Великой Отечественной войны сменились политические приоритеты в отношении памятников русской истории: вместо планировавшегося в предвоенные годы сноса Нижегородского кремля с конца 1940-х гг. началась его реставрация (Агафонов 1960; 1976). В связи с этим были возобновлены археологические исследования. В конце 1940-х — начале 1950-х гг. архитектурные шурфы у стен и башен Нижегородского кремля выполнял И. А. Кирьянов (Ануфриева 2005: 41). В 1960 г. Н. Н. Воронин продолжил исследование Архангельского собора в кремле и выявил следы соборов XIII и XIV вв., на которых был поставлен сохранившийся собор XVII в. (Воронин 1962: 43–54, 208–216). В 1964, 1973, 1977–1979 гг. В. Ф. Черников проводил раскопки небольшими площадями в кремле в связи с перестройкой Кадетского корпуса под здание облисполкома и строительством здания обкома КПСС. Всего было вскрыто около 600 кв. м культурного слоя, и опубликована краткая информация в «Археологических открытиях» за 1973 г.: в кремле в траншее у Дмитровской и Кладовой башен (южная часть кремля) прослежен ров шириной 25 м, интерпретированный как часть укреплений детинца 1221 г. (Черников 1974). В. Ф. Черников также осуществлял надзор за земляными работами в исторической части города (Грибов 2018: 16). В ходе наблюдений были впервые выявлены средневековые культурные напластования. Логическим итогом этой деятельности стала постановка на государственную охрану культурного слоя города в границах Нового острога начала XVII в. (Решение Горьковского областного Совета народных депутатов № 559 от 03.11.1983).

Начиная с 1988 г. охранные раскопки и наблюдения в исторической части Нижнего Новгорода ведет Археологическая служба под руководством Т. В. Гусевой, к ней в 1990-е гг. присоединились другие организации. В последующие три десятилетия исследования были проведены в десятках мест в центральной части города, где выявлены комплексы XIII–XIV, XVII и XVIII вв. Происходит стремительное накопление археологических материалов, на глазах изменяется представление о размерах и динамике развития Нижнего Новгорода в средневековье. Общая характеристика культурного слоя города и итоги его исследования по состоянию на середину 1990-х гг. приведены в статье Т. В. Гусевой (Гусева 1996).

Издано историографических обзорных статей, учитывающих материалы не только публикаций, но и отчетов, хранящихся в архиве Института археологии РАН (Ануфриева 2004; 2005; 2010; Николаенко 2005; 2006; Грибов 2018: 17–20). Вместе с тем основная часть новых археологических материалов, за исключением отдельных кратких публикаций информационного характера (Археологическая хроника 2000; Иванова, Грибов 2001; Ануфриева 2003; 2006; Гусева 2004; Очеретина, Очеретин 2005; 2016; Еремин, Муренцова 2010; Губайдуллин, Шакиров 2010; Шакиров, Хамзин 2011), остается не введенной в научный оборот. По подсчетам Н. Н. Грибова на начало 2017 г. в исторической части Нижнего Новгорода вскрыто около 16 000 кв. м культурного слоя, в том числе по 6000 кв. м еще не сданы полевые отчеты (Грибов 2018: 18).

В 2017–2020 гг. в Нижнем Новгороде проведены масштабные раскопки экспедицией Института археологии РАН¹, в том числе в нижней прибрежной части кремля XVI в., где сделаны интересные стратиграфические наблюдения (Грибов 2019; Грибов и др. 2021).

Издание корпуса источников по археологии Нижнего Новгорода — дело будущего. Но уже сейчас стало возможным очертить границы культурного слоя Верхнего посада XIII — начала XV в., охватывающего кремль с трех сторон, в том числе оба берега Почайнинского оврага (Грибов 2018: 18–20, рис. 5) (цв. ил. I). Почти не изучен Нижний посад: единственный раскоп доведен до уровня XVII в. (Там же: 19), хотя здесь возможен влажный слой и локализуется церковь Николы «на бичеве» 1371 г. В 2018–2019 гг. в нижней (прибрежной) части кремля начала XVI в., относящейся ранее к посаду, исследованы отложения XIII — начала XV в. и XVI — середины XVIII в. (Грибов и др. 2021). На территории Благовещенского монастыря небольшие раскопы поблизости от его архитектурных памятников исследованы И. О. Ереминым (Дмитриевский, Еремин 1997). Средневековые культурные отложения зафиксированы в пригородном Печёрском монастыре (Дмитриевский 1997; 1999).

1.2. Нижегородский кремль и городище Городок

В краеведческой литературе неоднократно подвергалась сомнению достоверность даты основания Нижнего Новгорода в 1221 г. В частности, древнейший город помещают на месте городища Городок в 1,5 км к югу от кремля, который связывают с легендой об Абрамове (Ибрагимовом) городке, изложенной в XIX в. Н. И. Храмцовским (Храмцовский 1857: 3, 4) и П. И. Мельниковым-Печерским (Мельников 1884). Несостоятельность этой гипотезы на летописном материале убедительно показали В. А. Кучкин (Кучкин 1976; 2002), Б. М. Пудалов (Пудалов 2003), А. А. Кузнецов (Кузнецов 2006: 334–341), что избавляет от необходимости останавливаться на ней. Полевые исследования, проведенные Н. Н. Грибовым, позволили датировать городище Городок второй половиной XV в. (Грибов 2005; 2006; 2011а; Грибов, Лапшин 2008; Грибов, Антипина 2013). Всесторонняя характеристика Городка как резиденции московского наместника в период разрушения и запустения Нижегородского кремля в XV в. дана в обстоятельной монографии Н. Н. Грибова, поставившего точку в многолетнем споре (Грибов 2018).

¹ См. доклады на Всероссийской научной археологической конференции «Поволжские земли Северо-Восточной Руси в X–XV вв.: история освоения и материальная культура», посвященной 800-летию основания Нижнего Новгорода. Конференция состоялась 15–17 сентября 2021 г. в Нижнем Новгороде (URL: <https://www.archaeolog.ru/ru/press/events/povolzhskie-zemli-severo-vostochnoy-rusi-v-xhv-vv-istoriya-osvoeniya-i-materialnaya-kultura>).

1.3. Сельская округа Нижнего Новгорода

Когда летописец писал «ростовцы» или «суздальцы», всегда имелись в виду не только собственно горожане, но и жители прилегающей сельской округа, которая составляла экономическое и политическое целое с городом. Поэтому неверно исследовать процесс формирования города в отрыве от ближайшего окружения. Письменные источники, особенно немногочисленные для Нижегородского Поволжья, позволяют лишь наметить приблизительные границы княжеств и уделов. Как справедливо отметил В. А. Кучкин, границы княжеств и волостей часто проходили по пустынным, необжитым пространствам, поэтому «государственная территория превышала освоенную» (Кучкин 1984: 216). Источники позволяют реконструировать границы территорий на 60-е гг. XIV в., когда Нижний Новгород уже стал столицей Нижегородского великого княжества и входил в удел великого князя Андрея Константиновича (Там же: 224, рис. 7). В границах удела явно выделяются три центра и три территории. Центральная часть удела тяготеет собственно к Нижнему Новгороду, располагаясь главным образом к югу от него, на правобережье Волги и Оки. Западная часть, вытянутая вдоль рек Лух, Клязьма и Ока, тяготеет к Гороховцу. Наконец, юго-восточная часть охватывает правобережье Волги и бассейн ее правого притока Суры. Это часть территории расселения мордвы, которая, по-видимому, контролировалась великокняжеской крепостью — Лысковским городищем (Николаенко 2004: 70, 258). В. А. Кучкин предположил, что по реке Сундовик, правому притоку Волги, на берегу которой находится городище, в начале XIV в. проходила граница между нижегородскими и мордовскими землями (Кучкин 1984: 217).

Археологические материалы позволяют значительно дополнить и детализировать схематичную картину, полученную на основе письменных источников. Первые средневековые русские селища на правобережье Оки были обнаружены в 1940-е гг. Б. А. Сафоновым и в 1950-е — В. Ф. Черниковым (Черников, Анучин 1991). За последние десятилетия усилиями нижегородских археологов не только выявлено несколько сотен русских средневековых памятников (Грибов 1996; 2000а; 2000б; 2009а; Грибов и др. 2009; Аникин 1997а; 1997б; 2001; Ануфриева 1997; Антонов 2004; 2012; Николаенко 2004; 2008а; 2008б), но и очерчены участки, не заселенные в XIII–XIV вв., что позволяет надежно выделить территориальные группы поселений (Грибов 2000в; 2007а).

Уже в XIII–XIV вв. к югу от Нижнего Новгорода складывается компактная поселенческая структура — сельская округа города. Ее ядро находится на правобережье Оки и Волги, на участке возвышенного плато с развитым овражно-балочным рельефом протяженностью 70 км с запада на восток. С юга плато ограничивает пойма реки Кудьмы — правобережного притока Волги (Грибов 2007а: 112). Участок существенно уже очерченного по письменным источникам (рис. 2). В период освоения этой территории на ней произрастали хвойно-широколиственные леса на светло-серых лесных и дерново-подзолистых почвах (Сычёва, Грибов 2003: 92). По-видимому, по природным условиям плато было сопоставимо с палеоэкологическими характеристиками центрального района Северо-Восточной Руси — Суздальского Ополя (Лапшин 1985а; 1985б). Ко второй половине XII — началу XIII в. относятся только три поселения; около 100 археологических памятников (92 %) датируются второй половиной XIII — XIV в. (Грибов 2007а: 113). Подавляющее число сельских поселений либо исчезает с рубежа XIV–XV вв., либо прерывает свое функционирование минимум на одно столетие (Грибов 2006; 2007а: 118). Анализ археологического материала позволил Н. Н. Грибову поставить вопрос о зональности округа средневекового города.

Выделяются три зоны. В первую, радиусом 4,5–5,0 км, входят одиночные поселения, интенсивность взаимодействия которых с городским центром максимальна. В число этих *предметий* попадают Благовещенский и Печёрский монастыри. Во вторую зону входят сельские поселенческие структуры в радиусе до 20 км от города, то есть на расстоянии, не превышающем дневной переход, — ближайшая городская округа. В третью зону входит периферия округи — поселения на расстоянии до 70 км (Грибов 2007а: 119, 120).

В группах поселений ближайшей округи центральное место занимают крупные селища, одно из которых — Ближнее Константиново-1 — исследовано большой площадью (Грибов 1997; 2001а; 2001б; 2007б; 2008б; Грибов, Коваль 2007; Грибов, Цепкин 2004). Полученные материалы позволили Н. Н. Грибову охарактеризовать данный памятник как владельческое княжеское или боярское село и выделить его археологические признаки (Грибов 2008б: 263).

Одна из характеристик округи Нижнего Новгорода — географическое соотношение русских и мордовских поселений. Как выяснилось в ходе полевых исследований (Аникин 1997а; 1997б; Грибов 2000б; 2017), зона распространения русских средневековых поселений жестко очерчена долиной реки Кудьмы и руслом ее правобережного притока, реки Ункор. Мордовские поселения расположены к югу и юго-востоку от этой границы. Некоторые из них занимают пограничное положение в непосредственной близости от русских селищ. Территории мордовских селищ в этих парах остались незастроенными русскими поселенцами, что может свидетельствовать в пользу их синхронности и мирного (?) характера отношений (Грибов 2000: 64). Лепная мордовская керамика встречена на 23 древнерусских поселениях, но в самом Нижнем Новгороде ее доля в керамических комплексах менее 1 % (Грибов 2000б: 64, 65). Территория ближайшей округи Нижнего Новгорода не была заселена мордвой. Ее поселения находятся в других топографических условиях, они приурочены к речным поймам, что, по-видимому, связано с иным хозяйственным укладом: у мордовского населения ведущую роль играет скотоводство, у русского — земледелие.

Восточная граница с Болгарским улусом Золотой Орды в эпоху Нижегородско-Суздальского княжества, по-видимому, в XIII в. не имела еще четких очертаний (Егоров 2009: 44), а в XIV в. проходила по нижнему течению реки Суры (Грибов 2011б).

1.4. Проблемы топографии и хронологии Нижегородского кремля

Прежде всего следует обозначить основной ряд топонимов средневекового города, донесенный до нас Писцовой книгой 20-х гг. XVII в. и местной фольклорной и краеведческой традициями. Нижний Новгород был основан на высоком правом берегу Оки при впадении в Волгу. Высота мыса над уровнем долины — до 100–120 м. Собирательное название этого места в местной традиции — Дятловы горы (Храмцовский 1857: 6; Данилов 2013). Территория, которую охватывали стены кремля начала XVI в. («Каменного города» писцовых книг), делилась Ивановским оврагом (Большой Мостовой улицей документов XVII в.) на два мыса. Западный мыс по ближайшей башне кремля назывался Часовой горой, на нем стоял Михаило-Архангельский собор. На восточном мысу (Спасском, или Георгиевском) находился Спасо-Преображенский собор. Прилегающая с трех сторон к кремлю территория образует Верхний посад. Западнее кремля коренной берег Оки прорезает Почайнинский овраг — русло небольшой реки Почайны, впадавшей в Волгу. Мыс на правом,

западном, берегу Почайны назывался Ильинской горой (по Ильинской церкви). С юга территорию будущего города ограничивала река Ковалиха, протекавшая по Ковалихинскому оврагу, — правобережный волжский приток третьего порядка. На прибрежной полосе шириной около 200 м под стенами кремля располагался Нижний посад.

Домонгольский слой. Наиболее проблематично выделение домонгольского слоя, который мог отложиться менее чем за 20 лет после основания города в 1221 г. Такой слой был предположительно исследован Н. Н. Ворониным при изучении Михаило-Архангельского собора. Непосредственно под полом храма 1359 г. был прослежен слой известковых осколков и белого раствора толщиной 20–40 см, который автор связал со строительством храма в 1227–1229 гг. (Воронин 1962: 50; Раппопорт 1982: 61, табл. 9, № 88). По его мнению, нижележащий слой толщиной около 40 см по находкам «датируется в основном домонгольским временем» (Воронин 1962: 51). В этом слое на 338 фрагментов «домонгольской», по определению Н. Н. Воронина, керамики приходится 232 фрагмента «красной средней», по классификации автора, которую он датирует XIII–XIV вв., встречена и поливная золотоордынская керамика (Там же: 489). Очевидно, состав слоя более сложен: находки позволяют датировать его только в широких рамках XIII–XIV вв. Н. Н. Грибов, исходя из состава керамики, собранной Н. Н. Ворониным, также подвергает сомнению вывод о наличии домонгольского слоя (Грибов 2018: 23). Кроме того, подвергается сомнению достоверность самого летописного известия о закладке первого Михаило-Архангельского собора в 1225 г. (Шайдакова 2006: 51; Пудалов 2003: 158, 159). С. Л. Агафонов считал, что концепция двух каменных соборов (XIII и XIV вв.) нуждается в корректировке: она недостаточно подкреплена археологическим материалом (Агафонов 2008: 77–79).

В 1964 г. В. Ф. Черников в 19 м к югу и в 10 м к западу от Михаило-Архангельского собора исследовал полуземлянки с глинобитными печами, которые он отнес к домонгольскому времени. Эти сооружения, по мнению автора раскопок, прекратили существование при создании площади вокруг церкви в 1229 г. (Николаенко 2005: 104). К сожалению, материалы раскопок В. Ф. Черникова остаются неопубликованными.

Домонгольский культурный слой мог быть в районе Спасского собора, в восточной части кремля, там, где в 1929 г. были найдены фрагменты резного камня собора 1225 г. (Воронин 1962: 43–45). Но раскопки здесь не проводились.

Культурный слой XIII–XIV вв. сохранился и исследован в нескольких местах в западной части кремля: у Михаило-Архангельского собора — к югу (раскопки В. Ф. Черникова в 1973 г.) и к востоку (раскопки В. Ф. Черникова в 1978 г.) от нее; во дворе здания облисполкома (Т. В. Гусева, 1989 и 1996 гг.); к югу от гарнизонной столовой (Т. В. Гусева, 1989 и 1992 гг.); к северу от казармы (Т. В. Гусева, 2002 г.); к северо-востоку от Коромысловой башни (В. Ф. Черникова, 1978 и 1979 гг.); у бывшего трамвайного депо (А. Н. Кикеев, 2000 г.). Картографирование этих данных (Николаенко 2005: 105, рис. 1) показало, что слой XIII–XIV вв. занимал значительную территорию в западной части кремля: от Михаило-Архангельского собора на севере до рва, прослеженного А. И. Кирьяновым и В. Ф. Черниковым, на юге. С востока эта территория ограничена Ивановским спуском. Отложения XIII — начала XV в. выявлены на значительных участках Верхнего посада (Грибов 2018: 25, 26), охватывающих кремль с востока, юга и запада (цв. ил. I). В нижней (прибрежной) части кремля начала XVI в., относящейся ранее к посаду, также исследованы отложения XIII — начала XV в. (Грибов и др. 2021).

Культурный слой XV в. Как показали исследования Т. В. Гусевой и Н. Н. Грибова, достоверных отложений XV в. на территории Нижегородского кремля не выявлено (Гусева 1996: 45, 46; Грибов, Лапшин 2008; Грибов 2011а; 2018).

Границы кремля XIII–XIV вв. С. Л. Агафонов на основе планов XVIII в., сохранивших некоторые элементы древнего рельефа, интерпретированные как следы рвов и валов первоначальных укреплений, реконструировал территорию детинца XIII–XIV вв. (Агафонов 1960; см. рис. 3). Схема была подкреплена наблюдениями В. Ф. Черникова (Черников 1996; 2010), проследившего следы рва в юго-западной части кремля. Первоначальные деревоземляные укрепления по С. Л. Агафонову занимали всю нагорную часть внутри кремля начала XVI в. Над Ивановским спуском он помещает башню (рис. 3).

Ряд более поздних наблюдений позволил уточнить конфигурацию napольной части укреплений, не меняя принципиально реконструкцию С. Л. Агафопова (Ерёмин 1994; Агафонов 2008: 98 — комментарий И. О. Еремина; Ануфриева, Четвертаков 2012; Грибов 2018: 427, рис. 2) (рис. 4).

В 1989 г. в кремле при прокладке траншеи теплотрассы длиной 300 м от Ивановского съезда до здания облисполкома (в юго-западной части кремля) зафиксирован участок влажного слоя с сохранившимися срубными конструкциями XIV–XV вв., которые «являлись частью инженерной конструкции, укреплявшей край оврага, или служили опорами моста через овраг» (Гусева 1996: 36). В 2018–2019 гг. в нижней части кремля были раскрыты два ряда столбовых ям, которые интерпретированы как свайная конструкция деревянного моста, связывавшего верхнюю и нижнюю части кремля и упомянутого в Писцовой книге 20-х гг. XVII в. (Грибов и др. 2021: 331). Стратиграфически его строительство датируется около конца XV в. (Там же: 334). Предположительно с этим сооружением можно связать «следы дубовой стены», поднимавшейся вдоль кремлевского съезда от Ивановской к Георгиевской башне, отмеченные А. Я. Садовским в конце XIX в.

Позднее Т. В. Гусева пришла к следующему выводу: «Направление земляных укреплений (вала и рва), зафиксированное раскопками 1989 г., дает все основания считать, что они не пересекали овраг, а шли вдоль современного Ивановского съезда и по кромке кремлевского холма поворачивали к берегу Почайны. Пока нет материалов, указывающих на изменение конфигурации крепости в XIV в.» (Агафонов 2008: 96 — комментарий Т. В. Гусевой). Наблюдения Т. В. Гусевой позволяют предполагать двучастность укреплений нижегородского детинца XIII–XIV вв.

Таким образом, в хронологии и топографии деревоземляного кремля XIII–XIV вв. внутри каменного Нижегородского кремля XVI в. остается много неясного. Задачей предлагаемой читателю публикации является введение в научный оборот материалов раскопок в западной части кремля 2001–2002 гг. Они позволяют конкретизировать и скорректировать ряд устоявшихся мнений. Несколько предварительных публикаций (Лапшин 2005; 2010; 2012; 2017; Грибов, Лапшин 2008) далеко не исчерпали темы.

ГЛАВА 2

Раскопки в Нижегородском кремле в 2001–2002 гг.

2.1. Расположение раскопа

Археологические исследования в Нижегородском кремле в 2001–2002 г. проводились на месте строительства пристройки к зданию Управления Федерального казначейства по Нижегородской области (корпус 1а). Раскоп площадью 970 кв. м был заложен в западной части кремля. Его северо-восточный угол находился в 150 м к юго-западу от Михаило-Архангельского собора XVII в. и в 120 м к востоку от Тайницкой башни кремля XVI в. Северная граница раскопа находилась, как и собор, в 80 м к югу от края верхней террасы правого берега Волги (рис. 5).

Сведения об освоении данной территории до начала XVII в. в письменных источниках отсутствуют. Тем не менее по результатам археологических работ в непосредственной близости от данного участка можно было с большой долей уверенности предполагать наличие городской застройки еще в XIII–XIV и в XVI вв.

Реконструкция застройки Нижегородского кремля первой половины XVII в. имеется в книге С. Л. Агафонова (Агафонов 1976: 22, 23). В своих построениях автор базировался на Писцовой книге Нижнего Новгорода 1621–1622 гг. Дмитрия Лодыгина и на одном из первых планов города 1769 г. (по съемке И. Вимонда). По данным Писцовой книги 1621–1622 гг. в районе расположения исследуемой площадки находился житный двор и подворье Дудина монастыря (Там же: рис. 8). До строительства в 1786 г. каменного здания Ассигнационной банковской палаты (Храмцовский 1998: 249), в котором ныне располагается Управление Федерального казначейства, исследуемый участок был занят домами обывателей, садами и пустырями.

2.2. Методика раскопок зимой

Балластный слой, состоящий из строительного мусора XIX–XX вв. и составляющий от 0,5 до 0,7 м, снимался экскаватором под наблюдением автора с последующей зачисткой поверхности слоя лопатами вручную. Ниже слой разбирался вручную пластами по 0,2 м, которые замерялись от репера. За нулевой репер была принята верхняя поверхность облицовки цоколя юго-западного угла восточной части здания Управления Федерального казначейства. Высота репера относительно Балтийской системы высот составляет 142,211. На площади раскопа была разбита единая сетка квадратов 2 × 2 м, ориентированная по линии юг–север с отклонением 16° к западу (344°) (рис. 6).

По финансовым условиям археологические исследования проводились с середины ноября 2001 г. до середины февраля 2002 г. Раскопки велись полосами 30 × 6 м под прикрытием трех армейских палаток 10 × 6 м, объединенных в единое пространство. В палатках было смонтировано электрическое освещение. Отопление производилось подкачкой горячего воздуха печами на дизельном топливе (цв. ил. II; III). Температура воздуха составляла +10/+15 °С. При переносе палаток они ставились «внахлест» на уже раскопанную часть, что исключало потери неисследованного культурного слоя. Таким образом, на раскопе были созданы приемлемые условия для полноценных полевых исследований, без отступлений от общепринятой методики раскопок городского культурного слоя. Единой площадью вскрыты 970 кв. м. Значительная часть пострадала от перекопов XIX–XX вв. ниже уровня материка.

2.3. Особенности культурного слоя и специфика сложения комплексов

В русских средневековых городах лесной зоны известны два типа культурного слоя: «влажный (мокрый)» и «сухой» (Колчин, Куза 1985: 37). Влажный слой образуется там, где его подстилают водонепроницаемые слои, исключающие естественный дренаж осадков. Культурный слой, насыщенный влагой, препятствует жизнедеятельности гнилостных бактерий и консервирует органические осадки — дерево, бересту, кожу, ткани. Кроме того, во влажном слое меньше окисляются и лучше сохраняются металлические изделия. Физико-химические свойства культурных напластований двух типов оказывали воздействие на характер отложения строительных остатков и находок. Сохранность органических остатков во влажном слое влияла на быстрое увеличение его мощности. Повышенная влажность не позволяла сооружать глубокие фундаменты, погреба, подпольные ямы, что предохраняло нижележащие слои от перекопов. Находки во влажном слое перемещались в большей степени по горизонтали, чем по вертикали.

Культурный слой Нижегородского кремля — «сухой». Для него характерны значительные нарушения. Культурные отложения постоянно перекапывались хозяйственными ямами, котлованами жилищ и т. п. Разновременные ямы накладывались одна на другую. Находки могли быть переотложены по несколько раз. Характерны их значительные перемещения по вертикали.

В раскопе 2001–2002 гг. толщина культурного слоя (без материковых ям) колебалась от 1,0 до 1,4 м. Слой поврежден многочисленными коммуникационными траншеями и другими перекопами XX в., в северо-западной части раскопа слой до материка разрушен обширным подвалом XIX в. Полноценный культурный слой сохранился на площади около 460 кв. м (47 % территории), главным образом в южной части раскопа (рис. 6).

Основные напластования культурного слоя (рис. 7–17):

- 1) слой строительного мусора XIX–XX вв. — 0,5–0,7 м;
- 2) темный коричневый «пестроцвет» (с кирпичной крошкой, известкой, тленом, угольками) XVIII–XIX вв. — до 0,3 м;
- 3) темный серо-коричневый суглинок (пестроватый, с кирпичной крошкой, тленом, пчиной, угольками) XVII–XVIII вв. — 0,1–0,3 м;

4) светлый бурый «пестроцвет» (с пещиной, угольками) с угольными прослойками в нижней части XIII–XIV вв. — 0,1–0,3 м;

5) светло-серый стерильный суглинок — предматерик (погребённая почва) — около 0,2 м;

6) светло-коричневый четвертичный суглинок — материк.

В условиях значительной нарушенности культурных отложений наибольшей ценностью обладают комплексы углубленных в материк ям. В последние годы появилась серия статей, посвященных реконструкции процессов заполнения котлованов средневековых построек. Это прежде всего работы Ю. В. Коваля, Н. Н. Грибова и почвоведа А. В. Борисова (Борисов 2010а; 2010б; 2014; Грибов 2012; Коваль 2007). Толчком к началу обсуждения послужил выход в 2007 г. книги О. Н. Енуковой, посвященной южнорусскому средневековому домостроительству (Енукова 2007). В сухом культурном слое как правило сохраняются только углубленные части сооружений, поэтому реконструкции построек сталкиваются со значительными трудностями и обычно имеют несколько вариантов решений. Книга явилась большим шагом вперед, но в то же время вызвала споры и возражения, касающиеся конкретных реконструкций (Коваль 2008; 2010а; ср.: Енукова 2010; 2011; см. также: Ковалевский 2001; Сидоров 2021).

Общий посыл упомянутых статей состоит в критике упрощенного, но еще довольно распространенного представления о сложении культурного слоя, по которому постройка при разрушении складывается, как картонный домик, и заполняет подполье целиком, сохраняя последовательность конструкций (пол, потолок, крыша). В действительности котлован или заполняется постепенно отложениями более позднего времени, или засыпается одновременно при выравнивании площадки под новое строительство, при этом в заполнение могут попасть и отложения более ранние, чем отложения времени функционирования постройки. Возможно сочетание двух процессов: выравнивание после периода постепенного заполнения, тогда более поздние отложения перекрываются более ранними. Получается «перевернутая стратиграфия». Следует учитывать и чисто геологические процессы, влияющие на структуру заполнения ям.

Комплексы материковых ям, с учетом непростой истории их формирования, являются основой хронологической стратификации культурного слоя. Но прежде чем перейти к описанию отдельных комплексов, следует охарактеризовать коллекцию находок в целом.

2.4. Материальная культура средневекового Нижнего Новгорода

В этом разделе суммарно рассматриваются 3200 индивидуальные находки, зафиксированные в ходе раскопок в Нижегородском кремле в 2001–2002 гг. (рис. 18–42).

Они делятся по разделам в зависимости от материала, внутри разделов находки расположены по категориям и типам инвентаря в соответствии с существующими в литературе классификациями.

В отдельные разделы выделены находки импортной восточной (397 образцов) и местной (около 49 000 фрагментов и 43 полные формы) керамики.

2.4.1. Общая характеристика находок²

|| Изделия из железа

Инструменты и орудия труда

Ножи являются наиболее массовым орудием, найден 101 целый экземпляр (рис. 18–21) и 144 фрагмента лезвий и черенков. Подавляющее число их относится к типу универсальных хозяйственных черенковых с уступом при переходе от лезвия к черенку и прямой спинкой. Без уступа найдено 4 экз. (рис. 20, 4)³; с горбатой спинкой — 1 (рис. 21, 7)⁴; с узким пикообразным лезвием — 2 (рис. 20, 1, 2)⁵.

Ножи с пластинчатым черешком и отверстиями для заклепок для накладной рукоятки представлены 8 экз. (рис. 21, 1–5)⁶. В Новгороде они встречены в слоях XIV — первой половины XV в. (Гайдуков 1992: 91).

Ножницы шарнирные с несваренными скобами ручек представлены одним экземпляром (рис. 22, 1)⁷. Этот вариант шарнирных ножниц впервые встречен в Новгороде в слое середины XI в., но получает распространение в XIII–XIV вв. (Колчин 1959: 60–63).

Инструменты для работы по металлу представлены *пробойником*⁸.

Из *столярных инструментов* найдены *стамеска*⁹ и *сверла перовидные*¹⁰, относящиеся к типу, встречающемуся в Новгороде начиная с X в. (Там же: 39).

Пинцеты типа 1, по Б. А. Колчину, датируются X–XIV вв. (Там же: 22, 23). Встречены в количестве трех экземпляров (рис. 22, 7–9)¹¹.

К орудиям рыболовства относятся *рыболовные крючки* (рис. 22, 13–18)¹².

Шилья ромбические и круглые в сечении найдены в количестве 12 экземпляров (рис. 22, 2–6).

Иглы найдены в количестве 43 экземпляров (рис. 22, 10, 11).

Булавки с петлеобразной головкой от ручной прялки (рис. 22, 12)¹³ употреблялись с X в. до этнографической современности (Там же: 105, 106).

Оружие, доспехи, снаряжение коня и всадника

Наконечники стрел железные (рис. 23; 24). 16 из них определены по типологии А. Ф. Медведева, в том числе: черешковый плоский с упором с боковыми выступами,

² Паспорта находок, упоминаемых в тексте, включают: номер полевой описи, пласт, квадрат, номер ямы. Например: 328–5/А6-я.10 — номер 328, пласт 5, квадрат А6, яма 10. Коллекция находок хранится в Музее Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

³ 46–9/Г7-я.59-А.

⁴ 1980–4/Е4.

⁵ 2712–9/Д4-я.76; 2830–9/Д5-я.76.

⁶ 375–8/О3-я.43; 484–9/Д8-я.59А; 594–6/Ж6-я.76; 2198–5/Е4; 2889–11/Ж5-я.76.

⁷ 2488–13/Е5-я.76.

⁸ 2890–9/Д5-я.76.

⁹ 2557–6/К4-я.160.

¹⁰ 537–7/Г3; 899–10/Д2-я.37.

¹¹ 3093–6/И3; 2776–8/Ж5-я.76; 1828–5/М5.

¹² 700–10/Г1-я.37; 968–9/Д3-я.20; 1056–11/Н8-я.69; 1703–4/Б3; 2693–8/И4-я.61; 2731–9/И4-я.61.

¹³ 2892–12/Ж5-я.76; 1334–11/Л18-я.102; 1409–12/Л18-я.102.

пропорция близка к $1/3$ (рис. 24, 1)¹⁴ типа 32 (Медведев 1966: 62; середина XII — середина XIII в.); черешковые с упором килевидные, вытянутые с максимальным расширением в средней трети длины пера, с пропорцией последнего, близкой к $1/3$ (рис. 23, 1, 5)¹⁵ или к $1/4$ (рис. 23, 3)¹⁶ типа 33 (Там же: 63; XII — первая половина XIII в.); черешковый с упором ромбовидный, вытянутый с максимальным расширением в нижней трети длины пера, с пропорцией последнего, близкой к $1/6$ (рис. 23, 6)¹⁷, близок к типу 40 (X–XIV вв.), по А. Ф. Медведеву (Там же: 64, 65); плоский черешковый с упором, ромбовидный с вогнутыми сторонами и плечиками, с максимальным расширением в нижней трети длины пера (рис. 24, 6)¹⁸, напоминает тип 40 (Там же; X–XIV вв.); плоские черешковые ромбовидные без упора (рис. 24, 5, 8)¹⁹ типа 46 (Там же: 67); черешковый ромбовидный с прямыми сторонами и плечиками и с наибольшим расширением в верхней половине длины пера, с пропорцией последнего, близкой к $1/3$ (рис. 23, 8)²⁰ типа 52, вариант 1 (Там же: 69, 70; VIII–XIII вв.); плоский черешковый (двурогий полулунный срезень с упором) (рис. 24, 11)²¹ типа 60, вариант 7 (Там же: 72; характерен для XIV в.); черешковый плоский ромбовидный вытянутый со слегка вогнутыми сторонами и вогнутыми плечиками, с максимальным расширением в средней части длины пера с пропорцией последнего, близкой к $1/5$ (рис. 23, 9)²², отдаленно напоминает ланцетовидные наконечники (тип 62, по А. Ф. Медведеву), верхняя граница которых не выходит за пределы XI в.; изредка встречающиеся в XII–XIII вв. экземпляры отличаются более укороченными пропорциям (Там же: 73), как и данный экземпляр; плоский черешковый с упором веслообразный (рис. 24, 7, 9)²³ типа 66 (Там же: 75; XIII–XIV вв.), тип 66, по мнению А. Ф. Медведева, принесен на Русь монголами; бронебойный килевидный сплюснутый с перехватом по короткой шейке (рис. 24, 3)²⁴ типа 81 (Там же: 80; X–XIV вв.); бронебойный с короткой пирамидальной головкой квадратного сечения и длинной шейкой (рис. 23, 2)²⁵, близок к типу 84 (Там же: 81); бронебойные черешковые с пирамидальной квадратного сечения головкой и круглой шейкой (рис. 23, 4, 7)²⁶ типа 87 (Там же: 82; XII–XIV вв.); бронебойный шиловидный квадратного сечения с простым упором и частично скошенными углами у основания боевой головки (рис. 24, 10)²⁷ типа 90 (Там же: 83); пирамидальный с массивной короткой боевой головкой ромбического сечения и с перехватом у короткого черешка (рис. 24, 2)²⁸ типа 91 (Там же: 83; X–XIV вв.).

¹⁴ 1505–7/О9.

¹⁵ 141–9/К3-я.25; 750–12/Е7-я.59-Б.

¹⁶ 511–9/Д7-я.59-А.

¹⁷ 816–9/Н18-я.85.

¹⁸ 2178–5/Ж5.

¹⁹ 2064–5/Ж4; 2246–5/Е4.

²⁰ 1151–8/О8-я.51.

²¹ 3103–11/Д5-я.76.

²² 1377–12/И18-я.96.

²³ 2186–5/Е5; 2286–6/Е5-я.164.

²⁴ 1765–8/О9-я.130.

²⁵ 163–8/Е1-я.20.

²⁶ 663–10/Г2-я.37; 1096–9/Д3-я.20.

²⁷ 2340–7/Е5-я.76.

²⁸ 1684–7/Н10-я.110-В.

Для двух наконечников аналогии у А. Ф. Медведева не найдено, в том числе для броневой боевой с массивной квадратного сечения боевой головкой и шейкой²⁹, черешкового плоского с упором удлиненно-ромбической формы (рис. 24, 4)³⁰. Единственным экземпляром представлен наконечник *арбалетной стрелы* втульчатый, с массивной пирамидальной головкой квадратного сечения (рис. 23, 10)³¹ типа 1 (Там же: 94, вторая половина XII — XV в.).

Крючок колчаный (рис. 25, 8)³². Аналогии см.: Медведев 1966: табл. 7, 9; Савченкова 1996: 80, рис. 34, 3.

Доспех представлен *кольчужным кольцом* (рис. 25, 7)³³, относящимся, по-видимому, к типу склёпанных (Кирпичников 1971: 10, рис. 2).

Снаряжение коня и всадника представлено удилами, псалиями, фрагментами стремян и шпор, подпружными пряжками, накладками на ремни оголовья, наваршием плети, ледоходными шипами.

Удила двухсоставные кольчатые (кольца утрачены) (рис. 25, 6)³⁴ относятся к типу IV, по А. Н. Кирпичникову. Этот наиболее массовый тип получает распространение в IX–XIII вв. (Кирпичников 1973: 16, рис. 4). По-видимому, к этим же удилам принадлежит отдельно найденное грызло (рис. 25, 5)³⁵.

Шпоры. Колёсиковая шпора с утраченными петлями (рис. 25, 4)³⁶ относится к типу V, который появляется с начала XIII в. (Там же: 67, 68, рис. 37). Найдены также *петля шпоры* (рис. 25, 1)³⁷ типа 2, распространенного в XI–XIII вв. (Там же: 70, рис. 38), и фрагменты шпор, не поддающиеся типологическому определению (рис. 25, 2, 3)³⁸.

Накладки фигурные орнаментированные со шпеньками (рис. 26), по-видимому, служили украшениями сбруи, часть из них равным образом могла быть частями поясного набора. От домонгольских, главным образом бронзовых, их отличает материал — железо.

Пряжки подпружные и поясные (рис. 27) отличаются размерами, среди них есть круглые (Там же: 77, рис. 43, 8); полукруглые, датируемые А. Н. Кирпичниковым XII–XIII вв. (Там же: 77, рис. 43, 5, 9), а по новгородским материалам шире — XII–XIV вв. (Колчин 1959: 108); прямоугольные, датируемые XIII — серединой XIV в. (Там же: 107, 108).

Цепи (рис. 28, 9–13), возможно, от конских пут (ср.: Медведев 1959: 90; Савченкова 1996: 19, рис. 3, 1–3)

Шипы ледоходные конские (рис. 29, 10, 11)³⁹ на Руси употреблялись с IX по XVII в. (Колчин 1959: 114–116; Кирпичников 1973: 79–82).

²⁹ 1384–9/К7-я.93.

³⁰ 2017–4/Е5.

³¹ 1249–7/И17.

³² 112–4/Н2.

³³ 2942–9/Ж4-я.76.

³⁴ 724–11/Г1-я.37.

³⁵ 585–8/Г2-я.37.

³⁶ 504–7/В7-я.60.

³⁷ 2456–11/Е5-я.76.

³⁸ 3092–5/Ж5; 1196–6/И16.

³⁹ 855–8/Д2-я.37; 2781–10/Ж5-я.76.

Хозяйственный и домашний инвентарь

Замки относятся к группе навесных цилиндрических. По новгородской шкале замков типа Г (рис. 30, 15)⁴⁰ датируется серединой XIII — первой половиной XV в. (Колчин 1959: 82; 1982: 162). Типы остальных замков и их фрагментов неопределимы из-за плохой сохранности⁴¹.

Ключи для цилиндрических замков относятся по новгородской классификации к типу В (рис. 30, 1–3)⁴², датируемому второй половиной XII — началом XV в. (Колчин 1959: 82; 1982: 160); к типу В1 (рис. 30, 5–9)⁴³, датируемому концом XII — началом XV в. (Колчин 1959: 82; 1982: 160); к типу В2 (рис. 30, 10, 17)⁴⁴, датируемому началом XIII — началом XV в. (Колчин 1959: 82; 1982: 160); к типу Г (рис. 30, 11–13)⁴⁵, который датируется серединой XIII — первой половиной XV в. (Колчин 1959: 82; 1982: 160). Ключ (рис. 30, 14)⁴⁶ относится к типу Д, датируемому второй половиной XIII — первой половиной XV в. (Колчин 1959: 82; 1982: 160; Кудрявцев 2012: 121), или типу Е, датируемому второй половиной XIII — XVI в. (Колчин 1959: 84; 1982: 160; Кудрявцев 2012: 121). Тип нескольких ключей от цилиндрических замков или их фрагментов неопределим из-за плохой сохранности⁴⁷. Ключи втульчатые от нутряного комбинированного замка варианта 2 по Б. А. Колчину (рис. 30, 18–20)⁴⁸ датируются концом XI — первой половиной XIV в. (Колчин 1959: 91; 1982: 161).

В большом количестве найдены также **пробои** (рис. 31)⁴⁹.

Кресала. Однолезвийные калачевидные кресала с язычком (рис. 32, 1)⁵⁰ датируются по новгородской шкале временем до начала XII в. (Колчин 1959: 99; 1982: 163). Однако на периферии и за пределами Руси они бытуют и гораздо позже. В Болгаре такие кресала найдены в слое XIII–XIV вв. (Савченкова 1996: 53). Фрагмент калачевидного кресала без язычка (рис. 32, 2)⁵¹ датируется по новгородской шкале XII — первой половиной XIII в. (Колчин 1959: 99; 1982: 163). В Болгаре этот тип кресал известен только по подъемному материалу (Савченкова 1996: 53). Двулезвийные овальные кресала являются ведущей формой (рис. 32, 5, 6, 10, 11)⁵². Они близки новгородскому типу овальных кресал, который

⁴⁰ 2682–10/Е4-я.76.

⁴¹ 207–8/Г2-я.37; 1022–8/Н3-я.69; 1076–11/В3-я.37; 1166–10/О8-я.51; 1573–7/Н10-я.110; 1977–5/Н4; 2040–4/Е5; 2092–4/Д5; 2125–5/Д5; 2755–7/Д5-я.76; 2886–11/Ж5-я.76.

⁴² 3115–5/Е4; 1061–11/Е6-я.76; 2738–10/Д4-я.76; 2929–13/Ж5-я.76; 2939–9/Ж5-я.76.

⁴³ 597–8/Г2-я.37; 1354–9/К7-я.93; 1397–14/М7-я.89; 1432–12/Л18-я.102; 1477–10/Г8-я.59-В; 54–4/Л3; 1165–10-О8-я.51; 1268–8/И7-я.87.

⁴⁴ 2868–10/Д5-я.76; 25–5/Д3; 792–7/О18-я.85; 980–13/Д1-я.20; 1790–12/Д8-я.59-Б.

⁴⁵ 769–13/Г2-я.37; 2440–11/Е5-я.76; 2930–12/Ж5-я.76.

⁴⁶ 1626–10/Д8-я.59-А.

⁴⁷ 679–10/Г1-я.37; 762–12/Д7-я.59-Б; 828–11/Д1-я.37; 2094–4/Ж5; 2218–5/Е4; 2477–12/Е5-я.76.

⁴⁸ 475–6/Н6; 2094–4/Ж5; 1099–14/Д1-я.20.

⁴⁹ 109–4/О1; 923–11/Д2-я.37; 936–12/Д2-я.37; 181–7/Г1-я.37; 1106–7/И7-я.87; 1873–5/Н4; 465–8/Д7-я.59-А; 1986–5/Е4; 628–9/Д2-я.20; 2080–5/35; 2298–7/Ж9-я.125; 834–6/Д2-я.37; 2316–8/Ж5-я.165; 2315–7/Ж4-я.17; 873–7/Н6-я.86; 2604–7/Е4-я.76; 2674–10/Е4-я.76; 891–11/Д2-я.37; 1997–4/Е5; 2217–5/Е5; 2023–5/Е5; 2839–10/Д5-я.76; 3114–6/Е5-я.76; 2096–4/Д5; 2881–12/Ж5-я.76.

⁵⁰ 40–6/Е1.

⁵¹ 575–7/Г2-я.37.

⁵² 657–9/Г1-я.37; 610–6/Д6-я.57; 2174–9/М5-я.145; 914–9/Н7-я.86.

датируется XIII–XV вв. (Колчин 1959: 103; 1982: 163). С кресалами Болгара некоторые экземпляры (рис. 32, 3, 9)⁵³ сближает фигурное оформление внутреннего выреза (Савченкова 1996: 56). Однолезвийное кресало индивидуальной формы (рис. 32, 7)⁵⁴ напоминает новгородские кресала XV в. (Колчин 1959: рис. 87, 2, 3). Однолезвийное кресало (рис. 32, 8)⁵⁵ имеет В-образную форму.

Светцы (рис. 33, 5, 6)⁵⁶ имеют аналогии в слоях XIII–XV вв. Новгорода (Колчин 1959: 100; Гайдуков 1992: 94) и Пскова (Лобанов 1989: 80) и отличаются от изделий, найденных в Болгаре (Савченкова 1996: 62, 63).

Дужки от деревянных ведер представлены четырьмя фрагментами (рис. 33, 1–4)⁵⁷. Найденны также **крюки** (рис. 28, 1–6, 8)⁵⁸ и фрагменты **цепей** (рис. 28, 9–13)⁵⁹.

Ручки круглого или прямоугольного сечения с загнутыми концами (рис. 33, 11, 12)⁶⁰ — предположительно от сундуков или ларей. Аналогичные ручки найдены в Болгаре в слое XIII–XIV вв. (Савченкова 1996: 53).

Крюки с раздвоенной вершиной, оформленной в виде двух завитков с отверстиями (рис. 28, 7, 14–16)⁶¹, известны в золотоордынском Поволжье, в том числе в Волжской Булгарии на сельских поселениях, а на Руси свидетельствуют о присутствии степняков (Коваль 2010в: 83, рис. 6). Назначение спорно: интерпретируются как детали нутряных замков (Казаков 1991: рис. 29, 31–34) или дверные накладки (Савченкова 1996: 50, рис. 20, 10, 11).

Скобы найдены двух типов. Первый — П-образный прямоугольный стержень с острыми концами (рис. 33, 13)⁶²; аналогии — в золотоордынском слое Болгара (Там же: 50, 51). Второй — с распахнутой средней частью и острыми концами (рис. 33, 14)⁶³, найдены в комплексах XVIII в.

Котлы чугунные. Найденны два фрагмента (рис. 33, 7, 8)⁶⁴. В золотоордынский период технология изготовления чугуна была принесена из Китая в Волжскую Булгарию, где было налажено местное производство (Терехова 1974). В золотоордынских городах производство чугуна получило распространение с первой четверти XIV в. (Савченкова 1996: 58, 59; Руденко 2000: 84; Полубояринова 2004б: 180). По-видимому, из Волжской Булгарии чугунные котлы попадали в Южную Русь (Беляева 1982: 84; Коваль 2010в: 78). На территории Северо-Восточной Руси известны единичные находки: во Владимире (Воронин 1949: 239), на селище второй половины XIII — первой половины XIV в. Кленово 2 под Перемышлем Московским (Шполянский 2007: 110, рис. 3, 12, 13).

⁵³ 1192–7/М18; 314–5/Л2.

⁵⁴ 2109–9/О4-я.43.

⁵⁵ 3144-балластн. слой.

⁵⁶ 2600–7/Д3-я.18; 753–12/Д7-я.59-Б.

⁵⁷ 3096-я.94; 2651–7/И4-я.61; 2466–11/Е5-я.76.

⁵⁸ 411–12/Г1-я.37; 361–12/В1-я.37; 1089–8/Д3-я.20; 1641–4/А4; 1341–12/Л18-я.102; 1338–12/Л18-я.102; 2953–10/Ж5-я.76.

⁵⁹ 1139–6/О7-я.51; 1289–10/К18-я.95; 2936–9/Ж5-я.76; 1390–8/К8-я.93; 1511–7/О10.

⁶⁰ 853–7/Д2-я.37; 362–8/Г1-я.37.

⁶¹ 2698–8/Д4-я.76; 1603–10/Д8-я.59-А; 332–5/Ж6; 2863–9/Д5-я.76.

⁶² 662–9/Г1-я.37.

⁶³ 2303–5/Ж3-я.17.

⁶⁴ 605–8/Г2-я.37; 392–7/В1-я.37.

Каркасы от футляров (ножен) ножей (рис. 27, 16–18, 20, 21)⁶⁵. Аналогии известны в Новгороде из слоев XIII–XV вв. (Колчин 1959: 116, рис. 100, 3, 4; Гайдуков 1992: рис. 66, 18–19; Варфоломеева 1994: табл. II, 9–10).

Обувные подковки подразделяются на три типа. Первый — в виде плоской дугообразной пластинки с расплюснутыми и заостренными концами и с шипом в центре дуги (рис. 29, 1, 3)⁶⁶. Второй — в виде вертикальной дугообразной пластинки с тремя остриями (рис. 29, 4, 8)⁶⁷. Третий — пластинка в виде полукружности с отверстиями для гвоздей (рис. 29, 6, 7)⁶⁸. По мнению разных авторов обувные подковки появляются в Новгороде не ранее XIV в. (Колчин 1959: 108, 110; Гайдуков 1992: 95) или в конце XIV в. (Изюмова 1959: 214). На основе материалов раскопок в Москве время их появления отнесено к XVI в. (Векслер и др. 1997: 116, 117). Исходя из эволюции форм кожаной обуви, А. В. Курбатов датирует появление подковок в русских городах второй половиной XVI в. (Курбатов 2004: 66).

|| Изделия из цветных металлов⁶⁹

Оружие

Кистень бронзовый (рис. 34, 11)⁷⁰ наиболее близок к типу 2а, по А. Н. Кирпичникову, который датируется XII–XIII вв. В большинстве случаев кистени этого типа найдены в домонгольских слоях городов Южной и Юго-Западной Руси, а также в Волжской Булгарии, где могут рассматриваться в качестве русского импорта (Кирпичников 1966: 62, рис. 12). Л. И. Холден (Смирнова) предлагает рассматривать кистени в качестве весовых гирек (Холден 2009).

Головные украшения

Серьги. Серьга кольцевидная с заходящими концами, диаметром 25 мм (рис. 34, 2)⁷¹ типа В-I-1, по Г. Ф. Поляковой. Три экземпляра найдены в золотоордынском слое Болгара (Полякова 1996: 172, рис. 61, 2).

Серьга в виде знака вопроса со спиральной обмоткой на конце (рис. 34, 3)⁷² типа В-II-3, по Г. Ф. Поляковой. Четыре экземпляра найдены в золотоордынском слое Болгара (Там же: 174, рис. 61, 5). По-видимому, к этому же типу относится фрагментированный экземпляр (рис. 34, 1)⁷³, окислившаяся обмотка которого рассыпалась в момент извлечения из земли.

Кресты

Кресты-тельники. Крест равносторонний с шарообразными одинарными завершениями лопастей (рис. 34, 12)⁷⁴, по новгородской шкале датируется 1025–1268 гг. (Седова 1981: 50–54; Лесман 1990: 66, III, 27).

⁶⁵ 2941–11/Ж5-я.76; 2994–12/Ж4-я.76; 741–11/Г2-я.37; 856–7/Д2-я.37; 1916–5/Б4.

⁶⁶ 2139–5/Ж4; 569–7/Д1-я.33.

⁶⁷ 3112–8/Д7-я.59-А; 486–8/Д7-я.59-А.

⁶⁸ 2251–5/Ж3; 437–7/Г7-я.59-А.

⁶⁹ Как правило, из бронзы, другие сплавы и металлы оговариваются в тексте.

⁷⁰ 336–5/36.

⁷¹ 1200–9/И7-я.87.

⁷² 1234–10/И7-я.87.

⁷³ 2395–9/Е5-я.76.

⁷⁴ 600–10/Д1-я.33.

Крест с ромбическим расширением в средокрестии (фрагмент) (рис. 34, 13)⁷⁵; дата по новгородской шкале: после 1076 г. (Седова 1981: 50–55; Лесман 1990: 65, III. 26).

Крест квадрифолийной формы (рис. 34, 14)⁷⁶. Аналогии мне неизвестны.

Крест литой односторонний с изображением четырехконечного проросшего креста, средокрестие выделено овалом из точек, нижняя лопасть оканчивается стреловидным расширением (рис. 34, 19)⁷⁷. Аналогия — из раскопок 1987 г. в церкви Воскресения Слоущего в Даниловом монастыре в Москве. Автором раскопок кресты-тельники суммарно датируются концом XVI — началом XIX в. (Беляев 1995: 306, табл. 108, № 27).

Энколпион. Створка квадрифолийного энколпиона с изображением Богоматери на престоле с Младенцем (цв. ил. IV, 1)⁷⁸. Аналогии ему известны из раскопок на Замковой горе в Киеве (створка с Распятием — Ивакин 1999: 144, рис. 1), в коллекции Б. И. и В. Н. Ханенко (Ханенко 1899: табл. VIII, 98, 99), и из Увека (Полубояринова 1978: 100, рис. 26). По заключению М. Д. Полубояриновой, энколпионы из коллекции Ханенко и найденные в Увеке отлиты из одной формы, что позволяет предполагать местом их изготовления Киев (Там же: 100). По мнению А. А. Песковой, данный вариант (второй по классификации автора) энколпионов-квадрифолиев вырабатывается в мастерских Киево-Печерской лавры во второй половине XIII в. и активно воспроизводится по оттиску готового изделия на местах, в частности, в городах Поволжья, в течение всего XIV в., не исключая единичные случаи изготовления таких копий и в более позднее время (Пескова 2017: 368).

Перстни

Рубчатый перстень — фрагмент (рис. 34, 6)⁷⁹. Рубчатые перстни — замкнутые и незамкнутые — датируются по новгородской шкале 1096–1268 гг. (Седова 1981: 122; Лесман 1990: 50, II. 9). Аналогичные перстни найдены в слоях второй половины XIII — XIV в. в Болгаре и на Царевском городище (Полякова 1996: 179).

Перстень плоско-выпуклый литой с овальным гладким щитком (рис. 34, 5)⁸⁰; по новгородской шкале перстни овальнощитковые с плоским щитком имеют дату «после 1197 г.» (Седова 1981: 135, 136; Лесман 1990: 52, II. 16). В Болгаре встречены в слоях золотоордынского времени (Полякова 1996: 178).

Поясной набор

Накладка литая штифтовая квадратная ажурная (рис. 34, 7)⁸¹. Точные аналогии мне неизвестны. Ажурные литые штифтовые бляхи различной формы (отдел В–XVI, по Г. Ф. Поляковой) найдены в золотоордынском слое Болгара в количестве 15 экз. (Там же: 211, 220).

Бляха с петлей для бокового ремня, литая штифтовая ромбическая с изображением дракона, со следами посеребрения (рис. 34, 8)⁸². Такая бляха найдена в золотоордынском слое Болгара (Там же: 213, рис. 68, 6; тип В-VIe–1).

⁷⁵ 2115–5/Δ5.

⁷⁶ 1219–7/К18.

⁷⁷ 1598–8/Δ9-я.117.

⁷⁸ 1146–8/О6 -я. 51.

⁷⁹ 3116–6/Г2.

⁸⁰ 2800–9/Δ5-я.76.

⁸¹ 2500–13/Е5-я.76.

⁸² 1630–9/Н10-я.110.

Различные детали костюма

Сюльгама кольцевидная со спирально подогнутыми окончаниями лопастей, не выходящими за толщину дужки, и с обмоткой тонкой проволокой (рис. 34, 4)⁸³. Сюльгамы являются характерным мордовским украшением (Алихова 1959: 39; табл. 1, 48; 11, 6, 8). Данный тип представлен восемью экземплярами в золотоордынском слое Болгара и в инвентаре Младшего Кужендеевского могильника XIII–XIV вв. (Полякова 1996: 198, 199, рис. 65, 18; тип В-I-2).

Пуговица шарообразная свинцовая⁸⁴. По новгородской шкале дата — после 1096 г. (Седова 1981: 155; Лесман 1990: 60, III. 7). Аналогии известны в золотоордынских городах (Полякова 1996: 198).

Бубенчика фрагмент⁸⁵, тип неопределим.

Грузики. Грузик конический с валиком по основанию, свинцовый⁸⁶. Дата по новгородской шкале — после 1006 г. (Седова 1981: 156–158; Лесман 1990: 81, 82, VIII. 1). Грузик колесообразный свинцовый прорезной⁸⁷. Аналогии не найдены.

Булавка с округлой головкой («пус йеппи»)⁸⁸. Дата по новгородской шкале — после 1313 г. (Седова 1981: 158; Лесман 1990: 74, 75, V. 5). Данный тип известен среди древностей поволжских народов XIV–XVII вв. М. В. Седова связывает появление этих булавок с проникновением на Русь моды, принесенной с Востока монголо-татарами.

Разные изделия из цветных металлов

Сосуды медные кованные. Ковша фрагмент⁸⁹; фрагменты закраины сосуда⁹⁰ и стенок⁹¹; фрагмент стенки котелка⁹². В Болгаре медные сосуды, местные и привозные, известны как в домонгольском, так и в золотоордынском слоях (Полякова 1996: 242–244).

Игла (фрагмент)⁹³. Бронзовые иглы найдены в Болгаре, в слое золотоордынского времени (Там же: 252).

Каркас от футляра ножа (рис. 27, 19)⁹⁴, аналогичный описанным железным каркасам.

Грузило рыболовное из смотанного в рулон свинцового листа⁹⁵.

Фрагмент пластины золотой размером 18 × 12 мм⁹⁶.

Следы ювелирного производства. Встречены в основном в заполнении комплексов XIV в. — материковых ям 76 (больше всего), 20, 37, 93, 124. **Бронза:**

⁸³ 1180–9/К7-я.87.

⁸⁴ 2226–6/М5-я.50.

⁸⁵ 1100–14/Г1-я.20.

⁸⁶ 542–7/Д8-я.59-А.

⁸⁷ 548–9/Г7-я.59-Б.

⁸⁸ 1331–11/И18-я.96.

⁸⁹ 2364–8/Е5-я.76.

⁹⁰ 345–8/В2-я.37.

⁹¹ 1034–12/Д2-я.20; 1072–12/Д1-я.20; 1284–8/М7-я.89; 2722–6/Д5-я.76; 2976–6/35-я.168.

⁹² 660–10/Г2-я.37.

⁹³ 672–6/Д6-я.76.

⁹⁴ 745–11/Г1-я.37?

⁹⁵ 567–8/Д7-я.59-А.

⁹⁶ 647–10/Д1-я.33.

литники⁹⁷; слитки⁹⁸; проволока⁹⁹; пластины¹⁰⁰. *Свинец*: литник¹⁰¹; слиток¹⁰². *Свинцово-оловянистый сплав*: слитки¹⁰³.

Монеты¹⁰⁴

Монеты Золотой Орды. Монета (дирхем) серебряная чекана хана Джанибека 1342/1343 г. (743 г. х.) города Сарая-ал-Джедид¹⁰⁵ (Френ 1832: 10, № 72; табл. 3, № 59). Монета (дирхем) серебряная чекана хана Бердибека города Гюлистана 1357/1358 г. (759 г. х.) Аверс: Султан справедливый /Бердибек хан/ да продлится его правление; реверс: чекан /город Гюлистан/ в году 759¹⁰⁶ (Янина 1970: 203, № 34; Френ 1832: № 111).

Русские средневековые монеты. Монета (копейка) серебряная чекана Москвы Михаила Фёдоровича¹⁰⁷ (под конём читается литера «м»; на обратной стороне: ...сь.../...фед.../... вс...) (Мельникова 1989: Вкладка: Ав: № 13 — 1619 г.; Рв: № 9 — 1617 г.). Монета медная (фрагмент) — плохой сохранности; заметны лишь круглые линейные картуши на обеих сторонах, скорее всего, русский удельный чекан¹⁰⁸. Монеты медные, неопределимые из-за плохой сохранности¹⁰⁹.

Русские медные монеты XVIII в. Полушка образца 1718–1722 гг.¹¹⁰ (Узденников 1985: 242, группа III, 187–190); полушка 1734 г.¹¹¹; полушка 1734 г.¹¹²; полушка 1735 г.¹¹³; денга 1740 г.¹¹⁴; денга 1743 г.¹¹⁵; монета русская XVIII в.¹¹⁶

Монеты советские 1929–1946 гг. были найдены в верхних слоях¹¹⁷.

⁹⁷ 704–6/Е6-я.76; 825–15/Д7-я.59-Б; 2837–10/Д5-я.76.

⁹⁸ 133–6/А1-я.3; 964–8/Е6-я.76; 2767–9/Ж5-я.76.

⁹⁹ 446–12/В2-я.37; 771–13/Г2-я.37; 1496–12/Ж9-я.94; 1858–8/Е10-я.124; 2368–9/Е5-я.76; 2394–9/Е5-я.76; 2409–10/Е5-я.76; 2766–9/Ж5-я.76.

¹⁰⁰ 1098–13/Д1-я.20; 1347–8/К7-я.93; 2647–9/Е4-я.76; 2655–10/Е4-я.76; 2687–10/Е4-я.76; 2701–7/Д4-я.76.

¹⁰¹ 2195–5/Е4.

¹⁰² 782–13/Г2-я.37.

¹⁰³ 2351–7/Е5-я.76; 2366/1–9/Е5-я.76.

¹⁰⁴ Определение Н. Н. Грибова.

¹⁰⁵ 2000–5/К5.

¹⁰⁶ 2200–5/Е4.

¹⁰⁷ 177–6/Ж2-я.24.

¹⁰⁸ 800–9/Д1-я.37.

¹⁰⁹ 2248–5/Е3; 2721–5/Ж5-я.76.

¹¹⁰ 2300–7/Ж5-я.165.

¹¹¹ 450–6/Д3-я.18.

¹¹² 2308–7/Ж4-я.17.

¹¹³ 2586–6/Д3-я.18.

¹¹⁴ 68–6/Ж3-я.17.

¹¹⁵ 67–6/Ж3-я.17.

¹¹⁶ 5–4/Д3.

¹¹⁷ 3 копейки 1929 г. (16–5/Б2); 1 копейка 1938 г. (194–5/А5); 3 копейки 1941 г. (140–4/Н1); 3 копейки 1941 г. (1281–8/Л8-я.92); 1 копейка 1945 г. (22–5/Б2); 2 копейки 1946 г. (1719–4/О4).

|| Изделия из стекла

Стеклопосуда

В раскопе найдены 62 фрагмента посудного стекла. Они делятся на две основные группы — ближневосточное стекло второй половины XIII — XIV в. (цв. ил. V) и русское стекло XVIII в. (цв. ил. VI).

Натриевое стекло — зольное с преобладанием натрия над калием (Егорьков 2001: 142, 143) — хорошего качества, бесцветное, прозрачное, иногда чуть желтоватое, часто расписанное цветными эмалями и золотом (цв. ил. V, 1–13). Натриевое стекло, орнаментированное цветными эмалями и позолотой, происходит из одного из сиро-египетских ремесленных центров и датируется второй половиной XIII — XIV в. (Lamm 1929–1930; Masterpieces 1968; Wenzel 1984).

В Нижний Новгород стекло попадало, очевидно, из Золотой Орды, которая поддерживала с Египтом дипломатические и торговые отношения. Дипломатические отношения Золотой Орды с мамлюкским Египтом были установлены в начале 60-х гг. XIII в. как союз против хулагуидского Ирана. Облегчило сближение принятие ислама ханом Берке (1256–1266 гг.) (Закиров 1966: 4). Обмен посольствами осуществлялся через Константинополь, который византийцы отвоевали у крестоносцев в 1261 г. (Там же: 29). После смерти ильхана Абу Саида (1335 г.) хулаидский Иран начинает распадаться, и к середине XIV в. на его территории образуется десяток враждующих государств, после чего Египет перестает интересоваться союзом с Золотой Ордой (Там же: 84). Тем не менее обмен посольствами продолжался до 1395 г., когда Тимур разгромил Золотую Орду (Там же: 96). Дипломатические отношения сопровождалась оживленной торговлей, осуществлявшейся через Крым. Некоторые купцы ввозили в Орду товары на десятки тысяч динаров (Там же: 85).

Сиро-египетское стекло найдено в следующих комплексах XIV в.: ямы 20¹¹⁸, 48¹¹⁹, 49¹²⁰, 61¹²¹, 76¹²², 94¹²³, 96¹²⁴, 110¹²⁵, 110-B¹²⁶, 130¹²⁷, 161¹²⁸; всего 26 фрагментов. Кроме этого, семь фрагментов найдены в верхнем мешаном слое¹²⁹ и пять фрагментов попали при перекопах в комплексы XVIII в.: ямы 18, 59-A, 94, 117¹³⁰. Часть фрагментов без орнаментации отнесена к группе сиро-египетского стекла условно: до выполнения серии спектральных анализов можно предполагать как их русское (поташно-свинцовое стекло), так и среднеазиатское происхождение.

¹¹⁸ 653–9/Д2-я.20.

¹¹⁹ 420–8/О6-я.48.

¹²⁰ 523–7/О6-я.48; 3192-я.49.

¹²¹ 2669–7/И4-я.61; 2735–10/И4-я.61.

¹²² 966–8/Е6-я.76; 1068–14/Е6-я.76; 2472–12/Е5-я.76; 2474–11/Е5-я.76; 2479–12/Е5-я.76; 2485–12/Е5-я.76; 2501-я.76; 2528–14/Е5-я.76; 2530–14/Е5-я.76; 2539–15/Е5-я.76; 2541–15/Е5-я.76; 2542–15/Е5-я.76; 2556–11/Е5-я.76; 2966–7/Ж4-я.76.

¹²³ 1493–11/Е8-я.94.

¹²⁴ 1369–12/96-я.96.

¹²⁵ 1674–7/Н10-я.110.

¹²⁶ 1683–8/Н10-я.110-B.

¹²⁷ 1785–9/О9-я.130.

¹²⁸ 2264–6/М5-я.161.

¹²⁹ 308–6/Е6; 1216–7/К17; 1250–7/И17; 1829–5/М5; 2048–5/35; 2058–4/Е5; 2111–4/Ж5.

¹³⁰ 2570–6/Е3-я.18; 2596–7/Д3-я.18; 1578–9/Г8-я.59-A; 1493–11/Е8-я.94; 1597–8/Л9-я.117.

Нижегородская коллекция вполне сопоставима с коллекцией сиро-египетского стекла из Болгара, с той существенной разницей, что в золотоордынском городе помимо кубков и бутылей (215 фрагментов) самая распространенная форма стеклянных сосудов — арабские лампы (150 фрагментов), служившие главным украшением мечетей (Полубояринова 1988: 208–211). В Нижнем Новгороде найден единственный (насколько мне известно) на территории Руси фрагмент венчика египетской лампы (цв. ил. V, 13)¹³¹. В Болгаре фрагменты ламп встречаются в центральной части городища в богатых сырцовых домах, принадлежавших золотоордынской знати, в комплексах XIV — начала XV в. (Полубояринова 1993б).

Более детально динамику поступления сиро-египетского стекла можно проследить благодаря тверской дендрошкале. В Твери натриевое стекло встречается в горизонтах 1–9 (1296–1443 гг.). В слоях первой трети XIV в. количество фрагментов невелико, но резко возрастает в горизонтах 5–6 (1333–1385 гг.), после чего наблюдается резкий спад в горизонтах 3–4 (1386–1419 гг.) (Лапшин 2009: 115).

Русское стекло нового времени из комплексов XVIII в. делится на две группы. Первая — прозрачное стекло, иногда орнаментированное белой эмалью¹³² или с гравированной надписью¹³³. Вторая группа — прозрачное зеленое стекло, орнаментированное росписью цветными эмалями (цв. ил. VI)¹³⁴.

Браслеты

Стеклянные браслеты — наиболее массовая категория среди индивидуальных находок. Всего зафиксировано 297 фрагментов. Соотношение формы сечения и цвета приведены в таблице 1. Дополнительно украшены перевитой цветной нитью 23 (17 %) кручёных и 12 (11 %) гладких круглых браслетов.

Таблица 1. Соотношение формы сечения и цвета стеклянных браслетов

Цвет	Форма сечения						Всего, шт. (доля, %)
	Кручёные	Гладкие круглые	Витые	Рифлёные	Уплощённые	Форма не- известна	
Коричневый	16	47	7	1	4		75 (25,2)
Зеленый	46	24		1	1		72 (24,2)
Бирюзовый	34	27	1	2	1		65 (22,0)
Фиолетовый	17	8	2	1	2		30 (10,1)
Синий	14	2	1		2		19 (6,4)
Желтый	5	2	1		1		9 (3,0)
Чёрный	4	2		1			7 (2,4)
Красный	1						1 (0,3)
Цвет неопределим						19	19 (6,4)
Всего, шт. (доля, %)	137 (46)	112 (38)	12 (4)	6 (2)	11 (4)	19 (6)	297 (100,0)

¹³¹ 1493–11/Е8-я.94.

¹³² 458–8/Е7-я.59-А; 2307–7/Ж4-я.17; 2309–6/Ж3-я.17.

¹³³ 2311–7/Е5-я.164.

¹³⁴ 2223–5/Е4; 2568–6/Е3-я.18; 2585–6/Д3-я.18; 2589–7/Д3-я.18; 2678–8/Е4-я.76; 2585–6/Д3-я.18.

В большинстве древнерусских городов наибольшее количество браслетов отмечено в первой трети XIII в. Ю. Л. Щапова выделяет два основных типа распределения браслетов. В городах, подвергшихся монгольскому разгрому или не имевших собственного стекольного производства и получавших браслеты из Киева, наблюдается резкое исчезновение этой категории украшений. В городах, имевших собственное производство и не пострадавших от монгольского нашествия, наблюдается плавное уменьшение количества браслетов. В то же время в Смоленске, где наибольшее количество браслетов отмечено в первой трети XIII в., не пострадавшем от монголов, тем не менее, во второй половине XIII в. они стремительно выходят из употребления (Асташева 1999: 116). В Полоцке браслеты исчезают в начале XIV в. (Щапова 1972: 114). В Новгороде на вторую половину XIII — XIV в. приходится около одной трети находок (Полубояринова 1963: 173, рис. 2; Щапова 1972: 173, 174; Колчин 1982: 159, рис. 2), что не может быть объяснено только случайными перемещениями в слое при перекопах.

В нашем раскопе совстречаемость в комплексах ям стеклянных браслетов с кашинной керамикой свидетельствует, что в отличие от большинства русских городов в Нижнем Новгороде этот вид украшений был широко распространен в XIV в. Аналогичная картина наблюдается в Твери и Болгаре. В Болгаре основная часть стеклянных браслетов происходит из слоя золотоордынского времени — второй половины XIII — XIV в. (Полубояринова 1988: 192, 193). При этом из 17 подвергшихся анализу браслетов 11 изготовлены из стекла по русской рецептуре, в том числе 10 из них относятся к золотоордынскому времени. Остальные браслеты, судя по рецептуре стекла, привезены из Византии и Закавказья (Там же: 193). В Твери пик употребления стеклянных браслетов приходится на первую треть XIV в., а выходят из употребления они в 80-е гг. XIV в. (Лапшин 2009: 111, 112). Однако в сравнении с Тверью и Болгаром нижегородские материалы демонстрируют своеобразие количественных соотношений как по форме браслетов (преобладание кручёных над гладкими), так и по цвету стекла. На первом месте по количеству — коричневые и зеленые браслеты (как в Новгороде и Твери), а на втором — бирюзовые, как в Болгаре, соответственно 22,00 и 20,36 % (для сравнения — в Новгороде и Твери соответственно 10,5 и 3,0 %).

Перстни

Найден 21 стеклянный перстень. Лишь один из них склеен целиком¹³⁵, остальные дошли во фрагментах. Шесть экземпляров — плоско-выпуклые с овальным щитком. По остальным фрагментам можно определить только сечение — плоско-выпуклое, в одном случае с рифлением. Соотношение формы и цвета показано в *таблице 2*.

Таблица 2. Соотношение формы и цвета стеклянных перстней

Форма	Цвет				Всего
	Бирюзовый	Синий	Коричневый	Зеленый	
Плосковыпуклые с овальным щитком	4	–	1	1	6
Плосковыпуклые	7	5	2	–	14
Плосковыпуклые рифлёные	1	–	–	–	1
Всего	12	5	3	1	21

¹³⁵ 1461–10/Г8-я.59-В.

Плосковыпуклые щитковые перстни датируются по новгородской шкале второй четвертью XII — третьей четвертью XIII в. (Щапова 1963: 107; Колчин 1982: 172). Перстни *плоско-выпуклые в целом* (со щитком или без — неясно) в целом датируются, исходя из суммарной датировки всех стеклянных перстней, серединой XI — XIV в. (Колчин 1982: 172). Преобладание среди нижегородских бирюзовых перстней указывает на то, что аналогии нужно искать в золотоордынских городах, особенно в Болгаре. Здесь основная часть (99,5 %) документированных находок перстней относится к золотоордынскому времени, среди них более 50 % составляют бирюзовые. Как считает М. Д. Полубояринова, аналогии указывают на Среднюю Азию как на возможную область их происхождения и распространения в Золотой Орде. Учитывая, что коллекция перстней из Болгара количественно преобладает над суммарным числом находок во всех остальных золотоордынских городах, можно предполагать, что стеклянные перстни изготавливались в самом Болгаре среднеазиатскими мастерами (Полубояринова 1988: 193–197).

Вставки от перстней

Вставка от перстня восьмигранная бесцветная¹³⁶. Предположительно XVIII–XIX вв.

Стеклянные бусы

Всего найдено 20 стеклянных бусин. Большинство из них имеет аналогии в Болгаре в слоях золотоордынского времени. 10 бусин — бирюзовые непрозрачные. Бирюзовое непрозрачное стекло (браслеты, перстни, бусы) характерно для золотоордынских древностей, на Руси встречается редко (Полубояринова 1988: 192, 196).

Круглые зонные бусы. Найдены четыре бусины: коричневая прозрачная¹³⁷; зеленая полупрозрачная мозаичная¹³⁸; бирюзовая прозрачная¹³⁹, уплощённая в поперечном сечении; черная глушенная, орнаментированная волнистыми красными и бирюзовыми нитями (цв. ил. V, 14)¹⁴⁰. Бусы круглые зонные (классические) в целом по новгородской шкале датируются 1096–1429 гг. (Колчин 1982: 169; Лесман 1984: 139). Бусы бирюзовые непрозрачные следует отнести ко времени после 1238 г. (Полубояринова 1988: 165; тип II, вид 3). Уплощённая относится к группе бус со спиральным узором, которые встречены в Болгаре в слоях золотоордынского времени (Там же: 176; отдел II, тип I, вид 1).

Бочонкообразные фиолетовая прозрачная¹⁴¹, красная непрозрачная¹⁴² и бирюзовая непрозрачная¹⁴³. Аналогия бирюзовой — в Болгаре в слоях золотоордынского времени (Там же: 165; тип III, вид 2).

Многочастная (четырёхчастная) зеленая прозрачная¹⁴⁴. На Руси производились в XII–XIII вв. В Болгаре в слоях золотоордынского времени найдены 43 экземпляра, в золотоордынских городах Нижней Волги встречены только бирюзовые многочастные бусы (Там же: 166; тип V).

¹³⁶ 2254–5/ЖЗ.

¹³⁷ 2598–6/ДЗ-я.18.

¹³⁸ 1303–6/Л8-я.93.

¹³⁹ 528–7/О6-я.49.

¹⁴⁰ 1996–4/Е5.

¹⁴¹ 1191–10/О8-я.51.

¹⁴² 463–8/Д7-я.59-А.

¹⁴³ 2378–10/Е5-я.76.

¹⁴⁴ 2463–11/Е5-я.76.

Эллипсоидные желтая непрозрачная¹⁴⁵ и бирюзовые непрозрачные¹⁴⁶. Встречены в Болгаре в слоях золотоордынского времени (Там же: 167; тип VI, виды 2 и 3).

Битрапециoidalные бирюзовые встречены в шести экземплярах¹⁴⁷. Это наиболее многочисленный вид бус в золотоордынском слое Болгара. Был широко распространен в других золотоордынских городах и на памятниках Средней Азии XII–XIV вв. (Там же: 167; тип VII, вид 3).

Винтообразная синяя прозрачная¹⁴⁸ и бесцветная прозрачная¹⁴⁹. По новгородской шкале датируются 1177–1382 гг. (Лесман 1984: 139); в Болгаре такие бусы встречены в золотоордынском слое (Полубояринова 1988: 168).

Шарообразная синяя непрозрачная, украшенная тремя продольными полосами белой эмали¹⁵⁰.

|| Изделия из кости

Печать-матрица (рис. 35, 1)¹⁵¹. Ближайшая иконографическая аналогия изображению — свинцовая печать Ярослава Всеволодовича с изображением св. Фёдора в композиции «Чудо о змие» (Янин 1970: № 369). В. А. Янин связывает этот тип с последним княжением Ярослава в Новгороде (1230–1236 гг.) (Янин, Гайдуков 1998: 64, 65). В равной степени печать с «Чудом о змие» могла принадлежать Юрию (Георгию) Всеволодовичу, основателю Нижнего Новгорода. Яма 124 нарушена перекопом XIX в., поэтому не поддается точной датировке, однако, судя по находке в ней двух фрагментов кашинной керамики и общей ситуации данного раскопа, она может относиться к XIV в. Такие печати в форме «пешки» характерны для северорусских городов (Псков, Новгород, Старая Рязань, Серенск, городище Дуна, Тверь, а также Болгар, где найдены русские печати) и особенно для XIV в. (Белецкий 1975; Гендуне 1903: 20, табл. II, 11; Колчин, Рыбина 1982: 210, 211; Даркевич, Борисевич 1995: 170, рис. 109; Лапшин 1997; Полубояринова 1971; 1983). К этому времени изображение могло стать символом города или княжеского дома. Так, Архангел Михаил, патрон Михаила Ярославича Тверского (умер в 1318 г.), появляется на аналогичной тверской печати, датируемой 1364–1385 гг. Такие печати считаются принадлежностью княжеского хозяйства и, скорее всего, принадлежали не самому князю, а его доверенным лицам, так как предназначались для опечатывания восковым оттиском не только грамот, но и любого княжеского имущества.

Рукояти ножей или других инструментов подразделяются на **цельные**, преимущественно точеные, орнаментированные (рис. 35, 8)¹⁵², и **наборные**, состоящие из **обоймиц, торцовых накладок и клинышков** для их скрепления (рис. 35, 10–20)¹⁵³.

¹⁴⁵ 803–9/Д1-я.37.

¹⁴⁶ 1–5/А2; 1124–9/И7-я/87.

¹⁴⁷ 1846–11/Г8-я.59-В; 2110–4/Д5; 2376–10/Е5-я.76; 2400–6/И4; 2410–6/И4; 2663–9/Е4-я.76.

¹⁴⁸ 2676–8/Е4-я.76.

¹⁴⁹ 1948–5/К5.

¹⁵⁰ 1263–10/К17-я.88.

¹⁵¹ 1800–11/Е10-я.124.

¹⁵² 1242–7/И17.

¹⁵³ 732–12/Д7–59-Б; 2531–14/Е5-я.76; 2716–9/Д4-я.76; 702–9/Д1-я.33; 2734–7/Д5-я.76; 2865–11/

Петли налучья представлены двумя фрагментами (рис. 35, 2, 3)¹⁵⁴ (ср.: Флёрова 2001: 49, 50, рис. 13; 156).

Накладки представлены несколькими фрагментами: накладки, украшенной циркульным орнаментом (рис. 35, 4)¹⁵⁵; накладки прямоугольной, орнаментированной гравированными продольными линиями и лунками, напоминающими декор «волчий зуб» (рис. 35, 5)¹⁵⁶; накладки плоской стреловидной с тремя сквозными крепежными отверстиями (рис. 35, 6)¹⁵⁷. Накладка подпрямоугольная, украшенная гравировкой и прорезным точечным орнаментом, служила для предохранения пальцев при стрельбе из лука (рис. 35, 9)¹⁵⁸.

Найдены также *игла* (рис. 36, 8)¹⁵⁹ и *кочедык* (рис. 36, 9)¹⁶⁰.

Костяные острия, относимые обычно к категории *проколок* (рис. 36, 7)¹⁶¹, по-видимому, являются одежными заколками (Смирнова 1999: 145, 146).

Пуговицы-стержни (рис. 36, 4, 5)¹⁶², вероятно, от верхней одежды. Круглые предметы с отверстием (рис. 36, 2, 3)¹⁶³, аналогичные металлическим «грузикам», возможно, также выполняли функцию пуговиц.

Игрушки: астрагал просверленный¹⁶⁴ и альчик с насечками¹⁶⁵.

Следы костерезного производства — кости со следами обработки немногочисленны¹⁶⁶ и не образуют скоплений. К ним относится и незаконченная поделка из рога в виде колпачка (рис. 36, 6)¹⁶⁷.

|| Изделия из камня и янтаря

Бусы

Бусина янтарная гранёная (бипирамидальная 14-гранная)¹⁶⁸. В Болгаре бусы этого типа найдены в позднезолотоордынском слое (Полубояринова 1991: 44; рис. 3, 8).

Бусина янтарная зонная, уплощённая с одной стороны (выглядит как половина зонной круглой бусины)¹⁶⁹. Бусы круглые зонные в Новгороде бытовали с X по начало XV в. (Полубояринова 1994: 77); один экземпляр найден в Болгаре (Там же: 42).

Ж5-я.76; 1450–7/318; 1659–10/Н10-я.110; 1244–7/И17; 1373–12/И18-я.96; 2299–6/Ж5-я.165.

¹⁵⁴ 303–11/Е2-я.20; 931–9/Д3-я.37.

¹⁵⁵ 1081–11/Д3-я.37.

¹⁵⁶ 1307–7/К7-я.93.

¹⁵⁷ 1365–7/К8-я.93.

¹⁵⁸ 3140–7/И4-я.61.

¹⁵⁹ 117–7/К3-я.25.

¹⁶⁰ 1291–9/К7-я.87.

¹⁶¹ 809–9/Д1-я.37.

¹⁶² 900–10/Д2-я.37; 740–9/Г1-я.37.

¹⁶³ 940–8/Д3-я.37; 17346–10/Н9-я.110.

¹⁶⁴ 2236–6/М3-я.50.

¹⁶⁵ 2369–6/Е5-я.164.

¹⁶⁶ 1293–9/И16-я.95; 2587–6/И4-я.61; 2921–13/Ж5-я.76; 3097-я.16; 3099-я.76; 3100-я.76; 3139–6/И7-я.87.

¹⁶⁷ 1328–13/К17-я.88.

¹⁶⁸ 2247–5/Ж3.

¹⁶⁹ 1361–7/К8-я.93.

Бусина из цветного халцедона — круглая, в поперечном сечении эллипсоидная: оттенки — темно-серый, желтый, красный¹⁷⁰. Один экземпляр найден на Болгарском городище (Там же: 38).

Кресты

Крест янтарный плоско-выпуклый равносторонний с прямоугольными окончаниями лопастей (рис. 34, 15)¹⁷¹. По новгородской шкале датируется второй третью XIII — третьей четвертью XV в. (Полубояринова 1994: 81, рис. 3, 2; Шаповалов 2000: 159, тип Б2). Аналогичный крест найден в Твери, где датируется концом XIII — XIV в. (Лапшин 2009: 122, рис. 96, 10). Нижегородский экземпляр — по-видимому, бракованное или незаконченное изделие, так как отверстие для подвешивания не просверлено до конца, вместо него глубокая лунка; лопасти не прямые, кривоватые; поверхности не отполированы до конца, с щербинками.

Каменные кресты, так называемые корсунские, или «корсунчики»: с равноконечными прямоугольными лопастями (рис. 34, 16)¹⁷²; с равноконечными прямоугольными лопастями, нижняя лопасть утрачена (рис. 34, 18)¹⁷³; с прямоугольными окончаниями лопастей, фрагментирован — сохранились две лопасти (рис. 34, 17)¹⁷⁴. Во Владимире серия аналогичных крестов отнесена к XII–XIII вв. (Лапшин А. Г. 2012). В Твери четырехконечные каменные кресты из серого шифера или сланца встречены в горизонтах 1300–1419 гг., наибольшее их число приходится на горизонт 1300–1311 гг. (Лапшин 2009: 122, рис. 96, 11–19).

Различные изделия из камня

Каменный котел. Найдены три фрагмента (рис. 37, 1, 2)¹⁷⁵ — в ямах 37, 76 и 87, комплексах второй половины XIII–XIV в. Каменные котлы изготовлялись из талькохлорита иранского происхождения (Кураева 1969: 224), были распространены в Хоросане и Хорезме в XI–XIV вв. (Там же: 220), откуда попадали в Волжскую Булгарию в домонгольское время; встречаются также в слоях XIV в. в золотоордынских городах Поволжья (Хузин, Дроздова 1986: 90; Полубояринова 2004а). На территории Северо-Восточной Руси до сих пор были известны две находки, отнесенные авторами публикаций к домонгольскому времени — в Мономаховом городе Владимира (Родина 2004: 149) и в Старой Рязани (Завьялов 2005: 99; Милованов 2013).

Не следует каменные котлы восточного происхождения смешивать с каменными сосудами из камня-жировика (стеатита), добывавшегося в южной Норвегии, часто встречающимися в эпоху викингов в Южной Швеции, Дании, Северной и Центральной Германии (Херман 1986: 108, рис. 44). Отдельные находки (сосуды или изделия из жировика) известны в центрах Северной Руси, связанных в IX–XI вв. с Балтийским регионом (Стальсберг 2003): в Старой Ладоге (Бессарабова 2001), Рюриковом городище (Хвощинская 2007), Гнёздове (Пушкина 1981: 288), а также в Киеве (Булкин, Зоценко 1990). Нижегородские находки, безусловно, имеют золотоордынское происхождение.

¹⁷⁰ 393–8/О6-я.48.

¹⁷¹ 554–10/М6-я.50.

¹⁷² 479–9/Д7-я.59-А.

¹⁷³ 12–5/Г3.

¹⁷⁴ 65–4/М3.

¹⁷⁵ 415–10/В2-я.37; 3091-Ж5-я.87; 3090-Е5-я.76.

Пряслица дисковидные (кольцевидные) из розового аргиллита местного происхождения (рис. 38, 9, 10)¹⁷⁶, напоминающего овручский шифер. Два из них происходят из комплекса XIII–XIV вв., одно — из верхнего мешаного слоя.

Кресальные кремни. В 34 случаях это специально сделанные кресальные кремни¹⁷⁷, но в 17 случаях найдены древние каменные орудия, которые могли вторично использоваться в качестве кресальных кремней¹⁷⁸.

Точильные камни из различных пород камня найдены в количестве 29 экземпляров.

Жернов. Фрагмент найден в яме 33¹⁷⁹.

|| Изделия из глины

Разное

Форма литейная. Форма (рис. 34, 9)¹⁸⁰ служила для отливки свинцовых грузиков в виде тонкого кружка с валикообразным краем и вертикальной ножкой-втулкой в центре, хорошо известных по раскопкам поволжских городов Золотой Орды — Сарая-Бату, Увека, Водянского городища (Полякова 1996: 247, рис. 76, 10, 11, 13, 14).

Тигли. Всего найдено 67 фрагментов. Только один крупный фрагмент позволяет реконструировать диаметр по верхнему краю (40 мм) и чашеобразную форму¹⁸¹. В комплексах золотоордынского времени — 50 фрагментов, в том числе в яме 37 — 3 экз.¹⁸², 76 — 39 экз.¹⁸³, 99 — 1 экз.¹⁸⁴, 124 — 7 экз.¹⁸⁵

12 фрагментов попали в заполнение более поздних ям XVIII–XIX вв.: ямы 4 — 1 экз.¹⁸⁶, 33 — 1 экз.¹⁸⁷, 59-А — 2 экз.¹⁸⁸, 59-Б (перекоп ямы 59-В, XIII–XIV вв.) — 6 экз.¹⁸⁹,

¹⁷⁶ 1817–5/М5; 2470–11/Е5-я.76; 2711–7/Ж5-я.76.

¹⁷⁷ 108–4/Н1; 352–11/Г2-я.37; 449–6/Д6-я.18; 492–7/Д3-я.18; 541–6/Ж6-я.76; 544–11/Д7-я.59-А; 559–8/Д1-я.33; 582–7/Д7-я.59-А; 835–6/Д2-я.37; 1152-я.11; 1153-я.62; 1154–3/?; 1283–8/М7-я.89; 1777–5/О5; 1840–5/А3; 1860–10/Е10-я.124; 2120–5/Д5; 2238–7/М5-я.50; 2280–5/Д5; 2321–7/Ж4-я.17; 2413–10/Е5-я.76; 2439–12/Е5-я.76; 2476–12/Е5-я.76; 2533–14/Е5-я.76; 2664–7/И4-я.61; 2686–7/И4-я.61; 2702–7/Ж5-я.76; 2809–11/Д4-я.76; 2916–12/Д5-я.76; 2927–13/Ж5-я.76; 2950–10/Ж4-я.76; 3059–5/А3; 3086–3/А7; 3087–5/Е3.

¹⁷⁸ 669–11/Г7-я.59-Б; 869–7/Д2-я.37; 1097–13/Д1-я.20; 1355–10/О7-я.51; 1525–7/А9; 1794–12/Д8-я.59-Б; 1821–5/Н5; 2208–5/Е4; 2267–6/К4-я.160; 2475–5/И5; 2519–7/К4-я.160; 2584–8/Е4-я.18; 2590–6/Д3-я.18; 2591–6/Д3-я.18; 2605–6/Д3-я.18; 2606–6/Д3-я.18; 2822–8/Д5-я.76.

¹⁷⁹ 630–10/Д1-я.33.

¹⁸⁰ 774–12/Д7-я.59-Б.

¹⁸¹ 3078-Д8-я.59-А.

¹⁸² 1074–9/В2-я.37; 1084–13/Д3-я.37; 3074–8/Г3-я.37.

¹⁸³ 643–8/Д6-я.76; 967–8/Е6-я.76; 974–8/Е6-я.76; 975–8/Е6-я.76; 987–992–8/Е6-я.76; 995–999–8/Е6-я.76; 1000–1007–9/Е6-я.76; 1012–9/Е6-я.76; 1021–9/Е6-я.76; 1025–9/Е6-я.76; 2384–11/Е5-я.76; 2385–11/Е5-я.76; 2402–9/Е5-я.76; 2404–10/Е5-я.76; 2433–12/Е5-я.76; 2435–11/Е5-я.76; 2447–12/Е5-я.76; 2496–13/Е5-я.76; 2630–8/Е4-я.76; 2992–13/Ж4-я.76; 3080-Е6-я.76; 3081-Е6-я.76.

¹⁸⁴ 1300–7/Ж6-я.99.

¹⁸⁵ 1691–10/Е10-я.124; 1695–1697–10/Е10-я.124; 1738–10/Е10-я.124; 1739–10/Е10-я.124; 1744–12/Е10-я.124.

¹⁸⁶ 64–9/А4-я.4.

¹⁸⁷ 627–10/Д1-я.33.

¹⁸⁸ 3077-Д8-я.59-А; 3078-Д8-я.59-А.

¹⁸⁹ 573–8/Д7-я.59-Б; 636–11/Г7-я.59-Б; 644–11/Г7-я.59-Б; 779–13/Д7-я.59-Б; 823–14/Д7-я.59-Б; 3079-я.59-Б.

94 — 1 экз.¹⁹⁰, 139 — 1 экз.¹⁹¹ В верхнем мешаном слое найдено пять фрагментов¹⁹². Таким образом, находки тиглей характерны для комплексов XIII–XIV вв., а в более поздние попали, по-видимому, наряду с другими вещами золотоордынского времени в результате перекопов.

Пряслица глиняные найдены в количестве 18 экземпляров (рис. 38, 1–8). Из них форма определима для 13 экз., в том числе семь — биконической формы, четыре — бочонковидной, один — дисковидной, один — фигурной. Четыре пряслица сделаны из стенок сосудов. Соотношение формы и оформления поверхности показано в *таблице 3*.

Таблица 3. Соотношение формы и оформления поверхности глиняных пряслиц

Форма	Поверхность				Всего
	Без поливы	Желтая/зеленая полива	Красноглиняная подлощённая	Морёная	
Биконическая	1 ⁱ	3 ⁱⁱ	2 ⁱⁱⁱ	–	6
Бочонковидная	1 ^{iv}	3 ^v	–	–	4
Дисковидная	–	1 ^{vi}	–	–	1
Фигурная	–	–	–	1 ^{vii}	1
Всего	2	7	2	1	12

ⁱ 1830–5/М5; ⁱⁱ 221–5/В6, 945–13/Д2-я.37, 1126–9/И7-я.87; ⁱⁱⁱ 577–9/О6-я.49, 2417–10/Е5-я.76;

^{iv} 121–10/Е1-я.33; ^v 204–5/В7, 608–10/Д1-я.33, 2108–9/О4-я.33; ^{vi} 1924–5/К5; ^{vii} 1920–5/М4.

Для пряслиц из комплексов XIII–XIV вв. наиболее характерны биконическая форма и покрытие желтой/зеленой поливой или красноглиняная подлощённая поверхность.

Грузила керамические симметричные для волоковых сетей (Салмина 1994; Грибов, Цепкин 2004) имеют шаровидную или овальную форму. В соответствии с наиболее распространённым в каждый хронологический период типом кухонной керамики грузила делались сероглиняные, белоглиняные, белоглиняные подлощённые, красноглиняные, красноглиняные лощёные, красноглиняные с белым ангобом, морёные (рис. 39).

Игрушки керамические (рис. 40) по тесту и характеру поверхности делятся на сероглиняные; поливные; красноглиняные; красноглиняные ангобированные с росписью охрой или чёрной краской; морёные с лощением. Наиболее ранние игрушки, относящиеся к XIII–XIV вв., — птички-погремушки и яйца-погремушки, сероглиняные и поливные, а также шарики от них (рис. 40, 1–3)¹⁹³. К наиболее поздним относятся красноглиняные и красноглиняные ангобированные птички-свистульки из комплекса XVIII в. (рис. 40, 7, 8)¹⁹⁴. Промежуточное положение занимают фрагменты красноглиняной ангобированной лошадки (рис. 40, 5)¹⁹⁵ и морёного с лощением «сапожка» (рис. 40, 6)¹⁹⁶, найденные вне четко датированных комплексов.

¹⁹⁰ 1295–9/Е8-я.94.

¹⁹¹ 2008–6/Б4-я.139.

¹⁹² 316–6/В6; 1921–5/М4; 2134–5/Ж5; 3075–4/Б2; 3076–5/Ж2.

¹⁹³ 1889–5/М5; 1199–9/И7-я.87; 1343–6/36-я.73.

¹⁹⁴ 81–7/Е3-я.18; 87–7/Е3-я.18.

¹⁹⁵ 2194–4/Д4.

¹⁹⁶ 562–8/Д1-я.33.

В верхних слоях найдены типичные для XVIII в. *трубки курительные* (рис. 41, 1–3)¹⁹⁷, в том числе голландская с клеймом в виде двух птиц под короной (рис. 41, 2), *мундштуки белоглиняные* (рис. 41, 4, 5)¹⁹⁸.

Строительная керамика

В верхних слоях найдены многочисленные фрагменты позднесредневековой строительной керамики: *изразцы красноглиняные рельефные* (рис. 42, 1–8)¹⁹⁹ и *поливные* (рис. 42, 9)²⁰⁰; *керамический лемех* (рис. 42, 11)²⁰¹; *поливная полуколонка* (рис. 42, 10); фрагмент *плитки половой* красноглиняной с глухой односторонней бирюзовой поливой²⁰².

2.4.2. Керамика Востока из раскопок в Нижнем Новгороде²⁰³

При раскопках 2001–2002 гг. в Нижегородском кремле, проводившихся под руководством В. А. Лапшина²⁰⁴, была собрана обширная коллекция восточной керамики, состоявшая из 397 образцов (из них 343 относились к поливной посуде)²⁰⁵, происходившая как из культурного слоя, так и из 43 заглубленных в материк объектов (ям). Крупные размеры комплекса и достаточно узкие хронологические рамки его отложения в культурном слое (середина — вторая половина XIV в.) делают его чрезвычайно важным для изучения динамики импорта восточной керамики на территорию Руси. Предварительное рассмотрение этого комплекса было проведено автором раскопок в обобщающей публикации (Грибов, Лапшин 2008), с выводами которой нельзя не согласиться. Но прежде чем приступить к анализу этих выводов, необходимо дать характеристику полученного при раскопках материала в виде каталога. Систематизация проводилась на основании разработанной и опубликованной классификации данной категории импортов (Коваль 2010а: 14–25).

¹⁹⁷ 23–5/Б2; 407–6/А7; 59–4/М3; 170–6/А7; 1900–5/Б5.

¹⁹⁸ 1481–11/Г8-я.59-В; 1895–5/М4; 2124–5/Ж5.

¹⁹⁹ 1833–5/М4; 1998–4/Е5; 1834–5/М4; 44-балластн. слой; 3123–8/Е5-я.76; 322–6/А2; 45-балластн. слой; 49-балластн. слой.

²⁰⁰ 51–6/Ж2; 1938–5/М3.

²⁰¹ 52–6/Е1.

²⁰² 2295–6/Е5я.164.

²⁰³ Автор раздела 2.4.2 — В. Ю. Коваль. Исследование выполнено в рамках госзадания Института археологии РАН по теме «Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье» (№ НИОКТР 122011200266–3).

²⁰⁴ Пользуюсь случаем выразить свою признательность автору раскопок В. А. Лапшину, предоставившему для изучения данный материал и инициировавшему это исследование. Благодаря также Н. Н. Грибова за постоянную помощь в работе с коллекцией находок.

²⁰⁵ Представленные данные о количественном составе этой коллекции несколько отличаются от тех, которые были опубликованы В. А. Лапшиным и Н. Н. Грибовым, упоминавшим 342 фрагмента кашинной посуды и 18 обломков красноглиняной поливной керамики (Грибов, Лапшин 2008). Разница объясняется тем, что в указанной публикации учитывалось общее количество находок (по описи), среди которых некоторые склеились в блоки. Нами такие блоки принимались за единицу подсчета, что несколько сократило количество образцов кашинной керамики.

|| Посудная керамика

Фаянсы

К этому классу сосудов (характеризующемуся непрозрачной поливой и силикатной основой, иначе называемой кашинном) относились 37 обломков от 13 различных сосудов, относившихся к трем сериям.

Серия 1 (фаянсы без дополнительного декора)

Сюда входят фрагменты монохромных чаш с белой (1 экз.)²⁰⁶, бирюзовой (6 обломков от одного сосуда)²⁰⁷ поливой, развал (11 фрагментов) псевдоселадоновой (с двусторонней бледно-зеленой поливой) вазы²⁰⁸ (рис. 43, 1; цв. ил. VII) и один мелкий обломок псевдоселадона с бесцветной прозрачной глазурью на внутренней поверхности²⁰⁹. Все эти сосуды были изготовлены из белого рыхлого кашина, характерного для керамического производства золотоордынского Поволжья (Булатов 1968: 102). Псевдоселадонами называют кашинные имитации китайских сосудов, весьма ценившихся на Востоке, что, собственно, и вызывало к жизни производство подражаний. Такие подражания производили также в Персии и Египте.

Серия 2 (фаянсы с надглазурным декором)

К этой серии относятся изделия с люстровой росписью, пять обломков которых принадлежали четырем чашам и одному кувшину, изготовленным из белого мягкого кашина.

Две чаши²¹⁰ и кувшин²¹¹ были покрыты непрозрачной молочно-белой поливой, характерной для изделий домонгольской эпохи (у кувшина внутренняя поверхность несла полупрозрачную глазурь), однако типичные для ильханских люстров мотивы росписи (стилизованые лепестки лотоса на внешней поверхности) (рис. 43, 5) свидетельствуют об их принадлежности к изделиям второй половины XIII — середины XIV в.

Еще два обломка от иных чаш²¹² были облицованы полупрозрачной поливой с редкими синеватыми пятнышками, особенно характерной для ильханских люстров (рис. 43, 3, 4). Характерна для поздних люстровых изделий и трактовка лепестков лотоса на внешней стороне чаш с заостренными завершениями (Watson 1985: fig. 88) (рис. 43, 3).

К отдельной подгруппе относился мелкий обломок кувшина (или вазы) из кашина сиреневого оттенка²¹³. Кашин такого цвета известен среди предположительно сирийских полуфаянсов ильханского времени (Коваль 2010а: 57). В отличие от всех предыдущих изделий этот сосуд был покрыт по наружной стороне бирюзовой непрозрачной, а по внутренней — полупрозрачной поливой. Вероятно, на сегодняшнем уровне знаний точно установить место производства этого сосуда не удастся.

²⁰⁶ 3060–9/В1-я.37.

²⁰⁷ 344–11/Г2-я.37; 431–7/В2-я.37; 867–7/Д2-я. 37; 778–13/Д7-я.59-Б; 3132–9/?-я.76; 2091–4/Д5.

²⁰⁸ 632–8/Г1-я.37+655–9/Г2-я.37+ 3058–8/?-я.37 (склеены); 343–8/В2-я.37; 651–8/Г2-я.37; 656–10/Г2-я.37; 3061–9/В1-я. 37; 2284–6/Ж3-я.17; 2623–8/Е4-я. 76; 2029–5/Е5; 2128–5/Д5.

²⁰⁹ 1793–12/Д8-я. 59-Б.

²¹⁰ 618–8/Д2-я.20; 2699–8/Д4-я.76 (см. рис. 43, 5).

²¹¹ 1423–11/М18-я.107.

²¹² 665–9/Н6-я.50; 1620–8/Н6-я.110.

²¹³ 2578–6/И4-я.61.

Серия 3 (фаянсы с подглазурным декором)

Представлена единственным мелким обломком псевдоселадона²¹⁴ (форма сосуда не может быть достоверно установлена) с подглазурной росписью ангобом на внешней поверхности, включающей стилизованные лепестки лотоса (рис. 43, 2).

Полуфаянсы

К классу полуфаянсов (кашинных изделий, покрытых прозрачной глазурью) принадлежало подавляющее большинство образцов — 272 обломка от 127 сосудов, относившихся к трем сериям.

Серия 1 (полуфаянсы без дополнительного декора)

К этой серии принадлежали образцы одной группы монохромных полуфаянсов, которые можно разделить на несколько подгрупп по цвету кроющей глазури:

А) с бесцветной глазурью — пять обломков одной пиалообразной чаши²¹⁵ из белого рыхлого кашина диаметром 11 см (рис. 43, 10);

Б) с бирюзовой глазурью — 22 обломка от не менее чем трех сосудов из желтого²¹⁶ и белого рыхлого кашина (один из них — закрытого типа)²¹⁷;

В) со светло-зеленой глазурью по желтоватому рыхлому кашину — мелкий обломок сосуда неизвестной формы²¹⁸.

Полуфаянсы из рыхлого кашина без дополнительного декора были широко распространены в золотоордынском Поволжье. Информация о них редко попадает в публикации, тем более что некоторые мелкие обломки без декора могли принадлежать недекорированным участкам сосудов, которые, однако, могли нести на себе тот или иной декор.

Серия 2 (полуфаянсы с надглазурным декором)

Здесь выделяются две группы: с люстровой росписью и полихромной росписью.

Группа 1. Люстровые полуфаянсы

Большая часть находок (8 экз.) принадлежала подгруппе бирюзовых полуфаянсов. Обломки относились к двум чашам с прямым утонченным краем (одна из них имела диаметр 18 см) и двусторонней росписью золотистым люстром, сохранность которого сильно различалась на разных черепках. Мотивы росписи по мелким обломкам восстановить трудно, но у обеих чаш внешняя поверхность была украшена каплеобразными изогнутыми фигурами, напоминающими сильно стилизованные изображения ныряющих рыбок (Коваль 2005: 83, рис. 2–4). Одна чаша была изготовлена из мягкого желтоватого кашина и покрыта темно-бирюзовой глазурью²¹⁹ (рис. 43, 7), а вторая — из мягкого кашина сиреневатого оттенка с облицовкой из более светлой глазури²²⁰ (рис. 43, 8). Подобные чаши (с люстровой росписью по бирюзовой глазури) известны в Твери и связываются своим происхождением с Ираном или Сирией (Коваль 2010а: 57).

²¹⁴ 598–8/Д2-я.20.

²¹⁵ 1364–7/К8-я.93; 2420–10/Е5-я.76; 2793–9/Д5-я.76; 3067–9/Ж5-я.76; 3133–10/Е5-я.76.

²¹⁶ 1781–5/Л5.

²¹⁷ 323–7/В1-я.37; 343–8/В2-я.37; 664–10/Г2-я.37; 686–9/Г1-я.37; 799–9/Д1-я.37; 3128–10/Г1-я.37; 670–8/Г7-я.59-Б; 731–10/Е7-я.59-Б; 1656–12/Д8-я.59-Б; 1169–10/О8-я.51; 1185–12/О8-я.51; 581–4/Ж6-я.76; 2760–8/Ж5-я.76; 812–8/О18-я.85; 1539–10/М8-я.90; 1360–6/К8-я.93; 1689–9/К8-я.93; 1469/2–6/Н9; 1973–5/К5; 2051–5/35; 2151–5/35.

²¹⁸ 2403–10/Е5-я.76.

²¹⁹ 474–8/О8; 1773–5/Н5; 836–10/Н6-я.50; 2775–9/Д5-я.76.

²²⁰ 276–10/Г1-я.37; 1297–6/Е8-я.94; 1469/1–6/Н9; 1541–11/М8-я.90.

Для двух обломков такой керамики (от каждой из чаш) был проведен рентгеноспектральный анализ глазури (Коваль 2009: табл. 1, № 28, 29), показавший сходство ее рецептуры (прежде всего по пониженному содержанию оксида свинца) с глазурями иранского происхождения и существенное отличие от достоверно сирийских изделий. Все это заставляет особенно осторожно подходить к атрибуции таких изделий.

К отдельной подгруппе принадлежит обломок чаши из белого рыхлого кашина, покрытой с обеих сторон ультрамариновой глазурью, мотивы росписи которой повторяют бирюзовые люстры (рис. 43, 6).

Вся эта люстровая керамика может быть датирована в пределах XIV в., но наиболее вероятно, что произведена она была не позже середины XIV в. Именно она послужила одним из главных прототипов для орнаментики золотоордынских полуфаянсов с бирюзовой глазурью и черной подглазурной росписью (ср. рис. 44, 5).

Группа 2. Полуфаянсы типа «ладжвардина»

Так назывались полуфаянсы, покрытые темно-синей (ультрамариновой, кобальтовой) глазурью, название которых происходит от иранского наименования минерала, использовавшегося для получения темно-синей (кобальтосодержащей) краски. Надглазурная роспись выполнялась белой и красной ангобными красками, к которым добавлялись аппликации тончайшей золотой фольги, прикреплявшиеся красной краской (по контуру). Такая керамика производилась в Иране в конце XIII — XIV в., на Руси она встречается крайне редко. В Нижнем Новгороде найден единственный очень мелкий обломок чаши²²¹ этого типа (рис. 43, 9; цв. ил. VIII).

Серия 3 (полуфаянсы с подглазурным декором)

Группа 1. Полуфаянсы с рельефным декором

Рельефная моделировка тулова таких сосудов (почти исключительно — чаш с волнообразно изогнутыми стенками) достигалась формовкой в калыпах сложной формы. В Нижнем Новгороде найден лишь один обломок такой чаши²²². Нижегородский обломок чаши был изготовлен из твердого кашина, глазурь ультрамариновая двусторонняя. Столь сложные формы изделий характерны для продукции Ирана времени не позднее XIV в.

Группа 2. Полуфаянсы с росписью ангобом под ультрамариновой глазурью на внешней поверхности и с бирюзовой глазурью на внутренней поверхности

Представлены пятью обломками от двух ваз «гюльабдан» из желтого и белого рыхлого кашина²²³. Рыхлый рассыпчатый кашин и многочисленные аналогии в золотоордынском Поволжье (Булатов 1968: 105) ясно указывают на место производства таких сосудов.

Группа 3. Полуфаянсы с полихромной росписью красками и белым ангобом

Подгруппа А. Изделия с бесцветной глазурью

Сосуды этой подгруппы в работах по золотоордынской археологии называют, вслед за Н. М. Булатовым и Г. А. Фёдоровым-Давыдовым, «кашинной керамикой с полихромной подглазурной росписью и рельефом». Уже приходилось писать о том, что называть «рельефом» роспись ангобом неверно (Коваль 2005: 78, 81). Подобная керамика в широких масштабах изготавливалась в золотоордынском Поволжье во второй трети и до конца XIV в.

В Нижегородском кремле найдено 68 обломков такой керамики, принадлежавших не менее чем 39 различным чашам и относившихся к четырем типам (по красочной гамме росписи).

²²¹ 2899-6/Д2-я.37.

²²² 3065-//Г1-я. 37.

²²³ 624-6/Г3-я. 37; 1319-9/М7-я.89; 1887-5/Н5; 1688-8/К8-я.93; 3066-я.93.

Тип 1. Сосуды с трехцветной зелено-сине-белой росписью по серому фону

Серый фон достигался окрашиванием поверхности сосуда до нанесения росписи ангобом и красками. Встречены семь обломков от не менее чем пяти чаш²²⁴, внешняя поверхность которых была украшена стилизованными изображениями лепестков лотоса, а внутренняя — трилистниками или рядами стилизованных ныряющих рыбок. Последний мотив встречен на обломке чаши, изготовленной из розовато-коричневатого кашина (в яме 76).

Тип 2. Керамика с трехцветной черно-сине-белой росписью по бледно-серому или серовато-зеленоватому фону

Такой фон мог получаться и без окрашивания кашинной основы за счет цвета кроющей глазури, как раз и имеющей обычно такую гамму. Белый цвет ангобной росписи выделялся на нем за счет утончения слоя глазури на выпуклых деталях. Обнаружены 12 обломков от не менее чем семи чаш²²⁵ с росписью стилизованными лепестками лотоса на внешней стороне и мотивами растительных узоров или стилизованными ныряющими рыбками — на внутренней.

Тип 3. Сосуды с трехцветной черно-сине-бирюзовой росписью по белому фону

Белый фон росписи достигался облицовкой белым ангобом всей поверхности кашинного сосуда до нанесения росписи красками и ангобом. Ангобная роспись при этом теряла свою выразительность, поскольку становилась не видна на одноцветном фоне, зато полихромная красочная роспись становилась особенно яркой. К этому типу относились 36 обломков от не менее чем 20 чаш²²⁶. Четыре обломка побывали в огне и оплавлены до серого цвета глазури. Почти все сосуды были изготовлены из рыхлого белого кашина, исключение составляли только два обломка из коричневого кашина и по одному из желтого и красного кашина. Последний известен среди поздних материалов Селитренного городища. Все обломки принадлежали чашам средних размеров, внешняя поверхность которых была украшена однообразно — стилизованными лепестками лотоса (раньше такой орнамент неверно называли «арочным»). На внутренней поверхности встречены мотивы стилизованных ныряющих рыбок и цветков лотоса, надпись «икбаль», полосы косоугольной синей сетки вдоль края, розетки, то есть самые распространенные изображения на керамике этого типа, известной по раскопкам золотоордынских городов Поволжья (Скоробогатова 1983; Лисова 2012: 44, 45). Очевидно, что вся эта керамика была изготовлена в этих центрах, вероятно, в середине — второй половине XIV в.

Тип 4. Изделия с трехцветной зелено-сине-бирюзовой росписью по белому фону

Зеленый краситель использовался в этой разновидности вместо черно-коричневого. Возможно, этот признак имеет хронологическое значение, но равновозможно предполагать просто использование разного по происхождению сырья для производства красителей.

²²⁴ 135–10/Е1-я.33; 414–9/В2-я.37; 720–11/Г1-я.37; 920/1–11/Д2-я.37; 1105–6/И7-я. 87; 2620–8/Е4-я.76; 2726–6/Д5-я.76.

²²⁵ 805–9/Д1-я.37; 859–7/Д2-я.37; 902–10/Д–2-я.37; 3130–9/В1-я. 37; 1239–13/О7-я.51; 717–4/Е6-я.76; 957–6/Е6-я.76; 1752–7/К10-я. 118; 1194–8/М18; 1471–7/Н9; 1754–4/Г5; 1942–5/К5.

²²⁶ 132–6/Л3-я.35; 155–7/Л3-я.35; 179–5/Л3-я.35; 235–9/В1-я.37; 324–11/В2-я.37; 298–10/Г1-я.37; 434–8/В2-я.37; 436–11/В1-я.37; 533[+706+727+ 728]–12/Г2-я.37; 658–10/Г2-я.37; 833/1–11/Д1-я.37; 874/1–7/Д2-я.37; 3131–7/В1-я.37; 202–6/О2-я.38; 1140–9/О7-я.51; 1148–8/О7-я.51; 1184–12/О8-я. 51; 602–3/Д6-я.57; 2338–7/Е5-я.76; 2342–7/Е5-я.76; 2343–7/Е5-я.76; 2355–8/Е5-я.76; 2397–8/Е5-я.76; 2424–11/Е5-я.76; 2798–10/Д5-я.76; 1104–6/И7-я.87; 1391–12/М7-я.89; 1358–7/К7-я.93; 1647–11/К8-я.93; 1619–9/Л8-я.93; 1631–9/Л8-я.93; 1652–9/Е10-я.124; 403/1–3/Д6; 1731–4/В4; 2105–4/Д5.

Обнаружено 13 обломков от не менее чем семи чаш²²⁷, изготовленных из белого или розового (1 экз.) рыхлого кашина (цв. ил. IX). Почти у всех чаш внешняя поверхность была украшена теми же стилизованными лепестками лотоса, что и у чаш типов 1–3. Исключение составляла одна чаша, у которой на внешней поверхности не было росписи ангобом, а рисунок состоял из ромбов с кружочками в центре (Скоробогатова 1983: рис. 1, 3; Лисова 2012: табл. 28, 12). Эта схема декора была в Орде распространена в значительно меньшей степени, причем преимущественно на сосудах, декор которых вовсе не включал роспись ангобом.

Мотивы росписи внутренней поверхности этих чаш не отличались от изделий типа 3.

Подгруппа Б. Керамика с бирюзовой глазурью

От сосудов предыдущей подгруппы такая керамика отличается цветом кроющей глазури. Кроме того, под бирюзовой глазурью бывает трудно определить цвет красителя, которым нанесена основная роспись, — черный или зеленый (хотя в ряде случаев это все же возможно). Поэтому условно будем называть подглазурную роспись здесь черно-синей. Разумеется, выделение типов росписи по ее гамме здесь становится невозможным.

К этой подгруппе относились 13 обломков от не менее чем восьми чаш²²⁸. Большая часть этих сосудов была сформована из белого рыхлого кашина, но четыре образца (от трех чаш) были изготовлены из красного кашина, характерного для керамического производства Селитренного городища. Внешняя поверхность всех чаш этой подгруппы была оформлена стилизованными лепестками лотоса с округлыми завершениями, которые выполнялись росписью ангобом, отчерчивались контурными линиями и расцвечивались синими точками. Иначе говоря, сам рисунок здесь ничем не отличался от декора чаш группы 1 (с бесцветной глазурью). Однако внутренняя поверхность чаш орнаментировалась в синкретичной манере: использовались как мотивы группы 1, так и схемы декора чаш с черной росписью без росписи ангобом под бирюзовой глазурью (см. далее). С последними связаны такие детали росписи, как черная или синяя полоса вдоль края чаши и поля из черных крестиков («звездочек»).

Изделия этой подгруппы, изготавливавшиеся в золотоордынских центрах Поволжья, были не слишком широко распространены даже на территории Орды, соответственно редко встречаются они и на Руси. Целая чаша этого типа известна только в Великом Новгороде (Коваль 2010а: 100, 101; цв. ил. 37, 1).

Группа 4. Полуфаянсы с полихромной росписью красками (без росписи ангобом)

От изделий группы 3 такие сосуды отличались не только нюансами технологии производства (отсутствием росписи ангобом), но и всем набором орнаментальных мотивов. Они принадлежали к одной подгруппе (с бесцветной глазурью), в составе которой выделяются изделия трех типов.

Тип 1. Полуфаянсы с двуцветной черно-синей росписью

Этот тип керамики включает два вида изделий, различающихся качеством кашина.

Вид 1. Сосуды из рыхлого кашина

Рыхлый белый крупнопористый кашин был характерен для керамического производства золотоордынских центров Поволжья середины — второй половины XIV в. Сосуды из такого материала отличались относительно толстыми стенками (как правило, не менее

²²⁷ 588–9/Д1-я.33; 611–9/Д1-я.33; 613–10/Д1-я.33; 703–11/Г1-я.37; 811–9/Д1-я.37; 1145–9/О7-я. 51; 2379–10/Е5-я.76; 2751–6/Д4-я.76; 2811–11/Д5-я. 76; 307–3/Е6; 1733–4/М5; 2326–6/Е5; 2331–6/Е5.

²²⁸ 278–10/Г1-я.37; 709–10/Г1-я.37; 1168–10/О8-я.52; 1174–9/О7-я. 51; 454–5/Е7-я.59-А; 748–9/Д7-я.59-Б; 2354–8/Е5-я.76; 2621–8/Е4-я.76; 2761–8/Д5-я. 76; 1446–11/К16-я.88; 380–3/Ж6; 2087–4/Ж5.

0,5 см) и хрупкостью. Среди материалов из Нижегородского кремля встречены образцы, изготовленные только из белого кашина. Всего обнаружено 75 обломков²²⁹ от не менее чем 30 чаш этого вида. Таким образом, сосуды этого типа были наиболее распространены в культурных отложениях Нижегородского кремля, составляя более 1/5 всей глазурованной восточной керамики или 1/4 всей кашинной посуды.

Все встреченные образцы принадлежали исключительно чашам с прямым утонченным краем, как правило, украшенным синими точками. Внешняя поверхность подавляющего большинства чаш была расписана стилизованными лепестками лотоса, контур которых наносился черной полосой, а центральная линия «лепестка» — синей линией. Только две чаши были украшены снаружи рисунком в виде ромбов с кружочками (Скоробогатова 1983: рис. 1, 3). Несколько чаш были расписаны в индивидуальной манере, среди них выделялась небольшая группа (обломки от трех сосудов), на внешнюю и внутреннюю поверхности которых были нанесены параллельные вертикальные синие линии (по 3–5 в ряд), между которыми черной краской были нарисованы различные завитки, луковичеобразные фигуры и иные мотивы, реконструкция которых по фрагментам затруднительна (рис. 44, 2, 3). Подобный декор характерен для относительно ранних изделий середины XIV в. (Коваль 2003б).

Декор внутренней поверхности чаш реконструируется значительно хуже, поскольку он был сложнее, чем на наружной их стороне, а по мелким обломкам его восстановление затруднительно. Однако можно отметить присутствие на ряде чаш параллельных вертикальных синих полос (не менее восьми чаш) и белых полей с черными точками, сгруппированными по четыре в виде ромба. На большинстве же обломков присутствовал разнообразный растительный орнамент.

Вид 2. Сосуды из мягкого белого кашина

Мягкий кашин отличался большей плотностью при высокой пористости материала, что позволяло изготавливать сосуды со стенками толщиной около 0,3 см. В Золотой Орде изделия из такого кашина встречаются редко, вероятно, они здесь не производились, а привозились из Ирана, где уровень мастерства керамистов был выше. Среди находок в Нижегородском кремле есть обломок стенки кувшина, из которого была сделана заготовка пряслица, которая, видимо, раскололась пополам в ходе попытки просверлить в ней отверстие²³⁰ (рис. 43, 12; цв. ил. X, 4). От изделий вида 1 этот сосуд отличался более качественной блестящей глазурью и тонкой изящной росписью.

Тип 2. Полуфаянсы с двуцветной зелено-синей росписью

Подобно типу 1, здесь также выделяются два разных вида изделий.

²²⁹ 589–8/Д2-я.20; 1094–9/Д3-я.20; 368–7/Г2-я.37; 433–7/В2-я.37; 436–7/В6-я.37; 673–10/Г1-я.37; 801–9/Д1-я.37; 810+880–9/Д1-я.37; 831–6/Д2-я.37; 862–8/Д8-я.37; 874/2–7/Д2-я.37; 874/3–7/Д2-я.37; 879–10/Д2-я.37; 563–10/М6-я.50; 711–8/Н6-я.50; 2239/1–7/М5-я.50; 2239/2–7/М5-я.50; 2242–7/М5-я.50; 1190–12/О8-я.51; 1456–10/Г8-я.59-В; 2571–6/И4-я.61; 2577–6/И4-я.61; 2640–9/И3-я.61; 2887–7/И4-я.61; 547–4/Ж6-я.76; 2717–8/Д4-я.76; 2728–9/Д4-я.76; 2765–8/Д4-я.76; 2821–10/Д5-я.76; 2920–12/Ж5-я.76; 2982–12/Д4-я.76; 2987–10/Д4-я.76; 871–7/Н6-я.86; 872–7/Н6-я.86; 878–9/О19-я.85; 893–9/Н7-я.86; 894–9/Н7-я.86; 906–10/Н7-я.86; 907+908–10/Н7-я.86; 909–10/Н7-я.86; 910–10/Н7-я.86; 912–10/Н7-я.86; 913–10/Н7-я.86; 1393–12/М7-я.89; 1394–12/М7-я.89; 1275–8/М8-я.90; 1276–9/Л7-я.91; 1348–8/К7-я.93; 1382–8/К8-я.93; 1388–9/К8-я.93; 1424–14/И18-я.96; 1590–8/Л9-я.117; 2163–7/Л5-я.145; 2169–9/Л5-я.145; 2275–6/К5-я.148; 409–3/Г5; 498–5/Д3; 534–7/Г3; 536–7/Г3; 540–7/Д3; 1253–8/И17; 1613+1637–4/А4; 1723–4/В4; 1735/2–4/В3; 1818–5/М5; 2032–5/К4; 2127–5/Ж5; 2256–5/Е3 и два образца без номера.

²³⁰ 481–9/Д7-я.59-А.

Вид 1. Сосуды из рыхлого белого кашина

Обнаружено восемь обломков²³¹ от одной тарелки (рис. 44, 1; цв. ил. X, 1) и не менее чем шести чаш. Существенных отличий от декора изделий типа 1 не отмечено. Таким образом, единственным отличием типа 2 от типа 1 было использование зеленой краски вместо черно-коричневой. Поволжское происхождение данной группы находок не вызывает сомнения.

Вид 2. Сосуды из мягкого белого кашина

Этот вид представлен двумя образцами. Один из них — край сосуда Т-образной профилировки²³² (рис. 44, 6). Подобная профилировка не характерна для изделий поволжских мастерских, но встречается у иранских сосудов XII–XIV вв. Второй образец — это маленькая круглая заготовка из стенки чаши²³³ (рис. 43, 13). Это могла быть заготовка пряслица, но поскольку ее размеры и вес слишком малы для пряслица, не исключено, что она имела иное назначение (например, в качестве декоративной вставки).

Тип 3. Полуфаянсы с трехцветной черно-сине-бирюзовой росписью

Представлены восемью обломками²³⁴ от одной тарелки и не менее чем пяти чаш, изготовленных из белого рыхлого кашина и украшенных по внешней стороне стилизованными лепестками лотоса, а изнутри — сложным растительным орнаментом (рис. 43, 11; 44, 4; цв. ил. 10, 2). Изделия с подобной трехцветной росписью были распространены в золотоордынском Поволжье в XIV в. (Булатов 1968: 101, 102).

Группа 5. Полуфаянсы с монохромной росписью красками

Подгруппа А. Керамика с бесцветной глазурью

Этой подгруппе принадлежат сосуды с монохромной синей росписью. Такие изделия появились в конце XIV в. и получили широчайшее распространение в XV в., из-за чего за ними закрепилось условное наименование «тимуридская керамика» (поскольку в первой половине XV в. в Средней Азии и Иране правила династия потомков эмира Тимура). Типовые различия существовали, но фиксировались в основном на целых сосудах. Фрагментарный материал целесообразно разделить на виды, исходя из качества кашина.

Вид 1. Сосуды из твердого кашина

Твердый кашин в тимуридскую эпоху стал довольно редок, однако способ его изготовления не был забыт в Иране. В Нижегородском кремле найдено два мелких обломка²³⁵ (от одной?) чаши с рисунком без четких контуров. Вероятно, иранская чаша могла попасть сюда в конце XIV в.

Вид 2. Сосуды из рыхлого кашина

Этот вид керамики изготавливался в городах золотоордынского Поволжья. Три обломка²³⁶ относились к чаше из красного кашина, характерного для продукции Селитренного городища. Два других²³⁷ принадлежали, видимо, второй чаше, сделанной из обычного белого кашина.

²³¹ 568–8/Д1-я.33; 260–4/Л3-я.35; 1545–10/Г8-я.59-Б; 2401–10/Е5-я.76; 432–4/П2; 1520–7/О9; 1735/1–4/В3; 2054–5/35.

²³² 1290–10/И18-я.96.

²³³ 522–10/Г7-я.59-А.

²³⁴ 2583–7/Е4-я.18; 3134-я.25; 886–10/Д2-я.37; 2359–8/Е5-я.76; 2773–9/Д4-я.76; 1314–8/М7-я.89; 1400+1974–14/М7-я.89; 1635–9/Н10-я.110.

²³⁵ 555–8/Д1-я.33; 2582–7/Е4-я.18.

²³⁶ 783–11/Д7-я.59-Б; 2345–7/Е5-я.76; 3064–4/В4.

²³⁷ 1405–14/М7-я.89; 2437–11/Е5-я.76.

Подгруппа Б. Керамика с бирюзовой глазурью

Сюда относятся изделия с монохромной «черной» подглазурной росписью (черной она выглядела под цветной глазурью, в действительности же она могла наноситься как черной, так и темно-синей или темно-зеленой красками). Собрано 47 обломков от не менее чем 30 чаш и четырех сосудов закрытой формы (судя по коротким трубчатым сливам, это были вазы «гюльбадан»). Все они были изготовлены из рыхлого белого кашина (лишь в одном случае кашин имел розовый оттенок)²³⁸. Из 47 обломков лишь девять были достаточно крупными для того, чтобы можно было хотя бы частично реконструировать орнаментiku целых сосудов, тогда как остальные образцы представляли собой крошево.

Орнаментальные схемы таких сосудов не отличались разнообразием: внешняя поверхность покрывалась стилизованными изображениями лепестков лотоса либо ныряющих рыбок в виде каплеобразных мазков (рис. 44, 5; цв. ил. X, 3). На внутренней поверхности чаш размещался либо растительный декор, либо панели, заполненные рядами крестиков (стилизованных звездочек), последние достоверно присутствовали на обломках от двух чаш. Интересен один мелкий фрагмент сосуда, на одной из сторон которого поверх линейной черной росписи были расставлены белые пятна густого ангоба, выглядевшие под глазурью рельефными голубыми «горошинами» (Пол. № 765 из ямы 37). Такой декор не характерен для золотоордынского Поволжья, но известен в Средней Азии.

Майолика

К классу майолик (характеризующихся непрозрачной поливой и основой из обычных глин) относилось 10 образцов, принадлежавших двум сериям.

Серия 1. Керамика без дополнительного декора

Все сосуды этой серии покрывались поливой бирюзового цвета. Различия прослеживаются, прежде всего, по использованной глине, то есть по месту производства такой керамики.

Вид 1. Сосуды из красножгущейся глины без видимых примесей, отличающейся на изломе некоторой слоистостью (1 обломок стенки сосуда²³⁹). Красноглиняная керамика с бирюзовой глазурью известна в золотоордынских центрах Нижнего Поволжья (Булатов 1976: 76).

Вид 2. Сосуды из светло-желтой глины без видимых примесей

На всех обломках фиксируется рифление вытягивания на внутренней поверхности. Желтый цвет глины характерен для изделий золотоордынского города Маджар на Северном Кавказе (Волков 2007: 33). Вероятно, все изделия этого вида происходят именно из Маджара. Встречены семь обломков²⁴⁰ от не менее чем трех сосудов закрытой формы

²³⁸ 136–8/К3-я. 25; 620–9/Д1-я.33; 397–10/В1-я.37; 635–9/Г2-я.37; 650–8/Г2-я.37; 716–11/Г1-я.37; 772–13/Г2-я.37; 843–7/Д2-я.37; 854–7/Д2-я.76; 1087–13/Г2-я. 37; 427–8/Н8-я. 51; 1457–10/Г8-я.53-В; 760–12/Д7-я.59-Б; 761–12/Д7-я.59-Б; 1527–8/Г8-я.59-Б; 440–7/В6-я.57; 2637–9/И3-я.61; 2649–7/И4-я.61; 2365–8/Е5-я.76; 2633–9/Е4-я.76; 2636–9/Е4-я.76; 2799–11/Д5-я.76; 3727–8/Е5-я. 76; 1540–11/М8-я.90; 1592–8/М9-я.90; 1616–9/Л8-я.93; 1370–11/Л18-я.102; 1408–12/Л18-я.102; 1428–11/М18-я.107; 1671–8/Н10-я.110; 2073–6/О5-я.43; 2165–9/Л5-я.145; 2310–7/Ж5-я.165; 17–5/В1-я.3; 72–5/К3; 419–8/М8; 1470–7/Н9; 1727–4/М4; 1747–4/В3; 1758–4/Л5; 1780–5/Л5; 1740–7/И10; 1931–5/К5; 1949–5/К5; 1966–5/К5; 1975–5/К5; 2261–5/Ж4.

²³⁹ 476–8/О8.

²⁴⁰ 2356 (яма 18); 634–10/Д2-я.20; 2684–7/Е4-я.61; 2677–8/Е4-я.76; 2899–12/Ж5-я.76; 2933–12/Ж5-я.76; 2147–9/Б4-я.140.

(в том числе двух кувшинов). Один из них был покрыт полупрозрачной поливой только по внутренней поверхности, второй — непрозрачной поливой снаружи и полупрозрачной внутри, третий — непрозрачной поливой с обеих сторон (эти обломки могли принадлежать и чаше).

Серия 2. Керамика с подглазурным (рельефным) декором

К этой серии относятся два мелких обломка²⁴¹ от одного сосуда, внешняя поверхность которого была украшена рельефной моделировкой в калыпе. Сосуд был изготовлен из плотной желтой маджарской глины и покрыт с обеих сторон полупрозрачной бирюзовой поливой.

Полумайолика

Полумайолика отличается от майолики только прозрачностью кроющей поливы, однако это позволяло применять целый набор способов декорирования, недоступных для майолики. К этому классу относятся 20 обломков, разделенные по двум сериям.

Серия 1. Полумайолика без дополнительного декора

Подгруппа А. Керамика с бирюзовой глазурью

К этой подгруппе относится один обломок²⁴² придонной части кувшина (?) с рифлением вытягивания на внутренней поверхности, изготовленный из плотной желтовато-розоватой маджарской глины без видимых примесей, с двусторонней щелочной глазурью, нанесенной толстым слоем непосредственно на стенки, без ангобной подгрунтовки.

Подгруппа Б. Керамика с зеленой глазурью

Раскопки в Нижегородском кремле дали семь находок такой керамики, принадлежавшей к двум видам.

Вид 1. Сосуды из формовочной массы византийско-причерноморского типа (то есть красножгущейся глины без видимых примесей)

К этому виду относятся четыре обломка от двух разных сосудов. Три из них принадлежали кувшину с частичным покрытием внешней поверхности белым ангобом и глазурной облицовкой внутренней поверхности²⁴³. Отличался он также присутствием в тесте мелких зерен красного шамота. Такие признаки указывают на крымское происхождение этого кувшина. С иным центром Причерноморья надо связывать обломок дна чаши с темно-зеленой глазурью по кремовому ангобу (на внутренней поверхности)²⁴⁴.

Вид 2. Сосуды из формовочной массы нижеволжского типа (то есть из ярко-красной глины с естественной примесью мелкого песка)

Этот вид изделий, характерных для золотоордынских центров Нижнего Поволжья, представлен четырьмя обломками стенок чаш. Один из них принадлежал сосуду с темно-зеленой глазурью по кремовому ангобу на внутренней поверхности²⁴⁵. Три других относились к чаше с двусторонней светло-зеленой глазурью по белому ангобу, у которой глазурь отслоилась вместе с ангобом²⁴⁶ (цв. ил. XI, 1).

²⁴¹ 1943-5/К5; 2773-9/Д4-я.76.

²⁴² 1837-7/Н11.

²⁴³ 3046-я.76; 3047-я.76; 2405-10/Е5-я.76;

²⁴⁴ 1479-10/Г8-я.59-В.

²⁴⁵ 3049-8/Г2-я.37.

²⁴⁶ 3043-я.90; 3044-я.90.

Серия 2. Полумайолика с подглазурным декором

Включала керамику трех групп, различавшихся способами декорирования.

Группа 1. Монохромная полумайолика с декором «сграффито»

В нее включены образцы полумайолики, украшенной гравировкой по слою белого ангоба (техника «сграффито») и покрытой монохромной глазурью.

Подгруппа А. Керамика с темно-зеленой глазурью

Встречены четыре обломка от трех разных чаш с концентрическими гравированными линиями «сграффито» и темно-зеленой глазурью. Несмотря на внешнее сходство, чаши происходили из различных центров.

Две стенки²⁴⁷ относились к чаше из формовочной массы нижеволжского типа (красной глины с естественной примесью мелкого песка), украшенной широкими (1,0–1,5 мм) гравированными линиями.

Обломок стенки чаши или блюда²⁴⁸ из формовочной массы византийско-причерноморского типа (красной глины без видимых примесей).

Обломок стенки чаши²⁴⁹ из формовочной массы византийско-причерноморского типа (бежево-красной глины с мелкими включениями кремового шамота) с глазурью только на внутренней поверхности.

Подгруппа Б. Керамика с желтой глазурью

В эту подгруппу входят два типа керамики, различающиеся набором приемов декорирования.

Тип 1. Полумайолика «сграффито» с простым гравированным рисунком

К нему относится один обломок чаши²⁵⁰ из формовочной массы византийско-причерноморского типа с ярко-желтой глазурью на внутренней поверхности и на внешней стороне края чаши.

Тип 2. Полумайолика с декором «сграффито» в сочетании с выемчатой техникой

В отличие от линейной гравировки («сграффито»), выемчатая техника состояла в соскабливании белого ангоба на значительных участках поверхности сосуда, обнажившем красную основу черепка. Эта техника позволяла сделать рисунок на сосуде более контрастным, псевдорельефным. Как правило, такие изделия покрывались ярко-желтой глазурью, под которой участки с убранным ангобом казались темно-коричневыми или даже черными. Чаши и кувшины с «шахматным» узором составляют особую разновидность такой керамики, производившейся в Константинополе преимущественно в 1340–1370-х гг. (Сударев, Коваль 2021: 263–267). Близкие изделия известны в золотоордынских комплексах Азова (Белинский, Масловский 1998: табл. 2) и Херсонеса (Романчук 2003: табл. 76, 236; 78, 241–243). Известна эта керамика и на Руси, в том числе рядом с Нижним Новгородом — на селище Ближнее Константиново–1 (Грибов, Коваль 2007: 220, рис. 2, 1).

В Нижегородском кремле обнаружены четыре обломка от одного такого кувшина²⁵¹ с «шахматным» узором на тулове, изготовленного из темно-красной глины без видимых примесей (рис. 45, 1, 2; цв. ил. XI, 3, 4). Ярко-желтая глазурь нанесена на обе поверхности, причем на краю горловины ангобное покрытие и орнамент «сграффито» имелись и на внутренней поверхности, а ниже ангоб и орнаментация заканчивались, но внутренняя поверхность кувшина была покрыта тонким слоем той же глазури.

²⁴⁷ 3039-я.85; 3053-я.37.

²⁴⁸ 3042-я.89.

²⁴⁹ 2896–11/Ж5-я.76.

²⁵⁰ 2871–11/Ж5-я.76.

²⁵¹ 1478–10/Г8-я.59-В; 1750–4/Б5; 2013–5/А4; 2412–10/Е5-я.76.

Группа 2. Полумайолика «сграффито» с полихромной подцветкой

Подобная керамика всегда покрывалась только бесцветной глазурью, а отдельные элементы гравированного рисунка расцветивались крупными пятнами или мазками желто-коричневой, зеленой или пурпурно-коричневой красок. Различия прослеживаются по набору используемых красок.

Тип 1. Керамика «сграффито» с желто-зеленой расцветкой

Такая гамма расцветки являлась самой распространенной в Причерноморье и Золотой Орде. Встречен один обломок дна чаши²⁵² из формовочной массы восточно-крымского типа (красной глины с примесью красного шамота и органики).

Тип 2. Керамика «сграффито» с желтой и пурпурно-коричневой подцветкой

Пурпурно-коричневая подцветка рисунка, достигавшаяся введением оксида марганца, довольно редко использовалась при декорировании сосудов, к тому же обычно она добавлялась третьим компонентом к желто-коричневой и зеленой краскам. На обнаруженном обломке края чаши²⁵³ присутствовали только две краски (рис. 45, 3; цв. ил. XI, 2), однако на целом сосуде вполне могла быть полная трехцветная гамма. Чаша была изготовлена из формовочной массы византийско-причерноморского типа.

Группа 3. Тисненая полумайолика

Тисненную в матрице-«кальпе» керамику с рельефным узором на внешней поверхности традиционно называют «штампованной», хотя этот термин неверно отражает способ нанесения декора (Коваль 2010а: 112). В материалах раскопа присутствует только один обломок стенки кувшина²⁵⁴, декорированного в такой технике. Он был изготовлен из формовочной массы восточно-крымского типа, покрыт снаружи белым ангобом и ярко-зеленой глазурью. Тисненый декор состоял из вертикальных панелей, разделенных рельефными ребрами, в которых поочередно размещались ряды розеток и зигзагообразные рельефные линии (рис. 45, 4; цв. ил. XII, 1). Близкий декор можно видеть на кувшине из Херсонеса, происходившего из слоя пожара XIV в. (Романчук 2003: табл. 210, 4). Керамика этой группы изготавливалась в Солхате (Старый Крым) и Сугдее (Судак) в XIV в. Она известна во многих городах Руси (Москве, Коломне, Луцке, Пересопнице и др.).

|| Селадоны

Селадоны составляют особое семейство китайского фарфора, отличающееся серым цветом формовочной массы (с колебаниями цвета от темно-серого до почти белого) и светло-зеленой (иногда с голубоватым оттенком) полупрозрачной глазурью. В Нижегородском кремле встречены селадоны только одного типа — с гравированным подглазурным декором, однако мелкие размеры находок позволяют допускать их принадлежность к сосудам с более сложным декором — плоской резьбой или (и) рельефными деталями. Всего найдено четыре обломка²⁵⁵ от разных чаш (рис. 45, 5, 6).

Китайские селадоны довольно широко были распространены в золотоордынских городах Поволжья (Полубояринова 2003), в Северо-Восточной Руси такая керамика известна в виде единичных фрагментов, за исключением Москвы, где известны даже целые сосуды (Коваль 2010а: ил. 43, 44).

²⁵² 3063–7/?

²⁵³ 2462–12/E5-я.76.

²⁵⁴ 2100–4/Д5.

²⁵⁵ 764–9/E7-я.59-Б; 1111–6/И7-я.87; 3056–8/?-я.37; 3057–6/В1.

|| Глазурованные керамические украшения

К категории глазурованных керамических украшений относятся бусы, пуговицы и подвески. Все находки такого рода из Нижегородского кремля были изготовлены из твердого кашина и покрыты глазурью бирюзового цвета.

Бусы

Обнаружено пять кашинных бусин, покрытых прозрачной (4 экз.) и непрозрачной (1 экз.) бирюзовой глазурью. Последняя находка — шарообразная бусина²⁵⁶ (цв. ил. XIII, 4) диаметром 0,5 см (размерами она была существенно меньше большинства известных кашинных бус). Бусины с прозрачной бирюзовой глазурью различались по форме, но были близки по размерам — около 1 см в диаметре. Одна из них (обломок) была шарообразной²⁵⁷ (тип 1 по Ю. М. Лесману) (рис. 45, 9), вторая — украшена косой сеткой из углубленных линий (тип 5) (рис. 45, 8; цв. ил. XIII, 3)²⁵⁸, еще две одинаковые бусины²⁵⁹ близки по форме и декору предыдущей, но отличаются массивными рельефными валиками по краям (рис. 45, 7; цв. ил. XIII, 1, 2). По мнению Ю. М. Лесмана, специально изучавшего эту категорию древностей, кашинные бусы такого облика были разово ввезены на Русь в середине XIII в. ордынскими чиновниками или торговцами, а происходят они из Закавказья (Лесман 1994: 191, 192). Однако в Закавказье они известны не в большем количестве, чем в иных странах Востока. Более вероятным представляется происхождение таких бус из Египта (где фаянсовые бусы производились еще со II тыс. до н. э.) или Ирана. Нижегородские материалы в целом подтверждают гипотезу Ю. М. Лесмана о времени попадания таких бус на Русь: из четырех комплексов, включавших эти бусы, два (ямы 49 и 160) могли относиться к раннезолотоордынской эпохе (второй половине XIII в.?), поскольку они не содержали образцов восточной поливной посуды; третий (яма 76) включал 15 % всех находок восточной поливной посуды с раскопа (то есть датировался периодом массового бытования таких импортов в городе, серединой — второй половиной XIV в.), туда кашинная бусина могла попасть из культурного слоя; наконец, четвертый комплекс (яма 48) относился к числу позднесредневековых — в него бусина попала несомненно как случайно переложенный материал.

Пуговицы

Три найденные кашинные пуговицы²⁶⁰ однотипны (рис. 45, 10; цв. ил. XIII, 5–7), представляя собой плоские (0,3–0,5 см) диски диаметром 1,5 см с двумя сквозными отверстиями. Все они были покрыты бирюзовой прозрачной глазурью.

Подвеска

Единственная подвеска сложной подтреугольной формы (рис. 45, 11; цв. ил. XIII, 8)²⁶¹, имитирующая треугольные кочевнические подвески из лазурита, была найдена в комплексе с разнородной ордынской поливной посудой (яма 76). В основном лазуритовые подвески характерны для кочевнических погребений X–XII вв., но они известны и в однозначно

²⁵⁶ 2277–7/К4-я.160.

²⁵⁷ 2856–8/Д5-я.76.

²⁵⁸ 550–10/О6-я.49.

²⁵⁹ 389–8/О6-я.48; 390–8/О6-я.48.

²⁶⁰ 596–10/М6-я.50; 840–11/Н6-я.50; 1605–4/В5; 895–11/Д5-я.37.

²⁶¹ 2850–8/Д5-я.76.

ордынских комплексах, в том числе на Селитренном городище и в Болгаре (Полубояринова 1991: 65). Кашинные подвески в степных кочевнических древностях встречаются редко, прямые аналогии нижегородской находке нам неизвестны.

|| Неполивная керамика

Столовая посуда

В этой категории встречена одна группа изделий, изготовленных вытягиванием на гончарном круге с последующим тиснением в матрице-«кальпе», имевшей контррельефный (вогнутый) рисунок, благодаря которому на внешней поверхности сосуда возникал рельефный выпуклый декор. Такую керамику в археологии Поволжья называют «штампованной» или керамикой со «штампованным» орнаментом (Фёдоров-Давыдов 1994: 142–147; Панина, Волков 2000), хотя правильнее ее называть «тисненой», поскольку декор на нее наносился не набором штампов, а тиснением в кальпе.

При раскопках в Нижегородском кремле найдено пять обломков²⁶² от не менее чем трех сосудов (среди них как минимум одна фляга), изготовленных из формовочной массы с естественной примесью очень мелкого песка и обожженной в восстановительном режиме, в результате чего изделие приобретало серый (если использовалась слабоожеженная глина) (цв. ил. XII, 2) или коричневатый цвет (если степень ожеженности глины была выше). Керамика с такими характеристиками изготавливалась в Хорезме в XIII–XIV вв. (Панина, Волков 2000), откуда массово ввозилась в европейские районы Золотой Орды.

|| Тарная керамика

Кувшин

Единственный обломок края горловины гончарного кувшина с прикрепленной к нему ручкой²⁶³, изготовленного из красножгущейся глины без видимых примесей, полного (сквозного) обжига (рис. 45, 12). Кувшины с подобным креплением ручек были широко распространены в поволжских городах Золотой Орды (Фёдоров-Давыдов 2001: табл. 29, 1; 41, 2; 43, 2, 3; 45, 2; 47, 4, 5 и др.), однако очень тонкая формовочная масса не характерна для этого региона, что заставляет предполагать происхождение сосуда из Причерноморья, где подобные формы также были известны (Романчук 2003: табл. 217, B11, B12; 219, B25, B29, B30).

Амфоры византийского круга (магарики)

36 обломков амфор²⁶⁴ принадлежат к трем группам (I, II, IV)²⁶⁵.

Группа I

Самыми распространенными в слое оказались обломки амфор «трапезундской» группы (по И. В. Волкову) — 33 обломка стенок. В основном это были мелкие обломки, по которым реконструировать морфологические и технологические особенности целых сосудов невозможно. По этой причине нельзя достоверно установить, к какому этапу эволюцион-

²⁶² 654–9/Г1-я.37; 3135–9/В1-я.37; 1052–12/Н8-я.69; 1055–13/Н8-я.69; 3062-я.89.

²⁶³ Находка происходит из ямы 49.

²⁶⁴ В статье Н. Н. Грибова и В. А. Лапшина (2008: 145) говорится о трех обломках амфор, однако в действительности их было существенно больше. Вероятно, в цитируемой статье были упомянуты только самые крупные обломки, в том числе дно амфоры, неправильно названное «ножкой» (ножки были у античных амфор, но не встречаются у средневековых).

²⁶⁵ Нумерация групп дается по опубликованной группировке амфор (Коваль 2010а: 152–168).

ного ряда амфор относятся эти обломки. Амфоры «трапезундской» группы были особенно широко распространены на Руси в домонгольскую эпоху, однако они в небольшом количестве ввозились сюда и в раннезолотоордынское время (Коваль 2003а: 347; 2010а: 155–157).

Из 33 обломков пять происходили из перемешанного культурного слоя, 18 — из ям золотоордынской эпохи, включавших многочисленные обломки поливной посуды (ямы 33, 37, 50, 51, 76, 85, 86, 89, 90, 93, в каждой из которых найдено от 1 до 5 обломков амфор), девять — из ям с единичными находками поливной керамики ордынской эпохи (ямы 87, 94, 102, 124), один — из ямы 13, вовсе не содержавшей никакой поливной восточной керамики. Отсюда видно, что большинство обломков амфор были найдены в ямах XIV в. и перемешанном культурном слое, но имеются также комплексы без этого позднего материала или с его единичными (случайными?) находками, которые можно осторожно рассматривать в качестве ранних (домонгольских?) объектов. Вероятно, большая часть обломков амфор была рассеяна в культурном слое и уже из него попадала в заполнения ям.

Группа II

К этой («фиванско-халкидской») группе амфор²⁶⁶ относятся два мелких обломка степок, найденных в яме 88 и культурном слое. Они принадлежат к тому типу сосудов, который производился в XII в. и отличался мелким частым рифлением по тулову. Амфоры этой группы в целом перестали ввозиться на Русь после 1204 г. (Волков 1992; 1996: 94, 95), хотя в некоторые города (Старая Рязань, Переславль Рязанский) они могли ввозиться вплоть до монгольского нашествия. Следовательно, эти образцы могли быть ввезены в Нижний Новгород только в домонгольскую эпоху.

Группа IV

Амфоры этой группы (группы клейма «SSS», по И. В. Волкову) отличаются формочной массой с грубыми примесями (в данном случае это кварциты) на основе темно-красной глины и трехслойным изломом (с серой полосой недостаточно прокаленной глины). Они известны в большинстве городов Руси в комплексах и слоях XII — первой трети XIII в. (Коваль 2003а: 350; 2010а: 162–166). Место производства таких амфор пока достоверно не выяснено, хотя имеются различные гипотезы об их происхождении: из Палестины (И. В. Волков) и Западной Грузии (А. Н. Масловский). Нижегородская находка происходит из ямы 85, где обнаружено также четыре обломка поливной керамики. Надо сказать, что в Причерноморье амфоры этой группы известны и для второй половины XIII — XIV в., однако волнообразное рифление поверхности данного сосуда характерно прежде всего для изделий домонгольской эпохи.

Подводя итоги рассмотрению амфорного материала, следует заметить, что имеющихся данных недостаточно для однозначной датировки времени поступления византийской тары в Нижний Новгород. Если ориентироваться на другие города Руси, то в них импорт амфор в целом (за редкими исключениями) прекратился именно после Батыева нашествия. Единичные находки амфор в комплексах золотоордынского времени известны, но они лишь подчеркивают разительность различия. Однако Нижний Новгород находился в особой зоне, напрямую связанной с Золотой Ордой по Волге. Между тем в ордынские города трапезундские амфоры массово ввозились вплоть до конца второй трети XIV в. В Болгаре находки обломков амфор группы I исчисляются десятками и сотнями. Все это позволяет

²⁶⁶ Историография вопроса о происхождении этих амфор более подробно изложена в работе: Коваль 2019: 208. 209.

допускать проникновение амфор с трапезундским вином в Нижний Новгород на протяжении XIV в. из Болгара. В этом случае находки амфор в комплексах ордынского времени могли как иметь происхождение из домонгольских слоев, так и быть синхронными поливной посуде, встречавшейся в них. При этом находки обломков амфор группы II ясно показывают, что в домонгольское время амфоры в Нижний Новгород привозились.

Сфероконусы

Сфероконусами принято называть небольшие толстостенные тарные сосуды с приостренным дном и узким отверстием в верхней части, предназначенные для перевозки ртути и других ценных жидкостей (лекарственных средств, благовоний и т. п.). В Нижегородском кремле найдены два обломка таких сосудов, различавшихся по своему происхождению и технологии производства.

Первый обломок верхней части сфероконуса²⁶⁷ из пористой, но при этом очень твердой глины зеленовато-серого цвета (внешняя поверхность темно-серая, внутренняя желтоватая), принадлежал сосуду диаметром около 11 см, украшенному вертикальными прочерченными линиями (цв. ил. XII, 3). Цвет и прочность черепка свидетельствуют о том, что сосуд прошел высококачественный клинкерный обжиг. Подобные изделия производились на Ближнем и Среднем Востоке до XV–XVI вв.

Второй обломок конусовидного приостренного дна от красноглиняного (масса без видимых примесей) сфероконуса диаметром не менее 10 см, с волнообразным рифлением вытягивания на внутренней поверхности²⁶⁸ (рис. 45, 13). Подобные сосуды изготавливались в золотоордынском Поволжье, причем среди них известны как гладкостенные, так и лощёные (Михальченко 1974: 46–49; Фёдоров-Давыдов 1994: 141, 142). Нижегородский образец не несет на себе следов лощения и какого-либо декора.

* * *

Коллекция восточных импортов из Нижегородского кремля сегодня является одной из самых крупных среди городов средневековой Руси, занимая равное положение с собраниями подобных же археологических находок из Москвы, Твери, Старой Рязани, Владимира. Среди 397 образцов основную массу (86 %) составляет глазурованная посуда. Такое соотношение характерно для средневековых городов Руси золотоордынской эпохи. В целом вся эта коллекция может быть датирована в пределах XIV в. Более ранние образцы импортов (XIII в.), известные по другим городам Руси, в Нижнем Новгороде пока не встречены. Поэтому интересно рассмотреть соотношение различных классов и групп золотоордынской глазурованной керамики в составе полученного комплекса (таблица 4). Подсчеты производились в двух вариантах: по числу обломков и по минимально возможному количеству целых форм сосудов, которым эти обломки принадлежали. Сравнение полученных результатов показывает, что при подсчете долей разных групп керамики различия между первым и вторым вариантами минимальны. Следовательно, оба варианта подсчета дают близкие результаты. Однако ниже будем опираться в основном на подсчеты по числу сосудов, поскольку они представляются все же более адекватно отражающими разнообразие керамического материала.

²⁶⁷ 976–13/Д1-я.37.

²⁶⁸ я.86.

Таблица 4. Соотношение различных классов и групп золотоордынской глазурованной керамики в составе полученного комплекса

Класс и группа керамики	Количество обломков		Минимально возможное число сосудов, которым принадлежат эти обломки	
	Кол-во, шт.	Доля, %	Кол-во, шт.	Доля, %
Фаянсы	37	10,8	13	8,0
Полуфаянсы	272	79,3	127	78,4
<i>В том числе:</i>				
<i>с полихромной росписью и росписью ангобом</i>	68	19,8	40	24,7
<i>с полихромной росписью</i>	75	21,9	30	18,5
<i>с черной росписью под бирюзовой глазурью</i>	47	13,7	34	21,0
Майолика	10	2,9	5	3,1
Полумайолика	20	5,8	13	8,0
Селадон	4	1,2	4	2,5
Всего	343	100,0	162	100,0

Прежде всего из таблицы 4 видно, что основную массу поливной посуды в Нижегородском кремле составляет кашинная керамика (фаянсы и полуфаянсы), доля которой 86,4 %. Такое преобладание кашинной керамики сильно разнится с ситуацией, фиксировавшейся при раскопках золотоордынских городов Нижнего Поволжья, где доля кашинной керамики составляла от 10 до 40 % всей поливной посуды (Булатов 1976: табл. 1). Основную массу поливной посуды в Поволжье составляла керамика из глин различных цветов, доля которой в Нижнем Новгороде составляет всего около 10 %. Таким образом, соотношение кашинной и глиняной керамики в Нижнем Новгороде и поволжских городах противоположно. Объяснение этому можно видеть только в одном: в отличие от нижеволжских городов, где была распространена дешевая поливная посуда из глин, в Нижний Новгород ввозилась в основном более дорогая кашинная посуда. Вероятно, именно она обладала некой «статусностью» для ее владельцев, кем бы они ни были, русскими или ордынцами.

Теперь рассмотрим, насколько отличалась номенклатура кашинных изделий, импортированных в Нижний Новгород, от той, которая фиксируется по раскопкам в золотоордынских городах Нижнего Поволжья (таблица 5).

Таблица 5. Соотношение типов кашинной керамики в Нижнем Новгороде и золотоордынских городах (по Булатов 1968), доля в общем количестве

Тип кашинной керамики	Нижний Новгород	Селитренное городище	Царевское городище
Люстровые фаянсы и полуфаянсы	4 %	0,4 %	0,1 %
Полуфаянсы с полихромной росписью и росписью ангобом	19,8 %	18,6 %	26,2 %
Полуфаянсы с полихромной росписью	21,9 %	23,1 %	17,7 %
Полуфаянсы черной росписью под бирюзовой глазурью	13,7 %	12,4 %	16,9 %

Сравнение с данными по Селитренному и Царевскому городищам (Булатов 1968: табл. 2) показывает близкое сходство в долях основных типов кашинной керамики, бытовавшей в Орде и Нижнем Новгороде, несмотря на несопоставимость выборок (на нижеволжских городищах были собраны несколько тысяч ее образцов). Это свидетельствует о том, что керамика, которая бытовала в нижеволжских столичных центрах Орды, ввозилась в Нижний Новгород на протяжении достаточно длительного времени и именно в той номенклатуре, в которой она производилась в этих центрах. Различие заметно только по люстровой посуде. Но здесь, вероятно, сыграл свою роль фактор ограниченности выборки: если в ордынских городах раскопки охватывали как богатые, так и рядовые усадьбы (что и привело к получению усредненных результатов), то раскоп в Нижегородском кремле исследовал элитарную часть города, куда попадала наиболее дорогая импортная посуда. Надо думать, что на богатых усадьбах нижеволжских городов доля люстровой посуды в «кашинном комплексе» была еще выше.

Если распределение типов кашинной керамики в Нижегородском кремле действительно отражает закономерность в бытовании этой керамики, его можно рассматривать в качестве свидетельства стабильного поступления сюда ордынской (и шире — восточной) посуды, представленной на рынках нижеволжских городов Орды на протяжении основного периода ее производства и бытования, то есть во второй–третьей четвертях XIV в. Почти полное отсутствие среди находок кашинной керамики с бело-синей росписью (так называемой тимуридской) указывает на то, что уже в последней четверти XIV в. импорт посуды из поволжских городов практически прекратился. Это вполне согласуется с известиями письменных источников о существовании Нижегородского княжества с 1341 по 1392 г. и быстром обезлюдении города после 1390-х гг. Однако импорт восточной керамики мог резко сократиться здесь уже в 1360-е гг., после начала феодальной войны в Орде. Правда, выпадать в культурный слой (к которому относятся и заполнения ям) эта керамика могла еще и на протяжении 1360–1380-х гг., по мере того как она разбивалась и окончательно выходила из оборота.

В основном полученные выводы соответствуют тем, что были озвучены авторами предварительной публикации памятника как по хронологии поступления восточных импортов (1341–1392 гг.), так и по объяснению причин поступления этих импортов. Вместе с тем остаются некоторые вопросы, которые решены не до конца. Прежде всего это касается раннего (домонгольского) этапа формирования культурного слоя. По мнению Н. Н. Грибова и В. А. Лапшина, участок раскопок 2001–2002 гг. размещался вне пределов территории, освоенной в домонгольский период, застройка которого была осуществлена только в XIV в. (Грибов, Лапшин 2008: 148). Однако этому противоречат находки обломков амфор «триаллийской» группы, характерных в основном для XII и первой трети XIII в. В предварительной публикации (Там же) упоминаются и иные вещи из коллекции раскопок, датирующиеся домонгольской эпохой (или даты которых заходят в нее) — бронзовый кистень типа 2а, по А. Н. Кирпичникову, калачевидное кресало с язычком, ключи от замков типа В, равносторонний крест-тельник, каменные и янтарный кресты-тельники, стеклянные браслеты (которые авторы публикации склонны были относить в основном к золотоордынской эпохе). Поэтому можно предположить, что раскопанный участок все же был заселен уже в домонгольскую эпоху. По имеющимся сегодня данным можно предполагать, что некоторые ямы, содержавшие обломки амфор, но без поливной керамики (или с единичными, случайными ее обломками), могли относиться именно к этому раннему периоду (ямы 13 и 88). Нельзя исключать также, что какая-то часть наиболее массовых обломков амфор группы I могла принадлежать сосудам домонгольского времени.

Другой вопрос касается интерпретации находок поливной посуды золотоордынской эпохи. Как было показано, разнообразие типов керамики и соответствие исследуемого комплекса набору керамики из раскопок золотоордынских столиц указывает на то, что ее импорт происходил относительно долго. Количество находок поливной посуды здесь настолько велико, что оно выделяется на фоне материалов из других городов Руси. Возможно, раскоп пришелся на площадку очень богатой усадьбы (это подтверждается и иными находками импортов, прежде всего сирийских стеклянных сосудов с росписью цветными эмалями и золотом). Среди нижегородской аристократии только княжеский двор мог обладать таким количеством ценных вещей, но тогда пришлось бы предполагать его локализацию в этом месте, несколько в стороне от городского собора и исторического центра города. Само по себе это предположение кажется также допустимым, но оно не является единственно возможным или даже наиболее вероятным. Остается еще одна возможность интерпретации: в этом месте размещался двор (дворы) ордынских представителей в Нижнем Новгороде (посла, данщика или иных чиновников самого высокого уровня), относившихся к степной аристократии и обладавших средствами не меньшими (а пожалуй, даже большими), нежели те, что были в руках у нижегородских князей. В пользу такого варианта объяснения свидетельствует ряд импортов, которые никак не могли быть использованы на Руси по своему прямому назначению. Среди керамических изделий это кашинные пуговицы и подвеска, хорезмская седельная фляга, поскольку на Руси не было традиции применения в быту таких вещей. Первые до сих пор вообще не были известны на Руси. Что касается фляг, то они известны по обломкам в целом ряде городов Руси, где они могли использоваться не по своему прямому назначению, а как красивая столовая посуда. Однако в большинстве случаев находки таких сосудов происходят из комплексов, так или иначе связанных с присутствием ордынцев на Руси. Среди стеклянных изделий к числу таких же несвойственных русскому быту вещей относится осколок египетской лампы (Грибов, Лапшин 2008: 144), предназначенной для освещения мечетей и дворцов. Среди прочих импортов — обломки чугунных (два обломка) и каменных котлов (также два обломка). Первые не получили широкого признания на Руси, хотя и ввозились в города и иногда даже на сельские поселения, а вторые составляли редчайший импорт (кроме Нижнего Новгорода известны только во Владимире) и использовались на Руси только выходцами из Орды. Конечно, все эти вещи могли быть привезены в город в качестве своеобразных сувениров, ордынских диковинок, но все же наиболее вероятно считать их имуществом ордынцев, которым они привыкли пользоваться на родине. Парадная стеклянная и поливная посуда применялась в быту аристократии, а дешевые кашинные украшения, фляга и котлы — в хозяйстве дворни, социальный статус которой был существенно ниже.

Некоторый интерес могут представлять также наблюдения за распределением обломков, предположительно относившихся к одним и тем же сосудам. Вырисовываются две группы объектов, тяготеющих к ямам 37 и 76. Обломки сосудов, найденных в яме 37, были обнаружены также в ямах 51, 85, 90 и 94 (возможно, в эту группу входили также ямы 86 и 89). Обломки сосудов, найденных в яме 76, обнаружены в ином ряду объектов: ямах 50, 53-В, 93 (и, возможно, в яме 91). Какого-либо существенного хронологического различия между этими двумя группами не наблюдается, хотя отдельные косвенные признаки позволяют предполагать, что первая группа комплексов могла отложиться чуть раньше (из-за присутствия в ней люстровых полуфаянсов).

Раскопки в кремле Нижнего Новгорода дали богатейший материал для исследований особенностей золотоордынской эпохи на Руси. Импортная керамика является не только одним из надежных хроноиндикаторов, но и важным инструментом оценки статусного уровня городских усадеб. Значение полученных новых данных поэтому трудно переоценить.

2.4.3. Массовый керамический материал: описание основных типологических групп²⁶⁹

В золотоордынскую эпоху «окончательно утеряно относительное единство древнерусской керамики, которое сформировалось во второй половине XII — первой трети XIII в.» (Коваль 2014: 56), что отразилось в разнообразии местных керамических традиций. До последнего времени специальному изучению нижегородской керамики не уделялось должного внимания. Вместе с тем погружение в стихию местного археологического материала требовало от исследователей построения некоей описательной системы для характеристики самых массовых находок. По причине того, что археологические работы в Нижнем Новгороде на протяжении большого промежутка времени проводились достаточно бессистемно, от случая к случаю (от стройки до стройки) разными специалистами, в текстах научных отчетов при описании керамики явственно проступают терминологические несоответствия. Они касаются не столько отдельных типов сосудов, сколько больших типологических групп, выделяемых по общим технологическим и стилистическим особенностям различных видов керамических изделий. Использование в быту керамики какой-либо одной группы, как правило, хронологически ограничивалось вполне определенными рамками. Поэтому распределение собранных образцов по основным типологическим группам, определение количественного соотношения между ними дают возможность широкой датировки собранного комплекса. Следует отметить, что узкая датировка по типам в целом ряде случаев невозможна или затруднена из-за малой представительности собранной коллекции. В случае археологических наблюдений по ходу строительных работ или при первичном разведочном обследовании памятника широкая датировка по керамическому материалу, как правило, является единственным способом хронологической привязки изучаемого объекта. Естественно, что изучение массового керамического материала сложного многослойного памятника должно начинаться с выделения и описания не отдельных типов сосудов и даже не отдельных узкодатированных комплексов, а типологических групп, охватывающих весь период его существования.

Настоящее исследование служит попыткой наметить основные типологические группы нижегородской керамики на основе общего описания большой керамической коллекции, собранной при раскопках в Нижегородском кремле у здания Управления Федерального казначейства. При наименовании групп введены цифровые обозначения, так как существующая терминология русской керамической посуды в настоящее время еще плохо разработана, весьма неоднозначна и по своей сути близка к археологическому жаргону.

Рассматриваемый керамический комплекс включает (без учета образцов импортной восточной посуды и осколков амфорной тары) 49 303 фрагмента и 43 сосуда с полностью реконструированными профилями (таблица 6).

Первичное изучение керамического материала, при котором учитывались практически все найденные керамические осколки различной степени фрагментированности (начиная с размера 1 × 1 см) безотносительно их морфологической значимости, позволило выделить шесть типологических групп. Последние были определены по устойчивым сочетаниям значений преимущественно технологических признаков, которые даже на небольших фрагментах можно надежно визуально диагностировать без использования какого-либо специального оборудования. Перечень главных признаков:

- 1) способ изготовления сосуда (лепной; круговой);

²⁶⁹ Раздел написан Н. Н. Грибовым.

Таблица 6. Размеры реконструированных сосудов: Дв — диаметр по венчику; Дт — диаметр по тулову; Дш — диаметр по шейке; Дд — диаметр днища; Н — общая высота; Нт — высота максимального расширения тулова (от уровня днища); Нш — высота шейки (от уровня среза венчика)

№	Подгруппа	Вид сосуда	Дв, мм	Дт, мм	Дш, мм	Дд, мм	Н, мм	Нт, мм	Нш, мм
3175	II-1	Горшок	240	270	225	130	165	115	20
3176	II-1	Горшок	150	150	140	80	115	100	10
3177	II-1	Горшок	100	120	90	70	90	45	15
3179	II-1	Горшок	130	140	120	55	115	80	20
3181	II-1	Горшок	220	235	200	90	165	115	25
3183	II-1	Горшок	160	175	150	90	120	80	15
3172	II-1	Сковородник	200	220	–	160	70	55	–
3146	II-1	Сковородник	195	–	–	165	60	–	–
3180	II-1	Кувшин	70	110	60	55	145	50	50
3145	II-1	Миска	180	–	–	115	50	–	–
3158	II-1	Светильник	90	–	–	80	25	–	–
3149	II-1	Блюдце	130	–	–	85	25	–	–
3150	II-1	Блюдце	115	–	–	75	25	–	–
3151	II-1	Блюдце	180	–	–	125	30	–	–
3152	II-1	Блюдце	130	–	–	100	25	–	–
3153	II-1	Блюдце	110	–	–	70	25	–	–
3154	II-1	Блюдце	115	–	–	65	25	–	–
3155	II-1	Блюдце	130	–	–	Неопр.	30	–	–
3156	II-1	Блюдце	110	–	–	Неопр.	30	–	–
3157	II-1	Блюдце	120	–	–	Неопр.	30	–	–
3162	II-2	Миска	155	–	–	90	75	–	–
3189	II-3	Кувшин	190	340	160	190	365	155	85
3191	II-3	Кувшин	75	135	50	70	135	45	25
3190	II-3	Кувшин	120	210	85	105	230	85	45
3147	II-3	Светильник	105	–	–	105	30	–	–
3170	II-3	Миска	140	–	–	50	50	–	–
3160	III-2	Горшок	160	185	155	85	115	70	15
3174	III-2	Горшок	130	165	130	80	100	65	15
3184	III-2	Горшок	190	230	190	70	140	90	15
3185	III-2	Горшок	255	315	255	95	225	165	25
3187	III-2	Горшок	240	285	240	105	205	130	20
3188	III-2	Горшок	210	205	210	85	205	135	20
3173	III-3	Горшок	100	130	100	60	95	55	15
3186	III-3	Горшок	280	345	280	125	205	150	20
3159	V-1	Миска	160	–	–	65	90	–	–
3163	V-2	Миска	200	–	–	110	55	–	–
3166	V-2	Миска	210	–	–	120	80	–	–
3167	V-2	Миска	230	–	–	140	80	–	–
3171	V-2	Миска	195	–	–	120	75	–	–
3168	V-2	Сковорода	410	–	–	300	55	–	–
3164	V-3	Миска	130	–	–	50	35	–	–
3169	V-3	Миска	170	–	–	45	75	–	–
3165	V-3	Блюдце	120	–	–	70	25	–	–

2) характер исходного глинистого сырья (беложгущаяся или слобоожелезненная глина; красножгущаяся глина);

3) преднамеренно выбранный тип обжига (окислительный; восстановительный; случайный (окислительно-восстановительный) без специально установленного режима);

4) способ обработки внешней поверхности, определяющий внешний облик изготовленного сосуда (только механический (как с лощением, так и без него) или с покрытием ангобом, который по цвету близок к основному глинистому сырью; с ангобом, существенно изменяющим цвет поверхности сосуда; с поливой (вне зависимости от наличия или отсутствия подглазурного ангоба));

5) разновидность керамического теста по составу (тонкое с единичными или редкими включениями, с размером зерна до 1 мм; запесоченное с размером частиц до 0,5–1,0 мм; грубое с различной концентрацией крупнозернистых примесей (песка, дресвы) с величиной примесных частиц 1–4 мм). В отличие от первых четырех признаков иерархический статус пятого был принижен, его значения принимались в расчет лишь при более дробной организации керамического материала по подгруппам.

Группа I (132 фр. — 0,3 %; рис. 46, 1–5) объединяет наиболее технологически архаичную мордовскую посуду, изготовленную из красножгущейся глины лепным способом. Для нее характерны темно-серый или темно-коричневый цвет поверхности черепков, шамот в качестве преобладающей примеси, плохой обжиг, слабо отогнутые наружу без существенных краевых утолщений венчики. Судя по формам последних, можно предположить, что сосуды имели преимущественно баночные пропорции. Встреченные фрагменты лепной посуды, как правило, маловыразительны из-за небольших размеров. Их распределение по пластам и ямам сходно с распределением фрагментов преобладающей русской сероглиняной грубой керамики XIII–XIV вв. Отдельных комплексов с превалирующим содержанием фрагментов емкостей лепного изготовления на раскопе не встречено. Поэтому единовременность бытования этих двух разновидностей керамической посуды не вызывает сомнения.

Группа II (35 934 фр. — 72,9 %) объединяет фрагменты гончарных сосудов, изготовленных из красножгущейся глины на ручном круге, поверхность которых подвергалась простому механическому заглаживанию или лощению без использования каких-либо специальных покрытий, определяющих цвет и внешний облик посуды, а характер ее обжига не носил преднамеренно восстановительного характера. По рецептуре керамического теста, качеству обжига, разновидности используемого поворотного устройства керамика этой группы распределяется на три подгруппы.

Подгруппа II-1 (31 112 фр. — 86,6 %; рис. 46, 6–20; 47–50) состоит из осколков преимущественно обожженных (со случайным режимом обжига) сосудов из грубого теста с примесью дресвы или песка (с размером примесных частиц более 1,0–1,5 мм), изготовленных преимущественно на медленном гончарном круге. Цвет поверхности черепков, как правило, неоднородный (от светло-коричневого до темно-серого), цвет излома — трехслойный (в середине серый или черный, по краям бурый или коричневый); на днищах имеются следы подсыпки в виде дресвы, песка или золы. По совокупности технологических характеристик посуда данной подгруппы соответствует преимущественно древнерусской курганной и серой московской керамике. У нижегородских археологов за ней утвердилось наименование сероглиняной грубой. Она превалирует на раскопе (ее доля в керамическом комплексе — 63,1 %). Сосуды представлены горшками (численно преобладающими), блюдами, мисками, кувшином и светильником.

Для горшков, судя по шести экземплярам с полностью реконструированными профилями, характерны низкие приземистые пропорции (значение отношения высоты к максимальному диаметру варьирует в пределах 0,61–0,83) и низкие горловины (отношение высоты шейки к диаметру венчика — 0,07–0,15). Формы венчиков, характерные для древнерусской керамики второй половины XII — XIII в., очень редки. Они представлены сильно профилированными почти горизонтально отогнутыми наружу экземплярами с округлыми краевыми окончаниями, а также незначительным количеством венчиков, отличающихся высокой, почти вертикальной, шейкой и простой краевой профилировкой (подрезкой). В рассматриваемой коллекции преобладают формы верхних частей сосудов, обычные для удельного периода (второй половины XIII — XIV в.). Среди них численно преобладают короткие отогнутые наружу венчики с краевым окончанием, оформленным в виде удлиненного внутреннего утолщения различной формы. Значительная часть венчиков имеет округлое или подтреугольное в сечении наружное краевое утолщение, характерное для русской керамики эпохи Золотой Орды.

Около 20 % фрагментов стенок сосудов (4266 фр.) имеют следы орнаментации. Преобладает линейный разреженный орнамент одиночными линиями, который наносили преимущественно на верхнюю часть тулова сосуда (87,9 %). Существенно более редким при декорировании посуды было обращение гончаров к волнистым линиям (11,1 %). При этом зачастую одинарная «крутая волна» наносилась либо на шейку, либо на плечико сосуда. Доля остальных разновидностей орнамента невелика (ногтевого — 0,26 %; тычкового — 0,37 %; штампованного, полученного прокаткой зубчатого колёсика, — 0,37 % (16 фр.)).

Следы клеймения обнаружены на 42 фрагментах днищ. Изображение на большинстве из них (22 экз.) реконструировать затруднительно из-за крайне незначительных размеров образцов. Одно клеймо в виде прямоугольной фигуры напоминает княжеский знак в виде двузубца с короткой вертикальной ножкой (№ 3102)²⁷⁰. Основой изображения на остальных реконструированных клеймах является круг. Встречены композиции из двух вписанных кругов (№ 3029, 3021, 3035), из двух кругов с радиально расходящимися отрезками («колесо со спицами») (№ 3025, 3013), из круга с центральной точкой и расходящимися от обода лучами («солнышко») (№ 1608). Одно клеймо представляет собой знак свастики в круге (№ 3004). Рисунок же большинства реконструированных клейм — простой одинарный круг (№ 2710, 3006, 3012, 3019, 758, 3030, 3024, 3026, 3033). У трех клейм центр одинарного круга обозначен точкой (№ 3010, 3016, 3023).

Второе место по численности в коллекции сосудов с реконструированными профилями после горшков занимают блюда (9 экз.; рис. 46, 6–14). Это небольшие сосуды усеченно-конической формы. Их диаметры не превышают 18 см (преобладают сосуды с диаметром венчика 11–12 см), а высота — 3 см. Шесть из них имеют следы нагара, что позволяет предположить их использование для выпечки: по этнографическим данным известны предназначенные для выпечки калачей калачные блюда, весьма сходные по размерам и формам с описываемыми сосудами (Татаурова 1998: 98). Обнаруженные сковородники представляют собой широкодонные мискообразные сосуды со слегка прикрытой горловиной, диаметром около 20 см, высотой 6–7 см. Единственная реконструированная миска характеризуется правильной усеченно-конической формой. Ее высота 5,2 см, диаметр 18,0 см. Единственный реконструированный неорнаментированный кувшин имеет несимметричное шарообразное тулово (диаметром 11,2 см), увенчанное раструбообразной горловиной

²⁷⁰ Здесь и далее указаны номера по полевой описи.

с едва намеченным сливом (№ 3180) (рис. 49, 3). Его высота 14,5 см. Петлеобразная ручка с верхней стороны прикреплена с небольшим отступом от края горловины. Светильник со стержнеобразной рукояткой (частично утраченной) (№ 3158) диаметром 9 см (по венчику), с дугообразно выгнутыми стенками, высотой 2,6 см напоминает небольшую плошку.

Подгруппа II-2 (1438 фр. — 4 %; рис. 51) объединяет фрагменты сосудов из теста, состав которого имеет незначительные по концентрации примеси (скорее, естественного происхождения) или включает заметную добавку песка с размером частиц до 0,5–1,0 мм. Сосуды изготавливались преимущественно на тяжелом гончарном круге, режим их обжига чаще окислительный, реже случайный (окислительно-восстановительный). По своим технологическим признакам посуда этой подгруппы близка к красноглиняной гладкой московской керамике. В рассматриваемой коллекции она представлена малочисленными и преимущественно маловыразительными осколками. Их цвет более однороден по сравнению с керамикой I подгруппы (от бурого до светло-коричневого, иногда оранжевый). Среди керамических форм преобладают горшки с короткими венчиками вертикальной постановки без значительных краевых утолщений (яма 25, № 23–37). Горловина некоторых из них прикрыта. Многие из венчиков напоминают фрагменты верхних частей белоглиняных гладких горшков. Такие экземпляры имеют приостренное краевое окончание, с внешней стороны они украшены частыми полосками линейного орнамента. Единственный реконструированный сосуд этой подгруппы — миска, диаметром 15,5 см по венчику, высотой 7,5 см (№ 3162). Край сосуда приострен и имеет незначительный наплыв с внутренней стороны. По московским аналогам керамика подгруппы II-2 датируется в пределах второй половины XV — XVII в. (Чернов 1991: 53, 54; Бойцов 1991: 39). Следует отметить, что среди морфологически выраженных фрагментов керамики данной подгруппы не было встречено венчиков, характерных для наиболее ранних форм московских красноглиняных гладких горшков второй половины XV в., что позволяет ограничить ее бытование рамками XVI–XVII вв.

Подгруппа II-3 (3384 фр. — 9,4 %; рис. 52) включает фрагменты хорошо обожженной, изготовленной на тяжелом круге посуды высокотемпературного окислительного обжига с преимущественно тонким, хорошо отмученным тестом, лишь изредка содержащим незначительную примесь мелко- или среднезернистого песка. Цвет внешней поверхности черепков и их излома, как правило, однородный (кирпично-красный, карминовый, оранжевый). Большинство (98 %) встреченных фрагментов этой подгруппы имеют следы лощения.

Формы двух лощёных сосудов были полностью реконструированы. Это кувшины различной вместимости. Высота самого большого (№ 3189) достигает 36,5 см (диаметр тулова 34 см). Плечико сосуда украшено орнаментальным пояском из ряда коротких вертикальных насечек, очерченного двумя узкими параллельными полосками. Ниже, до высоты 8,0–8,5 см над днищем, тулово кувшина покрыто частым полосчатым вертикальным лощением. Горловина сосуда (на всю высоту) украшена рифлением. Второй кувшин (№ 3191) имеет высоту 13,7 см. По характеру профилировки и отделки внешней поверхности он напоминает вышеописанный сосуд.

Поверхность еще одного кувшина (№ 3190), форма которого была реконструирована, оказалась сильно выщербленной, что затруднило определение характера ее обработки (с лощением или без него). Сосуд имеет высоту 23 см. Плечико его украшено узким пояском из нескольких полосок частого линейного орнамента. Край невысокой раструбообразной горловины кувшина с наружной стороны оформлен в виде манжетообразного наплыва.

Красноглиняная керамика без лощения представлена светильником со стержнеобразной рукояткой (№ 3147) и миской (№ 3170). Светильник по форме и размерам очень напоминает вышеописанный сосуд подгруппы II–1 (№ 3158). Его диаметр (по венчику) 10,5 см, высота 3,0 см. Миска имеет правильную усеченно-коническую форму. Ее диаметр 14 см, высота 4,8 см.

По составу форм, технологическим признакам, характеру декора подгруппа II–3 объединяет как фрагменты красноглиняных неполивных лощёных сосудов, изготовленных в городах Золотой Орды (во второй половине XIII — XIV в.), так и осколки типологически (и генетически) связанной с последней русской краснолощёной керамики, известной по раскопкам Москвы в комплексах второй половины XIV — XVI в. Как показывает исследовательская практика, надежно дифференцировать друг от друга красноглиняную неполивную лощёную посуду золотоордынского и русского производств крайне затруднительно (особенно имея лишь маловыразительные осколки) (Рабинович 1971: 21, 22).

Среди небольшого количества венчиков сосудов без лощения описываемой подгруппы выделяется характерный тип горшков с шарообразным туловом, редуцированной шейкой и прикрытой горловиной, край которой приострен и клювообразно отогнут наружу (19 фр.). Горшки этого типа, как правило, тонкостенны и имеют поддон. Они формованы на ножном круге. Этот тип горшков характерен лишь для позднейших (XIX — начала XX в.) напластований Нижнего Новгорода. На раскопе в кремле он встречен лишь в переотложенных напластованиях. При подсчетах керамики из раскопок Нижнего Новгорода горшки этого типа некоторые авторы причисляют к кирпично-красной неангобириванной керамике.

Группа III (5260 фр. — 10,7 %) объединяет неполивную посуду из беложгущейся глины, хорошо обожжённую в окислительной среде. По характеру преобладающей примеси в керамическом тесте она подразделяется на три подгруппы.

Подгруппа III–1 (405 фр. — 7,7 %; рис. 53) выделяется по грубому тесту, в котором в качестве примеси использовалась дресва или крупнозернистый плохо окатанный песок. Цвет черепков пепельно-серый, белый, кремовый. Венчики отогнуты наружу, их края имеют утолщения, форма которых напоминает профилировку верхних частей сосудов подгруппы II–1. Сосуды (исключительно горшки) по плечу и тулову украшены линейным орнаментом, который на плечике иногда сочетается с ногтевыми вдавливаниями. Посуда этой подгруппы характерна для памятников Рязанского Поочья и Верхней Волги, где широкое использование беложгущихся глин в местном гончарстве началось достаточно рано. В Нижнем Новгороде и на сельских поселениях Нижегородской округи такая керамика встречается очень редко. Здесь ее доля в керамических комплексах XIII–XIV вв. не превышает 0,5 %. При описании нижегородской керамики за ней закрепилось наименование белоглиняной ранней. Скорее всего, большинство связанных с ней сосудов были привезены в нижегородское Поволжье из указанных выше регионов.

Подгруппа III–2 (рис. 54; 55, 1–13) состоит из фрагментов хорошо обожжённых белоглиняных сосудов, изготовленных из тонкого теста без заметных примесей. Встреченные формы представлены исключительно горшками стандартных очертаний. Профили шести из них были полностью реконструированы (№ 3160, 3174, 3184, 3185, 3187, 3188). Это приземистые сосуды с двумя характерными интервалами значений основной пропорции (отношения общей высоты к диаметру тулова) — 0,60–0,62 и 0,71–0,73, с короткой цилиндрической горловиной, украшенной частыми полосками линейного орнамента. На редких встреченных венчиках полоски орнамента заходят на верхние основания плечиков сосудов. Белоглиняные горшки этой подгруппы достаточно тонкостенны (3–5 мм), на внешней

поверхности небольших по размерам днищ часто заметны отпечатки пальцев. Краевые окончания венчиков часто оформлены в виде приостренных кверху небольших внутренних наплывов, толщина которых не превышает полуторной толщины стенки. За керамикой данной подгруппы закрепилось наименование белоглиняной гладкой (московская белоглиняная керамика 2-го вида — МБК-2, по В. Ю. Ковалю (Коваль 2001: 103–107; Грибов 2009б)). Подавляющее количество представленных в коллекции венчиков сосудов этой подгруппы по московским аналогам могут быть датированы в рамках второй половины XVI — первой половины XVII в. (Коваль 2001: 106). В пользу достаточно поздней датировки керамики этой подгруппы свидетельствуют и приземистые пропорции реконструированных сосудов.

Подгруппа III–3 (рис. 55, 14, 15) объединяет фрагменты белоглиняных горшков хорошего окислительного обжига с частой примесью мелкозернистого песка. Профилировки и пропорции сосудов (№ 3173, 3186), их орнаментация идентичны соответствующим характеристикам белоглиняных горшков подгруппы III–2. Сосуды данной подгруппы более толсто-стенные, внутренний краевой наплыв по толщине приближается к удвоенной толщине стенки, а линейный орнамент отличает увеличение числа полосок на единицу ширины орнаментального пояса. Часть горшков не орнаментировалась. Незначительное количество (14 фр.) белоглиняных сосудов с примесью мелкозернистого песка XVIII в. имели лощение.

В Москве керамика этой подгруппы — московская белоглиняная керамика вида 3 — МБК-3 (Коваль 2001: 108) — появилась в XVII в., встречается и в комплексах последующего столетия. Надежное различение фрагментов керамики подгрупп III–2 и III–3 без использования увеличительного стекла затруднено. Поэтому при первичной обработке керамической коллекции осколки посуды этих двух подгрупп подсчитывались вместе, общее их количество 4855 фр. (92,3 %).

Группу IV (2234 фр. — 4,5 %) отличает наличие ангоба в виде тонкой пленки белой глины, которую наносили на поверхность сосудов окислительного обжига (преимущественно горшков), изготовленных из красножгущегося сырья.

Подгруппа IV–1 (212 фр. — 9,5 %; рис. 56, 1–4) характеризуется использованием преимущественно запесоченного керамического теста (с включением мелкозернистого песка). Цвет черепков в изломе, как правило, однородный — карминовый или темно-коричневый. Их толщина различна. Среди встреченных форм верхних частей сосудов преобладают фрагменты горшков с короткими вертикально поставленными венчиками, украшенными с внешней стороны частыми полосками линейного орнамента. Очевидно, этот тип горшков возник и бытовал в XVI–XVII вв. как имитация белоглиняных гладких сосудов. Профилировка венчиков других типов напоминает керамику подгруппы II–2.

Подгруппа IV–2 (2022 фр. — 90,5 %; рис. 56, 5–16) включает осколки тонкостенных хорошо обожжённых сосудов с незначительной примесью мелкозернистого песка (с размером включений до 1 мм). Цвет излома черепка сосуда, не подвергавшегося вторичному обжигу, однородный, кирпично-красный. Среди керамики данной подгруппы преимущественно преобладают горшки одного типа. Их шарообразная форма, отсутствие выделенной шейки, клювообразное оформление краевого окончания венчика, небольшой диаметр днища генетически связаны с поздними образцами белоглиняной керамики. Отмеченное сходство прослеживается в присутствии на некоторых образцах нескольких полосок линейного орнамента, который изредка (как своеобразный атавизм) встречается в основании губы или вблизи ее краевого среза. Почти на каждом фрагменте днища можно обнаружить следы песчаной подсыпки. Часть днищ имеет невысокий поддон. Горшки этого типа неизвестны в Москве. Они характерны для нижегородской земли и

встречаются как в Нижнем Новгороде, так и в его округе в комплексах XVIII в. Кроме горшков керамика подгруппы IV–2 включает редкие маловыразительные фрагменты мисок. Сосуды с признаками данной подгруппы у исследователей нижегородских древностей получили наименование кирпично-красных ангобированных (или кирпично-красных с белым ангобом).

Группа V (5595 фр. — 11,3 %) объединяет всю «карбонизированную» керамику с преднамеренным восстановительным обжигом. С некоторой долей условности по наличию или отсутствию следов лощения, сочетанию характера лощения и состава керамического теста ее можно разделить на три подгруппы.

Фрагменты керамики подгрупп V–1 и V–2 подсчитывались совместно (3089 фр. — 55,2 %). При этом было отмечено преобладание фрагментов посуды подгруппы V–2.

Подгруппа V–1 (рис. 57) представлена посудой из тонкого хорошо отмученного теста со сплошным или почти сплошным (прерывистым, разделяющимся на отдельные прилегающие друг к другу или перекрещивающиеся штрихи) лощением, не образующим орнаментальных композиций. Цвет поверхности сосудов зависит от наличия или отсутствия ангоба: он может быть аспидно-черным или светло-серым, но всегда однородным. Цвет излома черепка однородный серый или светло-серый. На днищах зачастую заметны отпечатки досок. Разнообразие встреченных форм ограничивается кумганами, мисками, горшками.

В собранной коллекции имеется крупный фрагмент чёрнолощёного кумгана (№ 3161), дающий представление о профилировке сосуда. Последний имеет тонкое хорошо отмученное тесто, его аспидно-чёрная поверхность целиком покрыта сплошным лощением. Цвет излома черепка однородный серый. Высота кумгана 25–30 см. Профилировку сосуда отличает шарообразное тулово, плавно переходящее в высокую слегка расклешенную кверху воронкообразную горловину. Последняя скреплена с носиком специальной пластиной-перегородкой, декорированной сквозными отверстиями. По плечу кумган украшен узким пояском линейного орнамента, состоящим из двух параллельных полосок. По форме сосуд напоминает кумганы XVI в. из раскопок Москвы (Розенфельдт 1968: 33).

Чёрнолощёная миска (№ 3159; рис. 57, 1), форма которой была полностью реконструирована, имеет высоту 9 см и диаметр 16 см. Ее черные слегка выпуклые стенки с обеих сторон небрежно залощены неровными вертикальными линиями, не образующими какой-либо орнаментальной композиции. Лощением покрыта и внутренняя поверхность дна сосуда. Миска украшена пояском линейного орнамента, состоящим из шести параллельных полосок, расположенных сразу под срезом венчика.

Горшки представлены лишь маловыразительными фрагментами. С подгруппой V–1 связаны достаточно ранние образцы чёрнолощёной керамики, сходные по своим технологическим характеристикам и стилистическим особенностям с чёрнолощёной московской посудой XVI–XVII вв. (Розенфельдт 1968: 29).

Подгруппа V–2 (рис. 58) состоит из фрагментов керамических изделий со слегка или с сильно запесоченным тестом (с размером включений до 1,0–1,5 мм), украшенных полосчатым лощением, образующим разнообразные узоры. Цвет поверхности сосудов, как и цвет излома черепка, преимущественно однородный серый. Днища с наружной стороны имеют следы подсыпки в виде мелкозернистого песка. Керамические изделия этой подгруппы представлены не только сосудами (горшками, мисками, блюдами, сковородами), но и многочисленными крышками.

Среди сосудов с полным профилем этой подгруппы в коллекции имеются четыре миски (№ 3163, 3166, 3167, 3171; рис. 58, 9, 10; 59, 1, 2) и одна сковорода (№ 3168; рис. 59, 3).

Для мисок характерны венчики с наружным утолщением, широкие днища и небольшой излом профиля стенок вблизи горловины. Они имеют небольшую высоту (от 5,5 до 8,0 см) и средние по размеру поперечники (от 19,5 до 23,0 см). Лощение прослеживается только с внутренней стороны. Сковорода (№ 3168), диаметром 41 см, высотой 5,5 см, отличается наклонными стенками, которые с внутренней стороны увенчаны массивным краевым напыльвом с сечением округлой формы. Сложный узор, составленный из тонких линий лощения, нанесен по всей внутренней поверхности сосуда. Керамика, орнаментированная лощением (которую иногда называют морёной с лощением), соответствует позднему периоду бытования чёрнолощёной посуды (XVIII–XIX вв.).

Подгруппа V-3 (2506 фр. — 44,8 %; рис. 60, 1–3) по набору форм и рецептуре керамического теста близка позднему чёрнолощёной посуде и отличается от нее отсутствием следов лощения. Отдельные фрагменты днищ такой керамики имеют следы подрезки нитью, что характерно для ёмкостей, изготовленных на ножном гончарном круге.

В рассматриваемой коллекции присутствуют две реконструированные миски (№ 3164, 3169) и одно блюдо (№ 3165), изготовленные на круге с ручным приводом. Одна миска по форме и размерам очень напоминает пиалу (№ 3169). У нее узкое донце, широкая открытая горловина (диаметром 17 см). Подвёрнутый внутрь верхний край венчика образует достаточно массивное утолщение. Высота сосуда 7,5 см. Вторая (№ 3164) близка по профилировке к первой, но более приземиста и отличается меньшими размерами (ее высота 3,7 см, диаметр 13,0 см). Блюдо имеет высоту 2,4 см и диаметр 12,0 см. Рецептуру керамического теста всех этих сосудов отличают незначительные включения песка (с размером зерна до 1,0–1,5 мм). Керамику данной подгруппы принято называть морёной. В Москве ее появление фиксируют с рубежа XV–XVI вв. Судя по наличию примесей, собранная керамика подгруппы V-3 преимущественно относится к поздним образцам морёной посуды XVIII–XIX вв.

Группа VI (145 фр. — 0,3 %) представлена отечественной керамикой, покрытой поливой. По сочетанию особенностей глазури, рецептуры теста фрагменты поливных сосудов достаточно легко разделяются на три подгруппы.

Подгруппа VI-1 (19 фр. — 13,1 %) состоит из осколков сосудов окислительного обжига (чаще с однородным кремовым, реже с трехслойным цветом излома черепка). Они изготовлены из красножгущихся глин и покрыты неровным слоем желто-зеленой поливы (в основном плохой сохранности). Рецептура теста включает песок с размером зерна до 1–2 мм (61 %) или примесь дресвы (с размером частиц до 2,0–2,5 мм). В отдельных случаях под глазурью зафиксирована тонкая ангобная подготовка из белой глины. Обнаруженные осколки керамики данной подгруппы маловыразительны, и поэтому сделать по ним какое-либо заключение о профилировке сосудов невозможно. Судя по найденному фрагменту поливной ручки круглого сечения, среди них встречались кружки или кувшины. С учетом технологических особенностей данной посуды, нахождению связанных с ней фрагментов в наиболее ранних комплексах раскопа, ее бытование можно уверенно датировать в рамках XIII–XIV вв.

Подгруппа VI-2 (58 фр. — 40 %) определяется красноглиняной посудой с тонким тестом, иногда включающим незначительную примесь мелкозернистого песка. Ее отличают хороший горновый обжиг, однородный ярко-красный, кирпичный цвет излома черепка, покрытие тонким слоем прозрачной бесцветной поливы. Посуда данной подгруппы в коллекции представлена преимущественно фрагментами горшков с шарообразно раздутым туловом (типологически восходящим к кирпично-красной ангобированной керамике подгруппы IV-2). Она характерна для позднейших городских напластований начала XIX —

первой половины XX в. При описании нижегородской керамики посуду данной подгруппы принято называть красноглиняной тонкой с прозрачной поливой.

Подгруппа VI–3 (68 фр. — 46,9 %; рис. 60, 4) является весьма неоднородной. К ней условно причислены осколки самых различных поливных сосудов (как красноглиняных, так и белоглиняных), имеющие качественный обжиг и покрытые хорошо сохранившимися цветными поливами. Тесто сосудов, как правило, хорошо отмучено или включает добавку мелкозернистого песка. Для поливы посуды данной подгруппы характерна широкая цветовая гамма и разнообразие технологических приемов ее нанесения. Формы сосудов по собранным материалам не могут быть реконструированы. Керамика данной подгруппы часто встречается в комплексах XVIII–XIX вв.

* * *

Рассмотренный керамический комплекс распадается на три основных хронологических периода (*таблица 7*). Первый определяется господством сероглиняной грубой керамики (*подгруппа II–1*), среди которой преобладают формы, типичные для второй половины XIII–XIV вв. С этим же временным промежутком связаны редкие образцы лепной мордовской (*группа I*), гончарной белоглиняной ранней (*подгруппа III–1*) и средневековой поливной (*подгруппа VI–1*) керамики.

Второй период представлен преимущественно красноглиняной и белоглиняной гладкой (*подгруппы II–2 и III–2*), чёрнолощёной (*подгруппа V–1*), красноглиняной ангобированной (*подгруппа IV–1*) керамикой. Он соответствует XVI–XVII вв.

Последующие два столетия (XVIII–XIX вв.) определяют третий период. Керамика этого времени включает подгруппы кирпично-красной ангобированной (*IV–2*), морёной (*V–3*) и морёной с лощением (*V–2*) керамики, редкие фрагменты поливной посуды с разноцветной (*подгруппа VI–3*) и прозрачной бесцветной глазурью (*подгруппа VI–2*).

Без учета чёрнолощёной и красноглиняной лощёной керамики, входящей в комплексы разных периодов (их суммарная доля в керамическом комплексе невелика — 13 %), в рассматриваемой коллекции преобладает посуда первого хронологического периода (31 668 фр. — 73,9 %). Второе место по численности занимает керамика XVI–XVII вв. (6505 фр. — 15,2 %), а посуда позднейшего периода (XVIII–XIX вв.) — третья (4654 фр. — 10,9%). Приведенные данные показывают, что наиболее активная жизнь на исследованном участке городской территории приходится на промежуток второй половины XIII — XIV в. Обращает на себя внимание своеобразный hiatus, обусловленный отсутствием керамических материалов XV столетия.

Характерно распределение клейм на донцах сосудов: из 38 собранных фрагментов 36 относятся к сероглиняной грубой керамике (*подгруппе II–1*). Из них 20 клейм найдены в комплексах ям XIII–XIV вв.: 3, 3-А, 20, 24, 35, 37, 50, 60, 61, 69, 76, 93, 96, 145²⁷¹. Три попали в яму XVI–XVII вв.²⁷² и три — в ямы XVIII в.²⁷³ В мешаном верхнем

²⁷¹ 3029-я.3; 3023-?/Б1-я.3-А; 3016-?/Е1-я.20; 3014-я.124; 3015-я.124; 199-7/Λ3-я.35; 3012-?/Δ2-я.37; 3027-я.37; 3028-я.37; 3008-я.50; 737-9/Б7-я.60; 3022-я.60; 2710-9/И4-я.61; 2741-9/И4-я.61; 3009-я.69; 3010-?/Δ4-я.76; 3031-я.76; 3006-я.93; 3035-я.96; 3019-я.145.

²⁷² 3013-?/Е1; 3025-я.33; 3033-я.33.

²⁷³ 1608-11/Δ8-я.59-А; 758-6/Б7-я.59-Б; 3007-я.64.

слое найдены 10 фрагментов сероглиняной грубой керамики с клеймами²⁷⁴. Из этого же мешаного слоя происходят фрагмент белоглиняной ранней керамики (подтипа III–2)²⁷⁵ и фрагмент морёной (подтипа V–3)²⁷⁶. Таким образом, клейма на донцах сосудов в целом характерны для XIII–XIV вв. В то же время последние два клейма, отмеченные на донцах керамики XVI–XVIII вв., свидетельствуют о том, что представление о клеймах как явлениях раннем, преимущественно относящемся к домонгольскому времени, явно устарели.

Возникнув в середине X в. традиция постановки клейм на донце сосуда к началу XIV в. во многих городских центрах постепенно забывается (Каменецкая 1983; Кадиева 1996; 2007). В Твери донца с клеймами распространены до пожара около 1385 г., после чего их число резко сокращается, однако один из видов клейм встречается и в первой половине XV в. (Лапшин 2009: 130). На большей части Московского государства традиция угасает в XIV в. и только иногда фиксируется на Северо-Востоке Руси в XV–XVII вв. (Коваль 2002: 127). В Дмитрове клейма встречены в комплексах второй половины XII — первой половины XIII, второй половины XIII — XIV в., XV–XVI вв., XVIII — первой трети XIX в.: соответственно 50, 25, 21 и 14 клейм (Панченко 2007: 197). В Тобольске клейменная керамика датируется в границах XVII в. и не встречается в слоях и комплексах XVIII в. (Балюнов 2010). В деревенском кустарном производстве традиция клеймения горшков доживает местами до XX в. (Коваль 2002: 127).

Что касается ближайшей округи Нижнего Новгорода, то на селище Ближнее Константиново-1, датированном в узких рамках конца XIII — начала XV в., клейма на донцах сосудов еще относительно распространены (Грибов 2001а).

* * *

При общем описании керамического комплекса сложно делать какие-либо заключения о происхождении и развитии местной гончарной традиции. Это затрудняется и отсутствием надлежащего количества надежно датированных и подробно описанных керамических комплексов удельного периода из окрестных земель. При сопоставлении керамики из соседних регионов с преобладающей сероглиняной грубой посудой из раскопок Нижегородского кремля наиболее близкой к последней представляются керамические материалы, полученные из раскопок памятников Владимиро-Суздальской земли. Их от керамики из других областей (Рязанского Поволжья, Верхней Волги) отличает сочетание использования красножгущихся глин и крупнозернистых добавок в керамическом тесте. Местная глиняная посуда XVI–XVII вв. в целом, как и во многих других русских городах Московской Руси, мало чем отличается от столичной керамики этого времени (за исключением отсутствия в Нижнем Новгороде в XVI в. белоглиняных грубых горшков). Очевидно, традиции московского гончарства, мода на посуду, которую использовали в своем быту москвичи, стали активно влиять на ассортимент продукции местных горшечников и привозных изделий сразу после окончательного вхождения Нижнего Новгорода в состав Великого Московского княжества, когда в Нижнем Новгороде появляются первые московские заставы. Нижегородская керамика XVIII–XIX вв. характеризуется определенным своеобразием, которое возникло в результате творческой переработки «московско-коломенского наследия» (прежде всего стилистики белоглиняных гладких «коломенских» горшков) местной гончарной школой.

²⁷⁴ 3004–5/ЖЗ; 3005–5/Б5; 3011–6/Г1; 3017–4/А3; 3018–8/Л8; 3020–4/Н2; 3021–5/Ж4; 3030–4/Г4; 3032–4/Н2; 3034–7/Д3.

²⁷⁵ 3024–5/А5.

²⁷⁶ 3026–3/И7.

Таблица 7. Распределение керамики по материковым ямам

Номер ямы	Группа												
	I	II			III		IV		V		VI		
	Подгруппа												
		1	2	3	1	2+3	1	2	1+2	3	1	2	3
Ямы, выкопанные в XIII–XIV вв.													
3	11	726	6	–	28	–	–	2	2	4	–	–	–
5	–	23		–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
5-А	–	22		–	–	1	–	–	–	–	–	–	–
5-Б	–	4		–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
6	–	7	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–
12	–	70	5	5	1	–	–	–	1	–	1	–	–
13	–	30	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
14	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
16	–	59	–	–	1	4	–	–	1	–	–	–	–
19	–	6	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
20	6	1710	–	31	41	16	–	–	3	1	–	–	–
35	–	331	–	14		4		3	6	1			
37	7	3863	–	704	69	336	6	44	83	188	2	2	2
38	–	55	–	8	2	2	–	–	7	–	–	–	–
40	–	44	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–
41	–	28	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–
44	–	52	–	2		–	–	–	–	–	–	–	–
45	–	2	–	–	–	–	–	–	2	–	–	–	–
47	–	31	–	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–
49	–	426	–	16	4	6	–	–	1	1	–	–	–
50	–	458	–	20	9	9	–	4	15	17	–	–	–
51	5	735	–	104	1	80	3	10	25	13	1	–	–
52	–	8	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
55	–	23	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–
58	–	14	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
60	–	206	–	11	5	6	–	1	2	–	–	–	–
61	–	434	–	8	10	1	–	–	1	–	1	–	–
65	–	22	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–
69	–	322	–	7	3	–	–	–	–	–	–	–	–
70	–	9	–	–	–	–	–	2	1	3	–	–	1
71	–	5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
72	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
74	–	7	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–
75	–	147	–	4	3	–	–	–	–	–	–	–	–
76	4	4556	–	189	54	20	2	19	56	11	7		1
77	–	10	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
81	–	27	–	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–
83	–	6	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
86	–	283	–	28	2	–	–	–	1	–	–	–	–
87	–	456	–	22	4	21	2	6	16	24	–	–	–
89	2	369	–	50	3	–	–	–	–	–	2	–	–
90	–	153	–	74	1	86	34	–	9	9	–	–	2

Таблица 7, продолжение

Номер ямы	Группа												
	I	II			III		IV		V		VI		
	Подгруппа												
		1	2	3	1	2+3	1	2	1+2	3	1	2	3
93	2	845	–	85	–	18	3	13	11	17	–	–	–
96	–	130	–	9	–	11	–	6	5	–	–	–	–
98	–	14	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
99	–	5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
102	–	293	–	33	1	2	2	2	6	2	–	–	–
104	–	22	–	2	–	1	–	–	–	–	–	–	–
106	–	13	–	–	–	2	–	–	–	–	–	–	–
110	–	583	–	8	1	7	1	3	2	–	–	–	–
118	–	16	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–
122	–	4	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
124	–	356	–	29	6	58	2	1	12	5	–	–	–
126	–	28	–	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–
127	–	137	–	5	–	2	–	–	–	–	–	–	–
130	–	84	–	2	1	–	–	–	–	–	–	–	–
140	–	3	–	1	1	–	–	2	–	4	–	–	–
143	–	8	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
145	4	218	–	10	–	5	–	10	11	2	1	–	–
148	2	19	–	4	–	–	–	–	1	–	–	–	–
151	–	9	–	–	–	–	–	2	–	–	–	–	–
155	–	12	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
156	–	8	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
159	–	21	–	2	–	1	–	–	–	–	–	–	–
160	–	103	–	13	1	2	–	5	2	4	–	–	–
161	–	8	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–
162	–	8	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Ямы, выкопанные в XVI–XVII вв.													
4-A	–	10	–	–	–	2	–	6	4	6	–	–	–
22	–	2	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–
24	–	25	12	9	–	23	–	–	10	2	–	–	–
25	–	293	261	107	1	384	23	2	85	20	–	–	3
33	–	196	45	79	–	100	–	–	19	2	–	–	2
39	–	35	3	1	–	5	–	1	2	–	1	–	–
42	–	12	10	–	–	14	–	–	11	–	–	–	–
43	–	27	7	5	–	22	–	–	8	4	–	–	–
57	–	96	1	13	1	19	–	–	2	–	–	–	–
85	–	410	22	56	12	206	9	16	63	23	1	–	4
88	1	145	15	25	–	33	2	–	16	3	–	–	–
139	1	44	–	5	1	2	–	1	4	–	–	–	–

Таблица 7, окончание

Номер ямы	Группа												
	I	II			III		IV		V		VI		
	Подгруппа												
		1	2	3	1	2+3	1	2	1+2	3	1	2	3
Ямы, выкопанные в XVIII–XIX вв.													
1	–	2	–	–	–	2	3	–	2	–	–	–	–
4	–	45	6	1	3	9	–	13	8	13	–	–	–
9	–	7	–	1	–	5	–	6	8	4	–	–	2
10	–	5	–	–	–	–	–	2	1	–	–	–	–
11	–	4	4	4	–	7	–	23	21	40	–	–	2
17	–	89	5	21	–	51	3	178	125	161	–	–	3
18	1	23	10	2	–	–	–	68	60	24	–	–	6
21	–	147	–	1	1	2	–	1	1	2	–	–	–
26	–	2	–	–	–	1	–	–	2	3	–	–	–
29	–	27	–	2	–	7	–	10	7	4	–	–	1
31	1	15	–	2	–	2	–	–	–	6	–	–	–
46	–	33	–	–	1	12	–	10	9	16	–	–	–
48	–	60	3	7	–	17	–	3	5	15	–	–	–
53	1	78	1	3	1	5	–	4	11	3	–	–	1
56	–	14	–	2	1	6	–	2	4	3	–	–	–
59-Б	–	1546	189	169	13	997	45	50	420	252	–	1	9
62	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–
63	–	2	–	–	–	3	–	3	5	1	–	–	–
64	–	37	6	10	1	3	–	–	3	3	–	–	1
66	–	5	–	–	–	3	–	–	–	–	–	–	–
79	–	16	–	–	1	–	–	–	1	–	–	–	1
91	–	42	–	1	–	3	–	–	6	10	–	–	–
94	–	394	39	191	–	171	11	4	32	12	–	–	94
95	–	67	1	5	–	11	–	–	12	9	–	–	–
105	–	–	–	–	–	7	–	–	5	–	–	–	–
107	–	86	–	6	3	5	–	–	8	1	–	2	–
117	–	225	3	16	1	23	–	–	–	–	–	1	1
138	–	64	–	3	–	2	–	1	2	–	–	–	1
141	–	4	2	–	4	–	1	49	37	68	–	–	–
142	–	2	–	–	–	–	–	1	4	3	–	–	1
146	–	10	1	5	–	4	–	1	1	3	–	–	–
164	–	45	1	1	–	4	–	40	49	47	–	–	1
165	–	116	–	10	–	19	–	13	20	19	–	–	–
166	–	1	–	3	–	2	–	4	2	3	–	–	–
167	–	3	–	–	–	6	–	10	3	15	–	–	–
170	–	2	–	–	–	6	–	–	3	–	–	–	–
171	–	95	–	2	–	2	–	–	3	2	–	–	–

2.4.4. Особенности материальной культуры и хронологии Нижнего Новгорода

Основная часть находок из раскопа в Нижегородском кремле типична для средневекового русского города и укладывается в интервал XIII–XV вв. по наиболее разработанной новгородской шкале. Но есть и определенные особенности. Прежде всего это относительно большое количество восточной керамики (цв. ил. VII–XIII; 43–45) и посудного стекла (цв. ил. 5), поступавших через Золотую Орду или производившихся в ее поволжских городах и относящихся к предметам роскоши.

В. Ю. Коваль выделяет два этапа поступления на Русь восточной керамики в золотоордынскую эпоху. Ранний период (середина XIII — первая треть XIV в.) характеризуется слабыми торговыми связями, восточные импорты являются, главным образом, свидетельствами пребывания золотоордынцев (баскаков, численников, даньщиков) на Руси, а также поездок князей в Орду. На позднем этапе (середина XIV — XV в.) возрастает роль торговли; основная часть восточных импортов приходится на вторую треть XIV в. — период кратковременного расцвета Золотой Орды (Коваль 2010а: 192–198). Хотя находки золотоордынского происхождения в последние годы стали известны на территории всей Руси, в том числе Северо-Западной и Западной (Кызласов 2010; Козлова 2004; 2006а; 2006б; 2007), наибольшее их количество приходится на крупные центры Северо-Восточной Руси.

На сегодняшний день количественно и качественно набор восточной керамики и стекла из раскопок в Нижнем Новгороде в наибольшей степени соотносим с коллекцией находок из Твери (Лапшин 2009: 115, 116, 273–296), но значительно превосходит количество находок из Москвы, Старой Рязани и Владимира. Количественное преобладание в Нижнем Новгороде кашинной керамики (86 %) над импортной глиняной (майоликой и полумайоликой), в то время как в золотоордынских городах Нижнего Поволжья наблюдается обратная пропорция, еще раз подчеркивает элитарный характер этого импорта.

В то же время в Нижнем Новгороде встречено относительно большое количество рядовых находок из Болгара и других поволжских городов Золотой Орды. Среди них фрагменты чугунных (рис. 33, 7, 8) и каменных (рис. 37, 1, 2) котлов, серьги (рис. 34, 2, 3), форма литейная (рис. 34, 9), петли налучья (рис. 35, 2, 3), накладки (рис. 26), бляхи (рис. 34, 7, 8), сосуды медные кованые, бирюзовое непрозрачное стекло (браслеты, перстни, бусы). Наконечники стрел типа бб по мнению А. Ф. Медведева были принесены на Русь монголами. Крюки с раздвоенной вершиной, оформленной в виде двух завитков с отверстиями (рис. 28, 7, 14–16), могут свидетельствовать не только о торговых и дипломатических связях с Ордой, но и о непосредственном присутствии ордынцев в Нижнем Новгороде. Такие материальные свидетельства — большая редкость для других центров Руси (Коваль 2010в).

О постоянном присутствии в Нижнем Новгороде не только мусульманских купцов, но и их семей свидетельствует запись в Рогожском летописце. Под 6874 (1366) г. читаем сообщение о том, что новгородские ушкуйники при набеге на Нижний Новгород «...избиша множ[ь]ство Бесермень, множество мужъ и женъ и детей, товаръ их бесчислено весь пограбиша, а съсуды их кербаты и лодии и оучаны и повозки и стругы, то все посекоша...» (ПСРА. XV. 1: стб. 81).

Гораздо скромнее представлены контакты нижегородцев с соседним мордовским населением: небольшое количество лепной керамики (рис. 46, 1–5) в комплексах XIV в., а также единичная находка скульгамы (рис. 34, 4).

Некоторым своеобразием отличается и хронология Нижнего Новгорода, как она представляется по материалам раскопа 2001–2002 гг. Мы можем значительно сузить период, который, следуя новгородской шкале, мог быть предварительно отнесен к XIII–XV вв. Существенна в данном случае хронология восточных импортов. По наблюдению В. Ю. Ковалёва (см. раздел 2.4.2), основной период поступления кашинной керамики — вторая–третья четверти XIV в. Единственная находка «тимуридской» керамики свидетельствует о том, что уже в последней четверти XIV в. импорт посуды из поволжских городов практически прекратился. Это соответствует известиям письменных источников о существовании Великого княжества Нижегородского с 1341 по 1392 гг. и быстром обезлюдении города после 1390-х гг. Как уже упоминалось, в городе отсутствуют достоверные комплексы XV в. (Гусева 1996: 45, 46; Грибов 2011а), за исключением Городка — резиденции московской администрации в XV в. (Грибов 2018).

Не менее важен вопрос о ранней дате раскрытых в Нижегородском кремле комплексов. Как известно, город был основан в 1221 г., однако достоверные комплексы домонгольского времени нам неизвестны. Отдельные находки, которые можно отнести в этому периоду, найдены в верхнем мешаном слое. Это кистень XII–XIII вв. (рис. 34, 11), калачевидное кресало с язычком (рис. 32, 1), которое датируется по новгородской шкале временем до начала XII в. Однако на периферии и за пределами Руси они бытуют и гораздо позже. В Болгаре такие кресала найдены в слое XIII–XIV вв. Ключи от замков типа В датируются широко: второй половиной XII — началом XV в., но в данном случае найдены в комплексах золотоордынского времени.

Преимущественно к домонгольскому времени многие относят находки стеклянных браслетов. В нашем раскопе встречаемость в комплексах ям стеклянных браслетов с кашинной керамикой свидетельствует, что в отличие от большинства русских городов в Нижнем Новгороде этот вид украшений был широко распространен в XIV в. Аналогичная картина наблюдается только в Твери и Болгаре. В Твери пик употребления стеклянных браслетов приходится на первую треть XIV в., а выходят они из употребления в 80-е гг. XIV в. (Лапшин 2009: 111, 112). В Болгаре основная часть стеклянных браслетов происходит из слоя золотоордынского времени: второй половины XIII – XIV в. (Полубояринова 1988: 192, 193).

Возможно, в домонгольское время попала в Нижний Новгород часть амфорной тары. Однако единичные находки групп II («фиванско-халкидской») и IV (с клеймами «SSS») происходят из поздних комплексов, в которые попали в результате перекопов. Что касается группы I («трапезундской»), то устойчивое сочетание ее в комплексах с кашинной керамикой и восточным стеклом свидетельствует о том, что она поступала в город в золотоордынское время (таблица 8).

Таким образом, датировка наиболее ранних построек на исследованной территории может быть отнесена ко второй половине XIII — XIV в., а время наиболее интенсивной жизни в тенденции сужается до середины — второй половины XIV в. В это время господствует керамика групп II–1, III–1, VI–1, по Н. Н. Грибову.

Группа материковых ям XVI–XVII вв., значительно менее многочисленных, характеризуется монетой Михаила Фёдоровича, сапожными подковками (рис. 29, 1–9), глиняными игрушками и местной керамикой групп II–2, II–3, III–2, IV–2, V–1, по Н. Н. Грибову.

К комплексам ям периода XVIII–XIX вв. относятся находки русских медных монет 1718–1743 гг.; крест-тельник (рис. 34, 19); фрагменты зеленоватого стекла, расписанного цветными эмалями (цв. ил. VI), и прозрачного, орнаментированного белой эмалью;

Таблица 8. Совстречаемость фрагментов амфор, стеклянных браслетов, восточных керамики и стекла в комплексах материковых ям

№ ямы	Амфоры, группа			Стеклянные браслеты	Восточная керамика	Сиро-египетское стекло
	I	II	IV			
Ямы, выкопанные в XIII–XIV вв.						
3	–	–	–	16	1	–
13	+	–	–	–	–	–
20	–	–	–	13	5	1
21	–	–	–	1	–	–
35	–	–	–	–	4	–
37	+	–	–	27	72	1
38	–	–	–	–	1	–
40	–	–	–	1	–	–
49	–	–	–	4	1	2
50	+	–	–	9	8	–
51	+	–	–	3	12	–
59-B	–	–	–	3	2	–
60	–	–	–	1	–	–
61	–	–	–	12	8	3
69	–	–	–	3	2	–
76	+	–	–	64	57	20
86	+	–	–	–	11	–
87	+	–	–	26	3	–
89	+	–	–	1	7	–
90	+	–	–	1	6	–
93	+	–	–	2	16	–
96	–	–	–	12	2	1
102	+	–	–	–	2	–
110	–	–	–	4	4	1
110-B	–	–	–	1	–	2
118	–	–	–	–	1	–
124	+	–	–	–	2	–
130	–	–	–	–	–	1
140	–	–	–	3	1	–
145	–	–	–	–	4	–
148	–	–	–	–	3	–
160	–	–	–	–	1	–
161	–	–	–	–	–	1
Ямы, выкопанные в XVI–XVII вв.						
33	+	–	–	–	–	–
85	–	–	1	–	–	–
Ямы, выкопанные в XVIII–XIX вв.						
88	–	1	–	–	–	–
94	+	–	–	–	–	–

глиняные игрушки и пряслица — красноглиняные и красноглиняные ангобированные и морёные; изразцы (рис. 41); белоглиняные курительные трубки и мундштуки (рис. 42); скобы с круглой соединительной планкой (рис. 33, 14); местная керамика групп III–3, IV–2, V–2, V–3, VI–2, VI–3, по Н. Н. Грибову.

Следует еще раз подчеркнуть, что, несмотря на значительную «восточную вуаль», основной корпус нижегородских находок типичен для русского средневекового города. В этом отношении дополнительный выразительный материал дало изучение остеологических материалов из раскопок в Нижегородском кремле в 2001–2002 гг. (см. приложение 2) в 2007–2008 гг. (Асылгараева 2013). Наиболее характерной особенностью остеологических материалов Нижегородского кремля является обилие костных остатков от крупного рогатого скота. Говядина была главным элементом мясного питания городского населения, что также было характерно и для домонгольского Биляра, и для населения городов Москвы и Новгорода. Картина становится еще более отчетливой при сравнении с остеологическими материалами золотоордынского времени из Болгара и Казанского кремля. Значительные процентные показатели присутствия костей овец в Болгаре и лошадей в Казанском кремле объясняются тем, что основу населения этих городов составляло мусульманское население, которое имело широкие торговые связи с тюркским миром. Кроме того, большое количество в «кухонных» остатках лошадиных костей в Казанском кремле, возможно, объясняется еще и тем, что в самом городе всегда было много верховых коней, содержавшихся для военных целей, причем процентные данные по числу остатков костей лошадей во всех археологических слоях памятника оставались одинаково высокими.

2.5. Комплексы материковых ям

В сильно нарушенном поздними перекопами сухом слое Нижнего Новгорода наибольшей информационной ценностью обладают комплексы материковых ям (рис. 61). Это подполья, подпечные и припечные, различного рода хозяйственные, столбовые ямы, частокольные канавки. Выделены четыре хронологические группы: вторая половина XIII–XIV, XVI–XVII, XVIII (в некоторых случаях XVIII–XIX вв.) и XIX–XX вв. Датировка части ям не определена из-за отсутствия находок (см. приложение 1; цв. ил. XIV).

Комплексы первой группы (вторая половина XIII — XIV в.) количественно преобладают, в это время жизнь на территории кремля протекала наиболее интенсивно. Как можно предполагать, значительная часть неопределенных из-за отсутствия находок ям также относится к первой хронологической группе. Среди материковых ям выделяются группирующиеся в юго-западной части раскопа глубокие обширные подполья.

Комплекс ямы 20/37 (рис. 62) на уровне предматерика читался как пятно неправильной подпрямоугольной формы размерами 7,5 × 4,5 м. В процессе разборки выяснилось, что яма оставлена тремя близкими по конструкции последовательно сменяющимися друг друга сооружениями.

Наиболее раннее сооружение I имело подквадратную форму. По углам dna расчищены столбовые ямы, соединенные канавками — следами бревенчатой или жердевой обшивки стен. Внутренние размеры сооружения 2,6 × 2,8–3,0 м, глубина — около 1,6 м от уровня материка. Ориентация по сторонам света. Заполнение, состоящее из гумусированной глины с включениями угольков, сохранилось лишь в придонной части на толщину около 0,1 м, так как его прорезало более позднее сооружение II.

Сооружение II имело конструкцию, аналогичную сооружению I, но смещено к востоку на 1,5 м. Яма подквадратная, 4,4 × 4,4 м, глубиной 1,5 м от уровня материка. Внутрянная конструкция состояла из четырех угловых столбов (ямы диаметром 0,35–0,50 м) и соединяющих их бревен, от которых остались канавообразные отпечатки шириной 0,25–0,40 м. Размеры внутреннего пространства камеры составляли 3 × 3 м. Ориентация по сторонам света.

Сооружение III было развернуто по линии северо-запад–юго-восток, смещено относительно сооружения II к востоку на 2,5 м и прорезало юго-западный угол сооружения II и западную часть сооружения I. Общая структура сооружения читалась при зачистке поверхности пятна ямы. Оконтурилось подквадратное пятно бурого пестроцвета размерами около 4 × 4 м с округлыми выступами по углам — столбовыми ямами. При разборке заполнения ямы выявлены прослойки древесного тлена толщиной около 0,1 м, соединяющие угловые столбовые ямы. Пространство между краями ямы и деревянной обшивкой было забутовано материковой глиной с примесью гумуса. Плоское дно ямы находилось на глубине 1,4–1,5 м относительно уровня материка. Сохранились следы древесного пола, выстилающего дно ямы. Внутренние размеры сооружения 3,4 × 3,4 м.

Судя по стратиграфии ямы 20/37, ко времени функционирования комплекса относится только слой, сохранившийся в придонной части сооружения I и состоящий из гумусированной глины, в которой найдена исключительно сероглиняная грубая керамика, характерная для Нижнего Новгорода XIII–XIV вв., а также четыре фрагмента стеклянных браслетов и два фрагмента кашинной поливной керамики. Нижние слои сооружений II и III относятся уже ко времени разрушения построек. В них найдена также только керамика XIII–XIV вв.: сероглиняная грубая с примесью белоглиняной ранней и красноглиняной лощёной. Слой 3 сооружения II характеризует также находка трех фрагментов стеклянных браслетов, а слой 3 сооружения III — находка пяти фрагментов стеклянных браслетов и трех фрагментов кашинной поливной керамики. На границе слоев 2 и 3 сооружения II расчищен развал обожженной глины от сброшенной в котлован печи. Слои 2 сооружений II и III образовались, по-видимому, при засыпке ям окружающим культурным слоем. В них преобладает ранняя керамика, но есть примесь керамики XVI–XVIII вв., а также фрагменты стеклянных браслетов (10 и 22 соответственно) и кашинной керамики (5 и 67). Верхняя часть заполнения (слои 1 сооружений II и III) частично нарушена поздними перекопами и содержит мешаный материал от XIV до XVIII в.

Таким образом, материал из слоя 2 сооружений II и III, хотя и является переотложенным, но в основном относится ко времени функционирования построек и может их характеризовать. Слой 1 — по-видимому, результат нивелировки и содержит материал нескольких столетий.

Комплекс ямы 76 находится примерно в 1 м севернее комплекса ям 20/37 (рис. 63) и прослежен с уровня погребённой почвы. Яма подквадратной формы, 5,9 × 5,8 м, со скруглёнными углами. Стенки почти вертикальные, дно уплощённое. Глубина 1,7–1,8 м от материка, в центре полусферическое углубление размерами 2,4 × 2,9 м и глубиной до 2,7 м. Верхнюю часть заполнения прорезают более поздние ямы 17, 164–167, 171 (все они относятся к XVIII — началу XIX в.) и небольшие перекопы XX в.

По-видимому, яма имела внутреннюю деревянную конструкцию: угловые столбы, соединенные вертикальной деревянной обшивкой. Сохранились столбовая яма в северо-восточном углу и прогнувшиеся внутрь заполнения полосы древесного тлена вдоль западной, южной и восточной стенок по дну ямы. Внутренние размеры конструкции — около 3,2 × 4,2 м.

На дне ямы чистый керамический комплекс: сероглиняная грубая и четыре фрагмента мордовской лепной. Верхние слои содержат примесь поздней керамики — белоглиняной тонкой, чёрнолощёной, морёной и кирпично-красной с белым ангобом. В заполнении преобладают находки XIV в., в том числе кашинная керамика, восточное стекло, стеклянные браслеты. Позднюю примесь в верхнем слое составляют: изразцы печные — неполивные рельефные и полихромные рельефные, фрагмент стенки орнаментированного сосуда XVIII в. и, возможно, три фрагмента поливных игрушек.

Комплекс ямы 61 в значительной степени разрушен перекопом XX в. Сохранился северо-восточный угол: северная стенка на протяжении 2,4 м, восточная — 4,3 м (рис. 61). Стенки вертикальные, дно плоское, глубина 1,9–2,0 м от уровня материка. На дне ямы — остатки древесного тлена, лежащие вдоль стен: лага — с запада на восток, настил — с севера на юг. Вдоль стен — вертикальный слой желтой глины толщиной от 0,35 м у восточной стенки до 0,7 м — вдоль северной. Это забутовка, свидетельствующая о наличии деревянной обшивки стенок ямы.

В заполнении преобладает сероглиняная грубая керамика, встречается белоглиняная ранняя и красноглиняная лощёная; в верхних слоях встречены единичные фрагменты поздней — белоглиняной тонкой и чёрнолощёной. Датирующими являются находки кашинной керамики, восточного стекла, стеклянных браслетов.

Обширные глубокие подполья характерны для построек Северо-Восточной Руси: Владимира (Жарнов 2003; Зеленцова, Кузина 2008; Зеленцова и др. 2011), Суздаля и его округа (Седова 1997; Самойлович 2007; Шполянский 2008), Рязани (Даркевич, Борисевич 1995). Известны они и в Нижнем Новгороде (Ануфриева 2006; Грибов 2016: рис. 3, 4; Пантелеев, Лукашова 2020) и его округе (Грибов 2007б). В целом, следуя хорошо известной южнорусской традиции (Раппопорт 1975; Моргунов 2003; Енукова 2005), подполья Северо-Востока имеют конструктивные особенности, отмеченные С. В. Шполянским: размещение печей за пределами котлована, обшивка с помощью досок или плах, в основном большие размеры и глубина (Шполянский 2008: 62).

Обширные подполья (ямы 20/37, 76 и 61) выделяются разнообразием и богатством находок, прежде всего импортами (кашинной керамикой и восточным стеклом) и конструктивно, хронологически (XIV в.), территориально близки. Вероятно, в данном случае мы имеем дело с остатками одной богатой городской усадьбы. По наблюдению В. Ю. Ковалья обломки восточных сосудов, найденных в яме 37, были обнаружены также в ямах 51, 85, 90 и 94 (возможно, и в ямах 86 и 89), а обломки сосудов, найденных в яме 76, обнаружены в ямах 50, 53-В, 93 (и, возможно, в яме 91). За исключением ямы 53, все находки комплексов больших подполий концентрируются в восточной части раскопа (кв. Л–О 6–8), что косвенно свидетельствует в пользу единого усадебного пространства.

Сложнее судить о связи построек этого комплекса. В некоторых случаях, как, например, во Владимире (Щапов 2011: рис. 1), взаимное расположение подполий позволяет достаточно уверенно предполагать наличие единой строительной связи или «теремного строения» (Даркевич, Борисевич 1995: 123, 124), наиболее изученных на материалах Новгорода (Раппопорт и др. 1985). У нас достаточных данных для этого нет. Следует лишь отметить, что котлованы комплексов II и III ямы 20/37 и ям 61 и 76 ориентированы одинаково, в то время как наиболее ранний комплекс I ямы 20/37 с ними не совпадает.

Описанные ямы являются подпольями наземных построек. Поскольку это открытые комплексы, возникает вопрос: насколько точно их заполнение может датировать сами постройки (ср.: Коваль 2007)? Сложность состава комплексов длительного накопления хорошо иллюстрируют находки из ямы 59.

Комплекс ямы 59 состоит из трех перерезающих друг друга ям (рис. 64). Наиболее ранняя — 59-В — округлой формы, диаметром около 2 м — относится к XIV в., но содержит примесь находок XVIII в., попавших из ям 59-Б и 59-А. Находки XIV в.: три фрагмента стеклянных браслетов; перстень стеклянный плоско-выпуклый с овальным щитком полупрозрачный бирюзовый; бусина стеклянная биконическая пастовая бирюзовая; два фрагмента кашинной керамики с подглазурной росписью и один фрагмент красноглиняный с прозрачной зеленой поливой; ключ типа В1; пружина замка. Находки XVIII в.: фрагмент мундштука белоглиняного; пряслице из стенки морёного сосуда; заготовка пряслица из стенки морёного сосуда; два фрагмента сосуда красноглиняного с желтой прозрачной поливой и подглазурной росписью белым ангобом. Керамика: преобладает сероглиняная грубая, единичные фрагменты поздней, попавшей при перекопе из ям 59-А и 59-Б, — белоглиняной лощёной, чёрнолощёной, морёной и кирпично-красной с белым ангобом.

В яме 59-Б находки делятся на две группы: вещи XIV в., попавшие в заполнение, по-видимому, при перекопе ямы 59-В, и вещи времени функционирования комплекса. Находки XIV в.: три фрагмента стеклянных браслетов; фрагмент стеклянного перстня плоско-выпуклого синего прозрачного; фрагмент венчика селадонового сосуда; 11 фрагментов кашинной керамики (в том числе один — псевдоселадон); фрагмент литейной формы (для отливки свинцовых грузиков в виде тонкого кружка с валикообразным краем и вертикальной ножкой-втулкой в центре); восемь фрагментов тиглей; ключ типа В (фрагмент); наконечник стрелы типа 33, по А. Ф. Медведеву (XII — первая половина XIII в.); грузик свинцовый колесообразный. Находки XVIII в.: подковка сапожная, пряслице из стенки белоглиняного сосуда. Керамика: мешаная от сероглиняной грубой XIII–XIV вв. (в том числе днище с клеймом) до морёной XVIII — начала XIX в.; количественно преобладает белоглиняная гладкая тонкая; развалы белоглиняного горшка и красноглиняного лощёного кувшина. При этом находки XIV в. количественно преобладают, так как яма была заполнена окружающим культурным слоем. Основанием для отнесения ее к XVIII в. является находка на дне развалов белоглиняного горшка и красноглиняного лощёного кувшина.

Пятно ямы 59-А в верхней части почти полностью перекрывает ямы 59-Б и 59-В. Находки делятся на две группы: вещи XIII–XIV вв., попавшие в заполнение, по-видимому, при перекопе ямы 59-В, и вещи XVIII — начала XIX в. Находки XIII–XIV вв.: два фрагмента стеклянных браслетов; бусина пастовая бочонковидная красная (фрагмент); фрагмент стеклянного сосуда с росписью цветной эмалью и золотом; три фрагмента кашинных сосудов с подглазурной полихромной росписью; грузик свинцовый конусообразный; три грузила красноглиняных; каменный крест-тельник с прямоугольными окончаниями лопастей; наконечник стрелы, близок к типу 33, по А. Ф. Медведеву (XII–XIII вв.); 15 ножей и их фрагментов; пять подковок обувных; два фрагмента тиглей; ключ от замка типа Д или Е (середина XIV — XVI в.). Находки XVIII — начала XIX в.: фрагмент сосуда с росписью белой эмалью; фрагмент печного изразца полихромного рельефного поливного; фрагмент сви-студки красноглиняной. Количественно преобладают индивидуальные находки XIV в. Керамика: мешаная от сероглиняной грубой XIII–XIV вв. до морёной XVIII — начала XIX в.; количественно преобладает белоглиняная гладкая тонкая, далее следуют чёрнолощёная и морёная. Основанием для датировки комплекса XVIII — началом XIX в. служат развалы белоглиняных, красноглиняных и чёрнолощёных сосудов, находившиеся на древесном тлене, выстилающем дно ямы.

Аналогичная картина наблюдается и в других крупных комплексах, в заполнении которых встречаются находки от XIV до XVIII в. включительно. Из этих наблюдений можно

сделать следующие заключения: во-первых, заполнение ямы может содержать отложения нескольких столетий; во-вторых, количественное преобладание находок определенного периода не является основанием для датировки комплекса; в-третьих, наиболее надежная датирующая находка комплекса — развалы керамических сосудов на дне ямы.

Большинство комплексов материковых ям в настоящее время сложно интерпретировать. Очевидно только, что жизнь на исследованном участке наиболее интенсивно протекала в XIV в., при этом его планировка неоднократно менялась.

ГЛАВА 3

К исторической топографии Нижегородского кремля XIII–XIV вв. по данным археологии

Одна из главных особенностей русских городов XII–XIII вв. — их основание является плодом сознательной и целеустремленной политики князей (Егоров 2000: 267). Строительство укреплений «с запасом» определялось желанием князя превратить рядовой пункт в столичный центр, что «сопровождалось строительством новых укреплений, зачастую огораживающих пустые пространства» (Куза 1996: 50). Эти наблюдения справедливы для Нижнего Новгорода. Но при этом уже на первоначальном этапе он выделялся среди других городов, основанных во второй половине XII — начале XIII в. Закладка каменного собора в 1225 г. Георгием Всеволодовичем говорит о первоначальных столичных амбициях. Для сравнения: в «молодых» столицах княжеств Северо-Восточной Руси — Твери и Москве — первые каменные соборы были заложены соответственно в 1285 г. (Антипов 2000: 22–25) и в 1326 г. (Там же: 29–33). Строительство каменного собора в тот период — это политическая манифестация. Другое свидетельство столичных амбиций — перенос некоторых географических названий.

3.1. Образ Киева в топографии Нижнего Новгорода

Перенос южнорусских названий в Северо-Восточную Русь в XII в. давно привлек внимание историков. Он рассматривается как основное свидетельство притока населения из Поднепровья на Северо-Восток (Ключевский 1903: 356; Кучкин 1984: 75). Особенно выразительно дублирование пары — топонима и гидронима — «Переяславль — река Трубеж» сразу дважды: Переяславль-Залесский и Переяславль-Рязанский — каждый на реке Трубеж (Попов 1965: 59, 60). Иной характер имел перенос гидронимов из-под Киева во Владимир-на-Клязьме. В том, что новый город окружают названия легендарных киевских речек — Ирпени (под Владимиром — Рпени), Лыбеди и Почайны, — претензия на основание новой столицы. Лыбедь появляется и в Переяславле-Рязанском: кремль возведен в междуречье Трубежа и Лыбеди.

В топографии Нижнего Новгорода привлекает внимание наличие гидронима Почайна. Это небольшой правый приток Волги рядом с кремлем. Но возникает вопрос: откуда перенесено название — из Киева или Владимира, другими словами, который из столичных городов был для Георгия Всеволодовича образцом для подражания при закладке в 1221 г. Нижнего

Новгорода? Чтобы это понять, необходимо обратиться к топографии Киева, Владимира-на-Клязьме и Нижнего Новгорода. Прежде всего бросается в глаза внешнее сходство возвышенностей, на которых расположены древнейшие части этих городов, особенно если смотреть на них с противоположного, низкого, берега реки. Устья Почайны и Лыбеди с севера и юга окаймляли центральную часть Киева и играли в его жизни важную роль как естественные гавани, они неоднократно упомянуты в летописях (Барсов 2011: 91–98)²⁷⁷. Такую же роль играла во Владимире река Лыбедь, огибавшая кремль с севера и востока. Она упомянута в связи с событиями 1238 г. (Там же: 35). Как и Ирпень под Киевом, Рпень находится на некотором удалении от Владимира. В работах Н. Н. Воронина неоднократно упоминаются Лыбедь, Почайна, Ирпень во Владимире как отражение киевской гидронимии (Воронин 1961: 46; 2007: 39). Однако исследователь не уверен в местонахождении ручья Почайна, который находился «за Серебряными воротами», «на восточном отроге владимирских высот», и ссылается на сочинение Ф. И. Буслаева о владимирских сказаниях (Воронин 1946: 163, прим. 6). Ручей Почайна протекал с запада на восток примерно в 2 км севернее Лыбеди, являвшейся границей средневекового города, и был правым притоком Рпени. О нем напоминают названия современных улиц — Почаевская и Почаевский овраг. В черту города эта территория не была включена вплоть до XX в. (Мазур 2006: 88, 89). Не менее 1,5 км отделяло устье Почайны от Серебряных ворот. Общая топографическая ситуация разительно отличается от киевской. Нет уверенности и в связи двух гидронимов. По М. Фасмеру, «пóча» — лужа, болото, старое русло реки (Фасмер 2003, III: 347), то есть не исключено, что владимирское название могло возникнуть независимо от киевского.

Напротив, устье Почайны в Нижнем Новгороде по топографии и функции, которую оно могло выполнять (городская гавань), удивительно похоже на устье Почайны — Приത്യку — в Киеве. Первым обратил внимание на это нижегородский краевед и первый историк города Н. И. Храмцовский, который приписал основателю города князю Георгию Всеволодовичу следующий пассаж: «Вскоре после того Юрий вздумал осмотреть новые свои владения. Дятловы горы, возвышавшиеся при впадении Оки в Волгу, до такой степени поразили его сходством своим с высокими киевскими, колыбелью христианства Руси, что он ручеек, вытекающий из ущелья, назвал Почайной и решился основать тут город, а близ него, по примеру киевского, монастырь Печерский» (Храмцовский 1857: 6).

По имеющимся в настоящее время археологическим материалам нет достаточных оснований для утверждения о притоке населения из Поднепровья. Перенос топонимов и гидронимов — часть целенаправленной деятельности князей, связанной со строительством новых городов-крепостей на вновь осваиваемых землях.

3.2. Древнейшая топография Нижнего Новгорода

Как уже упоминалось, первая реконструкция территории детинца XIII–XIV вв. принадлежит С. Л. Агафонову (Агафонов 1960; см. рис. 3). Ряд более поздних наблюдений позволил уточнить конфигурацию napольной части укреплений (Ерёмин 1994; Агафонов 2008: 98 — комментарий И. О. Еремина; Ануфриева, Четвертаков 2012; Грибов 2018: 427, рис. 2), но не изменил принципиально эту реконструкцию. Первоначальные деревоземляные укрепления, по С. Л. Агафонову, занимали всю нагорную часть внутри каменного кремля

²⁷⁷ Древнюю топографию сохранил чертеж Киева 1695 г. (Алферова, Харламов 1982).

начала XVI в. Сомнение в этой реконструкции вызывает только один момент: для возведения единой линии валов нужно было засыпать глубокий овраг Ивановского съезда: во-первых, это требует неоправданно больших трудовых затрат; во-вторых, должны были остаться хоть какие-то следы грандиозной земляной насыпи, а их нет. Наблюдения, сделанные Т. В. Гусевой (Гусева 1996: 36; Агафонов 2008: 96 — комментарий Т. В. Гусевой), позволяют предполагать двучастность укреплений нижегородского детинца XIII–XIV вв. Проведенные позднее исследования (Ануфриева, Четвертаков 2012) уточнили трассу южной части рва, но не позволяют в настоящее время ни подтвердить, ни опровергнуть эту гипотезу.

Важнейшим репером в древнейшей топографии древнерусского города было расположение первых храмов. Достоверность сведений о закладке Спасского собора в 1225 г. и его расположение в восточной части Нижегородского кремля ни у кого сомнений не вызывают, хотя археологически храм не исследовался (Воронин 1962: 43–46).

На реконструкции С. Л. Агафонова помимо Спасского собора присутствует Михаило-Архангельский собор начала XIII в. С мнением С. Л. Агафонова в свое время согласился Н. Н. Воронин: непосредственно под полом храма 1359 г. им был прослежен слой известковых осколков и белого раствора толщиной 20–40 см, который автор связал со строительством храма в 1227–1229 гг. По его мнению, нижележащий слой толщиной около 40 см по находкам «датируется в основном домонгольским временем» (Там же: 51). Но, по-видимому, как уже упоминалось в главе 1, состав слоя более сложен: находки позволяют датировать его только в широких рамках XIII–XIV вв. (Грибов 2018: 23). С. Л. Агафонов посчитал, что концепция двух каменных соборов Михаила Архангела (XIII и XIV вв.) нуждается в корректировке: она недостаточно обеспечена археологическим материалом (Агафонов 2008: 77–79).

Кроме того, М. Я. Шайдаковой и Б. М. Пудаловым подвергается сомнению достоверность самого летописного известия о закладке первого каменного Михаило-Архангельского собора в 1225 г. (Шайдакова 2006: 51; Пудалов 2003: 158, 159). С Б. М. Пудаловым согласен А. А. Кузнецов (Кузнецов 2006: 385). Сведения о строительстве Михаило-Архангельского собора в начале XIII в. содержатся в местных летописцах середины — второй половины XVII в.: «Нижегородском летописце» (Гациский 1886/2001; Зиборов, Турилов 1993) и «Летописце о Нижнем Новгороде» (Шайдакова 2006; Турилов 1993). «Оба памятника, возможно, являются независимыми извлечениями нижегородского материала из близких, но не идентичных летописных сводов, и их сходство носит не генетический, а тематический характер» (Зиборов, Турилов 1993: 256). Для «Нижегородского летописца» характерны отклонения от дат общерусских сводов в сторону удревнения. Основание Нижнего Новгорода князем Георгием Всеволодовичем датируется здесь 1212 (6720) вместо 1221 (6729) г. (Там же: 255). В «Летописце о Нижнем Новгороде» основой известий о событиях XIII–XIV вв., по-видимому, послужила Типографская летопись особой редакции (ТЛОР) первой половины XVI в. Ошибки в датировке событий, общие для всех списков (6883 вместо 6873 г., 6825 вместо 6885 г., 6091 вместо 6891 г.), по мнению А. А. Турилова свидетельствуют о дефектности протографа (Турилов 1993: 267). М. Я. Шайдакова отмечает, что «известие о постройке собора в ТЛОР под 6733 г., хотя и является единственным подтверждением этого факта в общерусских летописях, вызывает сомнение, поскольку в других летописях под этим годом описано возведение Спаса» (Шайдакова 2006: 51). По мнению Б. М. Пудалова, постройка каменного шатрового Михаило-Архангельского собора в 1631 г. могла стать побудительным мотивом для включения в местную летопись середины XVII в. записи,

прославляющей древность храма (Пудалов 2003: 158). Многочисленные разночтения привели исследователя к пессимистическому выводу: «Таким образом, „Нижегородский летописец“ и „Летописец о Нижнем Новгороде“ не могут рассматриваться всерьез как источники новой информации по истории Нижегородского края в первой трети XIII в.» (Там же: 159).

В то же время Б. М. Пудалов считает правдоподобными записи «Нижегородского летописца» под 6720 г. и «Летописце о Нижнем Новгороде» под 6729 г., в которых известие об основании великим князем Георгием Всеволодовичем Нижнего Новгорода дополнено сообщением о закладке при основании города деревянного Михаило-Архангельского собора (Там же: 157, 158). Сомнение исследователя вызывает лишь известие «Нижегородского летописца» под 6735 (1227) г. и Типографской летописи под 6733 (1225) г. о закладке *каменного* собора, в то время как «все остальные общерусские летописи (в том числе и более ранние) помещают известие о закладке в Новгороде Нижнем Спасского каменного собора» (Там же: 158). По мнению Б. М. Пудалова, «одновременная закладка — в один и тот же год, в одном и том же городе, на средства одного и того же князя — двух каменных храмов в условиях Владимиро-Суздальской Руси первой трети XIII в. практически невероятна» (Там же: 158). Из этого следует вывод: «Утверждение Н. Н. Воронина о строительстве каменного Архангельского собора в Нижегородском кремле в XIII в. нуждается в дополнительной проверке: похоже, что недостоверное летописное упоминание предопределило выводы ученого, а следовало бы, напротив, проверить археологическими данными сообщения летописи» (Там же: 159, прим. 199).

Не обсуждая вопрос о том, чем поздняя запись о закладке *деревянной* церкви предпочтительнее поздней же записи о закладке *каменного* собора, вновь обратимся к тексту Н. Н. Воронина. Исследователь отмечает, что сведения «Нижегородского летописца» о строительстве при заложении Нижнего Новгорода деревянного храма, а в 1227 г. каменного собора архистратига Михаила, не находят подтверждения в других летописных источниках. Однако «интерес к княжескому культу архистратига Михаила... заставляет прислушаться к показаниям Нижегородского летописца». Он отмечает, что строительство двух храмов в Нижнем Новгороде укладывается в промежуток между строительством собора Рождества Богородицы в Суздале и Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (Воронин 1962: 46). Именно такая последовательность каменного строительства артелью, работавшей во Владимиро-Суздальской земле, подтверждена П. А. Раппопортом (Раппопорт 2013: 296).

Под 1359 г. находятся новые сведения о постройке каменной церкви Архангела Михаила, по-видимому, у княжеского двора («в своей отчине», «близ двора своего»). Н. Н. Воронин осторожно замечает, что «никаких упоминаний о здании 1227 г. нет, что вновь заставляет сомневаться в достоверности сведений о его постройке князем Юрием» (Воронин 1962: 46). При раскопках 1960 г. исследователь выделил периоды строительства трех храмов XIII, XIV и XVII вв. При этом он зафиксировал фрагменты фундамента здания, предшествовавшего постройке XIV в. и отнесенного автором к 1227 г., а прилегающий слой, как уже упоминалось, он датировал «в основном предмонгольским временем» (Там же: 51, рис. 27, 28). О том что, судя по керамике, этот слой более сложный по составу и может быть датирован только в широких рамках XIII–XIV вв., уже упоминалось. Другое дело, какой культурный слой мог отложиться за полтора десятилетия до монгольского нашествия и насколько он мог сохраниться при последующем каменном строительстве на этом участке? Вопрос этот остается открытым. В пользу существования домонгольского храма говорит находка фрагмента резного убора собора — головы льва, выполненной в лучших традициях

владими́ро-сузда́льской пластики домонго́льского периода (Там же: 53, рис. 29). Исходя из сказанного, я не могу не согласиться с заключением Н. Н. Воронина: «Открытие остатков Михаило-Архангельского собора 1227–1229 гг. повышает доверие к Нижегородскому летописцу. Уникальность его сведений по постройке этого здания свидетельствует, что составитель Летописца располагал древними источниками особого рода, может быть, местными соборными записями» (Там же: 289, прим. 40).

Для нашей темы — топографии Нижегородского кремля XIII–XIV вв. — наиболее существенно то, что можно предполагать местонахождение княжеского двора в районе Михаило-Архангельского собора уже со времени основания города. Пространственное соотношение храма и княжеского двора может быть проиллюстрировано на примере Рюрикова городища под Новгородом. Здесь группа больших построек, которая по топографии и комплексу находок интерпретирована Е. Н. Носовым как княжеский двор (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 46), расположена всего в 20 м к югу от княжеской церкви Благовещения.

На исследованной территории раскопа 2001–2002 гг. датировка комплексов наиболее ранних построек может быть отнесена ко второй половине XIII — XIV в. и в тенденции сужается до середины — второй половины XIV в. как времени наиболее интенсивной жизни. При этом встречены отдельные находки, относящиеся, возможно, к домонгольскому времени, в том числе фрагменты византийских амфор (см. раздел 2.4.4). Можно предположить, что первоначальная застройка кремля проходила по краю верхней береговой террасы именно там, где расположен Михаило-Архангельский собор.

По мнению А. В. Кузы, для древнейшего ядра русских городов характерна приречно-рядовая застройка, лишь в результате длительного развития она сменялась радиально-концентрической в том или ином ее варианте (Куза 1985: 61, 62). Благодаря исследованиям М. В. Седовой, в настоящее время история формирования типичного города Северо-Восточной Руси лучше всего может быть прослежена на конкретном материале Суздаля (Седова 1997). Кремлевские вал и ров с напольной стороны были заложены в максимально выгодном с топографической точки зрения месте — там, где берега реки сближались в излучине (Там же: 51). Застройка XI в. — приречно-рядовая в северной части территории кремля, в то время как большая часть его территории пустовала (Там же: 51, 76, 77). В XII в. рост города происходит вдоль берега реки, за пределами укреплений. Ко времени строительства укреплений окольного города приречно-рядовая застройка уже вышла за его границы (на месте будущего Ризоположенского монастыря) (Там же: 141–143). Очертания укреплений окольного города определялись максимально выгодным использованием рельефа местности, а не существующей застройкой. В настоящее время участки домонгольского культурного слоя с внешней стороны городских валов помимо Суздаля выявлены и в других городах Северо-Восточной Руси: во Владимире, Ярославле, Юрьеве-Польском, Городце на Волге, Гороховце, Переславле-Залесском (Макаров 2017: 13). Освоение территории внутри окольного города происходило вдоль дорог, ведущих из кремля на север, восток и юго-восток. Только постепенно они превращались в улицы (Седова 1997: 57). По-видимому, эта схема развития города справедлива и для Твери (Лапшин 2009: 197). Кажется, отсутствует первичная приречно-рядовая застройка в Москве (Панова 2013).

Строительство практически одновременно двух храмов на самых высоких точках берега к востоку и западу от Ивановского оврага наводит на мысль об изначально двучастной структуре укрепленной части города (ср.: Бондаренко, Шумилкин 1988: 4). При этом использовались преимущества естественной изрезанности оврагами верхней береговой террасы. Можно предположить, что собственно детинец со Спасским собором в центре

занимал небольшой мыс площадью около 1,5–2,0 га в восточной части территории кремля. Западная его часть между Ивановским и Почайнинским оврагами составляла площадь около 8 га, но первоначально была заселена только северная ее кромка, где находилась княжеская усадьба с церковью Архангела Михаила. По-видимому, ранняя застройка была вытянута полосой вдоль северного края береговой террасы, как, например, в Суздале, где первоначальная линия усадеб занимала полосу шириной всего 10–15 м, вытянутую также вдоль края береговой террасы реки Каменки (Седова 1997: 78–95, рис. 31). Возводились ли укрепления восточной и западной частей одновременно или последовательно, можно выяснить лишь в результате целенаправленных полевых исследований. Остается также открытым вопрос, имел ли княжеский двор первоначальные укрепления или же сразу ими было охвачено значительное пустое пространство? То, что нам известно о других древнерусских городах, позволяет склоняться ко второму варианту. Но уже в XIV в. укрепленная часть города окружена быстро растущими посадками.

Остается сделать некоторые предположения о характере и социальной роли усадьбы на участке, раскопанном в 2001–2002 гг.²⁷⁸ Большие подполья, составляющие ее ядро, располагались в юго-западной части раскопа, в 100 м от края верхней береговой террасы и в 180 м к юго-западу от собора Михаила Архангела XVII в. По-видимому, в XIII в. эта территория еще не была заселена. В XIV в. мы застаем здесь комплекс усадьбы, выделяющийся помимо многочисленных золотоордынских импортов находками оружия, снаряжения коня и всадника. Особо нужно отметить находку створки квадрифолийного энколпиона и находку печати-матрицы, точенной на станке в форме шахматной пешки. Аналогичные печати в форме «пешки» характерны для северорусских городов (Пскова, Новгорода, Старой Рязани, Серенска, городища Дуна, Твери, а также Болгара, где найдены русские печати) и особенно — для XIV в. Такие печати считаются принадлежностью княжеского хозяйства и, скорее всего, принадлежали не самому князю, а его доверенным лицам, так как предназначались для опечатывания восковым оттиском не только грамот, но и любого княжеского имущества. В Твери находка двух аналогичных печатей связана с богатой усадьбой (дендродата: 1364–1385 гг.), предположительно принадлежащей главе княжеской администрации (Лапшин 2009: 119, 120, 181, 182). Сходный социальный статус, по-видимому, имела и исследованная усадьба в Нижегородском кремле.

²⁷⁸ В 2002–2004 гг. Т. В. Гусева к юго-востоку от раскопа 2001–2002 гг. при шурфовке на месте прокладки траншей под теплотрассы и канализацию вскрыла в общей сложности около 100 кв. м. Судя по насыщенности слоя обломками импортной стеклянной и кашинной посуды, здесь продолжалась территория богатой усадьбы XIV в. Т. В. Гусева интерпретировала ее в качестве «княжьего двора» (Гусева 2004: 63; Грибов 2018: 391, № 52; рис. 1, 52).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Место Нижнего Новгорода в политической структуре Северо-Восточной Руси XIII–XV вв.

Вторая половина XIII — XV в. — период стагнации и структурной перестройки всей городской сети Руси. При упадке крупнейших старых городов, подвергавшихся неоднократно разгрому (Киева, Переяславля, Чернигова, Владимира-на-Клязьме, Рязани), ряд «малых» городов получил импульс развития, превратившись из волостных центров в столицы удельных княжеств (Коваль 2017: 29).

В Северо-Восточной Руси в первой половине XIV в. на смену Владимиру выдвинулись три новых центра — столицы великих княжений Москва, Тверь и Нижний Новгород. В исторической судьбе этих городов много общего. Возникли они как пограничные крепости владений потомков Юрия Долгорукого: Москва и Тверь — на юго-западных рубежах в середине XII в. и на рубеже XII–XIII вв. соответственно, Нижний Новгород — на юго-восточном рубеже в начале XIII в. Но уже на первоначальном этапе Нижний Новгород выделялся среди будущих столиц великих княжений. То, что закладка каменного собора в Нижнем Новгороде Георгием Всеволодовичем состоялась намного раньше (в 1225 г.), чем первые каменные храмы начали строиться в Твери (1285 г.) и Москве (1326 г.), говорит об изначальных столичных амбициях князя. Ряд топонимов (река Почайна, Печерский монастырь) говорит о том, что образцом для подражания для князя был столичный Киев.

Начиная с 1305 г. Москва и Тверь несколько десятилетий вели кровопролитную борьбу за обладание ярлыком на Владимирское великое княжение, в котором Тверь в конечном итоге потерпела поражение (Клюг 1994: 99–132). В политических комбинациях Орды в это время Нижний Новгород выступает не как политическое целое, а как часть нестабильных новообразований (Кучкин 1974: 241). Однако, по-видимому, именно в этот период город вырастает в значительный центр поволжской торговли. В противном случае остается непонятным перенос столицы из Суздаля в Нижний Новгород в 1341 г. при формировании Нижегородского княжества.

Впервые титуловать владимирского князя «великим» стали применительно к Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо (1177–1212 гг.) (Пресняков 1998: 47; Поппэ 1996: 481; Феннел 1989: 40). Однако заключенная в этом титуле претензия на общерусскую гегемонию князьями других ветвей не признавалась — в южнорусском летописании преемники Всеволода называются «великими князьями» с добавлением ограничительного эпитета «суздальский» (Горский 2004а: 150). Иной стала ситуация после монгольского завоевания. Формальным основанием для столичного статуса было получение князьями в Орде

ханских ярлыков на «великое княжение». Русь, согласно ярлыку, должна была ежегодно дважды (весной и осенью) выплачивать ханам дань. Размер дани определялся исключительно устно — при личном свидании князя с ханом. В 50-х гг. XIII в. для упорядочивания сбора дани была произведена перепись населения во всех областях монгольской империи, в том числе в 1257 г. в Северо-Восточной Руси, а в 1258–1259 г. — в Новгородской земле. Ярлык на Владимирское великое княжение давал право на сбор дани, татарского «выхода», с княжеств Северо-Восточной Руси и Новгорода и на то, чтобы отвозить ее в Орду напрямую, без посредников.

После фактического закрепления ярлыка на Владимирское великое княжение за московскими князьями были образованы «местные» великие княжения с центрами в Твери и Нижнем Новгороде. Если учесть совпадение во времени известий об образовании великих княжений в Твери (1338/39 г.) и Нижнем Новгороде (1341 г.), то следует признать, что за ними, видимо, стоит целенаправленная политика хана Узбека (1313–1342 гг.), целью которой было «приводить силы князей в равновесие» (Насонов 2002: 296) и недопущение концентрации всех даней в одних руках московского князя. «Местные» великие князья получили право на сбор ордынской дани со своих удельных княжеств и передачу ее в Орду, минуя Москву. Фактически ярлыки являлись признанием платежеспособности великих княжений, косвенно свидетельствовали об их экономическом потенциале. Великое княжество Нижегородское просуществовало всего пятьдесят лет — с 1341 по 1392 г. Вторая половина XIV в. — период максимального расцвета столицы княжества. Но в 1392 г. Василий Дмитриевич московский купил в Орде ярлык на Нижний Новгород, самостоятельный нижегородский стол был ликвидирован, а городом стал управлять московский наместник.

Чем же отличались эти новые региональные столицы от других городов, зачастую более старых и крупных? Ряд признаков характеризует новые центры не только и не столько с точки зрения их экономического положения, сколько с точки зрения «великокняжеского» самосознания. Среди них каменная архитектура (прежде всего культовая), великокняжеские летописные своды, литературные памятники, чеканка собственной монеты.

Для того чтобы новые города приобрели столичный облик, князьям потребовалось возродить ремесла и культурные традиции, утраченные в результате нашествия 1237–1240 гг. Наиболее хрупкой представляется архитектурная традиция. Ее сохранение и развитие в домонгольской Руси достигалось тем, что архитектурно-строительные артели постоянно получали княжеские заказы на строительство новых храмов. Переезды артели из одной земли в другую были связаны с переездом князя-заказчика или его династическими союзными отношениями. В начале XIII в., когда древнерусское строительное производство было наиболее интенсивным, количество артелей, по мнению П. А. Раппопорта, достигло семи, в том числе одна из них работала во Владимиро-Суздальской земле (Раппопорт 1993: 246–251). Первые каменные соборы в Нижнем Новгороде были возведены в промежутке между строительством собора Рождества Богородицы в Суздале и Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (Воронин 1962: 46; Раппопорт 2013: 296). Неясно, как была сохранена преемственность, но первые храмы, заложенные именно в новых столицах — Твери (1285 г.), Москве (1326 г.) и Нижнем Новгороде (1350 г.), продолжили традицию владимиро-суздальской белокаменной архитектуры.

В 1350–1352 гг. князь Константин Васильевич (1341–1355 гг.) строит каменную церковь Спаса (ПСРА. XX: 186; I: 531) на месте обветшавшего храма, заложенного в 1225 г. князем Георгием Всеволодовичем (ПСРА. I: 447; Воронин 1962: 43). В 1359 г. Андрей Константинович (1355–1365 гг.) строит церковь Архангела Михаила (ПСРА. X: 230), вероятно, на месте храма 1227 г. (Гацкий 1886: 2; Воронин 1962: 46).

Вслед за храмами в Нижнем Новгороде делаются попытки строительства первых каменных укреплений. В 1365 г. князь Борис Константинович заложил каменный кремль (ПСРА. XV, 1: 74; Гациский 1886: 12), но был смещен с нижегородского стола братом Дмитрием. В 1372 г. Дмитрий Константинович вновь заложил каменный кремль (ПСРА. XI: 18; XV. 1: 100; Гациский 1886: 17), но, по-видимому, не успел завершить. Почти одновременно в 1366–1367 гг. при Дмитрие Донском строится каменный кремль в Москве (ПСРА. XI: 8).

Строительство первых храмов повлекло за собой возрождение фресковой живописи и иконописи, ремесла ювелиров. При храмах начинали вести погодные записи, составлялись великокняжеские летописные своды. «Появление летописных сводов означало появление таких письменных исторических произведений, которые содержали опыт средневекового построения государства, народа или народов, опыт построения и истолкования исторического процесса, как его понимали современники» (Насонов 1969: 12, 13). В Спасском соборе при Константине Васильевиче началось ведение летописных записей (Там же: 171, 172). Около 1383 г. был составлен Нижегородско-Суздальский свод (Муравьева 1983: 164–200).

В столицах великих княжений начинается чеканка собственной монеты. В Москве она началась в 1374–1380 гг. при Дмитрие Донском (Фёдоров-Давыдов 1981), когда право на Владимирское великое княжение окончательно закрепилось за московскими князьями (Горский 2006: 10). Одновременно чеканка монеты началась и в Нижнем Новгороде (в 70-е гг. XIV в., до 1382 г.) при Дмитрие Константиновиче (Фёдоров-Давыдов 1989), а в Твери, обескровленной борьбой с Москвой, — только в первое десятилетие XV в., при князе Иване Михайловиче (Гайдуков 1993: 55).

Рост городов Поволжья следует поставить в прямую связь с увеличением значения Волжского пути для северо-восточных русских земель в XIV–XV вв. В условиях монголо-татарского ига Волга приобрела исключительно важное значение в торговом и военном отношении (Сахаров 1959: 73). Расцвет Нижний Новгород переживает в XIV в. одновременно с золотоордынскими городами. По-видимому, процветание города во многом основывалось на волжской торговле. Известие Рогожского летописца под 1366 г. об избиении и ограблении новгородскими ушкуйниками мусульман, живущих в Нижнем Новгороде, по-видимому, с семьями (ПСРА. XV. 1: стб. 81), позволяет предполагать существование в городе постоянной купеческой колонии. О значении Нижнего Новгорода говорит то, что в конце правления Дмитрия Донского, когда общий татарский «выход» составлял 5000 руб., а доля в нем Московского княжества составляла 1000 руб., нижегородский «выход» равнялся 1500 руб. (Каштанов 1988: 8, 9).

Ордынцы сжигают город в 1377, 1378, 1408 гг. В 1445 г. орда Улу-Мухаммеда на целый год обосновалась в городе. Поэтому отсутствие слоев XV в. в Нижнем Новгороде, которое наблюдают археологи, по-видимому, закономерно. Когда в 1392 г. Василий Дмитриевич московский купил в Орде ярлык на Нижний Новгород и самостоятельный нижегородский стол был ликвидирован, а городом стал управлять московский наместник, последний был вынужден обосноваться в небольшом осадном городке в 1,5 км от кремля, укрепления которого, скорее всего, не было возможности восстановить (Грибов 2018). Но, по-видимому, окончательный удар по экономике Нижнего Новгорода нанес Тимур, уничтожив в 1395–1396 гг. его основных торговых партнеров — золотоордынские города. Почти все они были разрушены, ремесленники вывезены в Самарканд (Егоров 2002: 82). После распада Золотой Орды из известных 110 городов, существовавших в XIII–XIV вв., в наследовавших ей ханствах осталось восемь (Там же: 83).

Если Москва и Тверь переживали татарские погромы и вновь поднимались, опираясь на свою округу, то Нижний Новгород переживает период упадка, который заканчивается лишь в начале XVI в., после строительства уже московским князем нового каменного кремля. В этот период город вновь играет роль плацдарма, на этот раз при военных столкновениях с Казанским ханством. После походов Ивана IV на Казань и Астрахань и объединения в границах единого государства всего Волжского пути Нижний Новгород приобретает значение в первую очередь как богатый торговый город.

ПАМЯТИ ДРУГА

Иван Алексеевич Очеретин (1965–2017)

С Ваней Очеретиным я познакомился в 1987 г., когда группа историков-первокурсников из Горьковского университета приехала на практику в Суздаль, во Владимиро-Суздальскую экспедицию Института археологии АН СССР, которой руководила Мария Владимировна Седова. Горьковчане (они уже тогда называли себя нижегородцами) достались мне и прошли практику на селище X–XI в. Гнездилово-2. Группа была на редкость хорошая и дружная, но как-то сразу мне стало ясно, кто из них в будущем станет археологом — конечно, Иван Очеретин. Так и оказалось: все последующие годы он приезжал в экспедицию, привозя с собой группы студентов с разных курсов. Работал в Суздале и на селище третьей четверти I тыс. н. э. Кибол. В 1991 г. защитил диплом «Суздальское Ополе в X–XIII вв.».

Это был период становления охранной археологии в Нижнем Новгороде. Начиная с 1988 г. охранные раскопки и наблюдения в исторической части Нижнего Новгорода вела Археологическая служба под руководством Т. В. Гусевой, научного руководителя Ивана Очеретина по университету. В 1993 г. Иван основал ООО «Историко-археологическое общество „Велес“» и развернул работы в Нижнем Новгороде и области. Исследования были

проведены в десятках мест в центральной части города, где выявлены комплексы XIII–XIV, XVII и XVIII вв. Происходило стремительное накопление археологических материалов, на глазах изменялось представление о размерах и динамике развития Нижнего Новгорода в средневековье. В вышедшей в 2000-е гг. четырехтомной Археологической карте Нижегородской области весомую часть составляли результаты полевых исследований, проведенных Иваном Алексеевичем Очеретиним.

Мы изредка встречались на конференциях. Осенью 2001 г. Иван неожиданно позвонил мне и предложил возглавить спасательные раскопки в Нижегородском кремле. Из-за задержки финансирования осенние раскопки почти сразу переросли в зимние. В этой непростой ситуации в полной мере проявились организаторские способности Ивана. Несмотря на физически тяжелые условия, экспедиция запомнилась как самая комфортная в моей жизни: освобожденный от финансовых и хозяйственных забот впервые я мог целиком сосредоточиться на научном руководстве раскопками. В том, что книга, которую сейчас держит в руках читатель, вообще состоялась, заслуга Ивана Очеретина огромна.

В последующие годы мы регулярно встречались на конференциях в Нижнем Новгороде и Владимире. В эти нечастые встречи излучаемая Иваном доброжелательность неизменно заряжала оптимизмом. С его уходом в моей жизни, и не только в моей, образовалась невосполнимая пустота, остро ощущаемая поныне.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Каталог комплексов материковых ям²⁷⁹

I. Комплексы XIII–XIV вв.

Яма 3 (кв. А–Б 1–2). Выявлена при зачистке предматерика (погребённой почвы) на уровне -0,98/-1,03 м в виде пятна сложной формы. При дальнейшей зачистке и разборке выяснилось, что ее прорезают более поздние ямы 27–32. Яма 3 округлой формы, размерами 2,05 × 1,90 м, дно полусферическое, глубина 1,77 м. *Заполнение* состоит из нескольких слоев: сверху линза слоистого серо-бурого суглинка толщиной до 0,3 м; под ней слой рыжей глины с примесью черного гумуса толщиной 0,10–0,15 м; ниже — слой серо-бурого суглинка толщиной 0,1–0,2 м, насыщенный крупными кусками пещины; по дну — слой темно-бурого пестроцвета, насыщенного углем с включениями рыжей глины толщиной до 0,2 м. На дне ямы прослежены две (?) столбовые ямы, по-видимому, относящиеся ко времени их функционирования. *Индивидуальные находки*: 16 фрагментов стеклянных браслетов; один фрагмент сосуда кашинного с прозрачной бирюзовой поливой и чёрной подглазурной росписью; две железные иглы; фрагмент погребушки поливной яйцеобразной и несколько неопределимых железных предметов. *Керамика* преобладает сероглиняная грубая и белоглиняная ранняя, найдено днище сероглиняного грубого сосуда с клеймом в виде двух кругов с одним центром, 11 фрагментов лепной мордовской; в верхней части заполнения — примесь красноглиняной лощёной, красноглиняной гладкой, белоглиняной гладкой, чёрно-лощёной, кирпично-красной с белым ангобом и морёной керамики.

Яма 3-А (кв. А–Б 1). Прослежена с глубины -0,92 м как часть пятна ямы 3. Размеры 0,28 × 0,36 м, глубина -1,22 м (-0,24 м от уровня предматерика). Округлой формы, с крутыми стенками и уплощённым дном. *Заполнение*: бурый пестроцвет. По-видимому, является частью комплекса ямы 3. *Керамика*: днище сероглиняного грубого сосуда с клеймом в виде круга с точкой по центру.

Яма 3-Б (кв. А1). Прослежена с глубины -1 м как часть пятна ямы 3. Размеры 0,4 × 0,4 м, глубина -1,4 м (-0,39 м от уровня предматерика). Округлой формы, с крутыми стенками и уплощённым дном. *Заполнение*: бурый пестроцвет. По-видимому, является частью комплекса ямы 3.

Яма 3-В (кв. А–Б 2). На уровне предматерика (погребённой почвы) была перекрыта пятном ямы 4. Прослежена от уровня ее дна (-1,19 м) при разборке заполнения. Размеры 0,23 × 0,28 м, глубина -1,41 м (-0,41 м от уровня предматерика). Округлой формы,

²⁷⁹ В описании размеры ям указываются сначала по линии север–юг, потом запад–восток, глубины — от репера.

с крутыми стенками и уплощённым дном. *Заполнение*: бурый пестроцвет. По-видимому, является частью комплекса ямы 3.

Яма 5 (кв. А 2–3, Б3). Прослежена с уровня предматерика (погребённой почвы) -0,97 м как пятно бурого пестроцвета, вытянутое с запада на восток и уходящее в западную стенку раскопа. Размеры в пределах раскопа 0,25–0,30 × 2,30 м, глубина -1,01/-1,06 м (-0,04/-0,09 м от уровня погребённой почвы). Пятно ямы частично перекрыто пятнами ям 5-А и 5-Б. Стенки пологие, дно уплощённое. *Заполнение*: бурый пестроцвет с включениями пещины и угля. *Керамика*: сероглиняная грубая, фрагменты пещины.

Яма 5-А (кв. А 2–3). Прослежена с уровня предматерика (погребённой почвы) -0,97 м как пятно бурого пестроцвета, частично перекрывающее пятно ямы 5. Округлой формы, размерами 0,5 × 0,6 м, глубиной -1,23 м (-0,23 м от уровня погребённой почвы), с покатыми стенками и уплощённым дном. *Заполнение*: однородное — бурый пестроцвет. *Керамика*: сероглиняная грубая, фрагменты пещины.

Яма 5-Б (кв. Б3). Прослежена с уровня предматерика (погребённой почвы) -0,99 м как пятно бурого пестроцвета, частично перекрывающее пятно ямы 5. Округлой формы, размерами 0,50 × 0,55 м, глубиной -1,35 м (-0,36 м от уровня погребённой почвы), с почти вертикальными стенками и уплощённым дном. *Заполнение*: однородное — бурый пестроцвет. *Керамика*: сероглиняная грубая.

Яма 6 (кв. Б1). Прослежена с уровня предматерика (погребённой почвы) -0,94 м. Частично уходит в южную стенку раскопа. Округлой формы, диаметром около 0,25 м, глубина -1,13 м (-0,19 м от уровня погребённой почвы), с вертикальными стенками и уплощённым дном. *Заполнение*: темный коричневый пестроцвет с кирпичной крошкой. *Керамика*: преобладает сероглиняная грубая.

Яма 12 (кв. Е3). Прослежена с глубины -0,98 м (уровня предматерика). Округлой формы, диаметром 0,40 м, глубиной -1,43 м (-0,39 м от уровня предматерика). Стенки вертикальные, дно уплощённое. Прорезает верхнюю часть заполнения ямы 41. *Заполнение*: однородное — серо-коричневый суглинок. В заполнении найден фрагмент сосуда с двусторонней глухой желтой поливой — русская керамика XIII–XIV вв. (№ 3038). *Керамика*: мешаная — преобладает сероглиняная грубая посуда, отдельные фрагменты красноглиняной гладкой и лощёной, один фрагмент — чёрнолощённый. Ранние находки XIII–XIV вв. происходят из заполнения ямы 41.

Яма 13 (кв. Ж1). Прослежена с уровня погребённой почвы (-0,98 м). Яма уходит в южную стенку раскопа. Неправильной округлой формы, в пределах раскопа — 0,3 × 1,2 м, глубиной до -1,65 м (-0,67 м от уровня предматерика). Стенки и дно неровные, максимальная глубина — в западной части ямы. *Заполнение*: бурый пестроцвет с включениями угля. *Керамика*: сероглиняная грубая, мелкие фрагменты амфор.

Яма 14 (кв. Ж3). Прослежена с уровня погребённой почвы (-0,97 м) в виде округлого пятна диаметром около 0,45 м, северо-восточная часть которого перекрыта пятном ямы 15. Глубина -1,09 м (-0,12 м от уровня погребённой почвы). Стенки покатые, дно плоское, на одном уровне с дном ямы 15. *Заполнение*: однородное — бурый пестроцвет. *Керамика*: один фрагмент сероглиняной грубой без орнамента.

Яма 16 (кв. Ж2). Прослежена с уровня погребённой почвы (-1,0 м). Яма округлой формы, диаметром 0,50 м, глубиной -1,16 м (-0,16 м от уровня погребённой почвы). Стенки ровные, крутые, дно уплощённое. Восточная часть прорезана ямой 24. *Заполнение*: однородное — бурый пестроцвет. В заполнении найден фрагмент кости со следами обработки (эпифиз длинной кости животного со следами спила). *Керамика*: сероглиняная грубая, фрагменты пещины.

Яма 19 (кв. ЖЗ). Прослежена с уровня предматерика (-0,98 м). Яма округлой формы, диаметром 0,18 м, глубиной -1,16 м (-0,18 м от уровня предматерика). Стенки вертикальные, дно уплощённое. Прорезает заполнение ямы 15. *Заполнение*: серо-коричневый суглинок. *Керамика*: белоглиняная грубая, по-видимому, из заполнения ямы 15.

Яма 20 (кв. Г-Д-Е 1-2-3; рис. 62). Прослежена с уровня предматерика (-1,09/-1,13 м) как восточная часть овального пятна 5,0 × 7,4 м в кв. В-Е 1-3. В процессе разборки пятна его западная и центральная части выделены в комплекс ямы 37. Верхнюю часть заполнения ямы 20 прорезают более поздние ямы 18, 21, 26, 32 и 33. Яма подквадратная, 4,40 × 4,40 м, глубиной -2,60/-2,75 м (-1,50/-1,70 м от уровня предматерика). Стенки крутые, почти вертикальные, дно плоское с ямками 20-1 — 20-9. *Заполнение*: верхний слой — серый пестроцвет, просевший в заполнение ямы вышележащий культурный слой, образующий линзу толщиной около 0,10 м (почти полностью разрушен поздними перекопами); второй слой — линза темного коричнево-бурого пестроцвета мощностью до 0,60 м (максимальная глубина — 2,05 м); третий слой — коричнево-бурый пестроцвет мощностью около 0,60 м (максимальная глубина — около 2,60 м); на дне в юго-восточной части ямы сохранилась линза гумуса толщиной 0,05–0,15 м. На границе второго и третьего слоев, на глубине -1,90/-2,00 м расчищен развал обожжённой глины размерами 0,90 × 0,70 м, по-видимому, остатки упавшей в подполье печки. На дне ямы расчищены ямки — следы несохранившихся деревянных конструкций.

Яма 20-1 (кв. Е1). Столбовая, диаметром 0,50 м, глубиной -3,02 м. Стенки крутые, дно уплощённое.

Яма 20-2 (кв. Е 1-2). Корытообразная канавка 2,70 × 0,30–0,60 м, глубиной 2,76–2,94 м. Стенки покатые, дно уплощённое. Соединяет столбовые ямы 20-1 и 20-3.

Яма 20-3 (кв. Е2). Столбовая, диаметром 0,35 м, глубиной -2,79 м. Стенки крутые, дно уплощённое.

Яма 20-4 (кв. Д-Е 3). Корытообразная канавка размерами 3,10 × 0,30 м, глубиной 2,70–2,88 м. Стенки вертикальные, с «подбоем», дно уплощённое.

Яма 20-5 (кв. Д-Е 1). Корытообразная канавка размерами 0,25 × 0,40 м, глубиной 2,92 м. Стенки покатые, дно уплощённое.

Яма 20-6 (кв. Г-Д 1). Корытообразная канавка размерами 0,25–0,30 × 1,80 м, глубиной 2,84 м. Стенки покатые, дно уплощённое. Северная стенка прорезана ямой 37-10, восточный край — ямой 20-9.

Яма 20-7 (кв. Г2). Канавка размерами 1,60 × 0,30–0,40 м, глубиной -2,86/-3,02 м. Стенки крутые, дно уплощённое. Южный край прорезан ямой 37-9.

Яма 20-8 (кв. Г3). Столбовая, диаметром 0,40 м, глубиной -2,72 м. Стенки покатые, дно уплощённое. Северный край прорезан ямой 37-11. Отнесена к комплексу ямы 20 условно.

Яма 20-9 (кв. Д1). Неправильной формы, размерами 1,05 × 0,65 м, глубиной -2,95/-3,04 м.

Внутриямная конструкция состояла из четырех угловых столбов (ямы 20-1, 20-3 и 20-8) и соединяющих их бревен, от которых остались канавообразные отпечатки в материковой глине (ямы 20-2, 20-4, 20-7, 20-5 и 20-6). Размеры внутреннего пространства камеры составляли 3,0 × 3,0 м. Стратиграфия котлована ям 20 и 37 позволяет сделать следующее заключение: западная часть ямы 20 была прорезана ямой 37, имевшей аналогичную внутреннюю конструкцию; в свою очередь яма 20 перекрывает восточную часть третьей, наиболее ранней, ямы с такой же конструкцией.

Индивидуальные находки: 13 фрагментов стеклянных браслетов; пять фрагментов кашинных сосудов (в том числе один — иранской люстровой посуды ильханской эпохи

(вторая половина XIII — первая половина XIV в.); два — псевдоселадоновой; два — с прозрачной бесцветной поливой и подглазурной полихромной росписью (рис. 43, 2); один фрагмент сирого-египетского стекла, расписанный эмалью (красной и белой) и золотом; два бронебойных наконечника стрел типов 84 (XII–XIII вв.) и 87 (XII–XIV вв.), по А. Ф. Медведеву (рис. 23, 2, 7); ключ от нутряного замка варианта 2, по Б. А. Колчину (конца XI — начала XIII в.) (рис. 30, 20); фрагмент ключа от цилиндрического замка типа В2 (XIII — начало XV в.); дужка от цилиндрического замка; пробой (рис. 31, 9); крюк (рис. 28, 3); четыре ножа (рис. 18, 2, 8) и пять фрагментов лезвий; рыболовный крючок (рис. 22, 14); кольцо железное (рис. 27, 12); фрагменты медного сосуда; фрагмент костяной петли для подвешивания колчана или налучья (рис. 35, 2); фрагмент бубенчика; серия неопределимых железных предметов. *Керамика*: преобладает сероглиняная грубая, встречена белоглиняная ранняя и красная лощёная, шесть фрагментов лепной мордовской; в верхнем слое — небольшая примесь белоглиняной гладкой и чёрнолощёной. *Дата*: первая половина XIV в.

Яма 35 (кв. Л–М 2–3). Прослежена с уровня погребённой почвы (-0,82/-0,86 м). Южная часть уничтожена перекопом XX в. Сохранившаяся северная часть — округлой формы, размерами 0,80 × 1,50 м, глубиной -2,04 м (-1,20 м от уровня предматерика). Стенка вертикальная, дно уплощённое с уступом ступенькой. *Заполнение*: первый слой (верхний) — линза серого пестроцвета — позднего культурного слоя, просевшего в яму, толщиной до 0,40 м; второй слой — бурый пестроцвет с тонкими прослойками угля, толщиной до 0,50 м; третий слой (нижний) — бурый суглинок толщиной до 0,20 м; на дне прослойка угля мощностью 0,02–0,03 м; у северной стенки на дне — линза рыжей глины с углем толщиной до 0,10 м. *Индивидуальные находки*: перстень плоско-выпуклый с овальным щитком бирюзовый непрозрачный (два фрагмента); четыре фрагмента кашинных сосудов с прозрачной бесцветной поливой и подглазурной полихромной росписью; пружина замка цилиндрического; накладка стреловидная железная (рис. 26, 2); два ножа и четыре фрагмента (в том числе один — с плоским черешком); шило (рис. 22, 2); многочисленные фрагменты неопределимых железных предметов. *Керамика*: преобладает (а на дне ямы господствует) сероглиняная грубая, в том числе одно днище с клеймом (целые формы: рис. 47, 1, 2), белоглиняная ранняя; в верхней части заполнения встречены красная лощёная и чёрнолощёная, морёная. *Дата*: XIV в.; первый (верхний) слой — XVI–XVIII вв.

Яма 37 (кв. В–Д 1–3; рис. 62). Прослежена с уровня погребённой почвы (-1,00 м) в западной части и материка (-1,18/-1,20 м) — в северной части. В процессе разборки выделена из овального пятна 5,0 × 7,4 м в кв. В–Е 1–3. Восточная часть пятна выделена в комплекс ямы 20. Пятно ямы подпрямоугольной формы, размерами 4,80 × 5,20 м, со скругленными углами. В процессе разборки заполнения выяснилось, что яма образована двумя одновременными сооружениями, причем позднее частично перекрывает более раннее. Аналогичное сооружение из ямы 20 также частично перекрывает восточную часть раннего сооружения, образуя промежуточный по времени комплекс. Поэтому описание ямы разделено на две части: верхний (поздний) и нижний (ранний) горизонты.

Яма 37. Верхний (поздний) горизонт. Общая структура сооружения читалась уже при зачистке поверхности пятна ямы. Оконтурилось подквадратное пятно бурого пестроцвета размерами около 4,0 × 4,0 м с округлыми выступами по углам — столбовыми ямами 37-А, 37-Б, 37-В и 37-Г. Оно оконтурено полосой такого же слоя с большой примесью глины шириной 0,40–0,60 м — засыпкой между внутренней деревянной конструкцией и стенками ямы. В центре пятна оконтурилась подквадратная линза темного серо-коричневого

пестроцвета — просевший в котлован поздний культурный слой (первый слой). Размеры линзы — 2,60 × 2,30–2,50 м, мощность в центре — до 0,60 м.

Яма 37-А (кв. В2). Прослежена с глубины -1,02 м. В верхней части — округлой формы, диаметром 0,40 м. На дне — прямоугольный отпечаток бруса 0,12 × 0,15 м. Глубина -2,52 м (-1,50 м от верхнего края ямы). Дно ямы смещено к западу относительно центра ее верхней части. *Заполнение*: темный бурый пестроцвет с тленом, находок нет.

Яма 37-Б (кв. В1). Прослежена с глубины -2,46 м. Округлой формы, диаметром 0,40 м, на дне — диаметром 0,30 м. Глубина -2,71 м (-1,69 м от верхнего края ямы). *Заполнение*: темный бурый пестроцвет с тленом, находок нет.

Яма 37-В (кв. Г–Д 3). Прослежена с глубины -1,15 м. Округлой формы, диаметром 0,50 м, на дне — диаметром 0,22 м. Глубина -2,79 м (-1,66 м от верхнего края ямы). Дно ямы смещено к западу относительно центра ее верхней части. *Заполнение*: темный бурый пестроцвет с тленом, находок нет.

Яма 37-Г (кв. Д1). Прослежена с глубины -2,47 м (после разборки перекрывавшей ее ямы 33 (XVIII в.)). Округлой формы, диаметром 0,40 м, на дне — диаметром 0,30 м. Глубина -2,55 м (-1,35 м от верхнего края ямы). *Заполнение*: темный бурый пестроцвет с тленом, находок нет.

При разборке заполнения ямы на глубине -2,44/-2,50 м выявлены прослойки древесного тлена толщиной около 0,10 м, соединявшие угловые столбовые ямы. Они отделяют глинистую забутовку краев от более темного заполнения сооружения — темно-бурого пестроцвета. Этот слой (второй) мощностью до 0,60 м проседает в центре ямы до глубины -2,25 м. Ниже лежит придонный слой (третий) бурого пестроцвета, насыщенный материковой глиной. Плоское дно ямы находится на отметках -2,50/-2,57 м. Здесь зафиксированы следы древесного тлена от пола, выстилавшего дно ямы. Внутренние размеры сооружения 3,40 × 3,40 м. Ниже находится слой (четвертый) серого пестроцвета толщиной 0,05–0,25 м, относящийся к сооружению нижнего горизонта.

На дне ямы выбраны несколько аморфных ямок, заполненных гумусированной материковой глиной и относящихся, по-видимому, ко времени строительства сооружения: ямы 37-1, 37-2, 37-3, 37-6, 37-7.

Яма 37-1 (кв. В1). Неправильной овальной формы углубление размерами 0,75 × 0,70 м, глубиной -2,71 м (-0,23 м от дна ямы). В дне — столбовая ямка диаметром 0,22 м, глубиной -2,85 м.

Яма 37-2 (кв. В–Г 1). Овальное полусферическое углубление размерами 0,65 × 0,55 м, глубиной -2,78 м (-0,25 м от дна ямы 37).

Яма 37-3 (кв. В1). Овальное полусферическое углубление размерами 0,25 × 0,45 м, глубиной -2,54 м (-0,14 м от дна ямы 37). В центре — линза тлена диаметром 0,25 м.

Яма 37-6 (кв. Г1). Неправильной формы углубление 0,40 × 1,40 м, глубиной -2,71 м (-0,21 м от дна ямы 37). У западного края — столбовая ямка диаметром 0,15 м, глубиной -2,85 м.

Яма 37-7 (кв. В2). Неправильной формы углубление размерами 1,60 × 1,00 м, глубиной до -2,94 м (-0,45 м от дна ямы 37).

Яма 37. Нижний (ранний) горизонт. Очертания сооружения стали читаться на глубине -2,50/-2,60 м, на уровне дна ямы верхнего горизонта, в виде пятен гумусированной глины, местами с включениями угольков. Сооружение имело конструкцию, близкую верхнему горизонту: столбовые ямы по углам (37-4, 37-13, 37-14) и соединяющие их канавки — следы обшивки ямы (37-8, 37-10, 37-11, 37-12). Внутренние размеры сооружения 2,6 × 2,8–3,0 м.

Яма 37-4 (кв. В–Г 1). Округлая столбовая ямка диаметром 0,60 м в верхней части и 0,20 м в нижней, глубиной -2,82 м (-0,25 м от уровня дна ямы 37).

Яма 37-14 (кв. Д 1–2). Округлая столбовая ямка диаметром 0,35 м, глубиной -2,98 м (-0,32 м от уровня дна ямы 37).

Яма 37-15 (кв. Г3). Округлая столбовая ямка диаметром 0,40 м, глубиной -2,94 м (-0,28 м от уровня дна ямы 37).

Яма 37-8 (кв. В2, Г 2–3). Канавка размерами 2,80 × 0,30 м, глубиной -2,80 м (-0,16 м от уровня дна ямы) соединяет угловые столбовые ямки 37-4 и 37-15.

Яма 37-11 (кв. В–Г 3). Канавка размерами 2,80 × 0,30 м, глубиной -2,80/-2,94 м соединяет угловые столбовые ямки 37-14 и 37-15.

Яма 37-12 (кв. Д 1–2). Канавка размерами 2,80 × 0,20–0,30 м, глубиной -2,78/-2,95 м соединяет угловую столбовую ямку 37-14 и юго-восточный угол, в котором столбовая ямка не сохранилась.

Яма 37-10 (кв. Г–Д 1). Канавка 2,60 × 0,20–0,25 м, глубиной -2,81/-2,87 м соединяет угловую столбовую ямку 37-4 и юго-восточный угол, в котором столбовая ямка не сохранилась.

Яма 37-13 (кв. Г2). Округлая столбовая ямка диаметром 0,22 м, глубиной -2,78 м (-0,09 м от уровня дна ямы 37). С основной конструкцией не связана.

Таким образом, в котловане ям 37 и 20 последовательно сменили друг друга три близкие конструкции: четыре угловых столба и соединяющая их обшивка стен.

Индивидуальные находки (все они относятся к сооружению верхнего горизонта): фрагмент серебряной монеты плохой сохранности; вероятно, русский удельный чекан); *стекло* — 27 фрагментов стеклянных браслетов; бусина эллипсоидная желтая пастовая; перстень плоско-выпуклый бирюзовый прозрачный (два фрагмента); фрагмент сосуда, орнаментированного росписью зеленой, красной эмалями и золотом; *бронза* — фрагменты венчика сосуда и стенки котелка; перстень; проволока; фрагмент каркаса от футляра ножа; *железо* — удила двухсоставные кольчатые и грызло от второго экземпляра (рис. 25, 5, б); фрагменты четырех замков цилиндрических; четыре ключа (в том числе один — типа В1, один — типа Г) (рис. 30, 5, 11); 12 пробоев (рис. 31, 2–4, 12, 18); крюки (рис. 28, 1, 2); кресала (калачевидное без язычка и овальное короткое — рис. 32, 2, 5); наконечник стрелы типа 87, по А. Ф. Медведеву (рис. 23, 4); фрагменты трех каркасов от футляров ножей (рис. 27, 18–20); фрагменты венчика и стенки котла чугунного (рис. 33, 7, 8); две накладки стреловидные (рис. 26, 1, 8); 20 ножей (рис. 18, 3, 5, 9, 11, 12) и фрагментов лезвий; пружки подпружинные круглые (рис. 27, 10, 13); фрагмент сверла лучевого; три шила (рис. 22, 3); три шипа ледоходных (рис. 29, 10); две иглы; рыболовный крючок (рис. 22, 13); ручки ларцов (рис. 33, 11, 12); скоба (рис. 33, 13); *камень* — фрагмент чашеобразного сосуда; пять оселков; два кресальных кремня; *глина* — пять грузил; пряслице поливное (с желтой глушёной поливой) биконическое (фрагмент); погремушка яйцеобразная поливная (фрагмент); три фрагмента тиглей; *кость* — фрагмент орнаментированной петли для подвешивания налучья или колчана (рис. 35, 3); фрагменты накладок (рис. 35, 4, 7); фрагменты пуговиц (рис. 36, 2, 4, 5); проколка (рис. 36, 7). *Импортная керамика*: 72 фрагмента кашинной посуды, в том числе один — «ладжвардин» (цв. ил. VIII, 1), три — с желтым люстром, семь — псевдоселадон (цв. ил. VII, 1; рис. 43, 1), остальные — с подглазурной полихромной росписью (цв. ил. IX, 1; X, 3; рис. 43, 11; 44, 5; 45, 6); три фрагмента красноглиняной тонкостенной керамики с графити (один — лощёный, два — с подглазурной гравировкой по ангобу); один фрагмент — селадоновый; два фрагмента — сероглиняной штампованной (колыбной) керамики (цв. ил. XII, 2); один фрагмент сфероконуса желтоглиняного штампованного (цв. ил. XII, 3).

Местная керамика: в четвертом и третьем (нижних) слоях — встречается только ранняя керамика XIII–XIV вв. — сероглиняная грубая, в том числе три фрагмента днищ с клеймами (целые профили: рис. 49, 1, 3, 6, 7; 50, 2), белоглиняная ранняя и красноглиняная лощёная, фрагмент сосуда с односторонней полупрозрачной зеленой поливой (XIII–XIV вв.); во втором и третьем слоях ранняя керамика количественно преобладает (в том числе семь фрагментов лепной мордовской), но есть примесь керамики XVI–XVIII вв., которая появляется во втором слое и возрастает в первом.

Яма 38 (кв. Н–О 2–3). Прослежена с уровня погребённой почвы (-0,89 м). Яма прорезана с трех сторон перекопами XX в. Сохранились западный и северо-восточный края. Размеры сохранившейся части 0,90 × 1,80 м. Глубина -1,09 м (-0,20 м от уровня погребённой почвы). Стенки покатые, дно уплощённое. *Заполнение:* бурый пестроцвет с включениями угля. *Индивидуальные находки:* фрагмент кашинного сосуда с прозрачной бесцветной поливой и подглазурной полихромной росписью и рельефом; ключ типа В1 (рис. 30, 4); железный предмет. *Керамика:* преобладает сероглиняная грубая, белоглиняная ранняя, в заполнении ямы встречены отдельные фрагменты красноглиняной лощёной и гладкой, белоглиняной гладкой и чёрнолощёной.

Яма 40 (кв. В 3–4). Прослежена с уровня погребённой почвы (-0,95 м). Северная часть прорезана ямой 141 (XVIII в.). Округлой формы, размерами 0,80 × 1,30 м, глубиной -1,20 м (-0,25 м от уровня погребённой почвы). Стенки покатые, дно уплощённое. *Заполнение:* бурый пестроцвет, в придонной части насыщен угольками. *Индивидуальные находки:* фрагмент стеклянного браслета (№ 2148). *Керамика:* сероглиняная грубая, белоглиняная ранняя.

Яма 41 (кв. Е–Ж 3). Прослежена с уровня погребённой почвы (-0,99 м). Яма овальной формы, размерами 1,25 × 0,85 м, глубиной до -1,53 м (-0,54 м от уровня погребённой почвы). Стенки вертикальные, дно полусферическое в южной части, в северной поднимается ступенькой. *Заполнение:* бурый пестроцвет. Найден неопределённый железный предмет. *Керамика:* сероглиняная грубая, единичный фрагмент красноглиняной лощёной.

Яма 44 (кв. Н–П 1). Прослежена с уровня погребённой почвы (-0,74/-0,84 м). Яма уходит в южную стенку раскопа. Западный край и середина прорезаны перекопами XX в. Форма овальная, размеры в пределах раскопа 0,85–0,30 × 3,30 м. Дно уплощённое, глубина -1,04/-1,11 м (-0,20/-0,30 м от уровня погребённой почвы). *Заполнение:* бурый пестроцвет с тонкими прослойками золы и угля; в восточной части ямы сверху просела линза серого пестроцвета с керамикой XVI–XVII вв. В заполнении найден черешок ножа. *Керамика:* сероглиняная грубая, белоглиняная ранняя и красноглиняная лощёная.

Яма 45 (кв. Н–О 1–2). Прослежена с уровня погребённой почвы (-0,83/-0,86 м). Западная часть и середина прорезаны перекопами XX в. Яма-канавка, вытянутая с запада на восток, размерами -0,25–0,30 × 3,10 м, глубиной -1,06/-1,12 м (-0,20/-0,28 м от уровня погребённой почвы). Стенки крутые, дно уплощённое. *Заполнение:* бурый пестроцвет. *Керамика:* два фрагмента сероглиняной грубой и два чёрнолощёной.

Яма 45-А (кв. О1). Прослежена с уровня погребённой почвы (-0,83 м). Округлой формы, диаметром 0,30 м, глубиной -1,01 м (-0,18 м от уровня погребённой почвы). Стенки крутые, дно уплощённое. Северный край прорезан ямой 45. *Заполнение:* бурый пестроцвет.

Яма 47 (кв. О 6–7). Прослежена с глубины -0,97/-0,98 м. Яма овальной формы, размерами 1,40 × 0,70 м, глубиной -1,14 м (выше уровня предматерика, который в данном месте начинается с глубины -1,21/-1,24 м). Западный край прорезан столбовой ямой 67. *Заполнение:* бурый пестроцвет. *Керамика:* сероглиняная грубая, белоглиняная ранняя.

Яма 49 (кв. О–П 6–7). Прослежена с уровня погребённой почвы (-0,96/-1,02 м). Яма овальной формы, размерами 2,70 × 1,70 м, глубиной до -2,16 м (-1,20 м от уровня погребённой почвы). Стенки крутые неровные, дно полусферическое. Восточным краем выходит за пределы раскопа, северо-восточный край прорезан перекопом XX в., верхняя часть заполнения в середине до глубины -1,46 м прорезана ямой 48. *Заполнение*: верхний слой — светлый бурый пестроцвет с печиной (толщина 0,40 м, опускается в центре ямы до отметки -1,50 м), нижний слой — бурый пестроцвет с тонкими прослойками угля (толщина до 0,6 м). *Индивидуальные находки*: четыре фрагмента стеклянных браслетов; бусина зонная бирюзовая прозрачная; бусина кашинная поливная бирюзовая (цв. ил. XIII, 3; рис. 45, 8); два фрагмента стеклянных сосудов, орнаментированных цветными эмалями и золотом (цв. ил. V, 1, 2); фрагмент стеклянного перстня плоско-выпуклого щиткового коричневого прозрачного; накладка трёхлепестковая железная (рис. 26, 9); пряслице красноглиняное биконическое подлощёное (рис. 39, 6). *Керамика*: сероглиняная грубая (целый профиль: рис. 49, 5); белоглиняная ранняя (целый профиль: рис. 53, 5); красноглиняная лощёная (XIII–XIV вв.); в заполнение попало несколько фрагментов поздней керамики — белоглиняной гладкой, чёрнолощёной и морёной (XVI–XVIII вв.).

Яма 50 (кв. М–Н 5–7). Прослежена с уровня погребённой почвы (-0,94/-0,98 м). Яма овальной формы, размерами 3,20 × 2,00 м, глубиной до 2,61 м. Стенки крутые, почти вертикальные, дно полусферическое. В центре верхнюю часть заполнения до глубины -1,35 м прорезает яма 64 (XVIII–XIX вв.). *Заполнение*: верхний слой — бурый пестроцвет с включениями угля (в центре — до глубины -1,40 м), ниже — прослойка темного бурого суглинка с углем (толщиной 0,15 м), нижний слой — светлый бурый пестроцвет (толщиной 0,40 м — от -1,53 м до дна). *Индивидуальные находки*: девять фрагментов стеклянных браслетов; янтарный крест-тельник равносторонний с прямоугольными окончаниями лопастей (рис. 34, 15); шесть фрагментов кашинных сосудов (в том числе два — с росписью люстром (иранский люстр ильханской эпохи) и четыре — с полихромной подглазурной росписью); две пуговицы кашинные с прозрачной бирюзовой поливой (цв. ил. XIII, 6; рис. 45, 10); пуговица шарообразная свинцовая; железная игла (рис. 22, 11); кресальный кремьень. *Керамика*: преобладает сероглиняная грубая (в том числе днище с клеймом), белоглиняная ранняя, красноглиняная лощёная (XIII–XIV вв.); в заполнение попало небольшое количество фрагментов поздней керамики — белоглиняной гладкой, кирпично-красной с белым ангобом, чёрнолощёной и морёной (XVI–XVIII вв.).

Яма 51 (кв. Н–О 7–8). Прослежена с уровня предматерика (-1,18/-1,24 м). Восточная часть уходит за границы раскопа. Яма овальной формы, размеры в границах раскопа 2,10 × 2,20 м. Стенки крутые, почти вертикальные. Дно уплощённое, глубина -2,04 м, в нем две ямки: в центре — 1,50 × 1,20 м, глубиной -2,40 м; в северо-западном углу — 1,15 × 0,90 м, глубиной -2,31 м. *Заполнение*: бурый суглинок с печиной, углем и золой, прослойками рыжей глины, на стенках и дне — прослойка глины с включениями угля. Верхний слой заполнения ямы 49, примыкающей с юга, — светлый бурый пестроцвет с печиной — перекрывает южную часть ямы 51. *Индивидуальные находки*: три фрагмента стеклянных браслетов; бусина стеклянная бочонкообразная фиолетовая прозрачная; 12 фрагментов кашинных сосудов с подглазурной полихромной росписью; фрагмент сосуда с двусторонней полупрозрачной зеленой поливой (русская керамика XIII–XIV вв.); створка бронзового энколпиона квадрифолийного с изображением Богородицы с Младенцем (цв. ил. IV, 1); ключ от цилиндрического замка типа В1; фрагмент замка; наконечник стрелы (тип 52, вариант 1, по А. Ф. Медведеву) (рис. 23, 8); фрагменты пяти ножей (рис. 18, 6); железные накладки

(рис. 26, 6, 20); фрагмент цепи (рис. 28, 9); игла. *Керамика*: преобладает сероглиняная грубая (целые формы: рис. 49, 4; 50, 1), белоглиняная ранняя, красноглиняная лощёная (XIII–XIV вв.); пять фрагментов лепной мордовской; из перекопа в заполнение попала поздняя керамика — белоглиняная гладкая, кирпично-красная с белым ангобом, чёрнолощёная и морёная (XVI–XVIII вв.).

Яма 52 (кв. Н8). Прослежена с уровня погребённой почвы (-1,22 м). Округлая, размерами 0,50 × 0,42 м, глубиной -1,49 м. Стенки крутые, дно уплощённое. *Заполнение*: бурый пестроцвет. *Керамика*: только сероглиняная грубая.

Яма 54 (кв. П2). Прослежена от уровня дна ямы 46, которая прорезает ее верхнюю часть. Округлая, диаметром 0,60 м, глубиной -1,57 м. Стенки вертикальные, дно уплощённое. *Заполнение*: бурый пестроцвет. *Керамика*: сероглиняная грубая.

Яма 55 (кв. В 5–6). Прослежена с уровня погребённой почвы (-1,03 м). Форма округлая, 1,10 × 1,00 м, глубина -1,52 м. Стенки вертикальные, дно уплощённое. *Заполнение*: в верхней части — линза перекрывающего яму светлого бурого пестроцвета толщиной до 0,10 м, ниже — бурый пестроцвет. В заполнении найдено лезвие ножа. *Керамика*: сероглиняная грубая и один фрагмент чёрнолощёной.

Яма 58 (кв. В–Г 6). Прослежена с уровня погребённой почвы (-1,10 м). Округлой формы, 0,80 × 0,95 м, глубиной -1,52 м. Стенки крутые, дно плоское. Южная часть прорезана ямой 57. *Заполнение*: бурый пестроцвет В заполнении найдены три неопределимых железных предмета. *Керамика*: только сероглиняная грубая.

Яма 59-В (кв. В–Г 7–8). Выявлена при разборке ямы 59-А на глубине -1,20/-1,25 м. Округлой формы, размерами 2,10 × 2,40 м, глубиной до -2,57 м. Стенки крутые, почти вертикальные, дно уплощённое. На дне две столбовые ямки: диаметром 0,30 м, глубиной -2,72 м и 0,40 × 0,50 м, глубиной -2,87 м. *Заполнение*: первый слой толщиной 0,10 м — рыжая глина с печиной (до -1,23 м); второй слой толщиной 0,15 м — темный бурый пестроцвет (до -1,40 м); третий слой толщиной до 0,37 м — бурый пестроцвет (до -1,76 м); четвертый слой толщиной до 0,10 м — рыжая глина с печиной (до -1,90 м); пятый слой толщиной 0,50–0,60 м — темный бурый пестроцвет с прослойками рыжей глины и бурого пестроцвета; на части дна — прослойка переотложенной рыжей материковой глины толщиной 0,05–0,10 м. *Индивидуальные находки* делятся на две группы: 1) вещи XIII–XIV вв., относящиеся ко времени функционирования комплекса, и 2) поздние вещи, попавшие при перекопе из ям 59-А и 59-Б: 1) три фрагмента стеклянных браслетов, перстень стеклянный плоско-выпуклый с овальным щитком полупрозрачный бирюзовый, бусина стеклянная биконическая пастовая бирюзовая, два фрагмента кашинной керамики с подглазурной росписью (цв. ил. XI, 3) и один фрагмент причерноморской полумайолики (рис. 45, 1), ключ типа В1 (рис. 30, 9) и пружина замка; 2) фрагмент мундштука белоглиняного, пряслице из стенки морёного сосуда, заготовка пряслица из стенки морёного сосуда, два фрагмента сосуда красноглиняного с желтой прозрачной поливой и подглазурной росписью белым ангобом (русская поливная керамика XVIII в.). *Керамика*: преобладает сероглиняная грубая, единичные фрагменты поздней, попавшей при перекопе из ям 59-А и 59-Б, — белоглиняной лощёной, чёрнолощёной, морёной и кирпично-красной с белым ангобом.

Яма 60 (кв. Б–В 6–7). Прослежена с глубины -1,05 м. Западная часть ямы срезана перекопом XX в., восточная — в форме сегмента размерами 1,80 × 1,65 м, глубиной до -1,71 м. Стенки крутые, дно уплощённое. Южный край подрезан ямой 57. *Заполнение*: бурый пестроцвет с включениями угля и светлого бурого пестроцвета. *Индивидуальные*

находки: один фрагмент стеклянного браслета; шпора колёсиковая (в трех фрагментах) (рис. 25, 4); нож, гвоздь. *Керамика*: преобладает сероглиняная грубая (в том числе два днища с клеймами); встречается белоглиняная ранняя и красноглиняная лощёная; единичные фрагменты поздней — белоглиняной тонкой и чёрнолощёной.

Яма 61 (кв. И–К 3–5). Прослежена с уровня погребённой почвы (-0,86/-0,90 м). Яма была подпрямоугольной формы, но ее западная часть уничтожена перекопом XX в. Сохранился северо-восточный угол: северная стенка на протяжении 2,40 м, восточная — 4,30 м. Стенки вертикальные, дно плоское, глубина -2,71/-2,78 м. На дне ямы — остатки древесного тлена, лежащие вдоль стен: лага — с запада на восток, настил — с севера на юг. В центре — столбовая ямка диаметром 0,22 м, глубиной -2,86 м (-0,11 м ниже уровня дна ямы). *Заполнение*: первый слой — темный серый пестроцвет с тонкими прослойками угля, глины с печиной (глубина -0,98/-1,53 м); второй слой — серый пестроцвет (глубина -1,54/-1,70 м); третий слой — темный бурый пестроцвет с углём (глубина -1,70/-2,15 м); четвертый слой — бурый пестроцвет (глубина -2,15/-2,40 м); пятый слой — темный бурый пестроцвет с углём (глубина -2,40/-2,60 м). При подсчетах керамики слои с третьего по пятый объединены как третий слой. Вдоль стен — вертикальный слой желтой глины толщиной от 0,35 м у восточной стенки до 0,70 м — вдоль северной. Это забутовка, свидетельствующая о наличии деревянной обшивки стенок ямы. *Индивидуальные находки*: 12 фрагментов стеклянных браслетов; восемь фрагментов кашинных сосудов (в том числе два — с люстром, остальные — с подглазурной росписью); один фрагмент — желтоглиняный с двусторонней глухой бирюзовой поливой; три фрагмента бесцветного стекла; костяная накладка подпрямоугольная, украшенная гравировкой и прорезным точечным орнаментом (рис. 35, 9); две фигурные железные накладки; дужка от ведра; три иглы; два крючка рыболовных (рис. 22, 17, 18); четыре ножа и фрагмента (рис. 20, 8); пробой с фрагментом цепи; три кресальных кремня; накладки железные (рис. 26, 12, 13); дужка ведра (рис. 33, 3); скобы и неопределимые железные предметы. *Керамика*: преобладает сероглиняная грубая (в том числе два днища с клеймами); встречается белоглиняная ранняя и красноглиняная лощёная; в первом и втором слоях — единичные фрагменты поздней — белоглиняной тонкой и чёрнолощёной.

Яма 65 (кв. К–Л 7). Прослежена с уровня предматерика (-1,16/-1,19 м). Канавообразное углубление длиной 0,70 м, шириной 0,20 м, глубиной -1,22 м (-0,04 м от уровня предматерика). Стенки пологие, дно уплощённое. *Заполнение*: бурый пестроцвет. *Керамика*: сероглиняная грубая.

Яма 69 (кв. Н 7–8). Прослежена с уровня погребённой почвы (-1,24 м). Северо-западная часть прорезана перекопом. Яма подпрямоугольной формы, размерами 2,30 × 1,10–1,20 м. Южная часть размерами 1,00 × 1,10 м, глубиной -1,63/-1,66 м, с прямыми стенками и уплощённым дном. Северная часть ямы — округлой формы, диаметром около 1,20 м, глубиной до -2,44 м; стенки вертикальные, восточная с «подбоем», дно уплощённое. На дне подпрямоугольная яма **69-1**, размерами 0,30 × 0,60 м, глубиной -2,61 м. *Заполнение*: бурый пестроцвет с тонкими прослойками угля и золы. *Индивидуальные находки*: три фрагмента стеклянных браслетов; два фрагмента сосуда сероглиняного штампованного; замок; крючок рыболовный (рис. 22, 15); нож; диск керамический. *Керамика*: преобладает сероглиняная грубая (в том числе днище с клеймом), единичные фрагменты белоглиняной ранней и красноглиняной лощёной.

Яма 70 (кв. К6). Прослежена с уровня погребённой почвы (-0,99 м). Яма округлая, размерами 0,50 × 0,60 м, глубиной -1,57 м. Стенки крутые, дно уплощённое. Северный край перекрыт заполнением ямы 77. *Заполнение*: бурый пестроцвет. Найден железный предмет.

Керамика: сероглиняная грубая; в верхней части заполнения встречена также поздняя керамика — чёрнолощёная, морёная и кирпично-красная с белым ангобом.

Яма 71 (кв. И6). Прослежена с уровня погребённой почвы (-0,96/-1,01 м). Канавка длиной 1,40 м, шириной 0,15–0,20 м, глубиной до -1,14 м. Стенки крутые, дно уплощённое. *Заполнение*: бурый пестроцвет с включениями угля. *Керамика*: сероглиняная грубая.

Яма 72 (кв. И6). Прослежена с уровня погребённой почвы (-0,93 м). Яма округлой формы, диаметром -0,35 м, глубиной -1,17 м. Стенки крутые, дно уплощённое. *Заполнение*: бурый пестроцвет. *Керамика*: сероглиняная грубая.

Яма 74 (кв. Е6). Прослежена с уровня погребённой почвы (-1,07 м) как часть пятна ямы 76. Яма сегментовидная, размерами 0,50 × 0,60 м, глубиной -1,31 м. Стенки крутые, дно уплощённое. Примыкает с севера к краю ямы 76. *Заполнение*: бурый пестроцвет. *Керамика*: сероглиняная грубая.

Яма 75 (кв. Ж6). Прослежена с уровня погребённой почвы (-0,96/-0,99 м) как часть пятна ямы 76. Канавка размерами 1,00 × 0,25–0,30 м, глубиной -1,06/-1,09 м. Стенки покатые, дно уплощённое. Южный край обрезан ямой 76. *Заполнение*: бурый пестроцвет. *Керамика*: сероглиняная грубая.

Яма 76 (кв. Г4 — Д-Е 3–6 — Ж 4–6 — 35; рис. 63). Прослежена с уровня погребённой почвы (-0,93/-1,07 м). Яма подквадратной формы, размерами 5,90 × 5,80 м, со скруглёнными углами. Стенки почти вертикальные, дно уплощённое. Глубина -2,88/-2,96 м, в центре полусферическое углубление размерами 2,40 × 2,90 м, глубиной до -3,81 м. Верхнюю часть заполнения прорезают более поздние ямы 17, 164–167, 171 (все они относятся к XVIII — началу XIX в.) и небольшие перекопы XX в.

По-видимому, яма имела внутреннюю деревянную конструкцию: угловые столбы, соединённые вертикальной деревянной обшивкой. Сохранилась столбовая яма в северо-восточном углу (яма 76-6) и прогнувшиеся внутрь заполнения полосы древесного тлена вдоль западной, южной и восточной стенок на глубине -2,86/-2,96 м, то есть по дну ямы. Внутренние размеры конструкции — около 3,20 × 4,20 м. На дне были выявлены ямы 76-1–76-6.

Яма 76-1 (кв. Д 4–5). Овальной формы, размерами 0,60 × 1,05 м, глубиной -3,16/-3,25 м (-0,28/-0,37 м от уровня дна ямы 76). Стенки крутые, дно уплощённое. Прорезает полосу тлена вдоль ее западной стенки. *Заполнение*: гумусированная глина.

Яма 76-2 (кв. Е4). Овальной формы, размерами 0,55 × 1,10 м, глубиной -3,28/-3,31 м (-0,46/-0,49 м от уровня дна ямы 76). Стенки крутые, дно уплощённое. *Заполнение*: гумусированная глина.

Яма 76-3 (кв. Е5). Округлой формы, диаметром 0,20 м, глубиной -3,71 м (-0,39 м от уровня дна ямы 76). Стенки крутые, дно уплощённое. *Заполнение*: гумусированная глина.

Яма 76-4 (кв. Е5). Округлой формы, диаметром 0,20 м, глубиной -3,87 м (-0,26 м от уровня дна ямы 76). Стенки крутые, дно уплощённое. *Заполнение*: гумусированная глина.

Яма 76-5 (кв. Ж5). Округлой формы, диаметром 0,10 м, глубиной -3,15 м (-0,19 м от уровня дна ямы 76). Стенки крутые, дно уплощённое. *Заполнение*: гумусированная глина.

Яма 76-6 (кв. Ж5). Округлой формы, диаметром 0,40 м в верхней части и 0,25 м — у дна, глубиной -2,98 м (-0,88 м от уровня стенки ямы 76). Стенки крутые, дно уплощённое. *Заполнение*: гумусированная глина.

Заполнение ямы 76: первый слой — линза серо-коричневого суглинка, перекрывающего яму культурного слоя, содержащего керамику XVI–XVIII вв., с прослойками темного серо-коричневого суглинка, серо-коричневого пестроцвета, рыжей глины, угля и золы (до глубины -1,20 м); второй слой — бурый пестроцвет, прослойки темного бурого

пестроцвета, рыжей глины, тлена, угольков (до глубины -1,80/-1,90 м); третий слой — бурый суглинок, прослойки светлого бурого пестроцвета, пещины, угля и золы (до глубины от -1,90 м в северной части до -3,30 м в южной); четвертый слой — глина, прослойки тлена, угля и золы, пещины — выстилает стенки и дно ямы.

Индивидуальные находки

Стекло: 64 фрагмента стеклянных браслетов; бусы (винтообразная синяя прозрачная (тип 10, вид 4, по М. Д. Полубояриновой)), две пастовые биконические бирюзовые, одна бочонковидная бирюзовая, четырехчастная зеленая прозрачная); шесть фрагментов стеклянных перстней (пастовый плоско-выпуклый бирюзовый, пастовый плоско-выпуклый рифлёный бирюзовый, пастовый плоско-выпуклый синий (три фрагмента), плоско-выпуклый бирюзовый непрозрачный); фрагменты сосудов (цв. ил. V, 7, 11, 12) (13 — без орнамента, стекло желтоватое; декорированные накладной коричневой нитью (три фрагмента); орнаментированный налепом; четыре фрагмента, орнаментированные росписью цветными эмалями и золотом).

Бронза: кольцо височное проволочное браслетообразное несомкнутое (рис. 34, 1); накладка штифтовая квадратная ажурная (рис. 34, 7); перстень плоско-выпуклый щитковый литой; ковш медный; два фрагмента стенки сосуда; следы бронзолитейного производства (литник, дрот прямоугольного сечения, фрагменты проволоки, слитки).

Железо: три цилиндрических замка (рис. 30, 15), дужка и две пружины от замка (рис. 30, 16); четыре ключа от цилиндрического замка типа В, один — типа В2 и два — типа Г (рис. 30, 2, 3, 10, 12, 13); 10 пробоев (рис. 31, 16, 17, 22, 23, 25); крюк (рис. 28, 8); цепь из двух звеньев с пробоем и кольцом на концах (рис. 28, 11); дверные накладки (рис. 28, 7, 16); два кресала овальных коротких (рис. 32, 4); фрагмент дужки от ведра (рис. 33, 4); 60 ножей (рис. 18, 13; 19, 11–16; 20, 1, 2, 6, 9, 10; 21, 3, 5) и их фрагментов; каркасы от футляров ножей (рис. 27, 16, 17); булавка (от прялки) с фигурной петлей на конце (рис. 22, 12); ножницы шарнирные (рис. 22, 1); два шила (рис. 22, 6); 15 игл; шесть гвоздей (рис. 33, 9); пробойник и пять фрагментов инструментов; пинцет (рис. 22, 8); фрагмент светца; 58 скоб; два наконечника стрел, тип 60, вариант 7 и тип 90, по А. Ф. Медведеву (рис. 24, 10, 11); кольцо кольчужное (рис. 25, 7); петля колчанная; фрагмент шпоры (рис. 25, 1); два шипа ледоходных (рис. 29, 11); две пряжки прямоугольные (рис. 27, 6); восемь накладок, в том числе фигурные (рис. 26, 5, 10, 11, 16, 17).

Кость: заготовка муфты для рукояти ножа; два затыльника от рукояти ножа; обоймица из наборной рукоятки (рис. 35, 11–15); проколка; три фрагмента костей со следами обработки.

Камень: фрагмент днища каменного котла (рис. 37, 2); два пряслица аргиллитовых (рис. 38, 9, 10); девять кресальных кремней.

Глина: 57 фрагментов кашинной посуды (цв. ил. X, 2; XI, 2, 4; рис. 43, 5; 44, 2, 4; 45, 2, 3, 9, 11, 12), в том числе один — с росписью люстром и два — псевдоселадоновые); бусина кашинная поливная бирюзовая (рис. 45, 9); подвеска кашинная веерообразная поливная бирюзовая (цв. ил. XIII, 8; рис. 45, 11); два фрагмента сосуда желтоглиняного с двусторонней глухой бирюзовой поливкой; девять фрагментов красноглиняной поливной посуды с гравировкой по ангобу; пять фрагментов русской поливной керамики XIII–XIV вв.; 40 фрагментов тиглей; пять шариков керамических.

Позднюю примесь в верхнем слое составляют: изразцы печные — неполивные рельефные и полихромные рельефные — шесть фрагментов (рис. 41, 5); фрагмент стенки сосуда орнаментированного XVIII в. (цв. ил. VI, 2); возможно, три фрагмента поливных игрушек.

Керамика: преобладает сероглиняная грубая (в том числе три днища с клеймом) (целые формы: рис. 50, 10), встречены фрагменты белоглиняной ранней и красноглиняной лощёной, четыре фрагмента лепной мордовской — на дне — чистый комплекс; верхние слои содержат примесь поздней керамики — белоглиняной тонкой, чёрнолощёной, морёной и кирпично-красной с белым ангобом.

Яма 77 (кв. К–М 6). Прослежена с уровня погребённой почвы (-1,08/-1,16 м). Канавка вытянутая с запада на восток. Западный край обрезан ямой 87, восточный — ямой 161, на границе кв. К6 и Л6 перерезана перекопом XX в. Канавка прослеживается на протяжении 4,25 м, ширина 0,15–0,18 м, глубина -1,22/-1,24 м (-0,06/-0,16 м от уровня погребённой почвы). Стенки крутые, дно уплощённое. *Заполнение:* бурый пестроцвет с включениями угля. *Керамика:* сероглиняная грубая.

Яма 81 (кв. Б–В 6). Прослежена с уровня погребённой почвы (-1,06 м). Округлой формы, диаметром 0,22 м, глубиной -1,11 м. Стенки покатые, дно уплощённое. *Заполнение:* серый пестроцвет. *Керамика:* сероглиняная грубая, единичные фрагменты белоглиняной ранней и красноглиняной лощёной.

Яма 83 (кв. В7). Прослежена с уровня погребённой почвы (-1,15 м). В форме изогнутой полукругом канавки, размерами 1,40 × 0,15–0,20 м, глубиной -1,20/-1,26 м. Северный край обрезан ямой 59-В. *Заполнение:* бурый пестроцвет. *Керамика:* сероглиняная грубая.

Яма 86 (кв. Н–О 6–7). Прослежена с уровня погребённой почвы (-1,24 м). Яма овальной формы, размерами 1,00 × 1,50 м, глубиной до -2,67 м. Стенки крутые, дно уплощённое. С запада примыкает яма 50; верхнюю часть заполнения в северо-восточном углу прорезает яма 67. *Заполнение:* бурый пестроцвет. *Индивидуальные находки:* 11 фрагментов кашинной поливной керамики; фрагмент сфероконуса (рис. 45, 13); кресало овальное короткое (рис. 32, 11); пряжка подпружная полукруглая (рис. 27, 15); пробой (рис. 31, 15); неопределимые железные предметы. *Керамика:* сероглиняная грубая (в том числе развалы горшка и миски: рис. 48, 1; 50, 12), белоглиняная ранняя и красноглиняная лощёная.

Яма 87 (кв. З–К 6–7). Прослежена с уровня погребённой почвы (-1,02/-1,05 м). Северо-западный угол прорезан перекопом XX в. Яма подпрямоугольной формы со скруглёнными углами, размерами 1,80 × 2,80 м, глубина до -2,16 м (в восточной части). Стенки крутые, дно уплощённое. *Заполнение:* первый слой — светлый бурый пестроцвет с печиной и углём (до глубины -1,50 м), под слоем сохранилась небольшая прослойка зерна; второй слой — темный бурый пестроцвет с углем (до глубины -1,90 м); третий слой — линза рыжей глины у восточной стенки (до глубины -2,00/-2,07 м), которую подстигает прослойка тлена и угля толщиной 0,01–0,02 м; четвертый слой — линза светлого бурого пестроцвета в западной части дна ямы (до -2,12 м); пятый слой — по восточной стенке и дну — прослойка рыжей глины толщиной 0,02–0,05 м. *Индивидуальные находки:* 26 фрагментов стеклянных браслетов; бусина пастовая овальная бирюзовая; два фрагмента кашинных сосудов с подглазурной полихромной росписью и рельефом; один фрагмент селадонного сосуда; серьга в виде знака вопроса со спиральной обмоткой на конце (рис. 34, 3); серьга кольцевидная с заходящими концами (рис. 34, 2); застёжка кольцевая со спирально подогнутыми окончанием лопастей, не выходящими за толщину дужки, и с обмоткой тонкой проволокой (рис. 34, 4); ключ типа В1; три ножа (рис. 20, 5); пробой (рис. 31, 5); фрагмент стенки котла каменного (рис. 37, 1); погребушка яйцообразная поливная (рис. 40, 2); пряслице керамическое с желтой поливой (рис. 38, 4); кочедык костяной (рис. 36, 9). *Керамика:* сероглиняная грубая (целые формы: рис. 50, 13), белоглиняная ранняя и красноглиняная лощёная; в верхнем слое примесь поздней керамики — белоглиняной тонкой, чёрнолощёной, морёной и кирпично-красной с белым ангобом.

Яма 89 (кв. Л–М 7–8). Прослежена с уровня предматерика (-1,16 м). Яма округлая, диаметром 1,90 м, глубиной -2,44 м (-1,28 м от уровня предматерика). Северо-западная стенка покатая, остальные вертикальные. Дно полусферическое. Северный край ямы прорезает яма 90. *Заполнение*: первый слой — бурый пестроцвет, сверху и снизу прослойки бурого суглинка с углем (до глубины -1,70 м); второй слой — бурый суглинок (до -2,00/-2,10 м); третий слой — линза светлого бурого пестроцвета у южной стенки (до -2,15 м); четвертый слой — бурый суглинок с углем на дне ямы. *Индивидуальные находки*: один фрагмент стеклянного браслета; фрагмент стеклянного перстня плоско-выпуклого коричневого; семь фрагментов кашинной керамики с подглазурной полихромной росписью (рис. 44, 3); фрагмент сероглиняной штампованной (колыбной) керамики; фрагмент красноглиняного сосуда с двусторонней прозрачной зеленой поливой и подглазурной гравировкой по ангобу; два фрагмента сосуда с односторонней желтой поливой (русская керамика XIII–XIV вв.); фрагмент медного сосуда; ключ от замка цилиндрического типа В1 (рис. 30, 7); восемь ножей (рис. 19, 1–4) и их фрагментов; пряжка круглая (рис. 27, 11); шило; три иглы; кремальный кремь. *Керамика*: сероглиняная грубая, белоглиняная ранняя и красноглиняная лощёная, два фрагмента лепной мордовской.

Яма 90 (кв. М 8–9). Прослежена с уровня погребённой почвы (-1,20 м). Западный и восточный края прорезаны перекопами XX в. Яма овальной формы, размерами 2,20 × 1,40 м, глубиной -2,06/-2,28 м. Южная стенка покатая, остальные — вертикальные. Дно полусферическое, в нем в северной части — **яма 90-1**: округлая, размерами 1,00 × 1,20 м в верхней части, диаметром 0,33 м — на дне. Глубина -3,02 м (-0,74 м от дна ямы 90). *Заполнение*: первый слой (верхний) — проседает серый пестроцвет с включениями кирпичной крошки (до -1,70 м); второй слой — темный бурый пестроцвет с углем (до -2,00 м); третий слой — прослойка бурого суглинка (до -1,20 м); четвертый слой (нижний) — бурый пестроцвет (до дна). *Индивидуальные находки*: один фрагмент стеклянного браслета; фрагмент стеклянного перстня плоско-выпуклого пастового бирюзового; шесть фрагментов кашинной керамики с подглазурной росписью, в том числе один — с люстром (цв. ил. XI, 1); два фрагмента красноглиняного сосуда с двусторонней прозрачной желтой поливой по белому ангобу; два ножа (рис. 19, 8). *Керамика*: сероглиняная грубая, белоглиняная ранняя и красноглиняная лощёная; в верхнем слое примесь поздней — красноглиняной гладкой, красноглиняной ангобированной, белоглиняной гладкой тонкой, чёрнолощёной, морёной.

Яма 93 (кв. К–Л 7–9). Прослежена с уровня предматерика (-1,14 м). Северный и западный края прорезаны перекопами XX в., восточная часть частично прорезана ямой 92. Размеры сохранившейся части ямы 3,60 × 2,60 м, глубина до 2,12 м (-0,98 м от уровня предматерика). Стенки крутые, дно уплощённое. На дне прослежены две ямы — 93-1 и 93-2.

Яма 93-1 (кв. Л8). Овальной формы, размерами 0,35 × 0,45 м, на дне — диаметром 0,15 м, глубиной до -2,35 м (-0,20 м от уровня дна ямы 93). *Заполнение*: бурый пестроцвет.

Яма 93-2 (кв. К8). Округлой формы, 0,90 × 1,00 м, глубиной -2,24 м (-0,16 м от уровня дна ямы 93). Стенки пологие, дно уплощённое. *Заполнение*: первый слой (верхний) — бурый суглинок (до глубины -1,80 м); второй слой (нижний) — темный бурый пестроцвет. *Индивидуальные находки*: два фрагмента стеклянных браслетов; бусина стеклянная зонная зеленая полупрозрачная мозаичная; бусина янтарная зонная, уплощённая с одной стороны; 16 фрагментов кашинной поливной посуды; ключ от замка цилиндрического типа В1 (рис. 30, 6); наконечник стрелы бронебойный; пять фрагментов ножей; пряжка железная прямоугольная (рис. 27, 4); фрагмент цепи (рис. 28, 12); накладка костяная прямоугольная вытянутая, орнаментированная гравированными продольными линиями и лунками,

напоминающими декор «волчий зуб» (рис. 35, 5); заготовка костяная (рис. 36, 10); фрагмент изразца печного поливного полихромно-рельефного. *Керамика*: преобладает сероглиняная грубая (в том числе днище с клеймом), белоглиняная ранняя и красноглиняная лощёная, два фрагмента лепной мордовской; верхний слой содержит небольшую примесь поздней — красноглиняной гладкой, красноглиняной ангобированной, белоглиняной гладкой тонкой, чёрнолощёной, морёной.

Яма 96 (кв. И–К 18–19). Прослежена с глубины -1,32 м. Северная часть прорезана перекопом XX в. Южная часть — подпрямоугольная со скруглёнными углами, размерами 1,30 × 2,40 м, глубиной до -2,20 м (-0,90 м от уровня погребённой почвы). Стенки вертикальные, дно уплощённое, с понижением к северо-западу. В юго-восточном углу — перекоп — столбовая яма диаметром 0,70 м, в которой сохранился древесный тлен столба диаметром 0,30 м. *Заполнение*: верхний слой — коричневатый суглинок с кирпичной крошкой (до -1,75 м); нижний слой — бурый пестроцвет с включениями угля. *Индивидуальные находки*: 12 фрагментов стеклянных браслетов; фрагмент стеклянного сосуда, декорированный накладной бирюзовой нитью; два фрагмента кашинной посуды с подглазурной полихромной росписью (рис. 44, 6); два наконечника стрелы (рис. 23, 11); накладка железная (рис. 26, 3); два шила; клинышек наборной рукояти ножа (рис. 35, 19). *Керамика*: преобладает сероглиняная грубая (в том числе днище с клеймом), встречается белоглиняная ранняя и красноглиняная лощёная; на дне ямы — чистый комплекс, верхний слой содержит небольшую примесь поздней — красноглиняной гладкой, белоглиняной гладкой тонкой, чёрнолощёной, морёной.

Яма 98 (кв. Ж6). Прослежена с уровня погребённой почвы (-1,09 м) как часть пятна ямы 76. Яма овальной формы, размерами 0,50 × 0,25 м, глубиной -1,24 м. Стенки крутые, дно уплощённое. Примыкает к северному краю ямы 76. *Заполнение*: бурый пестроцвет. *Керамика*: сероглиняная грубая.

Яма 99 (кв. Ж6). Прослежена с уровня погребённой почвы (-1,03 м) как часть пятна ямы 76. Яма округлой формы, диаметром 0,45 м, глубиной -1,28 м. Стенки крутые, дно уплощённое. Примыкает к северному краю ямы 76. *Заполнение*: бурый пестроцвет. В заполнении найден фрагмент тигля. *Керамика*: сероглиняная грубая.

Яма 102 (кв. К–Л 18–19). Прослежена с глубины -1,30 м. Северная часть прорезана перекопом XX в. Южная — сегмент диаметром 2,20 м, глубиной до -2,78 м (-1,40 м от уровня погребённой почвы). Стенки вертикальные, дно полусферическое. *Заполнение*: бурый пестроцвет с прослойками угля и золы, включениями глины. *Индивидуальные находки*: два фрагмента кашинной посуды с подглазурной росписью; ключ от замка цилиндрического типа В1 (рис. 30, 8); две железные булавки с петлей на конце; крюки (рис. 28, 5, 6); четыре ножа (рис. 20, 7) и фрагмента; костяная проколка; два грузила керамических сероглиняных (рис. 38, 1). *Керамика*: сероглиняная грубая, белоглиняная ранняя и красноглиняная лощёная; небольшая примесь поздней — красноглиняной ангобированной, белоглиняной гладкой тонкой, чёрнолощёной, кирпично-красной с белым ангобом.

Яма 104 (кв. И6). Прослежена с уровня погребённой почвы (-1,06 м) как часть пятна ямы 87. Яма овальной формы, размерами 0,25 × 0,20 м, глубиной -1,17 м. Стенки пологие, дно уплощённое. Примыкает к южному углу ямы 87. *Заполнение*: бурый пестроцвет. *Керамика*: сероглиняная грубая, единичные фрагменты белоглиняной ранней и красноглиняной лощёной.

Яма 105 (кв. Н 7–8 — О 8–10). Прослежена с уровня погребённой почвы (-1,13/-1,21 м). Канавка длиной 6,20 м, шириной 0,20 м, глубиной -1,28/-1,34 м. Стенки крутые,

дно уплощённое. Перерезана перекопом на границе кв. О9 и О10; в свою очередь перекрывает западный край ямы 130, заканчивается на южной границе ямы 131 (XIII–XIV вв.). *Заполнение*: бурый пестроцвет. Заполнение сливалось с заполнением ямы 52 (XIII–XIV вв.). *Керамика*: белоглиняная гладкая тонкая и чёрнолощёная (XVII–XVIII вв.), последняя, возможно, попала в заполнение неглубокой ямы случайно.

Яма 106 (кв. М 6–7 — Н 8–11). Выявлена на уровне погребённой почвы (-1,18/-1,30 м). Канавка прослеживается на протяжении 9,20 м, шириной 0,40–0,50 м, глубиной -1,50/-1,62 м. Стенки крутые, дно уплощённое. Частично перекрыта ямами 50, 89, 110, 110-Г (XIII–XIV вв.). *Заполнение*: бурый пестроцвет. *Керамика*: сероглиняная грубая.

Яма 110 (кв. Н–О 9–10). Прослежена с уровня погребённой почвы (-1,19/-1,23 м) как часть пятна бурого пестроцвета, из которого в процессе разборки были выделены ямы 110, 110-В и 110-Г. Яма овальной формы, размерами 2,60 × 2,40 м, глубиной до -2,15 м (-0,92 м от уровня погребённой почвы). Стенки крутые, дно уплощённое. Центральная часть с запада на восток прорезана траншеей XX в. *Заполнение*: бурый пестроцвет с прослойками бурого суглинка с тленом, углем, рыжей глиной; у стенок в придонной части — слой рыжей глины. *Индивидуальные находки*: четыре фрагмента стеклянных браслетов; фрагмент стеклянного сосуда, декорированный росписью красной эмалью и золотом (цв. ил. V, 6); бронзовая бляха ременная с петлёй ромбовидной формы, с изображением дракона, со следами посеребрения, штифтовая; четыре фрагмента кашинной керамики, в том числе один — ильханский люстр (рис. 43, 4); замок (во фрагментах); два ножа; игла; крючок; пробой; костяной затыльник от рукояти ножа (рис. 35, 17); пуговица (?) костяная (рис. 36, 3); неопределимые железные предметы. *Керамика*: сероглиняная грубая, единичные фрагменты белоглиняной ранней и красноглиняной лощёной; на дне — чистый комплекс, в верхних слоях — небольшая примесь более поздней керамики — красноглиняной гладкой, красноглиняной ангобированной, белоглиняной гладкой тонкой, чёрнолощёной и кирпично-красной с белым ангобом.

Яма 110-В (кв. Н–О 10–11). Прослежена с уровня погребённой почвы (-1,19/-1,23 м) как часть пятна бурого пестроцвета из которого в процессе разборки были выделены ямы 110, 110-В и 110-Г. Яма подпрямоугольной формы, со скругленными углами, 1,00 × 1,00 м, глубиной -1,60 м (-0,37 м от уровня погребённой почвы). Стенки крутые, дно плоское. Примыкает с севера к яме 110. *Заполнение*: бурый пестроцвет. *Индивидуальные находки*: один фрагмент стеклянного браслета; два фрагмента желтоватого стекла; наконечник стрелы (рис. 24, 2 — тип 91, по А. Ф. Медведеву: X–XIV вв.); железный предмет. *Керамика*: сероглиняная грубая, единичные фрагменты белоглиняной ранней и красноглиняной лощёной; в верхнем слое — по одному фрагменту чёрнолощёной и морёной.

Яма 110-Г (кв. М–Н 10). Прослежена с уровня погребённой почвы (-1,19/-1,23 м) как часть пятна бурого пестроцвета, из которого в процессе разборки были выделены ямы 110, 110-В и 110-Г. Яма овальная, размерами 1,20 × 1,40 м, глубиной -1,49 м (-0,27 м от уровня погребённой почвы). Стенки крутые, дно плоское. Примыкает с северо-запада к яме 110. *Заполнение*: бурый пестроцвет. *Керамика*: сероглиняная грубая, единичные фрагменты белоглиняной ранней и красноглиняной лощёной.

Яма 118 (кв. К–Л 10). Прослежена с уровня погребённой почвы (-1,19 м). Северный край обрезан фундаментом XIX в. Сохранившаяся часть округлая, размерами 0,70 × 1,40 м, глубиной -1,34 м. Стенки пологие, дно уплощённое. *Заполнение*: бурый пестроцвет. *Индивидуальные находки*: фрагмент кашинной керамики с подглазурной полихромной росписью и железный предмет. *Керамика*: сероглиняная грубая, фрагмент красноглиняной лощёной.

Яма 122 (кв. Ж10). Прослежена с уровня погребённой почвы (-1,23 м). Северный край обрезан фундаментом XIX в. Канавка длиной 1,20 м, шириной 0,20–0,25 м, глубиной -1,37 м. Стенки пологие, дно уплощённое. *Заполнение*: бурый пестроцвет. *Керамика*: сероглиняная грубая.

Яма 124 (кв. Д–Е 10). Прослежена с уровня погребённой почвы (-1,23/-1,26 м). С севера и запада прорезана фундаментом XIX в. Размеры сохранившейся части 0,90 × 2,50 м, глубина -2,56 м. Стенки вертикальные, дно уплощённое. На дне **яма 124-1**: диаметр 0,18 м, глубина -2,31 м (-0,08 м от дна ямы 124); стенки пологие, дно полусферическое. *Заполнение*: первый слой (верхний) — линза просевшего темного серого пестроцвета с углем и печиной (до -1,50 м); второй слой — бурый пестроцвет с печиной (до -2,00 м); третий слой (нижний) — темный бурый пестроцвет с прослойкой рыжей глины (до дна ямы). *Индивидуальные находки*: печать-матрица костяная точеная в форме пешки (рис. 35, 1); два фрагмента кашинной поливной керамики; три ножа (рис. 19, 10); семь фрагментов тиглей; шарик керамический; костяная проколка; кресальный кремь. *Керамика*: сероглиняная грубая (в том числе два днища с клеймом), единичные фрагменты белоглиняной ранней и красноглиняной лощёной; на дне — чистый комплекс, в верхних слоях примесь красноглиняной гладкой и ангобированной, белоглиняной тонкой, чёрнолощёной и морёной.

Яма 126 (кв. И 9–10). Прослежена с уровня погребённой почвы (-1,22 м). Северный край обрезан фундаментом XIX в., южный — перекопом XX в. Сохранившаяся часть — канавка длиной 2,10 м, шириной 0,25–0,35 м, глубиной -1,40/-1,47 м. Стенки крутые, дно уплощённое. *Заполнение*: бурый пестроцвет. Найден железный предмет. *Керамика*: сероглиняная грубая, единичные фрагменты белоглиняной ранней и красноглиняной лощёной.

Яма 127 (кв. Ж9). Прослежена с уровня материка (-1,34 м). Северный край обрезан перекопом XX в. Яма округлая, диаметром 0,45 м, глубиной -1,58 м. Стенки крутые, дно уплощённое. *Заполнение*: бурый пестроцвет. *Индивидуальные находки*: бронзовая накладная и железный предмет. *Керамика*: сероглиняная грубая, единичные фрагменты белоглиняной ранней и красноглиняной лощёной; поздняя примесь — два фрагмента белоглиняной тонкой и один — чёрнолощёной.

Яма 130 (кв. О 9–10). Прослежена на уровне погребённой почвы (-1,13/-1,16 м). Восточная часть уходит в стенку раскопа, центральная перерезана перекопом XX в. В пределах раскопа яма овальной формы, размерами 2,50 × 0,75 м, глубиной до -2,41 м. Стенки вертикальные, дно полусферическое. Западный край перекрыт ямой 105. *Заполнение*: первый слой (верхний) — бурый пестроцвет с прослойками угля, рыжей глины, бурого сугинка с тленом и углем; второй слой (нижний) — светлый бурый пестроцвет с прослойкой рыжей глины с углем. *Индивидуальные находки*: фрагмент стеклянного сосуда, орнаментированного росписью синей эмалью (цв. ил. V, 10); наконечник стрелы бронебойный: напоминает типы 81 (XIII–XIV вв.) и 82, по А. Ф. Медведеву (рис. 24, 3); нож (рис. 19, 9); накладная штифтовая железная (рис. 26, 19); обоймица ременная железная (рис. 27, 5). *Керамика*: сероглиняная грубая (в том числе целый профиль: рис. 48, 2), единичные фрагменты белоглиняной ранней и красноглиняной лощёной.

Яма 140 (кв. Б–В 4–5). Прослежена с уровня погребённой почвы (-1,08/-1,11 м). Яма округлая, диаметром 1,40 м, глубиной до -2,27 м. Стенки вертикальные, дно полусферическое со ступенькой в северо-восточной части. Северным краем прорезает яму 151. В свою очередь перекрыта ямами 139, 178–180 (XVIII–XIX вв.), которые ее не прорезают. *Заполнение*: в верхней части — линза позднего слоя темного серо-коричневого пестроцвета с прослойками угля и рыжей глины, ниже — бурый пестроцвет. *Индивидуальные находки*:

три фрагмента стеклянных браслетов; фрагмент кашинной керамики с бирюзовой поливой; два фрагмента лезвий ножей. *Керамика*: в верхней части заполнения — кирпично-красная с белым ангобом и морёная XVIII — начала XIX в., на дне — сероглиняная грубая (в том числе днище с клеймом) и белоглиняная ранняя XIII–XIV вв.

Яма 143 (кв. О5). Прослежена с уровня погребённой почвы (-0,83 м). Яма округлой формы, диаметром 0,45 м, глубиной -1,27 м. Стенки крутые, дно уплощённое. Южный край прорезает яма 43. *Заполнение*: бурый пестроцвет. *Керамика*: сероглиняная грубая.

Яма 145 (кв. Л–М 4–5). Прослежена с уровня погребённой почвы (-0,83 м). Юго-восточная часть прорезана перекопом XIX–XX вв. Яма округлая, размерами 2,50 × более 1,30 м, глубиной -1,79 м. Стенки вертикальные, дно уплощённое. В северо-западной части — выступ-ступенька (глубиной до -1,37 м). *Заполнение*: бурый пестроцвет с включениями угля. *Индивидуальные находки*: четыре фрагмента кашинной керамики (в том числе три — с полихромной подглазурной росписью и один — с надглазурной росписью чёрным люстром); фрагмент русской поливной керамики; фрагмент кресала овального короткого (рис. 32, 10); шило (рис. 21, 5); несколько неопределимых железных предметов. *Керамика*: преобладает сероглиняная грубая (в том числе днище с клеймом и развал миски — рис. 50, 14); в верхней части заполнения — единичные фрагменты красноглиняной лощёной, белоглиняной тонкой, чёрнолощёной, морёной и кирпично-красной с белым ангобом.

Яма 148 (кв. К–Л 4–5). Прослежена с уровня погребённой почвы (-0,82/-0,85 м). Северный край прорезан перекопом XX в. Сохранившаяся часть — подпрямоугольной формы, со скруглёнными углами, 1,40 × 0,95 м, глубиной -1,02 м. Стенки вертикальные, дно уплощённое, в восточной части — ямка диаметром 0,10 м и глубиной -1,19 м (-0,16 м от уровня дна ямы). К юго-восточному углу примыкает яма 148-А. Западный край частично перерезает яма 175. *Заполнение*: бурый суглинок с углем. *Индивидуальные находки*: три фрагмента кашинной керамики с полихромной подглазурной росписью; бусина пастовая зонная с плоскими реснитчатыми (бело-красно-чёрными) глазками желтая. *Керамика*: сероглиняная грубая (в том числе днище с клеймом и развал миски) и красноглиняная лощёная, два фрагмента лепной мордовской.

Яма 151 (кв. А5 — Б 4–5 — В–Г 4). Прослежена с уровня погребённой почвы (-0,96/-1,02 м). Канавка длиной 8,40 м, шириной 0,30–0,50 м, глубиной -1,40/-1,70 м (-0,40/-0,60 м от уровня погребённой почвы). Стенки крутые, дно уплощённое. Западный конец уходит за пределы раскопа, восточный обрезан ямой 76. Частично прорезают ямы 140 и 141. *Заполнение*: бурый пестроцвет. Найден один фрагмент стеклянного браслета. *Керамика*: сероглиняная грубая. *Дата*: XIV в.

Яма 155 (кв. Н–О 5). Прослежена с уровня погребённой почвы (-0,84 м). Канавка длиной 3,60 м, шириной 0,20–0,25 м, глубиной -1,03/-1,14 м. Стенки крутые, дно уплощённое. Восточный конец уходит за пределы раскопа, западный — обрезан ямой 50, середина пересекается ямой 156. *Заполнение*: бурый пестроцвет. *Керамика*: сероглиняная грубая.

Яма 156 (кв. Н5). Прослежена с уровня погребённой почвы (-0,91 м). Канавка длиной 1,40 м, шириной 0,15 м, глубиной -1,01/-1,13 м. Стенки крутые, на дне — отпечатки столбов частокола диаметром 0,10–0,15 м. Южный конец обрезан перекопом XIX–XX вв., северный — краем ямы 66. *Заполнение*: бурый пестроцвет. *Керамика*: сероглиняная грубая.

Яма 159 (кв. Л5). Прослежена с уровня погребённой почвы (-0,85/-0,88 м). Яма округлой формы, размерами 0,32 × 0,38 м, глубиной -1,25 м. Стенки крутые, дно уплощённое. *Заполнение*: бурый пестроцвет. Найден железный предмет. *Керамика*: сероглиняная грубая и один фрагмент красноглиняной лощёной.

Яма 160 (кв. К4). Прослежена с уровня погребённой почвы (-0,87 м). Западная часть прорезана ямой 61 и перекопом XX в. Сохранившаяся часть ямы — овальной формы, размерами 1,30 × 1,70 м, глубиной до -1,38 м. Стенки почти вертикальные, дно уплощённое, с небольшим наклоном с востока на запад. *Заполнение*: первый слой (верхний) — линза просевшего в яму позднего слоя — серого пестроцвета с тонкими прослойками угля (толщина до 0,10 м); второй слой (нижний) — бурый пестроцвет с углем (от -0,90 м до дна). *Индивидуальные находки*: бусина кашинная зонная поливная бирюзовая (цв. ил. XIII, 4); накладка железная круглая вогнутая с двумя сквозными отверстиями и двумя штифтами (рис. 26, 7); пружина от замка; четыре ножа; игла; стамеска; три скобы; белемнит со следами обработки. *Керамика*: преобладает сероглиняная грубая и белоглиняная ранняя, один фрагмент красноглиняной лощёной; смесь из единичных фрагментов поздней (белоглиняной тонкой, чёрнолощёной и морёной).

Яма 161 (кв. М 5–7). Прослежена с уровня погребённой почвы (-0,87/-1,00 м) как часть пятна ямы 50, к которой примыкает с запада. Канавка длиной 4,00 м, шириной 0,30–0,40 м, глубиной -1,12/-1,28 м. Стенки пологие, дно уплощённое неровное. Северный конец прорезан ямой 89, южный — ямой 145. *Заполнение*: бурый пестроцвет. *Индивидуальные находки*: фрагмент стеклянного сосуда, орнаментированный росписью зеленой и чёрной эмалью и золотом. *Керамика*: сероглиняная грубая.

Яма 162 (кв. М–Н 5). Прослежена с уровня погребённой почвы (-0,92 м) как часть пятна ямы 50, к которой примыкает с юга. Южная часть прорезана перекопом XIX–XX вв., центральная — ямой 163. Яма округлой формы, размерами более 0,50 × 1,00 м, глубиной -1,05 м. Стенки покатые, дно уплощённое. *Заполнение*: бурый пестроцвет. *Керамика*: сероглиняная грубая.

II. Комплексы XVI–XVII вв.

Яма 4-А (кв. А2). Прослежена с уровня предматерика (от уровня погребённой почвы -1,00 м) в виде подпрямоугольного пятна. Форма прямоугольная, со скруглёнными углами. Стенки крутые, почти вертикальные. Дно уплощённое, понижающееся с запада на восток. Размеры 0,70 × 1,10 м, глубина от -1,59 до -1,79 м (-0,58/-0,78 м от уровня предматерика). По-видимому, столбовая яма. Южный край подрезан ямой 4, которая в свою очередь прорезает южный край ямы 5-А. *Заполнение*: однородное — темный коричневый пестроцвет. *Керамика* мешаная: сероглиняная грубая и белоглиняная ранняя, красноглиняная лощёная, красноглиняная гладкая, белоглиняная гладкая, чёрнолощёная, кирпично-красная с белым ангобом и морёная. *Дата*: XVIII в.

Яма 22 (кв. В3). Прослежена с уровня погребённой почвы (-0,91/-0,95 м). Округлой формы, диаметром 0,60 м, глубиной -1,04 м (-0,07 м от уровня предматерика). Стенки покатые, дно уплощённое. *Заполнение*: однородное — серо-коричневый пестроцвет. *Индивидуальных находок нет*. *Керамика*: два фрагмента сероглиняной грубой и один фрагмент чёрнолощёной. *Дата*: XVI–XVII вв.

Яма 24 (кв. Ж 2–3). Прослежена с уровня погребённой почвы (-0,96/-0,99 м). Форма и размеры ямы не поддаются восстановлению, так как ее восточная часть разрушена перекопом XX в., а северный край западной части — ямой 17. Размеры сохранившейся части 1,70 × 0,30 м, глубиной -1,39 м (-0,40 м от уровня предматерика). Стенка (западная) покатая, дно уплощённое. *Заполнение*: серо-коричневый пестроцвет с включениями тлена. *Индивидуальные находки*: серебряная монета (копейка) чекана г. Москвы Михаила Фёдоровича.

Керамика: комплекс мешаный, преобладает белоглиняная гладкая тонкая керамика XVI–XVIII вв., на втором месте по количеству — ранняя сероглиняная грубая XIII–XIV вв. (переотложенная). *Дата*: XVII в.

Яма 25 (кв. И–К 2–3). Прослежена от уровня предматерика (-1,00 м). Округлой формы, размерами 2,20 × 2,10 м, глубиной -1,71 м (-0,70 м от уровня предматерика). Стенки пологие, с юго-востока — крутая, дно уплощённое. Северная часть частично повреждена поздним перекопом, северо-западным краем прорезает край ямы 61. *Заполнение*: первый слой (верхний) — линза серо-коричневого пестроцвета с включениями угля и тлена толщиной до 0,28 м, прослойка рыжей глины толщиной 0,03–0,05 м; второй слой — серый пестроцвет толщиной от 0,20 м в центральной части до 0,50 м по краям; третий слой (нижний) — светлый серый пестроцвет (смесь с переотложенной рыжей материковой глиной) толщиной до 0,10 м. *Индивидуальные находки*: один фрагмент стеклянного браслета; три фрагмента кашинных сосудов с подглазурной полихромной росписью; наконечник стрелы типа 33, по А. Ф. Медведеву (XII — первая половина XIII в.) (рис. 23, 1); нож (рис. 18, 1); костяная игла (рис. 36, 8). *Керамика*: мешаная, преобладает белоглиняная гладкая тонкая XVI–XVIII вв. и красноглиняная гладкая ангобированная (рис. 56, 1); на третьем месте по количеству — сероглиняная грубая XIII–XIV вв. *Дата*: XVI–XVII вв.

Яма 33 (кв. Д–Е 1–2). Прослежена с глубины -1,22/-1,29 м при зачистке пятна ямы 20, верхнюю часть которой она прорезает. Округлая, диаметром 2,00 м, глубиной до -2,28 м. Стенки и дно неровные. *Заполнение*: коричневый пестроцвет с включениями кирпичной крошки, глины и угля. *Индивидуальные находки*: мешаные — три фрагмента стеклянных браслетов; семь фрагментов кашинных сосудов с подглазурной полихромной росписью; крест-тельник бронзовый равносторонний с округлыми утолщениями («шишечками») на концах лопастей (1025–1268 гг. по новгородской шкале) (рис. 34, 12); два ножа (рис. 18, 10); сапожная подковка (рис. 29, 3); жернов; фрагмент глиняной игрушки (нога в сапоге) морёной с редким лощением (рис. 40, б); фрагмент пряслица бочонковидного с желтой поливой; фрагмент золотой пластинки (18 × 12 мм); серия неопределимых железных и бронзовых обломков. *Керамика*: мешаная, преобладает сероглиняная грубая, в том числе три днища с клеймами (целая форма: рис. 47, 3), на втором месте по количеству — белоглиняная гладкая XVI–XVII вв. *Дата*: XVI–XVII вв.

Яма 39 (кв. П3). Прослежена с уровня погребённой почвы (-0,87 м). Восточная часть уходит за пределы раскопа, южная срезана перекопом XX в. Часть ямы в пределах раскопа округлой формы, размерами 0,90 × 0,50 м, глубиной до -1,15 м (-0,28 м от уровня погребённой почвы). Стенки покатые, дно уплощённое. *Заполнение*: бурый суглинок с включениями угля и золы. *Индивидуальные находки*: фрагмент русского сосуда с односторонней желто-зеленой глухой поливой. *Керамика*: преобладает сероглиняная грубая (в том числе миска: рис. 50, 3), в заполнении ямы встречены отдельные фрагменты красноглиняной лощёной и гладкой, белоглиняной гладкой и чёрнолощёной.

Яма 42 (кв. П1). Южный край прослежен с уровня погребённой почвы (-0,74 м), северный — от уровня дна ямы 46, которая прорезает ее верхнюю часть. Округлая, диаметром 0,46 м, глубиной -1,26 м (-0,52 м от уровня погребённой почвы). Стенки вертикальные, дно полусферическое. *Заполнение*: бурый пестроцвет. *Керамика*: сероглиняная грубая.

Яма 43 (кв. О 3–5). Прослежена с уровня погребённой почвы (-0,89 м). Яма с трех сторон обрезана перекопами XX в. Сохранилась часть южного края размерами 0,70 × 1,60 м. Стенка вертикальная, глубина — до -2,21 м. *Заполнение*: светлый серый пестроцвет (встречается кирпичный бой), прослойка серого пестроцвета с углем, включения рыжей глины.

Индивидуальные находки: фрагмент стеклянного браслета; фрагмент кашинного сосуда с прозрачной бирюзовой поливой и чёрной подглазурной росписью; кресало однолезвийное индивидуальной формы (рис. 32, 7); пряслице бочонкообразное поливное; фрагмент ножа с плоским черешком (рис. 21, 1); несколько неопределимых железных предметов. *Керамика:* мешаная, сероглиняная грубая XIII–XIV вв. и белоглиняная гладкая тонкая XVI–XVIII вв., отдельные фрагменты чёрнолощёной и морёной. *Дата:* XVI–XVIII вв.

Яма 57 (кв. Б–В–Д–Е 6). Прослежена с уровня погребённой почвы (-1,10 м). Канавообразная яма, вытянутая с запада на восток, шириной 0,60 м. Западная часть обрезана перекопом XX в., восточная прорезает верхнюю часть заполнения ямы 76. Длина сохранившейся части 6,60 м, глубина -1,25/-1,29 м. Стенки крутые, дно уплощённое. *Заполнение:* серо-коричневый пестроцвет. *Индивидуальные находки:* фрагмент стеклянного браслета; два фрагмента кашинных сосудов с полихромной подглазурной росписью; кресало овальное длинное (рис. 32, 6). *Керамика:* мешаная — сероглиняная грубая, белоглиняная ранняя, красноглиняная лощёная и гладкая, белоглиняная гладкая тонкая. *Дата:* XVI–XVII вв.

Яма 59 (кв. Г–Д 6 — В–Е 7–8). Пятно оконтурилось на уровне погребённой почвы (-1,15/-1,17 м). При разборке выяснилось, что это три одновременных комплекса: яма 59-А частично прорезает ямы 59-Б и 59-В, яма 59-Б прорезает яму 59-В.

Яма 59-А (кв. Г–Д 6 — В–Е 7–8). Прослежена с глубины -1,17 м. В верхней части пятно (3,40 × 5,20 м) почти полностью перекрывает ямы 59-Б и 59-В. Размеры собственно ямы — 3,40 × 3,40 м, глубина — до -1,90 м. Западная стенка пологая, остальные почти вертикальные, дно уплощённое с понижением к центру. *Заполнение:* коричневый суглинок с включениями кирпичной крошки и тлена (толщина до 0,70 м), по дну — прослойка древесного тлена толщиной 0,02–0,03 м. *Индивидуальные находки* делятся на две группы: 1) вещи XIII–XIV вв., попавшие в заполнение, по-видимому, при перекопе ямы 59-В, и 2) вещи XVIII в.:

1) два фрагмента стеклянных браслетов; бусина пастовая бочонковидная красная (фрагмент); фрагмент стеклянного сосуда с росписью цветной эмалью и золотом (цв. ил. V, 5); три фрагмента кашинных сосудов с подглазурной полихромной росписью (цв. ил. X, 4; рис. 43, 12, 13); грузик свинцовый конусообразный; три грузила красноглиняных; каменный крест-тельник с прямоугольными окончаниями лопастей (рис. 34, 16); наконечник стрелы, близок к типу 33, по А. Ф. Медведеву (XII–XIII вв.) (рис. 23, 3); 15 ножей (рис. 18, 7; 20, 4; 21, 2) и их фрагментов; два фрагмента тиглей; ключ от замка типа Д или Е (середина XIV–XVI в.) (рис. 30, 14); пробой (рис. 31, 7); дверная накладка (рис. 28, 14);

2) фрагмент сосуда с росписью белой эмалью; фрагмент печного изразца полихромного рельефного поливного; фрагмент свистульки красноглиняной; грузила красноглиняные (рис. 39, 6, 9); пять подковок обувных (рис. 29, 7, 8).

Керамика: мешаная от сероглиняной грубой XIII–XIV вв. (в том числе днище с клеймом) до морёной XVIII — начала XIX в.; количественно преобладает белоглиняная гладкая тонкая, следующие по количеству — чёрнолощёная и морёная; развалы белоглиняных, красноглиняных и чёрнолощёных (рис. 57, 1) сосудов. *Дата:* XVIII в.

Яма 59-Б (кв. Г–Д 6 — Г–Е 7–8). Восточный край прослежен с уровня погребённой почвы (-1,15 м), остальная часть была перекрыта пятном ямы 59-А и раскрыта в процессе ее разборки. Яма округлой формы, размерами 3,40 × 3,60 м. Стенки вертикальные, дно в западной части уплощённое (-2,50/-2,64 м), в восточной части дна — яма размерами 1,40 × 1,90 м, глубиной до -3,66 м с вертикальными («с подбоем») стенками и уплощённым дном. В южной части дна — остатки древесного тлена (-3,35/-3,42 м). В западной части на дне — две столбовые ямки, в восточной — «ступенька» 1,00 × 0,50 м, глубиной -1,97/-2,09 м

(-0,18/-0,30 м от уровня погребённой почвы). *Заполнение*: в верхней части — заполнение ямы 59-А (до глубины -1,90 м); ниже лежит коричнево-пестроцвет с включениями печины, кирпичной крошки, угля, древесного тлена, с прослойками переотложенной материковой глины. *Индивидуальные находки* делятся на две группы: 1) вещи XIII–XIV вв., попавшие в заполнение, по-видимому, при перекопе ямы 59-В, и 2) вещи времени функционирования комплекса:

1) три фрагмента стеклянных браслетов; фрагмент стеклянного перстня плоско-выпуклого синего прозрачного; фрагмент венчика селадонного сосуда; 11 фрагментов кашинной керамики (цв. ил. X, 1; рис. 44, 1; 45, 5) (в том числе один — псевдоселадон); фрагмент литейной формы (для отливки свинцовых грузиков в виде тонкого кружка с валикообразным краем и вертикальной ножкой-штулкой в центре — рис. 34, 9); восемь фрагментов тиглей; ключ типа В (фрагмент); наконечник стрелы типа 33, по А. Ф. Медведеву (XII — первая половина XIII в.) (рис. 23, 5); грузик свинцовый колесообразный; шило (рис. 22, 4); железная пряжка (рис. 27, 9); светец (рис. 33, 6); тыльник наборной рукоятки (рис. 35, 10); 2) подковки сапожные (рис. 29, 4, 9); пряслице из стенки белоглиняного сосуда.

Керамика: мешаная, от сероглиняной грубой XIII–XIV вв. (в том числе днище с клеймом) до морёной XVIII — начала XIX в.; количественно преобладает белоглиняная гладкая тонкая; развалы белоглиняных горшков (рис. 54, 4; 55, 14) и красноглиняного лощёного кувшина (рис. 52, 8), красноглиняная миска (рис. 51, 27). *Дата*: XVIII в., но раньше ямы 59-А, которая ее прорезает.

Яма 85 (кв. Н–О 17–19). Прослежена с уровня погребённой почвы (-1,24/-1,28 м). Северный край перерезан перекопом XX в. Овальной формы, размерами 3,40 × 2,00–2,20 м, глубиной -1,97/-2,25 м. Стенки вертикальные, дно уплощённое, в нём выявлены ямы 85-1–85-6.

Яма 85-1 (кв. Н18). Округлая, размерами 0,28 × 0,32 м, глубиной -2,22 м (-0,25 м от уровня дна ямы 85). Стенки крутые, дно уплощённое. *Заполнение*: серо-коричневый пестроцвет.

Яма 85-2 (кв. Н–О 18). Овальная, размерами 0,70 × 0,30 м, глубиной -2,26 м (-0,34 м от уровня дна ямы 85). Стенки пологие, в дне углубление диаметром 0,15 м. *Заполнение*: серо-коричневый пестроцвет.

Яма 85-3 (кв. О17). Округлая, размерами 0,15 × 0,18 м, глубиной -2,32 м (-0,31 м от уровня дна ямы 85). Стенки пологие, дно уплощённое. *Заполнение*: серо-коричневый пестроцвет.

Яма 85-4 (кв. Н17). Округлая, диаметром 0,35 м, глубиной -2,16 м (-0,19 м от уровня дна ямы 85). Стенки пологие, дно уплощённое. *Заполнение*: серо-коричневый пестроцвет.

Яма 85-5 (кв. Н 17–18, О18). Овальная, размерами 1,80 × 0,50–0,70 м, глубиной -2,40 м (-0,42 м от уровня дна ямы 85). Стенки пологие, дно уплощённое. *Заполнение*: серо-коричневый пестроцвет.

Яма 85-6 (кв. Н18). Округлая, размерами 0,42 × 0,38 м, глубиной -2,05 м (-0,11 м от уровня дна ямы 85). Стенки пологие, дно уплощённое. *Заполнение*: серо-коричневый пестроцвет.

Заполнение ямы 85: первый слой (верхний) — линза коричневого пестроцвета с кирпичным боем (максимальная глубина -1,65 м); второй слой — линза серо-коричневого пестроцвета с печиной и кирпичным боем (максимальная глубина -1,75 м); третий слой (нижний) — серо-коричневый пестроцвет. *Индивидуальные находки*: ключ типа В; наконечник (близок к типам 39 (VIII–IX вв.) и 40 (X–XIV вв.), по А. Ф. Медведеву) (рис. 23, б); пружина от цилиндрического замка; два фрагмента кашинной поливной керамики;

фрагмент красноглиняной с двусторонней прозрачной зеленой поливой и подглазурной гравировкой по ангобу; грузило красноглиняное с остатками белого ангоба (рис. 38, 8); заготовка пряслица из стенки морёного сосуда; многочисленные неопределимые железные предметы. *Керамика*: мешаная — от сероглиняной грубой XIII–XIV вв. до русской поливной XVIII–XIX вв., фрагмент стенки красноглиняной амфоры (третий слой), в верхнем слое — единичный фрагмент фаянса XIX–XX вв. Наиболее массовая группа (наряду с сероглиняной грубой) — белоглиняная гладкая тонкая XVI–XVIII вв. *Дата*: XVI–XVIII вв. (верхний слой: XVIII–XIX вв.).

Яма 88 (кв. И–К 16–17). Прослежена с глубины -1,21 м. Верхняя часть заполнения прорезана с северо-запада на юго-восток траншеей XX в. Общие размеры ямы 1,15 × 1,60 м. Восточная часть — подпрямоугольная, с пологими стенками и уплощённым дном, глубиной -1,65/-1,73 м (-0,32/-0,40 м от уровня погребённой почвы). Западная часть — округлая, с вертикальными стенками и уплощённым дном, глубиной -2,80 м (-1,43 м от уровня погребённой почвы). *Заполнение*: коричневый пестроцвет. *Индивидуальные находки*: в основном ранние, переотложенные — бусина стеклянная шарообразная синяя непрозрачная, украшенная тремя продольными полосами белой эмали; фрагмент кашинного сосуда с прозрачной бирюзовой поливой и подглазурной полихромной росписью и рельефом; фрагмент проволоки бронзовой, накладка стреловидная железная (рис. 26, 18); пружина от цилиндрического замка, костяной наперсток (?) (рис. 36, б); на позднюю дату указывает находка двух сапожных подковок (рис. 29, 5). *Керамика*: мешаная — от сероглиняной грубой XIII–XIV вв. до морёной XVIII — начала XIX в. *Дата*: XVIII — начало XIX в.

Яма 139 (кв. Б 4–5). Прослежена с глубины -0,96 м. Яма неправильной подпрямоугольной формы, размерами 0,70–0,80 × 1,55 м, глубиной -1,06 м. В заполнении следы двух столбов (ямы 178 и 179). Перекрывает яму 140, но не врежется в нее. *Заполнение*: коричневый пестроцвет. *Индивидуальные находки*: фрагмент тигля, керамический шарик. *Керамика*: мешаная — от XIII–XIV вв. до XVI–XVII вв. *Дата*: XVI–XVII в.

III. Комплексы XVIII–XIX вв.

Яма 1 (кв. А1). Прослежена с глубины -0,80 м, непосредственно после снятия балластного слоя. Выходит за южную и западную границы раскопа, в его пределах — подпрямоугольной формы, размеры 0,60 × 0,50 м, с вертикальными стенками, глубиной -1,63 м. *Заполнение*: темный коричневый суглинок, на стенке — прослойка темного коричневого пестроцвета с примесью строительного мусора, в том числе силикатного кирпича. *Керамика*: мешаная — XVII–XVIII вв. (сероглиняная грубая, красноглиняная ангобированная, белоглиняная тонкая и чёрнолощёная). *Дата*: XIX в.

Яма 4 (кв. А2). Прослежена с уровня предматерика (погребённой почвы) -1,00 м в виде аморфного пятна, которое в процессе разборки распалось на несколько ям. Яма подтреугольная корытообразная, с пологими стенками и плоским дном, размерами 0,50–1,20 × 1,80 м, глубиной -1,06/-1,18 м (-0,02/-0,14 м от уровня предматерика). Восточный край прорезан ямами 4-В и 4-Г; в свою очередь яма 4 частично прорезает южный край ямы 4-А. *Заполнение*: темный коричневый суглинок с включениями кирпичного боя. *Индивидуальные находки*: фрагменты свистульки красноглиняной с росписью белым ангобом, изразца полихромного гладкого и тигля (№ 63, 64, 3083). *Керамика* мешаная: сероглиняная грубая и белоглиняная ранняя, красноглиняная лощёная, красноглиняная гладкая, белоглиняная

гладкая, чёрнолощёная, кирпично-красная с белым ангобом и морёная. *Дата*: XIX — начало XX в.

Яма 9 (кв. Б 3–4). Прослежена с глубины -0,60 м. Подпрямоугольной формы, размерами 0,80 × 0,90–1,00 м, глубиной -1,26 м (-0,31 м от уровня погребённой почвы). Стенки вертикальные, дно плоское. *Заполнение*: коричневый пестроцвет с кирпичным боем, в центре — тлен от деревянного столба диаметром 0,30 м. *Индивидуальные находки*: фрагмент колонки изразцовой полихромно-рельефной. *Керамика* мешаная. *Дата*: XVIII — начало XIX в.

Яма 10 (кв. Б3). Прослежена с глубины -0,80 м. Округлой формы, диаметром 0,40 м, глубиной -1,12 м (-0,14 м от уровня погребённой почвы). Стенки почти вертикальные, дно плоское. *Заполнение*: однородное — коричневый пестроцвет. *Керамика* мешаная. *Дата*: XVIII — начало XIX в.

Яма 11 (кв. Б–В 2–3). Прослежена с глубины -0,98/-1,02 м (уровень погребённой почвы). Подпрямоугольной формы, размерами 0,40–0,50 × 1,70 м, глубиной до -1,32 м (-0,34 м от уровня погребённой почвы). Стенки вертикальные, дно уплощённое, спускается ступеньками с востока на запад. *Заполнение*: однородное — коричневый суглинок. *Индивидуальные находки*: кресальный кремьень. *Керамика* мешаная. *Дата*: XVIII — начало XIX в.

Яма 17 (кв. Ж 3–4). Прослежена с уровня погребённой почвы (-0,96 м). По-видимому, яма имела прямоугольную или квадратную форму — восточная ее часть уничтожена перекопом. Длина с севера на юг 2,70 м; с запада на восток сохранилась на 0,60–1,10 м. Глубина до -1,87 м (-0,80 м от уровня предматерика). Стенки почти вертикальные, дно уплощённое, в южной части ямы — ступенька (глубина -1,50 м). Вдоль западной стенки в дно углублены ямки 17-1, 17-2 и 17-3.

Яма 17-1: канавка вдоль западной стенки ямы 17, размерами 0,60 × 0,15 м, глубиной -1,86 м (-0,08 м от уровня дна ямы 17); западная стенка вертикальная, восточная — покатая, дно уплощённое.

Яма 17-2: примыкает с севера к яме 17-1, овальная, 0,30 × 0,20 м, глубиной -1,90 м (-0,12 м от уровня дна ямы 17); стенки крутые, дно уплощённое.

Яма 17-3: примыкает с северо-востока к яме 17-2, округлая, диаметром 0,25 м, глубиной -1,91 м (-0,14 м от уровня дна ямы 17); стенки крутые, дно уплощённое. Северо-западный угол ямы 17 частично прорезает столбовая яма 171. *Заполнение*: коричневый пестроцвет с включениями кирпичного боя и извести. *Индивидуальные находки*: русские монеты — полушка 1734 г., денга 1740 и денга 1743 гг.; два фрагмента печного изразца поливного полихромно-рельефного; два фрагмента сосуда XVIII в., орнаментированного росписью белой эмалью; кресальный кремьень; крюк; нож; пробой (рис. 31, 14); две скобы с круглой соединительной планкой (рис. 33, 14); фрагмент сосуда кашинного с глухой салатно-зеленой поливой (псевдоселадон) золотоордынского времени — из перекопа. *Керамика*: преобладает кирпично-красная с белым ангобом, чёрнолощёная (рис. 58, 10) и морёная (рис. 60, 2); примесь ранней — сероглиняной грубой и белоглиняной. *Дата*: XVIII в.

Яма 18 (кв. Д–Е 3–4). Прослежена с уровня предматерика (-0,93 м). Яма подпрямоугольной формы, со скруглёнными углами, размерами 2,20 × 2,00–2,20 м. Стенки покатые, дно уплощённое, глубина -1,25/-1,26 м (-0,32 м от уровня предматерика). В северо-восточной части — столбовая ямка 18-1: овальная, размерами 0,20 × 0,30 м, глубиной -1,38 м (-0,15 м от уровня дна ямы 18). *Заполнение*: в верхней части — коричневый пестроцвет с включениями кирпичного боя и извести, в нижней — коричневый суглинок с кирпичным боем, углем и древесным тленом. *Индивидуальные находки*: две русские монеты (полушки 1734 и 1735 гг.); бусина стеклянная зонная коричневая прозрачная; два фрагмента печных

изразцов поливных полихромно-рельефных; фрагмент белоглиняного мундштука; кожаная пуговица; светец (рис. 33, 5); два кресальных кремня; пять кремневых орудий; четыре ножа (рис. 21, 8); четыре глиняных рыболовных грузила (рис. 38, 5, 7, 10); глиняные игрушки: фрагмент конька белоглиняного, расписанного охрой (рис. 40, 4), и две свистульки-птички красноглиняные (рис. 40, 7, 8); несколько фрагментов сосудов зеленоватого прозрачного стекла, в том числе с росписью желтой, белой и красной эмалями (цв. ил. VI, 1, 3, 5). По-видимому, при перекопе в заполнение ямы попали два фрагмента кашинных сосудов золотоордынского времени с прозрачной бесцветной поливой и полихромной подглазурной росписью. *Керамика*: преобладает кирпично-красная с белым ангобом, чёрнолощёная и морёная; примесь ранней — сероглиняной грубой и белоглиняной; найдены фрагмент русского сосуда XVIII в. белоглиняного поливного с подглазурной росписью и миска чёрнолощёная (рис. 59, 1). *Дата*: XVIII в.

Яма 21 (кв. Д–Е 2). Прослежена с уровня зачистки пятна ямы 20 (-1,09/-1,13 м). Овальной формы, размерами 1,70 × 1,20 м, глубиной -1,62 м. Стенки крутые, дно уплощённое. Яма целиком выкопана в верхней части заполнения ямы 20. Северный край прорезан ямой 26. *Заполнение*: коричневый пестроцвет с углем. *Индивидуальные находки*: фрагмент стеклянного браслета; фрагмент стеклянного перстня прозрачного зеленого плоско-выпуклого с овальным щитком; два оселка; железный предмет. *Керамика*: преобладает белоглиняная грубая, встречается белоглиняная ранняя и красноглиняная лощёная, которые попали из заполнения ямы 20; единичные фрагменты керамики XVI–XVIII вв. (белоглиняная гладкая тонкая, чёрнолощёная, морёная и кирпично-красная с белым ангобом). *Дата*: XVIII в.

Яма 26 (кв. Д–Е 2–3). Прослежена с глубины -1,20 м на фоне пятен ям 18, 20 и 21, которые она прорезает. Яма округлая, диаметром 0,55 м, глубиной -1,54 м. Стенки крутые, дно неровное. *Заполнение*: темный коричневый пестроцвет с тленом. *Керамика*: чёрнолощёная, морёная, кирпично-красная с белым ангобом, два фрагмента сероглиняной грубой. *Дата*: XVIII–XIX вв.

Яма 29 (кв. Б1). Выявлена при зачистке погребённой почвы на уровне около -1,00 м, прорезает пятно ямы 3. Неправильной округлой формы, размерами 0,90 × 1,20 м, стенки пологие, глубина до -1,20 м. *Заполнение*: темный коричневый неоднородный суглинок с включениями кирпичной крошки, пещины и угля. *Керамика*: мешаная от XIII–XIV до XIX в. Прорезает восточный край ямы 3 и, частично, ее заполнение. Выкопана для установки двух столбов (ямы 27 и 28), от которых сохранился древесный тлен. *Дата*: XIX в.

Яма 31 (кв. Б 1–2). Выявлена при зачистке погребённой почвы на уровне около -1,00 м, прорезает пятно ямы 3. Неправильной подпрямоугольной формы, размерами 0,50 × 1,35 м, с вертикальными стенками. Дно уплощённое, со ступенькой в восточной части. Максимальная глубина -1,68 м (-0,68 м от уровня предматерика). *Заполнение* в верхней части толщиной до 0,40 м состоит из темного коричневого пестроцвета; придонная часть (около 0,20 м) состоит из гумусированной рыжей глины. *Керамика*: мешаная от XIII–XIV до XIX в. Выкопана для установки столба (яма 30), от которого сохранился древесный тлен. *Дата*: XIX в.

Яма 46 (кв. П 1–2). Прослежена с глубины -0,50 м. Восточный край уходит за пределы раскопа, северный обрезан перекопом XX в. Размеры в пределах раскопа 2,00 × 0,50 м, глубина -1,09 м (-0,23 м от уровня погребённой почвы). Стенки вертикальные, дно уплощённое. Прорезает верхнюю часть заполнения ям 42 и 54. *Заполнение*: коричневый суглинок с включениями кирпичного боя, извести и тлена. *Индивидуальные находки*: фрагмент глиняной игрушки; заготовка для пряслица из стенки чёрнолощёного сосуда; черенок ножа;

две железные скобы с округлой соединительной планкой. *Керамика*: мешаная, от сероглиняной грубой XIII–XIV вв. до морёной XVIII — начала XIX в. *Дата*: XVIII — начало XIX в.

Яма 48 (кв. О–П 6–7). Прослежена с глубины -0,92 м. Яма овальной формы, размерами 1,40 × 0,90 м, глубиной -1,46 м. Прорезает верхнюю часть заполнения ямы 49. *Заполнение*: коричневатый пестроцвет с включениями кирпичного боя, сверху небольшая прослойка светлого серо-коричневого пестроцвета с тленом. *Индивидуальные находки* (попали из заполнения ямы 49 XIII–XIV вв.): две бусины кашинные поливные бирюзовые (цв. ил. XIII, 1, 2; рис. 45, 7); бусина овальная халцедоновая; фрагмент горла стеклянного сосуда, расписанного цветными эмалями и золотом (цв. ил. V, 4); нож. *Керамика*: мешаная от сероглиняной грубой XIII–XIV вв. до морёной XVIII — начала XIX в. *Дата*: XVIII — начало XIX в.

Яма 53 (кв. Г 5–6). Прослежена с глубины -0,60 м. Округлая, размерами 0,90 × 1,00 м, глубиной -1,18 м. Стенки вертикальные, дно плоское. *Заполнение*: коричневатый пестроцвет, в центре столбик древесного тлена диаметром 0,28 м. *Керамика*: мешаная, от сероглиняной грубой XIII–XIV вв. (целый профиль: рис. 49, 2) до морёной XVIII — начала XIX в. *Дата*: XVIII — начало XIX в.

Яма 56 (кв. В5). Прослежена с глубины -0,60 м. Яма подквадратной формы со скруглёнными углами, размерами 0,80 × 0,90 м, глубиной -1,13 м. *Заполнение*: коричневатый пестроцвет, в центре — тлен столба диаметром 0,30 м, под ним на дне — тлен доски. Найдена ручка сосуда белоглиняного поливного XVIII в. *Керамика*: мешаная, от сероглиняной грубой XIII–XIV вв. до морёной XVIII — начала XIX в. *Дата*: XVIII — начало XIX в.

Яма 62 (кв. О 5–6 — П6). Прослежена с глубины -0,60 м. Уходит в восточную стенку раскопа. В его пределах — северо-западный угол подпрямоугольной ямы со скруглённым углом, вертикальными стенками и прямым дном. Глубина -1,02 м. Перекрывает яму 49-А. *Заполнение*: темный коричневатый суглинок с кирпичным боем и строительным мусором. В заполнении найден кресальный кремь (№ 1153) и фрагмент красноглиняной лощёной керамики. *Дата*: XVIII–XIX вв.

Яма 63 (кв. Н6). Прослежена с глубины -1,00 м. Северо-западная часть разрушена перекопом. Юго-восточная часть овальная, размерами 1,20 × 0,30–0,50 м, глубиной -1,20 м. Стенки покатые, дно плоское. Перекрывает яму 86, не врезаюсь в нее. *Заполнение*: коричневатый пестроцвет с углем и золой. *Керамика*: белоглиняная гладкая тонкая, чёрнолощёная, кирпично-красная с белым ангобом, морёная. *Дата*: XVIII в.

Яма 64 (кв. М–Н 5–6). Прослежена с глубины от -0,92 м (южная часть) до -1,25 м (северная часть). Подпрямоугольная, со скруглёнными углами, с выступом-ступенькой в западной части, размерами 2,10 × 0,75–1,05 м, глубиной -1,35 м. Стенки вертикальные, дно прямое. Прорезает верхнюю часть заполнения ямы 50. *Заполнение*: коричневатый суглинок с кирпичным боем. *Керамика*: мешаная, от сероглиняной грубой (в том числе днище с клеймом — № 3007) до русской поливной XVIII–XIX вв. *Дата*: XVIII–XIX вв.

Яма 66 (кв. Н 5–6). Прослежена с глубины -0,60 м. Яма подпрямоугольной формы, размерами 0,80 × 0,60 м, глубиной -1,12 м. Стенки вертикальные, дно полусферическое. *Заполнение*: коричневатый суглинок с включениями кирпичного боя. *Керамика*: пять фрагментов сероглиняной грубой и три фрагмента белоглиняной гладкой тонкой. *Дата*: XVIII (?) в.

Яма 79 (кв. Б6). Прослежена с уровня погребённой почвы (-1,10 м). Округлой формы, диаметром 0,50 м, глубиной -1,27 м. Стенки покатые, дно уплощённое. Западная часть прорезана перекопом XX в. *Заполнение*: коричневатый пестроцвет. *Керамика*: сероглиняная грубая, единичные фрагменты чёрнолощёной и русской поливной XVIII–XIX вв. *Дата*: XVIII в. (?).

Яма 91 (кв. К–Л 18–19). Прослежена с глубины -1,37 м. Подпрямоугольной формы, размерами 0,60 × 1,03 м, глубиной -1,77 м (-0,47 м от уровня погребённой почвы). Стенки вертикальные, дно уплощённое. Прорезает края более ранних ям 96 и 102. *Заполнение*: коричневый пестроцвет. *Индивидуальные находки* — в основном ранние, переотложенные: два фрагмента стеклянных браслетов; фрагмент кашинного сосуда с подглазурной полихромной росписью; на позднюю дату указывает находка белоглиняного мундштука. *Керамика*: мешаная — от сероглиняной грубой XIII–XIV вв. до морёной XVIII — начала XIX в. *Дата*: XVIII — начало XIX в.

Яма 94 (кв. Е–Ж 7–9). Прослежена с уровня погребённой почвы (-1,13 м). Северный край обрезан траншеей XX в. Яма овальной формы, размерами 2,50 × 2,30 м, глубиной до -2,35 м. Стенки крутые, дно уплощённое. На дне — **ямка 94-1**: овальная, размерами 0,50 × 0,15 м, глубиной -2,30 м (-0,13 м от уровня дна ямы 94). *Заполнение*: первый слой (верхний) — серо-коричневый пестроцвет с кирпичной крошкой (до глубины -1,70 м); второй слой — серый пестроцвет, прослойки рыжей глины у стенок (до глубины -2,02 м); третий слой (нижний) — темный серый пестроцвет с углем. *Индивидуальные находки*: фрагмент стеклянного браслета; фрагмент венчика стеклянной египетской лампы (цв. ил. V, 13); фрагмент кашинного сосуда с люстровой росписью; пуговица (?) из цветного металла (рис. 34, 10); дужка и пружина от цилиндрического замка; шесть ножей (рис. 19, 6) и фрагментов; две иглы; дужка ведра (рис. 33, 1, 2); фрагмент белоглиняного мундштука. *Керамика*: мешаная, преобладает наряду с сероглиняной грубой (по-видимому, переотложенной) красноглиняная лощёная и белоглиняная гладкая тонкая; для датировки комплекса наиболее важны развалы сосудов — кумган чёрнолощённый (рис. 57, 5), кувшин красноглиняный лощёный (рис. 52, 6) и три горшка белоглиняных гладких (рис. 54, 1–3). *Дата*: XVIII в.

Яма 95 (кв. И 16–17). Прослежена с глубины -1,22 м. Южная часть прорезана перекопом XX в. Северная — округлой формы, диаметром 0,80 м, глубиной -1,93 м (-0,60 м от уровня погребённой почвы). Стенки вертикальные, дно уплощённое. *Заполнение*: темный коричневый пестроцвет. *Индивидуальные находки*: звено цепи (рис. 28, 10); кость со следами обработки; неопределенные железные предметы. *Керамика*: мешаная — от сероглиняной грубой XIII–XIV вв. до морёной XVIII — начала XIX в. Датирующим комплекс является наличие большого количества фарфора и фаянса XIX — начала XX в. *Дата*: XVIII–XIX вв.

Яма 107 (кв. М 18–19). Прослежена с глубины -1,30 м. Северная часть прорезана перекопом XX в. Южная — округлая, размерами 1,10 × 1,80 м, глубиной -1,72/-1,77 м (-0,70 м от уровня предматерика). Стенки крутые, дно уплощённое. В центре прорезает столбовая яма диаметром 0,34 м, глубиной -2,00 м (-0,28 м ниже уровня дна ямы 107). *Заполнение*: коричневый пестроцвет с включениями угля и глины. *Индивидуальные находки*: два фрагмента кашинной посуды и железный предмет. *Керамика*: мешаная — от сероглиняной грубой XIII–XIV вв. до русской поливной XVIII–XIX вв. *Дата*: XVIII–XIX вв.

Яма 117 (кв. Л 8–9). Прослежена с уровня погребённой почвы (-1,20 м). Северный край обрезан перекопом XX в. Сохранившаяся часть округлая, размерами 0,90 × 2,20 м, глубиной -2,00 м. Стенки покатые, дно уплощённое. Прорезает северо-восточный край ямы 93 (XIII–XIV вв.). *Заполнение*: коричневый пестроцвет с включениями пещины и рыжей глины, на дне — прослойка древесного тлена. *Индивидуальные находки* (в основном из перекопа ямы 93): крест-тельник бронзовый литой односторонний с изображением четырехконечного просшего креста (рис. 34, 19); фрагмент стеклянного браслета; фрагмент стеклянного сосуда, декорированный росписью эмалью и золотом (цв. ил. V, 3); фрагмент кашинной

керамики с подглазурной полихромной росписью; три ножа (рис. 21, б) и фрагмента; пряжка железная с кольцеобразной уплощённой рамкой (рис. 27, 3). *Керамика*: мешаная, от сероглиняной грубой XIII–XIV вв. до русской поливной XVIII–XIX вв.; в верхнем слое — красноглиняная тонкая с прозрачной поливой. *Дата*: XVIII в.

Яма 138 (кв. А–Б 4). Прослежена с глубины -0,60 м. Яма прямоугольной формы, размерами 0,50 × 1,35 м, глубиной до -1,66 м. Стенки вертикальные, дно уплощённое, со ступенькой в восточной части. *Заполнение*: коричневым пестроцвет с кирпичной крошкой и древесным тленом. В центральной части тлен от столба диаметром 0,25 м (яма 177). *Индивидуальные находки*: фрагмент изразца печного поливного полихромно-рельефного; скоба с округлой соединительной планкой; нож. *Керамика*: мешаная — от сероглиняной грубой XIII–XIV вв. до русской поливной XVIII–XIX вв. *Дата*: XVIII–XIX вв.

Яма 141 (кв. Б–В 4). Прослежена с уровня погребённой почвы (-0,96 м). Яма неправильной формы 1,50 × 2,00 м, глубиной до -1,43 м. Стенки крутые, дно уплощённое, в центре с понижением 1,05 × 0,60 м. Прорезает северную часть ямы 40 и южный край ямы 151. В заполнении западной части — след столба (яма 181). *Заполнение*: коричневым суглинок. *Индивидуальные находки*: восемь фрагментов изразцов печных поливных полихромно-рельефных. *Керамика*: мешаная, от сероглиняной грубой XIII–XIV вв. до морёной XVIII — начала XIX в. *Дата*: XVIII в.

Яма 142 (кв. А4). Прослежена с уровня погребённой почвы (-1,01 м). Яма округлой формы, диаметром 0,40 м, глубиной -1,23 м. Стенки крутые, дно уплощённое. *Заполнение*: коричневым пестроцвет с кирпичной крошкой и рыжей глиной. *Керамика*: чёрнолощёная, морёная и кирпично-красная с ангобом. *Дата*: XVIII — начало XIX в.

Яма 146 (кв. А5). Прослежена с уровня погребённой почвы (-0,85 м). Яма подпрямоугольной формы со скруглёнными углами, 0,80 × 1,20 м, глубиной до -1,26 м. Стенки вертикальные, дно уплощённое, в восточной части — ступенька. *Заполнение*: коричневым суглинок с тленом и углем. Найдены фрагмент стеклянного браслета и железная пряжка (рис. 27, 14). *Керамика*: мешаная, от сероглиняной грубой XIII–XIV вв. до морёной XVIII — начала XIX в. *Дата*: XVIII — начало XIX в.

Яма 164 (кв. Е5). Прослежена с глубины -0,92 м при зачистке пятна ямы 76, в верхнюю часть заполнения которой яма 164 впущена. Яма неправильной овальной формы, размерами 1,10 × 1,40 м, глубиной -1,58 м. Стенки крутые, дно уплощённое. *Заполнение*: коричневым пестроцвет с кирпичным боем и древесным тленом. *Индивидуальные находки*: фрагменты изразца красного рамочного, изразца печного поливного полихромно-рельефного, плитки половой красноглиняной с глухой односторонней бирюзовой поливой; три фрагмента стеклянных сосудов (в том числе один — орнаментированный гравировкой, с надписью латинским алфавитом); из ранних переотложенных вещей — наконечник стрелы (тип 66, по А. Ф. Медведеву, XIII–XIV вв. (рис. 24, 9)). *Керамика*: мешаная, преобладает чёрнолощёная, морёная, в том числе развалы миски чёрнолощёной (рис. 58, 9) и морёной (рис. 60, 1), таза чёрнолощёного (рис. 59, 3), кирпично-красная с белым ангобом. *Дата*: XVIII — начало XIX в.

Яма 165 (кв. Ж–З 5). Прослежена с глубины -0,91 м при зачистке пятна ямы 76, в верхнюю часть заполнения которой яма 165 впущена. Яма неправильной овальной формы, размерами 1,10 × 1,80 м, глубиной -1,43 м. Стенки крутые, дно уплощённое. *Заполнение*: коричневым пестроцвет с древесным тленом. *Индивидуальные находки*: монета русская (полюшка образца 1718–1722 гг.); заготовка пряслица из стенки чёрнолощёного сосуда; накладка плоская стреловидная с тремя сквозными крепёжными отверстиями (рис. 35, 20);

пробой (рис. 29, 31); из ранних переотложенных вещей — фрагмент стеклянного браслета и фрагмент кашинной керамики с прозрачной бирюзовой поливой и чёрной подглазурной росписью. *Керамика*: мешаная, преобладает чёрнолощёная и морёная. *Дата*: XVIII — начало XIX в.

Яма 166 (кв. Д4). Прослежена с глубины 0,94 м при зачистке пятна ямы 76, в верхнюю часть заполнения которой яма 166 впущена. Яма неправильной овальной формы, размерами 0,50 × 1,00 м, глубиной -1,36 м (в восточной части углубление 0,35 × 0,45 м, глубиной -1,43 м). Стенки крутые, дно уплощённое неровное. *Заполнение*: коричневый пестроцвет с кирпичной крошкой и тленом. *Керамика*: белоглиняная тонкая чёрнолощёная, морёная и кирпично-красная с белым ангобом. *Дата*: XVIII — начало XIX в.

Яма 167 (кв. Д4). Прослежена с глубины -0,97 м при зачистке пятна ямы 76, в верхнюю часть заполнения которой яма 167 впущена. Яма округлой формы, размерами 0,80 × 0,90 м, глубиной -1,23 м. Стенки пологие, дно полусферическое. *Керамика*: белоглиняная тонкая чёрнолощёная, морёная и кирпично-красная с белым ангобом. *Дата*: XVIII — начало XIX в.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2²⁸⁰

Остеологические материалы животных из раскопок Нижегородского кремля

В ходе археологических работ на территории Нижегородского кремля в 2001–2002 гг. научным сотрудником Института истории и материальной культуры РАН В. А. Лапшиным (Санкт-Петербург), получен значительный археозоологический материал, который был передан в Институт истории АН РТ (Казань) для биологической диагностики.

Археологический отбор остеологического материала был проведен по отдельным ямам, без указания пластов (за исключением ямы 37). При таком характере материалов, взятых по ямам, реже по пластам, требуется во много раз больше времени для определения костных остатков, чем при стандартной диагностике по культурным хронологическим слоям. Но в этом случае есть надежда, что данные с указанием археологических характеристик и, возможно, карт расположения указанных ям, дадут более детальные результаты при сопоставлении с археологическими данными в ходе дальнейших исследований.

Представленный в таблице 9 остеологический материал датирован археологами второй половиной XIII — началом XV в., где из 22 ям было диагностировано 933 костных фрагмента, минимально принадлежащих 170 особям млекопитающих, среди которых остатки от пяти домашних видов животных (крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота, свиньи, лошади, собаки) и единичные кости от четырех диких видов (лося, северного оленя, бобра, зайца). Основная масса остеологического материала является «кухонными» остатками, дающими представление как о чертах мясного питания русского средневекового города, так и о животноводческой направленности сельского хозяйства в пригородах.

Значительная часть археозоологического материала от домашних видов из ям (таблица 10) принадлежит крупному рогатому скоту (67,4 %), остатки от свиней по количеству костных фрагментов — на втором месте (18,9 %), в меньшинстве мелкий рогатый скот (9,8 %) и лошади (3,9 %). Пересчет остеологических соотношений по минимальному числу особей основных сельскохозяйственных видов в питании населения города (по поголовью съеденных животных) в целом не изменяет данных, полученных при пересчетах количества костей: крупный рогатый скот составляет 42,2 %; мелкий рогатый скот — 18,8 %;

²⁸⁰ Авторы приложения 2: А. Г. Петренко (1933–2010) — доктор биологических наук, главный научный сотрудник Национального центра археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань; Г. Ш. Асылгараева — кандидат ветеринарных наук, старший научный сотрудник Национального центра археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань.

свинья — 29,2 %; лошадь — 10,0 %, то есть также проявляется преобладание особей коров и свиней, менее — овец и лошадей (таблица 11).

Для тех видов животных, остатки от которых бывают в средневековых коллекциях наиболее малочисленны, например дикие виды, подсчет минимального количества особей дает более точное представление о числе съеденных животных; для видов, остатки от которых наиболее многочисленны (домашние сельскохозяйственные животные), подсчет числа особей, как правило, дает значительно уменьшенные данные (Цалкин 1956). Поэтому, чтобы определить роль того или иного животного в питании людей, при археозоологических исследованиях вводится понятие «удельное потребление» той или иной мясной продукции местным населением. Критерием выхода этой продукции для отдельных сельскохозяйственных видов является соотношение пересчетов веса какого-либо вида животного на весовые данные одной особи овцы, а полученные коэффициенты дают более реальное представление о значимости отдельных видов в мясном питании городского населения.

Для ориентировочных исследований нами были приняты средние коэффициенты: для коров и быков — 9, для лошадей — 7, для овцы, козы и свиньи — 1. Умножая число костей либо особей отдельных видов на соответствующий коэффициент и переводя полученные числа в процентные показатели, мы получаем представление об относительном удельном потреблении мяса различных сельскохозяйственных видов животных.

Данные по числу костей и особей, зафиксированные из 23 ям с датировкой XIII–XIV вв. (таблица 9), при пересчетах на удельное потребление мяса различных видов сельскохозяйственных животных нижегородским населением в указанных археологических выборках представлены в таблице 12. Показатели пересчетов числа особей свидетельствуют о том, что говядина являлась основой питания жителей Нижегородского кремля в XIII–XIV вв., так как составляла 76,9 % от всего количества мясной продукции. Употребление конины достигало 14,0 %, а свинина и баранина имеют значительно меньшие показатели потребления.

Остеологические материалы, датированные XVI–XVIII вв. (таблица 13) и частично смешанные с более ранними комплексами, дали при диагностике в сумме 318 костных фрагментов, минимально отнесенных к 67 особям. Были получены показатели пересчета удельного потребления мясной продукции в питании местного населения (таблица 14). Эти данные зафиксировали весьма интересные результаты, особенно при сопоставлении их с ранее описанными (таблица 4). Основную часть мясной продукции составляла говядина (76,9 %), также обращает на себя внимание факт, что конина играла большую роль в питании (13,3%), чем свинина (6,4%) и баранина (3,5%).

Обнаруженные фрагменты костей от диких видов единичны (лось, косуля, медведь, барсук) и, естественно, не могут являться свидетельством экономического значения охоты.

Говоря о морфологических половозрастных особенностях исследований, следует отметить, что среди изученного в целом остеологического материала за 2001–2002 гг. наиболее часто встречаются кости нижнего отдела скелета конечностей. Остатки больших трубчатых костей сильно разбиты при приготовлении пищи. Анализ состояния зубной системы, прослеженный по отдельным нижним челюстям, а также данные степени срастания эпифизов с диафизами на трубчатых костях позволяют считать, что основная часть коров забивалась на мясо в возрасте старше 3,5 лет, что указывает на мясо-молочное направление скотоводческой деятельности пригородных хозяйств.

Данные промеров на отдельных костях метаподий говорят о том, что среди преобладающей массы коров «лесного» типа с высотой в холке 101,3–107,1 см встречались коровы высотой около 125,0 см и не встречено ни одного костного фрагмента быков и волов.

Конечно, это не является свидетельством полного их отсутствия в хозяйствах населения пригородов, ведь волю использовали чаще всего при сельскохозяйственных работах (Петренко 1984: 48). Скорее, это объясняется тем, что при доставке говядины в город из сельской округи привозилось более качественное мясо коров, чем быков либо волов. Большой разброс показателей высоты в холке у коров (101,3–125,0 см) может указывать на определенную неоднородность поголовья данного вида по внешним показателям («лесной» и «степной» скот). Такое разброс по высоте в холке у крупного рогатого скота позволяет предполагать существование широких торговых связей местного славянского населения как с северными лесными территориями, так и с «южным» тюркским миром.

Овцы принадлежали к группе сравнительно мелких «лесных» породных групп с высотой в холке 55,0–61,0 см, хотя в некоторых ямах встречались кости, принадлежавшие более крупным особям, до 68,0 см, свидетельствующие о бытовании в сельских животноводческих хозяйствах нижегородцев более крупных овец, которыми торговало средневожское болгарское население (Петренко 1984).

Преобладающая масса лошадей представлена группой «низкорослых», «мелких» особей высотой в холке 126,8–134,8 см.

90,0 % всех диагностированных остатков от свиней было от животных, которых забивали на мясо в возрасте 1–2 лет.

Суммируя данные, полученные как из более ранних слоев и ям, так и из более поздних, можно с уверенностью утверждать, что основным мясным продуктом питания населения города была говядина. Значительная часть свинины поступала из соседних территорий лесостепного Средневожья. Причем высота свиней в холке не превышала 70,0 см, свидетельствуя о содержании в хозяйствах славян сравнительно примитивных пород свиней низкой продуктивности, большинство которых забивалось на мясо в возрасте 1,0–1,5 лет. Обнаруженные (судя по таблицам 12 и 14) данные о сравнительно существенной роли конины в питании нижегородского населения являются показателями влияния близко живущего населения из золотоордынских ханских городов (Болгар, Казань), с которым местное население, несомненно, имело торговые связи. Поэтому особый научный интерес представляют исследования остеологических материалов в плане археозоологических сопоставлений коллекций из ряда средневековых городов Средневожья — археозоологические коллекции из домонгольского Биляра, золотоордынского Болгара, данные из IV золотоордынского слоя Казанского кремля и древнерусских городов в сравнении с материалами Нижегородского кремля (Цалкин 1956; Петренко 1984; 2003).

Основу данных таблицы 10 составляют суммарные данные процентных показателей количества диагностированных костей из средневековых городов лесной полосы Восточной Европы в среднем за период с X по XV в.

Анализ исследований хозяйственного значения различных видов основных сельскохозяйственных животных в рассматриваемых средневековых городах показывает, что наиболее характерной особенностью остеологических материалов является обилие остатков от крупного рогатого скота, свидетельствующее о несомненном приоритете этого вида домашних животных в питании городского населения.

В костных остатках из раскопок таких древнерусских городов, как Москва и Новгород, крупный рогатый скот по количеству костей занимает весьма значимое место (62,2–65,4 % и 87,0–88,3 %), тогда как в волжскоболгарском золотоордынском городе Болгаре наибольшее число диагностированных остатков принадлежит мелкому рогатому скоту (67,8 %). При стабильно значимой роли крупного рогатого скота в Нижегородском кремле и

средневековом г. Чебоксары отмечается сравнительное увеличение остатков от домашних свиней. В средневожских городах с тюркским населением остатки этого вида единичны, а мясо свиньи является фактом присутствия в тюркском городе ремесленного немусульманского населения. И если материалы по костным остаткам от лошадей по болгарским памятникам составляют 6,3 % и 10,7 % (таблица 2), то остеологические данные из IV слоя золотоордынского времени по Казанскому кремлю резко отличаются значительными коллекциями остатков от лошадей — 32,2 %. Причем, если учитывать коэффициенты поправки при пересчете на мясную продукцию, следует признать, что конина была основным элементом питания населения не только в золотоордынский период существования Казани, но и в более поздний, «ханский», период времени (Петренко, Асылгараева 2003). Сравнительное снижение количества костных остатков лошадей в древнерусских славянских городах (Цалкин 1956: 146), а порой и полное их отсутствие компенсировалось увеличением значимости в хозяйствах крупного рогатого скота, свиней, а в волжскоболгарских городах — крупного рогатого скота и овец.

Следует признать, что в основном на масштабы и форму животноводческой деятельности человека влияли природные факторы. Но не менее важным являлся и антропогенный фактор, заключающийся как в традициях ведения сельского хозяйства и животноводства у различных народов, так и в их религиозных традициях.

Итак, остеологические материалы из всех ям и напластований Нижегородского кремля отражают, главным образом, систему обеспечения потребностей населения города мясной продукцией, полученной при торгово-обменных операциях с сельской округой либо более отдаленными территориями. Наиболее характерной особенностью остеологических материалов Нижегородского кремля является обилие костных остатков от крупного рогатого скота. Говядина была главным элементом мясного питания городского населения, что также было характерно и для домонгольского Биляра, и для древнеславянского населения городов Москвы и Новгорода. Значительные процентные показатели присутствия костей от овец в Болгаре и лошадей в Казанском кремле (золотоордынский слой) объясняются тем, что основу населения этих городов составляло мусульманское население, которое имело широкие торговые связи с тюркским миром. Кроме того, большое количество в «кухонных» остатках лошадиных костей в Казанском кремле, возможно, объясняется еще и тем, что в самом городе всегда было много верховых коней, содержавшихся для военных целей, причем процентные данные по числу остатков костей лошадей во всех археологических слоях памятника оставались одинаково высокими (Петренко, Асылгараева 2003). Это объясняется исторической спецификой города, которая накладывала свой отпечаток на хозяйственную жизнь близлежащих средневековых славянских городов.

Таблица 9. Видовые данные анализа костей животных из раскопов ям Нижегородского кремля, полученных в 2001–2002 гг. (вторая половина XIII — XIV в.).

Вид животного	№ ямы																	Итого					
	3	12	16	20	38	41	44	47	49	50	51	60	69	76	86	90	93		96	102	110	124	127
Крупный рогатый скот	37/5*	7/2	5/1	62/4	13/2	15/3	18/2	-	35/3	49/3	50/4	15/2	19/3	104/7	9/2	5/3	53/5	6/1	37/3	38/3	14/2	7/2	598/62
Мелкий рогатый скот	2/1	2/1	-	15/2	-	-	2/1	-	15/2	5/2	8/2	3/1	5/2	5/3	4/2	-	9/3	1/1	5/3	7/2	1/1	-	89/30
Свинья	3/2	4/1	1/1	26/3	9/2	5/3	7/2	-	8/2	8/2	26/2	1/1	8/2	9/5	3/2	1/1	5/3	1/1	12/2	13/2	8/2	2/1	160/41
Лошадь	1/1	-	-	1/1	-	2/1	-	-	-	2/1	11/2	-	-	5/2	1/1	-	2/2	-	4/2	2/1	2/1	3/1	36/16
Собака	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4/1	-	1/1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5/2
Бобр	-	-	-	1/1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/1
Заяц	-	-	-	-	-	1/1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/1	-	-	-	2/2
Лось	-	-	-	-	-	-	-	1/1	2/2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3/3
Северный олень	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/1
Всего костей млекопитающих	43/9	13/4	6/2	105/11	22/4	23/8	27/5	1/1	60/9	64/8	99/11	20/5	33/8	123/17	17/7	6/4	69/13	8/3	59/11	60/8	25/6	12/4	895/158
Птицы	-	1	-	-	-	1	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	2	2	-	-	8
Рыбы	1	2	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	7

* В числителе — количество костей, в знаменателе — число особей.

Таблица 10. Данные процентных соотношений по числу костей от домашних сельскохозяйственных видов животных из «кухонных» остатков средневековых городов из различных хронологических пластов

Вид животных	Биляр		Болгар		Казанский кремль		Нижний Новгород		Чебоксары		Новгород		Москва							
	X-XIII		X-XIV		Вт. пол. XIII — перв. пол. XVI		Вт. пол. XIII — начало XV		XIV		XV		X-XIII		XIII-XV		X-XIII		XIV-XV	
	Кости, экз.	Доля, %	Кости, экз.	Доля, %	Кости, экз.	Доля, %	Кости, экз.	Доля, %	Кости, экз.	Доля, %	Кости, экз.	Доля, %	Кости, экз.	Доля, %	Кости, экз.	Доля, %	Кости, экз.	Доля, %	Кости, экз.	Доля, %
Крупный рогатый скот	8741	46,5	1441	21,2	3120	24,8	621	67,4	780	88,2	442	87,0	3760	87,0	2756	88,3	6253	65,4	5523	62,2
Мелкий рогатый скот	8864	47,2	4626	67,8	5347	42,6	90	9,8	26	2,9	26	5,1	277	6,4	173	5,5	607	6,3	931	10,5
Свинья	0	0	24	0,3	55	0,4	174	18,9	58	6,6	40	7,9	222	5,2	143	4,6	2291	24,0	2117	23,8
Лошадь	1182	6,3	730	10,7	4040	32,2	36	3,9	20	2,3	0	0	62	1,4	51	1,6	412	4,3	313	3,5
Итого	18787	100	6821	100	12562	100	921	100	884	100	508	100	4321	100	3123	100	9563	100	8884	100

Таблица 11. Данные процентных соотношений по минимальному числу особей домашних сельскохозяйственных видов животных из «кухонных» остатков средневековых городов из различных хронологических пластов

Вид животных	Биляр		Болгар		Казанский кремль		Нижний Новгород		Чебоксары		Новгород		Москва							
	Х-ХIII		Х-ХIV		Вт. пол. ХIII — перв. пол. ХVI		Вт. пол. ХIII — начало ХV		ХIV		ХV		Х-ХIII		ХIII-ХV		ХIV-ХV			
	Особь, экз.	Доля, %	Особь, экз.	Доля, %	Особь, экз.	Доля, %	Особь, экз.	Доля, %	Особь, экз.	Доля, %	Особь, экз.	Доля, %	Особь, экз.	Доля, %	Особь, экз.	Доля, %	Особь, экз.	Доля, %		
Мелкий рогатый скот	827	55,6	354	73,7	64	46,0	30	18,6	6	12,8	4	11,8	73	15,4	48	12,1	150	15,2	207	19,8
Свинья	-	-	7	1,5	3	2,2	47	29,2	14	29,7	8	23,5	59	12,4	34	8,6	416	42,0	433	41,5
Лошадь	84	5,6	49	10,2	36	25,9	16	10,0	3	6,4	-	-	9	1,9	5	1,3	67	6,8	44	4,2
Итого	1487	100	480	100	139	100	161	100	47	100	34	100	474	100	396	100	990	100	1044	100

Таблица 12. Данные по значимости в питании населения Нижегородского кремля мяса от различных сельскохозяйственных видов животных (по данным из ям таблицы 9)

Вид животных	Число костей, экз.	Удельное потребление по числу костей, %	Число особей, экз.	Удельное потребление по числу особей, %
Крупный рогатый скот	621	91,5	68	76,4
Мелкий рогатый скот	90	1,5	30	3,7
Свинья	174	2,9	47	5,9
Лошадь	36	4,1	16	14,0
Всего	921	100	161	100

Таблица 13. Видовые данные анализа костей животных из ям смешанных комплексов из раскопок 2001–2002 гг. Нижегородского кремля (XIII–XIV вв. и XVI–XVIII вв.)

Вид животного	№ ямы											Итого
	21	25	33	53	59-Б	64	85	88	94	95	117	
Крупный рогатый скот	9/2*	52/4	35/4	50/3	2/1	–	10/2	12/2	17/2	8/2	6/2	201/27
Мелкий рогатый скот	3/1	5/2	10/2	7/2	–	2/1	–	–	5/2	–	2/1	34/11
Свинья	3/1	28/5	9/2	6/2	–	1/1	4/2	9/4	2/1	2/1	5/1	69/20
Лошадь	–	2/1	5/2	–	–	1/1	2/1	1/1	–	–	–	11/6
Собака	–	1/1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1/1
Зяц	–	–	1/1	–	–	–	–	1/1	–	–	–	2/2
Итого костей/особей	15/4	88/13	60/11	63/7	2/1	4/3	16/5	23/8	24/5	10/3	13/4	318/67

* В числителе — количество костей, в знаменателе — число особей.

Таблица 14. Данные по значимости в питании населения Нижегородского кремля мяса от различных сельскохозяйственных видов животных (по данным из ям таблицы 10)

Вид животных	Число костей, экз.	Удельное потребление по числу костей, %	Число особей, экз.	Удельное потребление по числу особей, %
Крупный рогатый скот	201	63,8	27	42,2
Мелкий рогатый скот	34	10,8	11	17,2
Свинья	69	21,9	20	31,3
Лошадь	11	3,5	6	9,3
Итого	315	100	64	100

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рис. 1. Княжества Северо-Восточной Руси к 1236 г. (по Кучкин 1984: рис. 3): 1 — границы княжеств; 2 — столица великого княжества Владимирского; 3 — столицы княжеств; 4 — прочие города

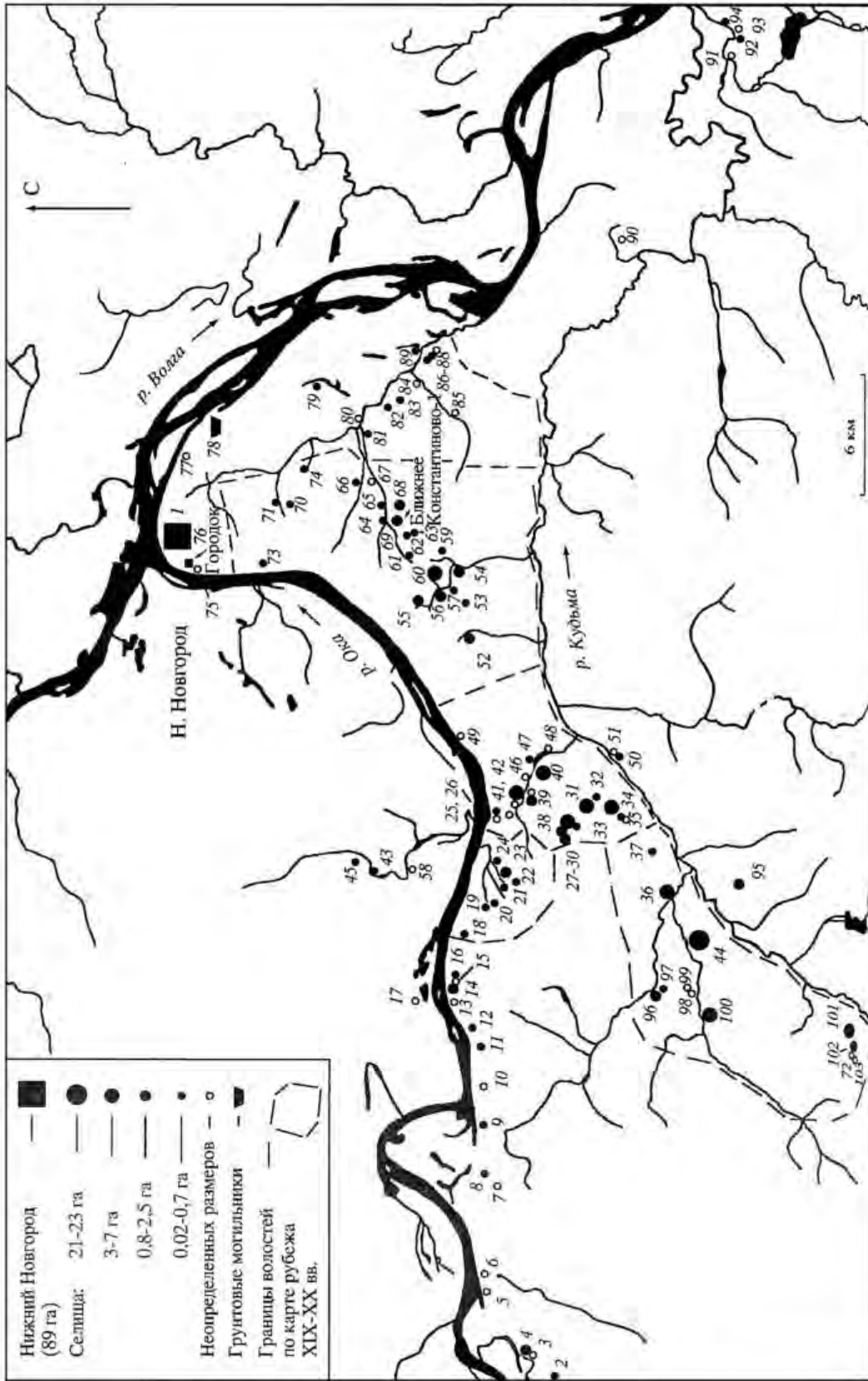

Рис. 2. Округа Нижнего Новгорода в XIII-XV вв. (по Грибов 2007: рис. 1)

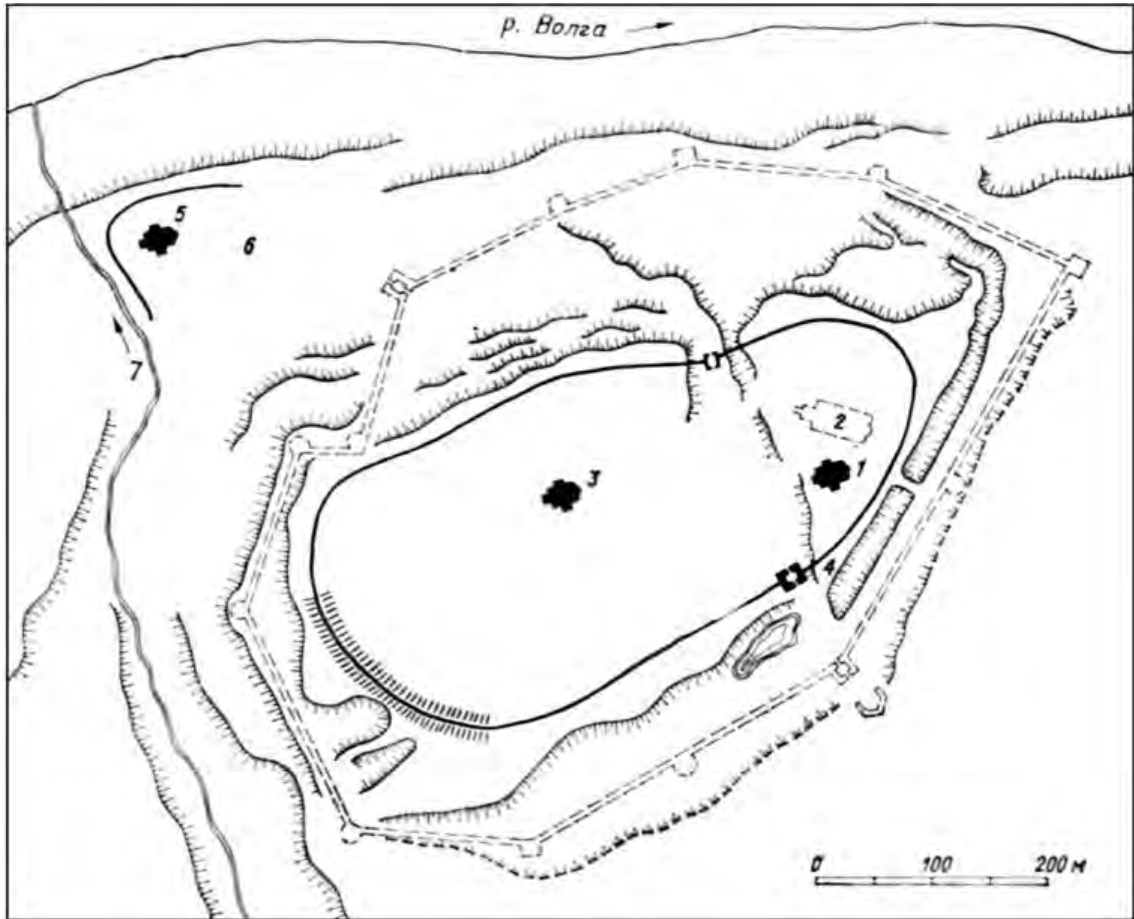

Рис. 3. План Нижегородского кремля XIII–XIV вв., реконструкция С. Л. Агафонова, 1960 г. Внизу слева нанесены остатки вала, обнаруженные при исследованиях В. Черникова в 1963 г. (Агафонов 2008: 99): 1 — Спасский собор XIII–XIV вв.; 2 — место Спасского собора XVII в.; 3 — Архангельский собор XIII–XIV вв.; 4 — Дмитровская башня XIV в.; 5 — церковь Николы на бичеве, 1371 г.; 6 — торг; 7 — р. Почайна. Пунктиром показан контур кремля XVI в.

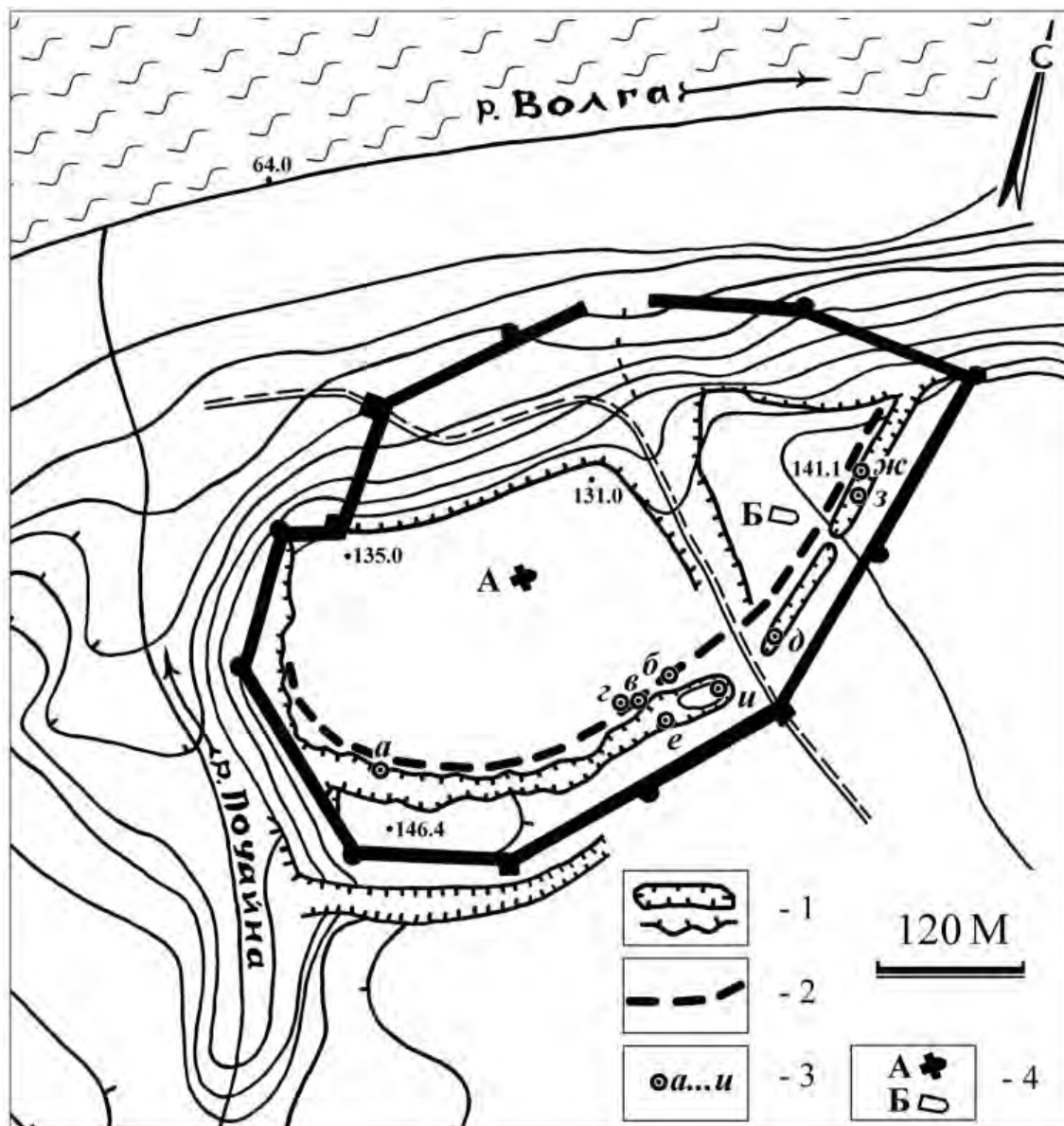

Рис. 4. Детинец Нижнего Новгорода. Реконструкция напольной линии укреплений (по Грибов 2018: рис. 2): 1 — ров детинца и положение бровок береговых обрывов по плану 1802 г. (РГИА. Ф. 1293. Оп. 167 (Нижегородская губерния). Ед. хр. 3); 2 — линия вала детинца (реконструкция); 3 — места фиксации остатков вала (*а* — раскоп Е. М. Пигарева, 2008 г.; *б* — участок Б раскопа 2 Т. В. Гусевой 1989 г.; *в* — шурф 1 Е. В. Четвертакова 2010 г.; *г* — зачистка Ю. В. Зарубина 2005 г.) и заполнения рва (*д* — шурф 2 2009 г. и зачистка в колодце 1 2010 г. Е. В. Четвертакова 2009 г.; *е* — шурф И. А. Очеретина 1994 г.; *ж* — шурф 4 2009 г. Е. В. Четвертакова; *з* — шурф 5 и зачистки в колодцах 5, 7, в траншее 1 2009 г. Е. В. Четвертакова; *и* — зачистка в колодце 2 Е. В. Четвертакова, 2010 г.); 4 — белокаменные соборы: Михаило-Архангельский 1225(?), 1359 г. (А) и Спасо-Преображенский 1225, 1349–1352 гг. (Б)

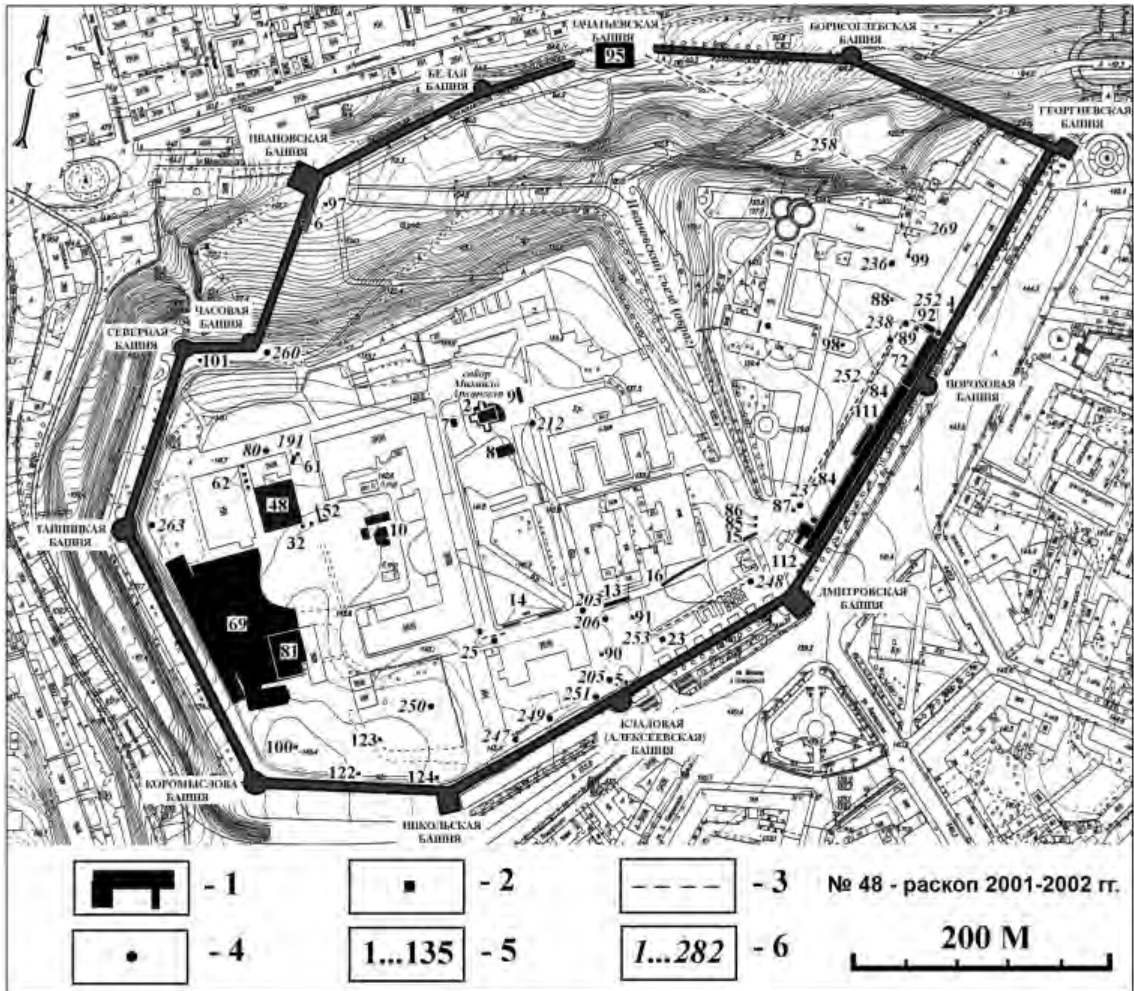

Рис. 5. Археологические исследования в Нижегородском кремле (по Грибов 2018: рис. 1): 1 — наиболее крупные раскопанные участки; 2 — малометражные шурфы (без соблюдения формы и масштаба); 3, 4 — археологические наблюдения на строительных объектах — траншеях (3) и котлованах (4); 5, 6 — учетные номера мест заложения раскопов и шурфов (5), проведения наблюдений и сборов подъемного материала (6). Перечень объектов см.: Грибов 2018: 390–401

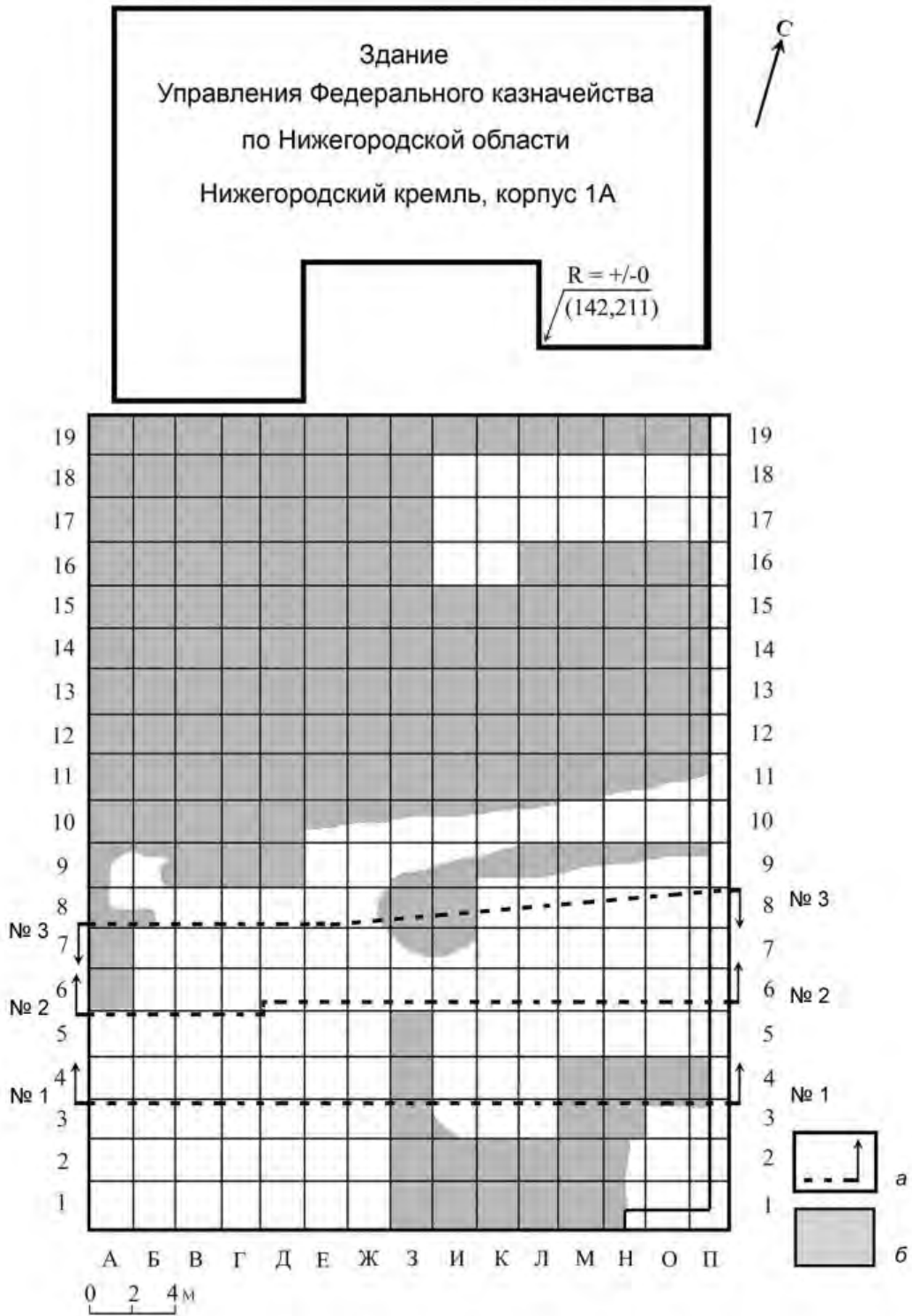

Рис. 6. Нижегородский кремль. Схема раскопа 2001–2002 гг. Нулевой репер — 142,211 по Балтийской системе высот. Сетка квадратов ориентирована на 344°. Условные обозначения: а — профили разрезов (№ 1–3); б — перекопы XIX–XX вв.

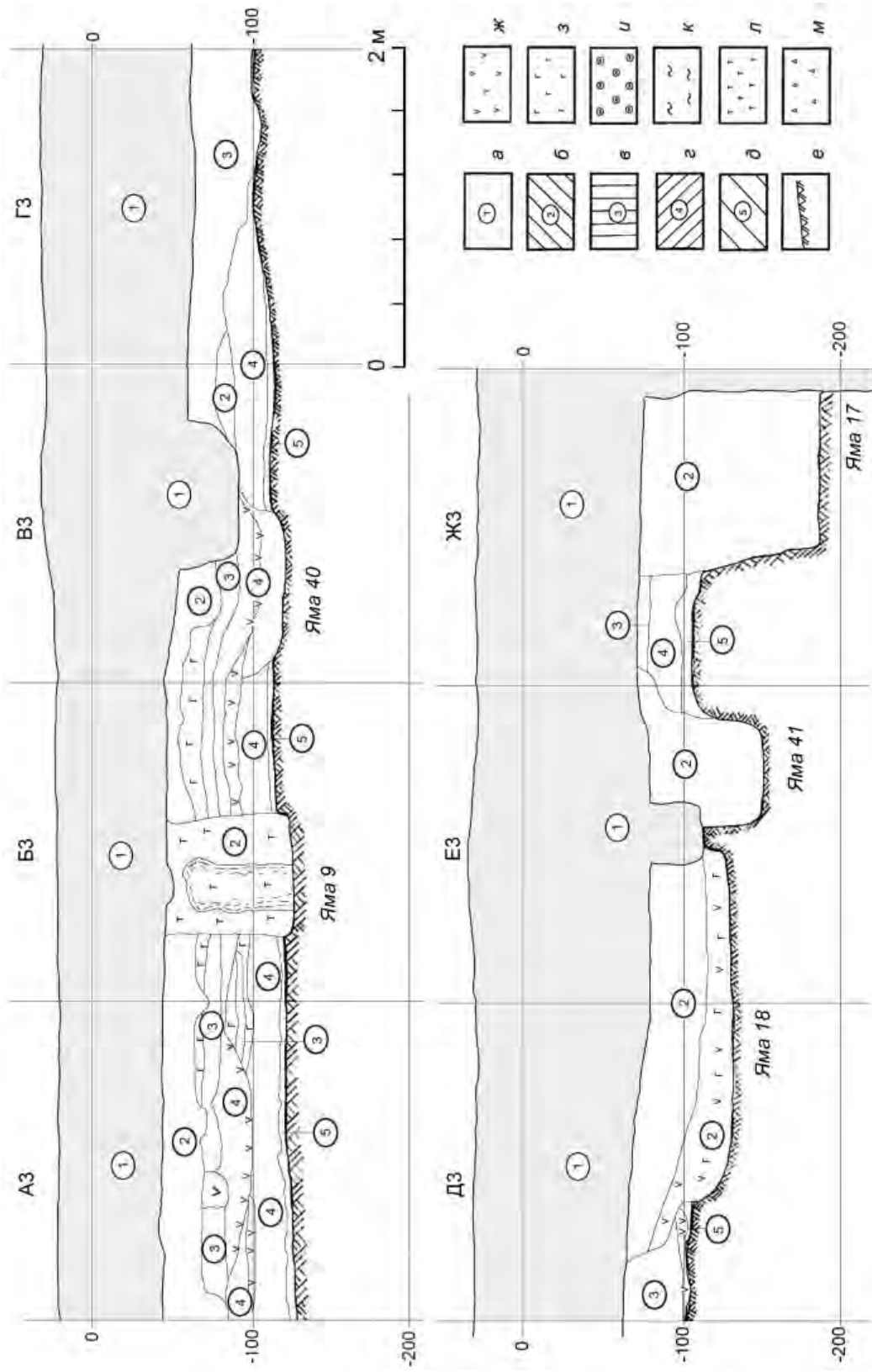

Рис. 7. Нижегородский кремль. Раскоп 2001–2002 гг. Профиль № 1. Квадраты А3–Ж3. Условные обозначения см. рис. 8

Условные обозначения к рис. 7–17:

а — балластный слой (строительный мусор XIX–XX вв.);

б — темный коричнево-красный пестроцвет (с кирпичной крошкой, известкой, глин, угольками) XVIII–XIX вв.; *в* — темный серо-коричневый суглинок (пестроцвет, с кирпичной крошкой, глин, печной, угольками) XVII–XVIII вв.;

г — светлый бурый пестроцвет (с печной, угольками) XIII–XIV вв.;

д — предметерик (светлый стерильный суглинок); *е* — материал (светло-коричневый четвертичный суглинок); *ж* — уголь;

з — глина; *и* — пещина; *к* — зола; *л* — древесный тлен; *м* — кирпичная крошка

Рис. 8. Нижегородский кремль. Раскоп 2001–2002 гг. Профиль № 1. Квадраты 33–О3

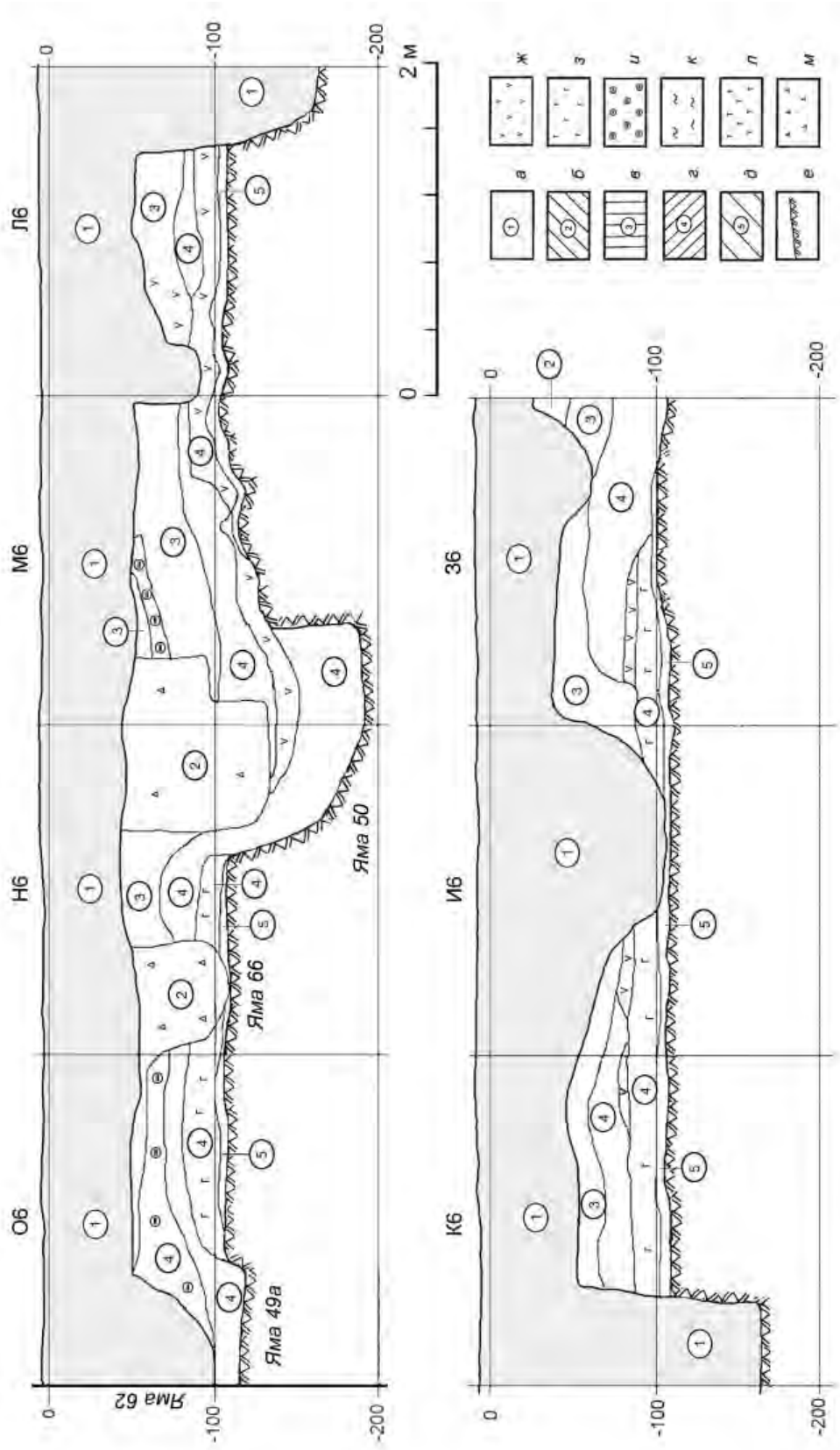

Рис. 9. Нижегородский кремль. Раскоп 2001–2002 гг. Профиль № 2. Квадраты Об–36. Условные обозначения см. рис. 8

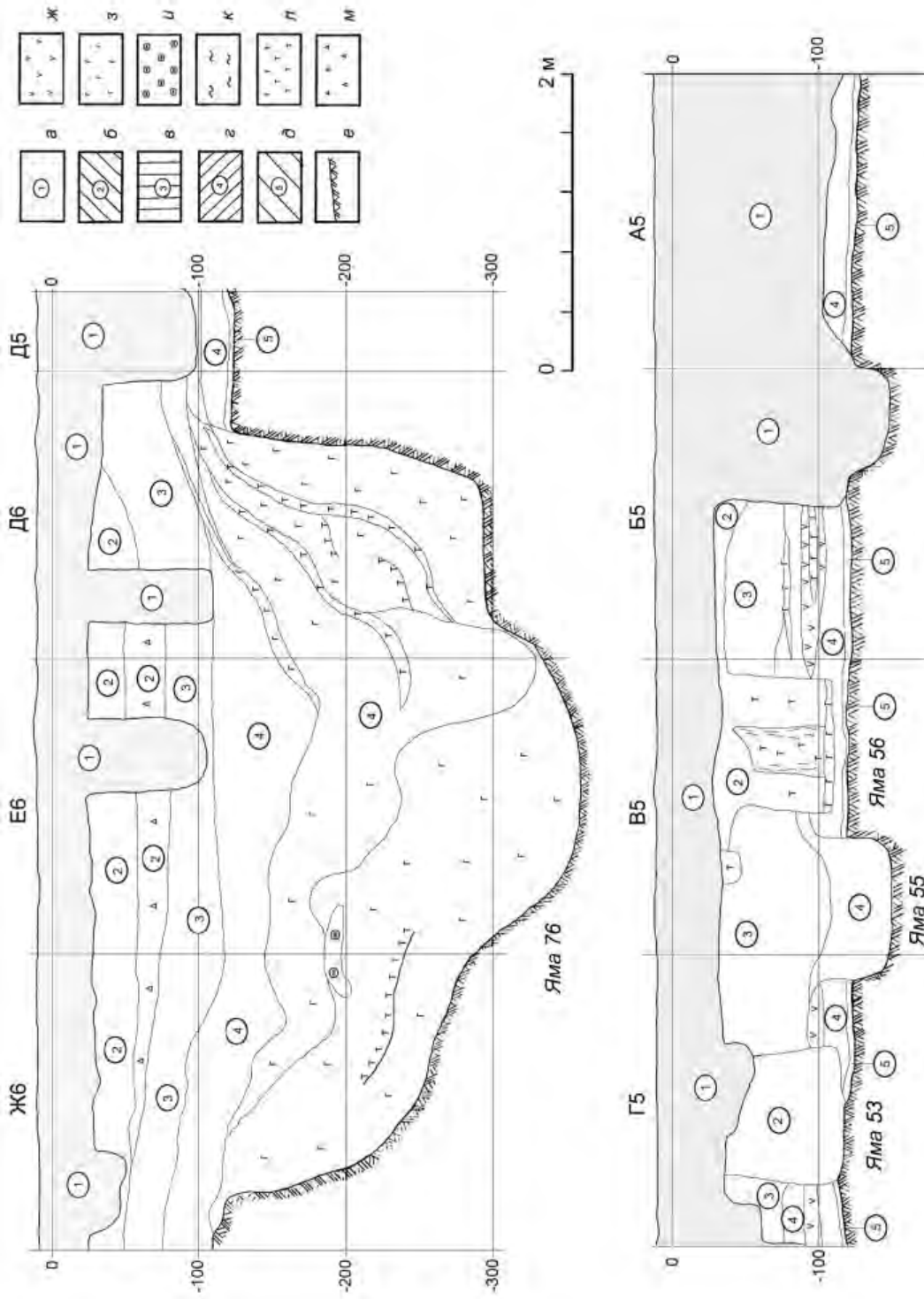

Рис. 10. Нижегородский кремль. Раскоп 2001–2002 гг. Профиль № 2. Квадраты Ж6–Ж7 — Д5–Д6 — Е6–А5. Условные обозначения см. рис. 8

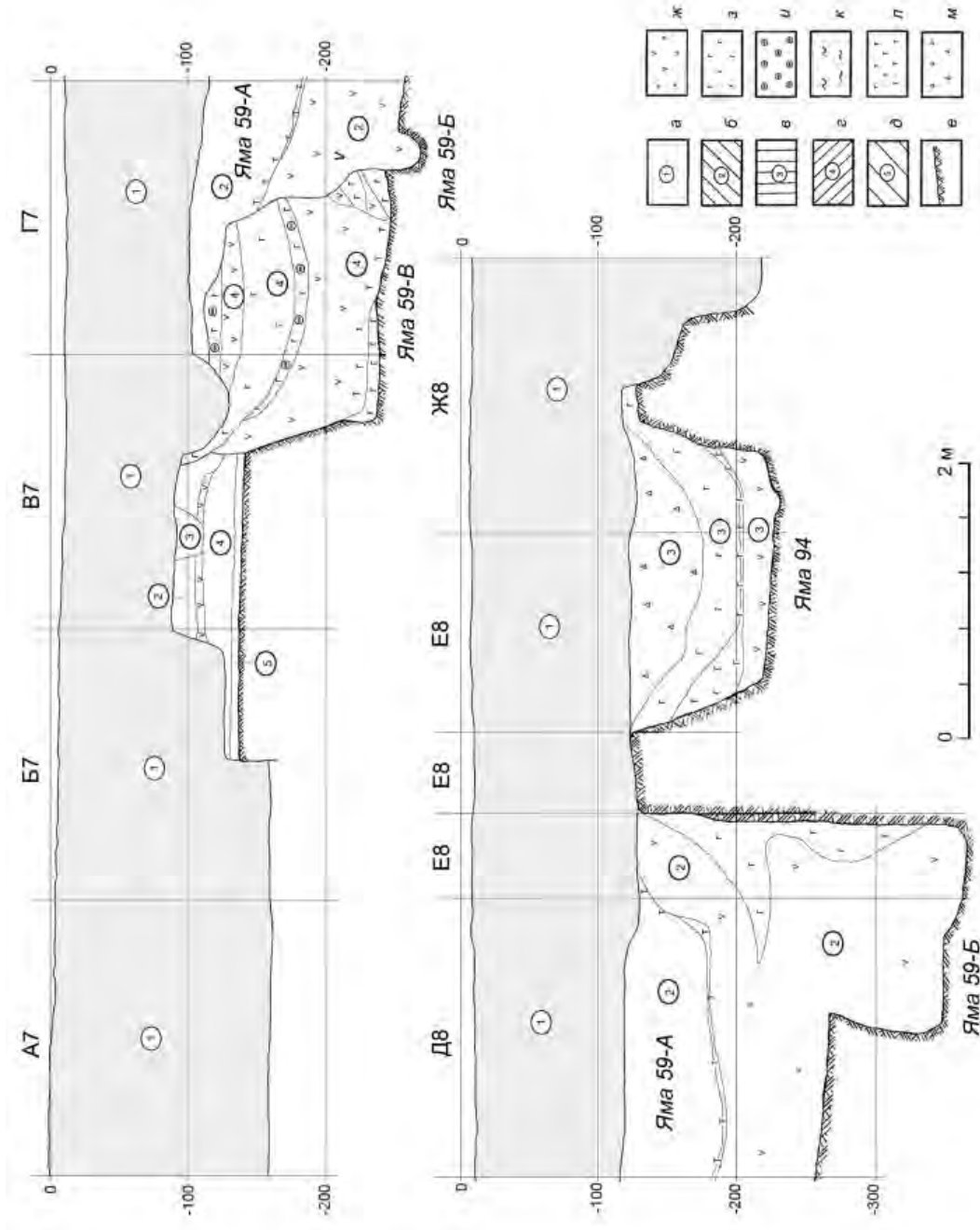

Рис. 11. Нижегородский кремль. Раскоп 2001–2002 гг. Профиль № 3. Квадраты А7–Г7—Д8–Ж8. Условные обозначения см. рис. 8

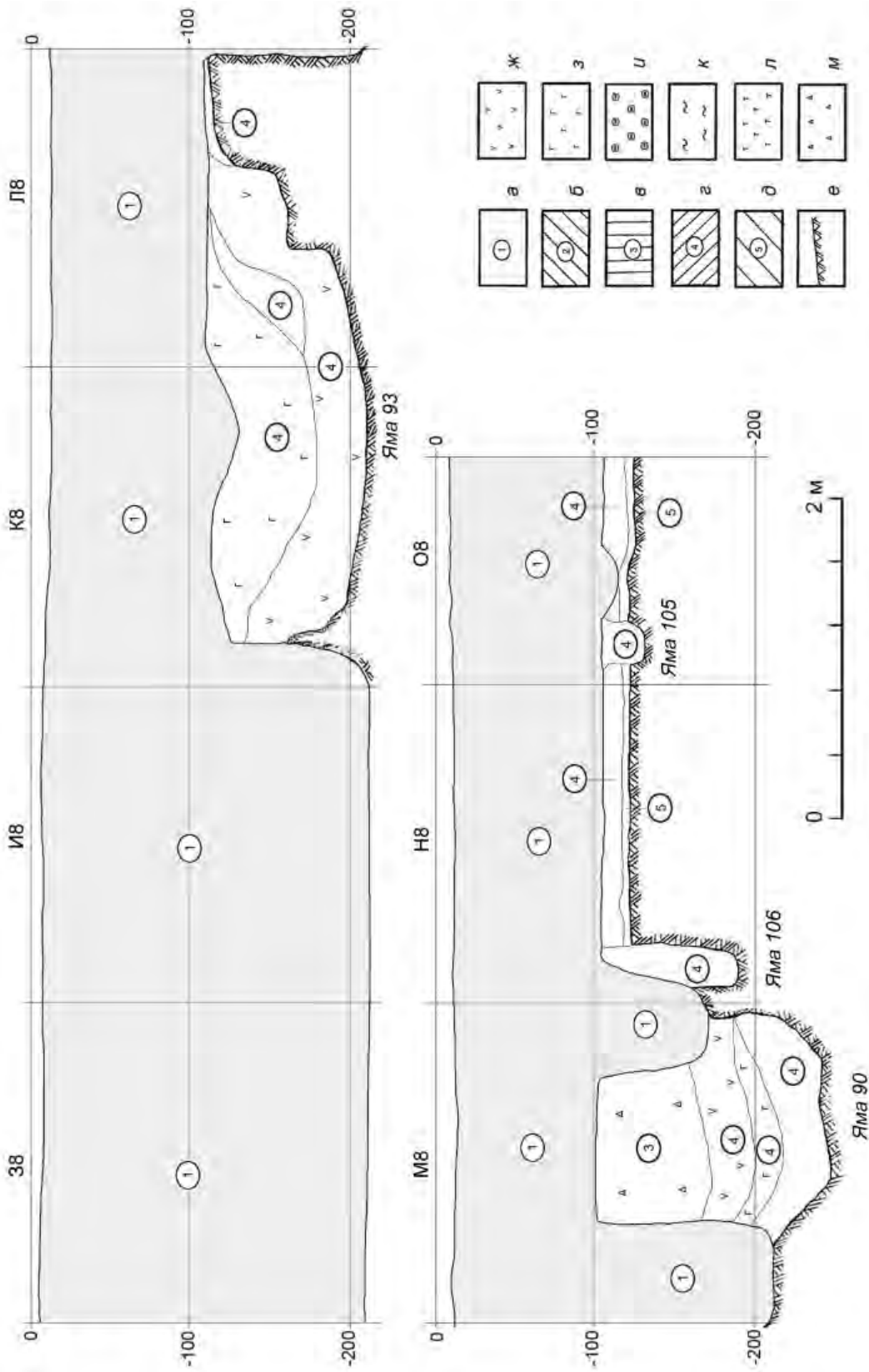

Рис. 12. Нижегородский кремль. Раскоп 2001–2002 гг. Профиль № 3. Квадраты 38–08. Условные обозначения см. рис. 8

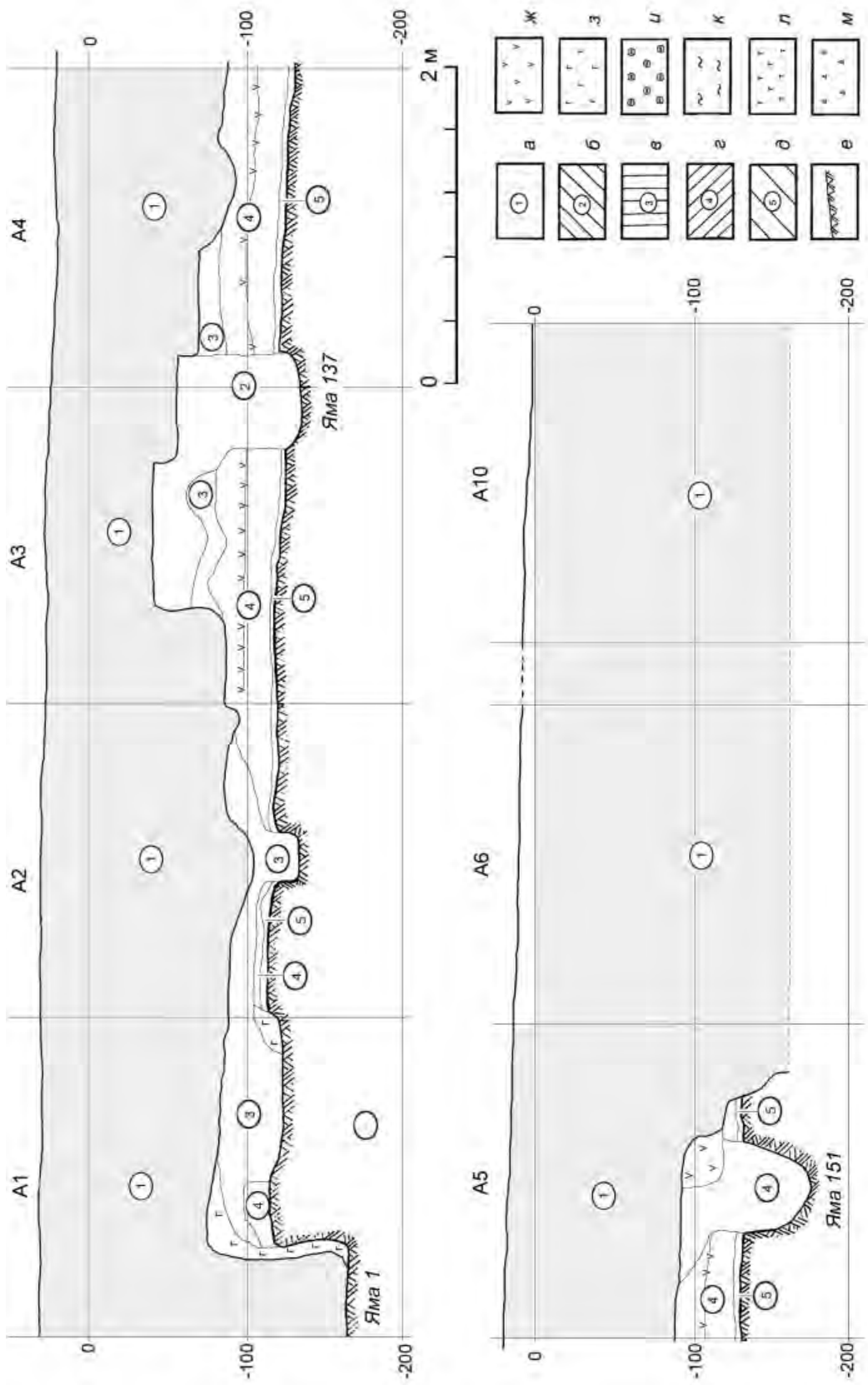

Рис. 13. Нижегородский кремль. Раскоп 2001–2002 гг. Профиль западной стенки раскопа. Квадраты А 1–10. Условные обозначения см. рис. 8

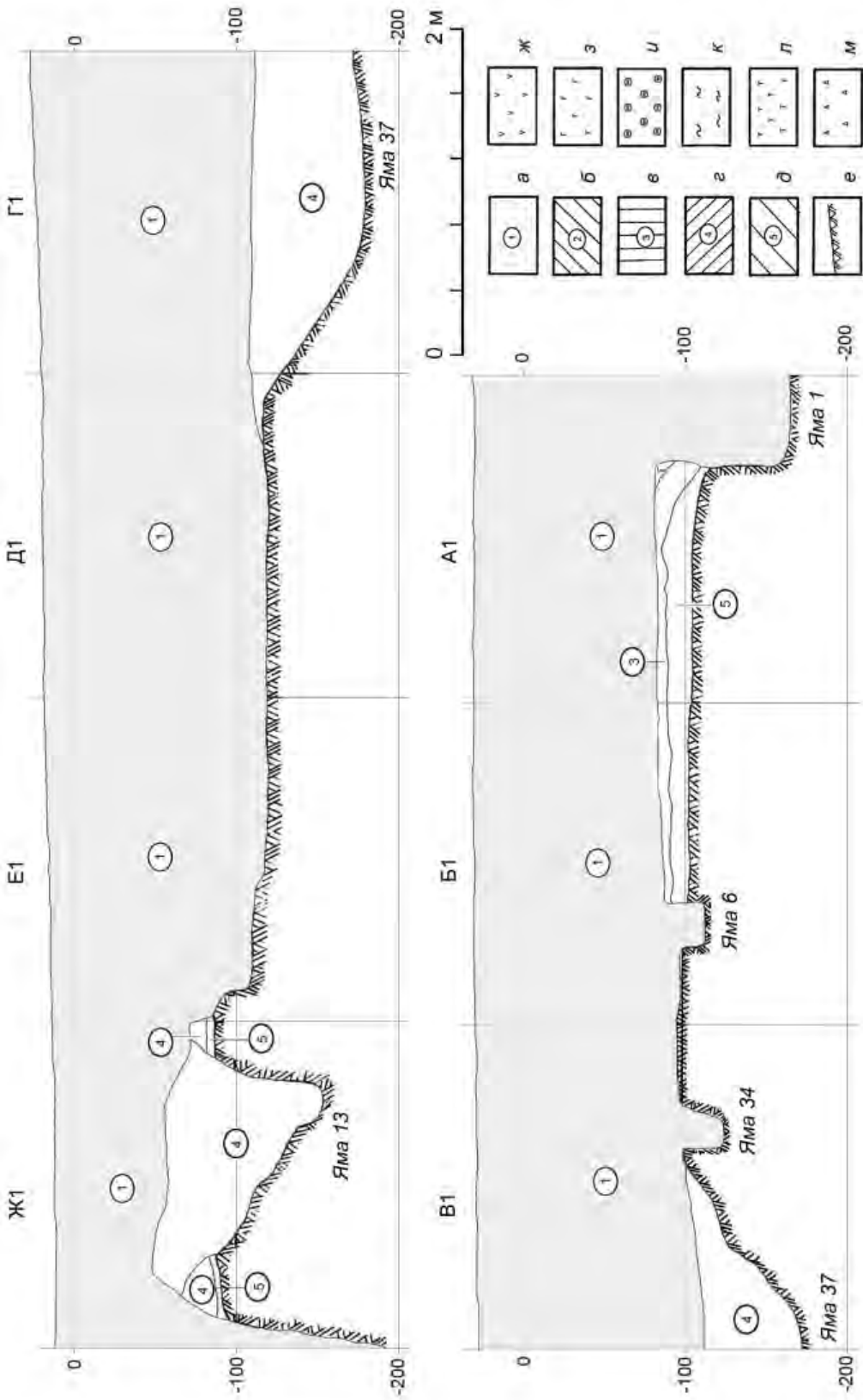

Рис. 14. Нижегородский кремль. Раскоп 2001–2002 гг. Профиль южной стенки раскопа. Квадраты Ж1–А1. Условные обозначения см. рис. 8

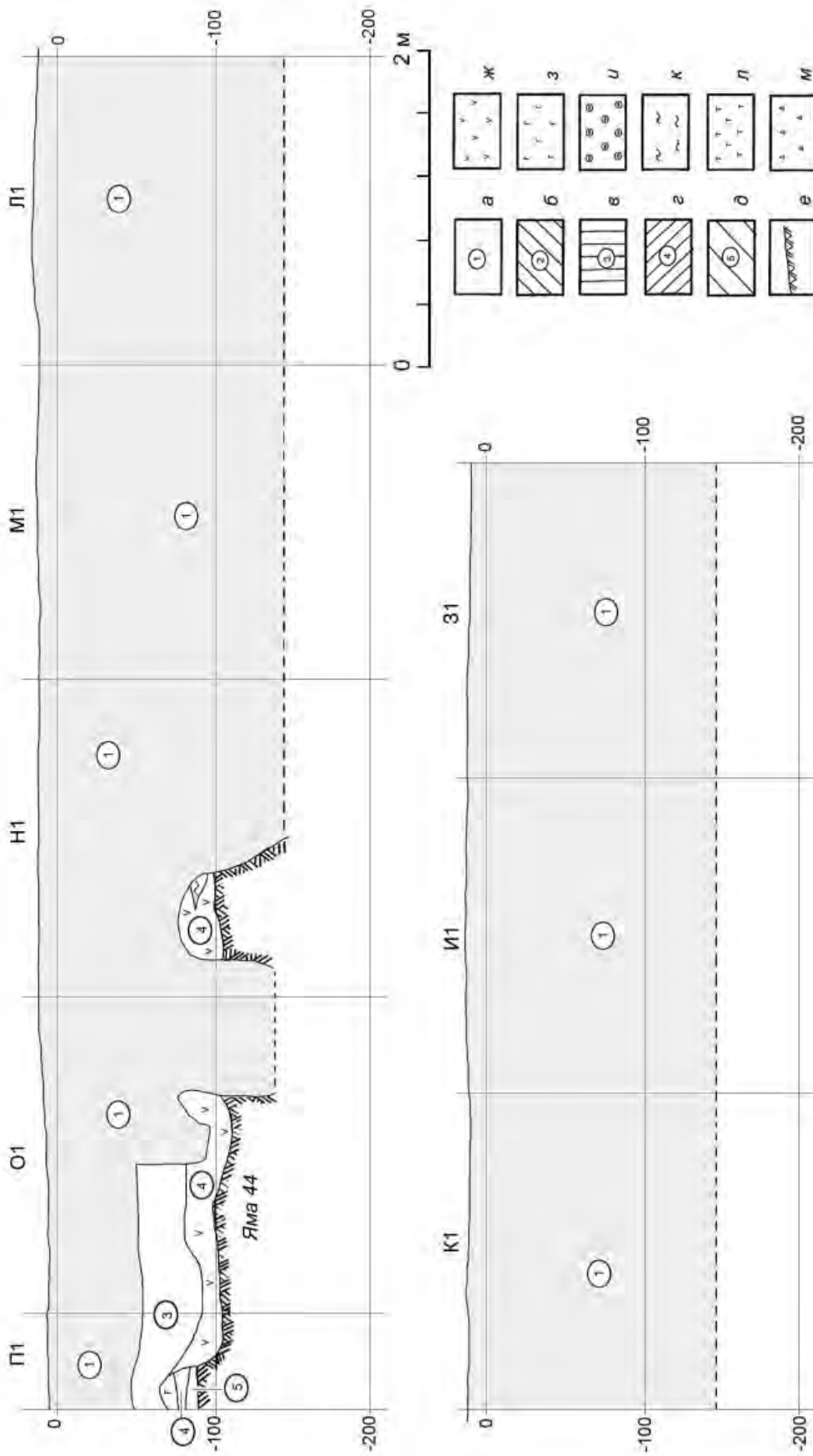

Рис. 15. Нижегородский кремль. Раскоп 2001–2002 гг. Профиль южной стенки раскопа. Квадраты П1–Л1. Условные обозначения см. рис. 8

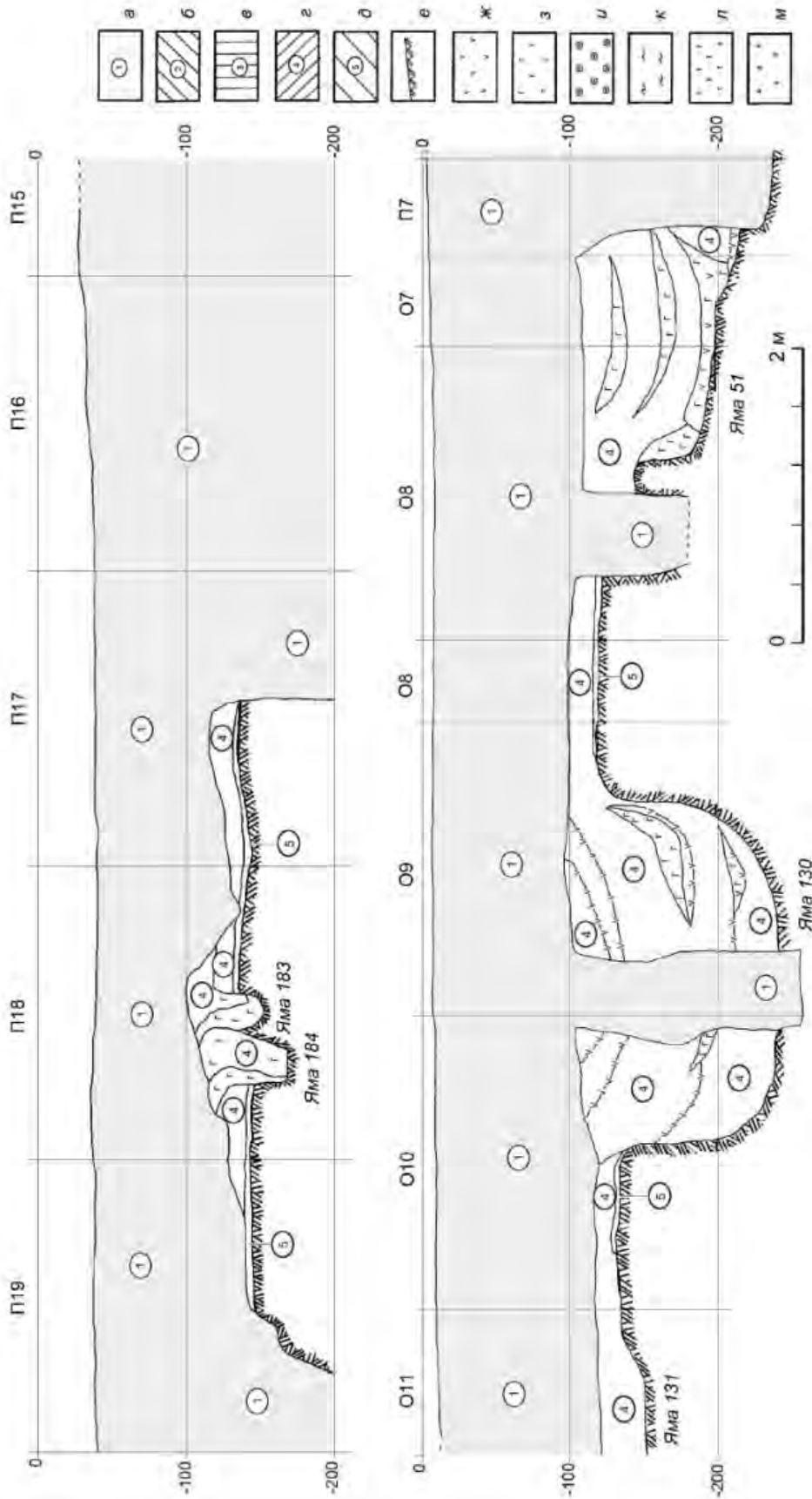

Рис. 16. Нижегородский кремль. Раскоп 2001–2002 гг. Профиль восточной стенки раскопа. Квадраты П 19–15 О 11–7. Условные обозначения см. рис. 8

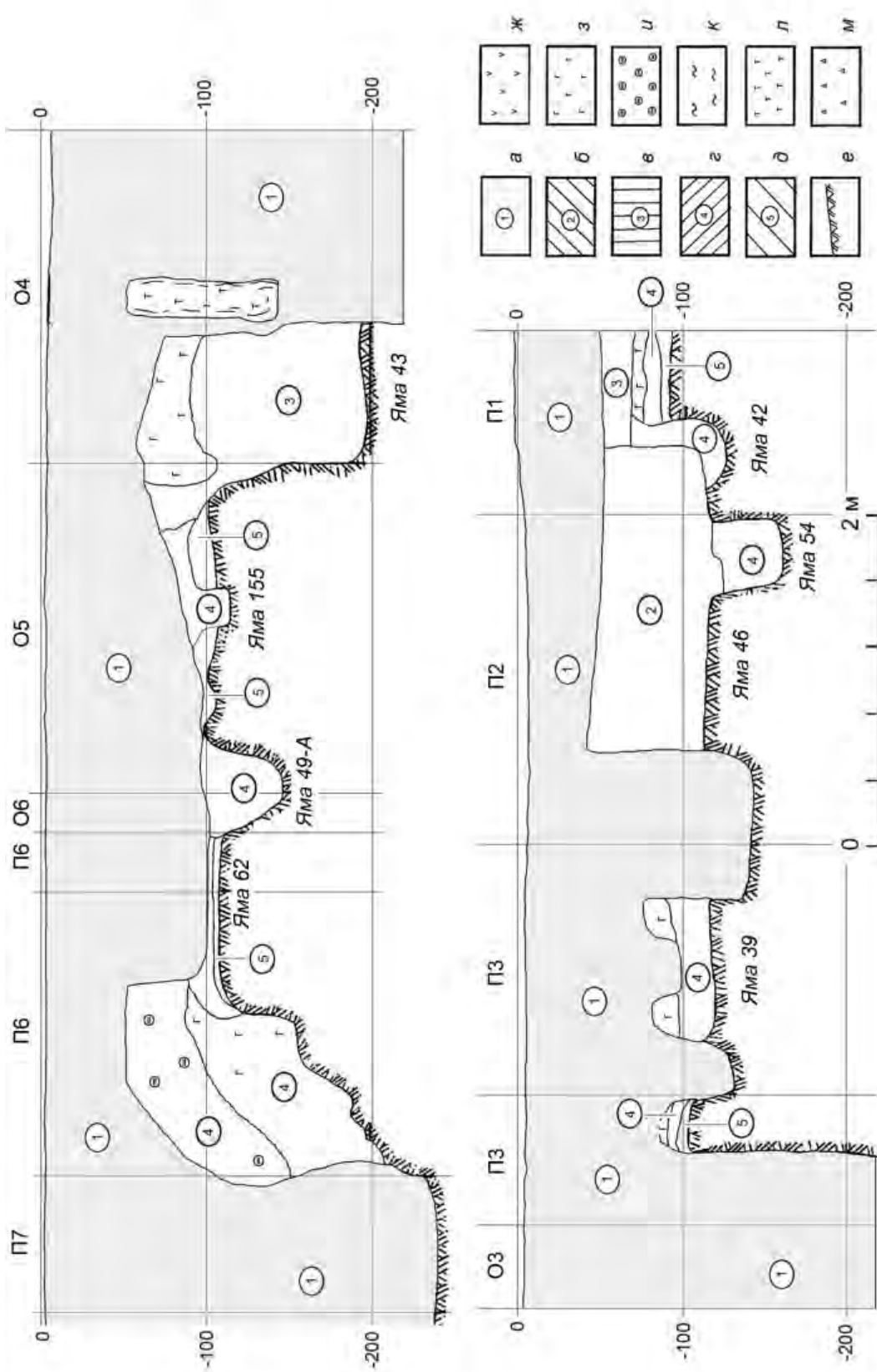

Рис. 17. Нижегородский кремль. Раскоп 2001–2002 гг. Профиль восточной стенки раскопа. Квадраты П7–П1. Условные обозначения см. рис. 8

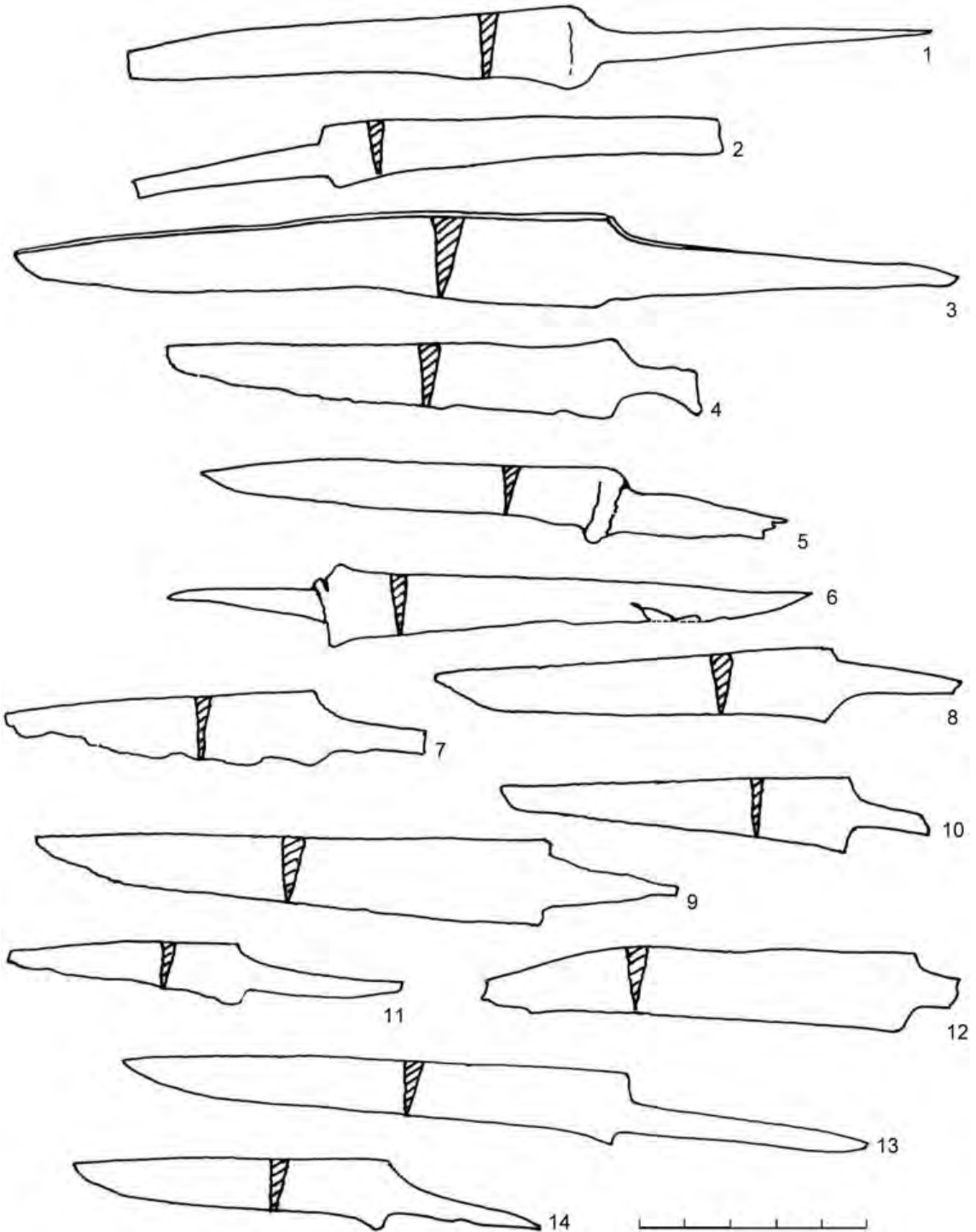

Рис. 18. Ножи железные черешковые (1-14). 1 — 94-7/ИЗ-я.25; 2 — 165-8/Е2-я.20;
 3 — 187-7/Г1-я.37; 4 — 312-5/Е6; 5 — 399-11/ГЗ-я.37; 6 — 423-7/08-я.51; 7 — 487-8/Д7-я.59А;
 8 — 616-8/Д2-я.20; 9 — 807-9/Д1-я.37; 10 — 646-10/Д1-я.33; 11 — 943-7/ДЗ-я.37;
 12 — 861-9/Д2-я.37; 13 — 1118-10/Ж6-я.76; 14 — 1222-7/К18

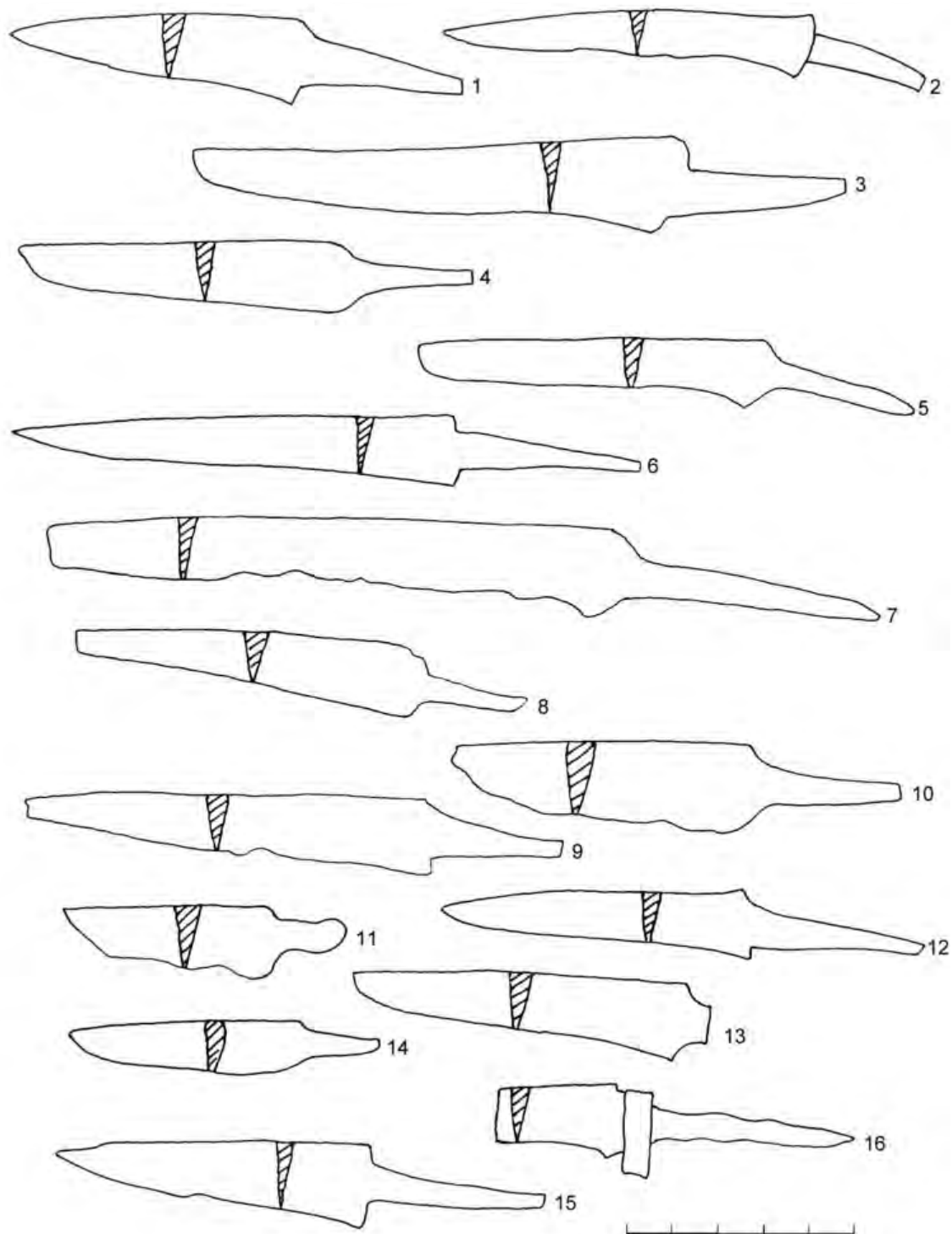

Рис. 19. Ножи железные черешковые (1-15). 1 — 1312-9/М7-я.89; 2 — 1317-9/М7-я.89; 3 — 1313-10/М7-я.89; 4 — 1392-12/М7-я.89; 5 — 1454-7/317; 6 — 1494-10/Ж9-я.94; 7 — 1516-7/К10; 8 — 1544-11/М9-я.90; 9 — 1766-8/О9-я.130; 10 — 1741-13/Е10-я.124; 11 — 2659-9/Е4-я.76; 12 — 2628-7/Е4-я.76; 13 — 2778-8/Ж5-я.76; 14 — 2787-10/Ж5-я.76; 15 — 2914-12/Д5-я.76; 16 — 2900-9/Д5-я.76

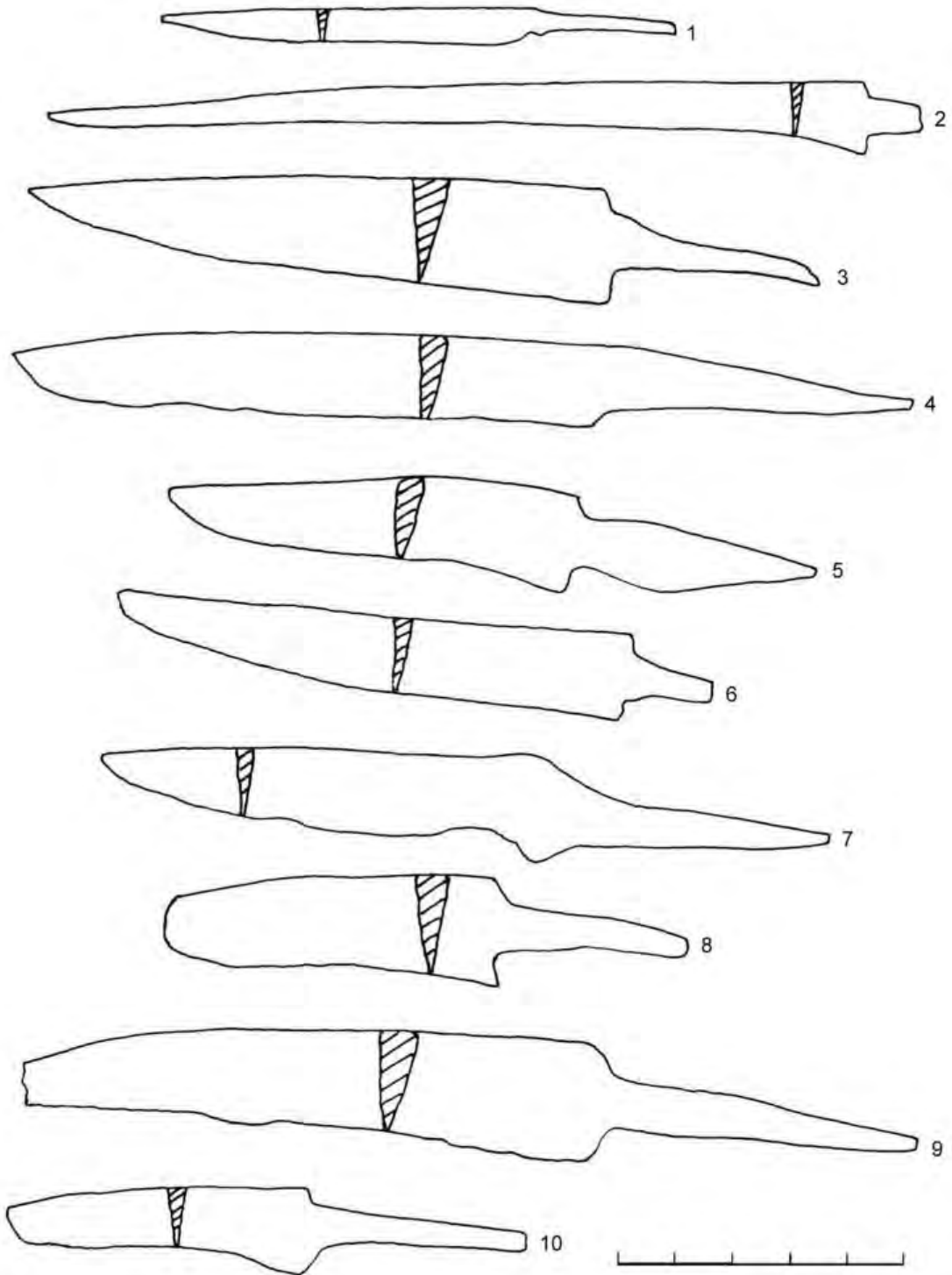

Рис. 20. Ножи железные черешковые (1-10). 1 — 2712-9/Д4-я.76; 2 — 2830-9/Д5-я.76; 3 — 1248-7/И18; 4 — 546-9/Г7-я.59А; 5 — 1187-8/К7-я.87; 6 — 2746-7/Д5-я.76; 7 — 1427-12/Л18-я.102; 8 — 2572-6/И4-я.61; 9 — 2579-6/Е4-я.76; 10 — 2648-10/Е4-я.76

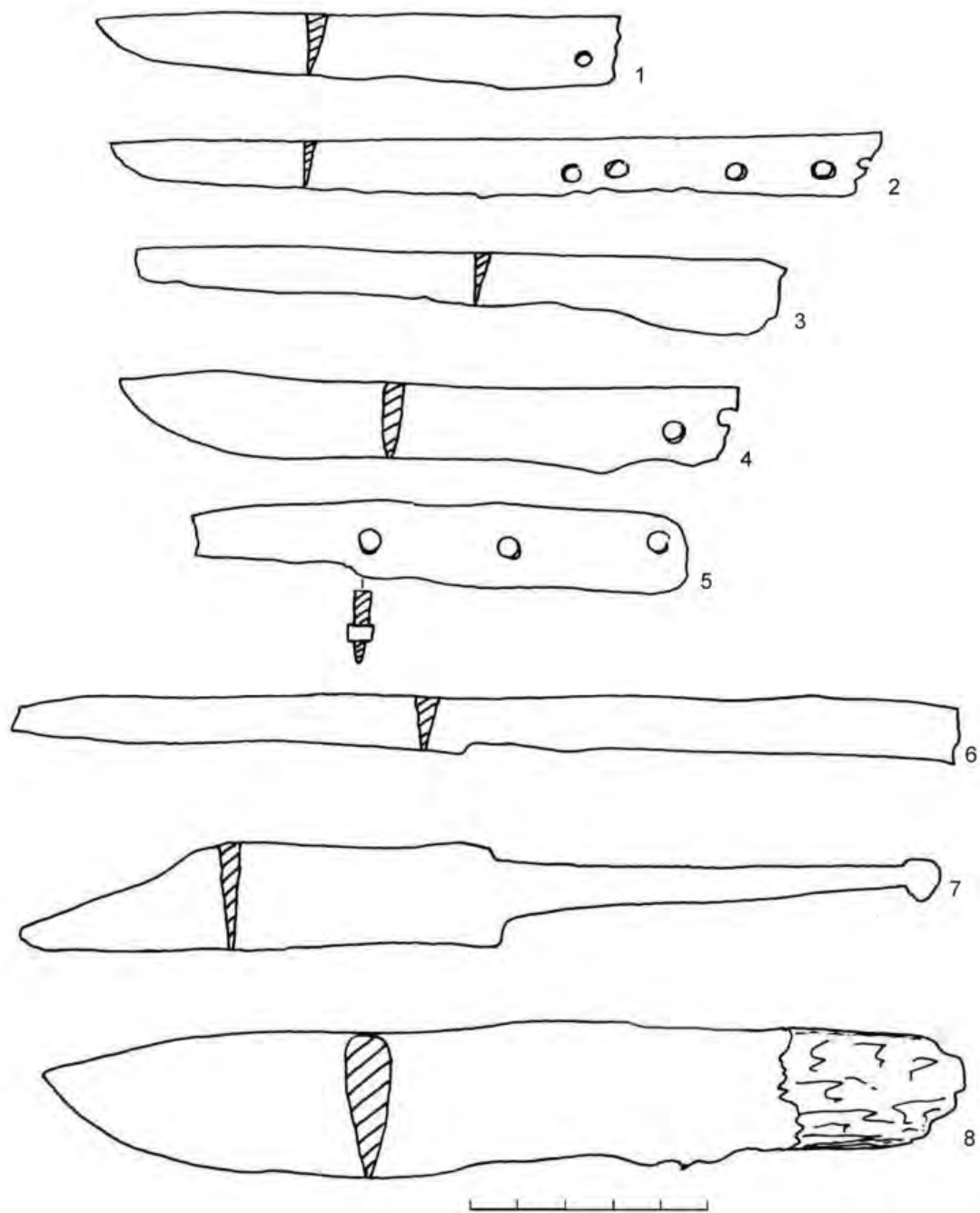

Рис. 21. Ножи железные (1-8). 1 — 375-8/О3-я.43; 2 — 484-9/Д8-я.59-А; 3 — 594-6/Ж6-я.76; 4 — 2198-5/Е4; 5 — 2889-11/Ж5-я.76; 6 — 1599-8/Л9-я.117; 7 — 1980-4/Е4; 8 — 2603-6/Д3-я.18

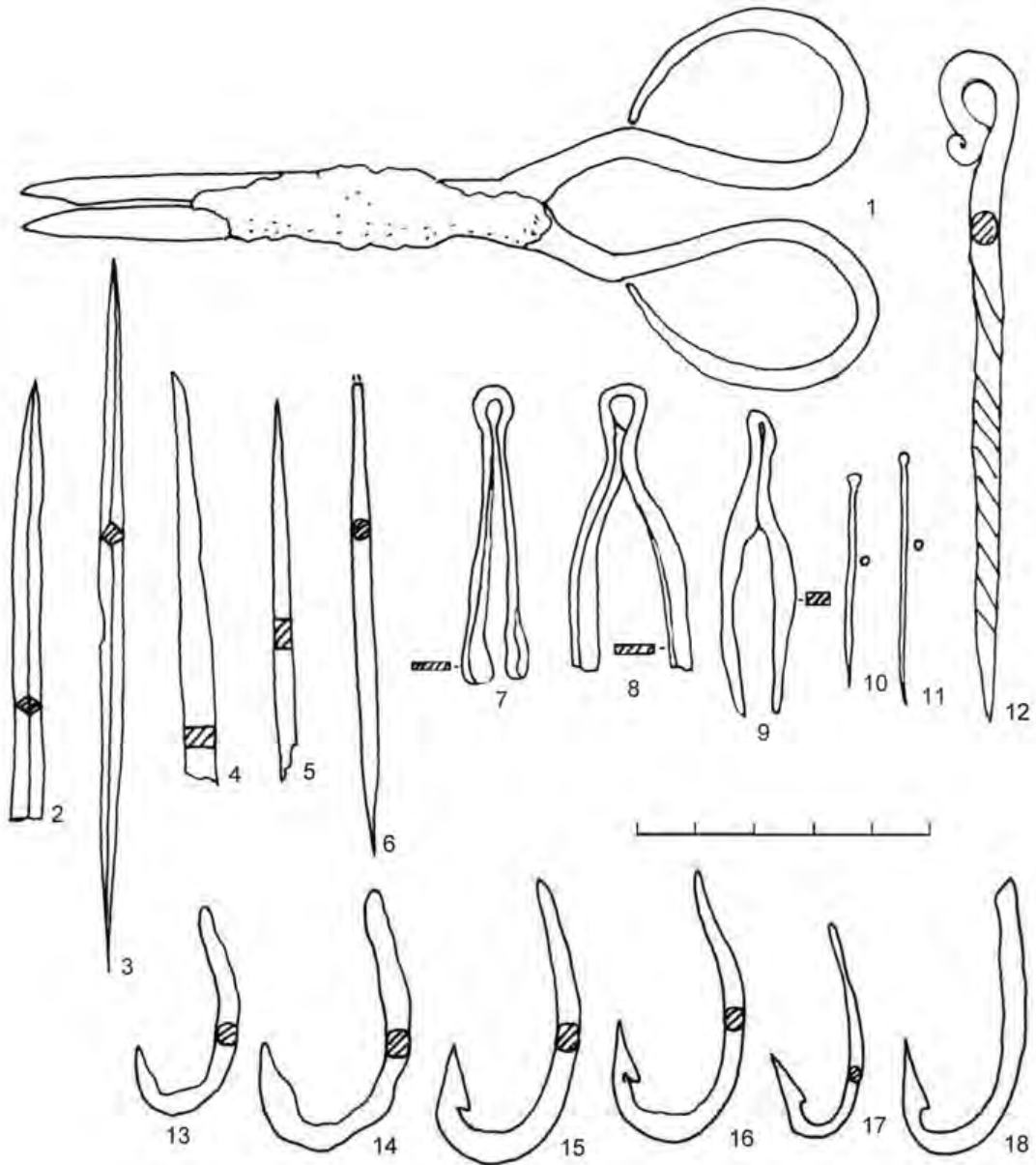

Рис. 22. Железные инструменты и изделия: ножницы шарнирные (1), шилья (2-6), пинцеты (7-9), иглы (10, 11), булавка от прялки (12), рыболовные крючки (13-18).
 1 — 2488-13/Е5-я.76; 2 — 398-7/М3-я.35; 3 — 410-10/В1-я.37; 4 — 1788-12/Д8-я.59Б;
 5 — 2164-7/Л4-я.145; 6 — 2515-14/Е5-я.76; 7 — 3093-6/И3; 8 — 2776-8/Ж5-я.76;
 9 — 1828-5/М5; 10 — 1985-5/Е4; 11 — 2177-6/М5-я.50; 12 — 2892-12/Ж5-я.76;
 13 — 700-10/Г1-я.37; 14 — 968-9/Д3-я.20; 15 — 1056-11/Н8-я.69; 16 — 1703-4/Б3;
 17 — 2693-8/И4-я.61; 18 — 2731-9/И4-я.61

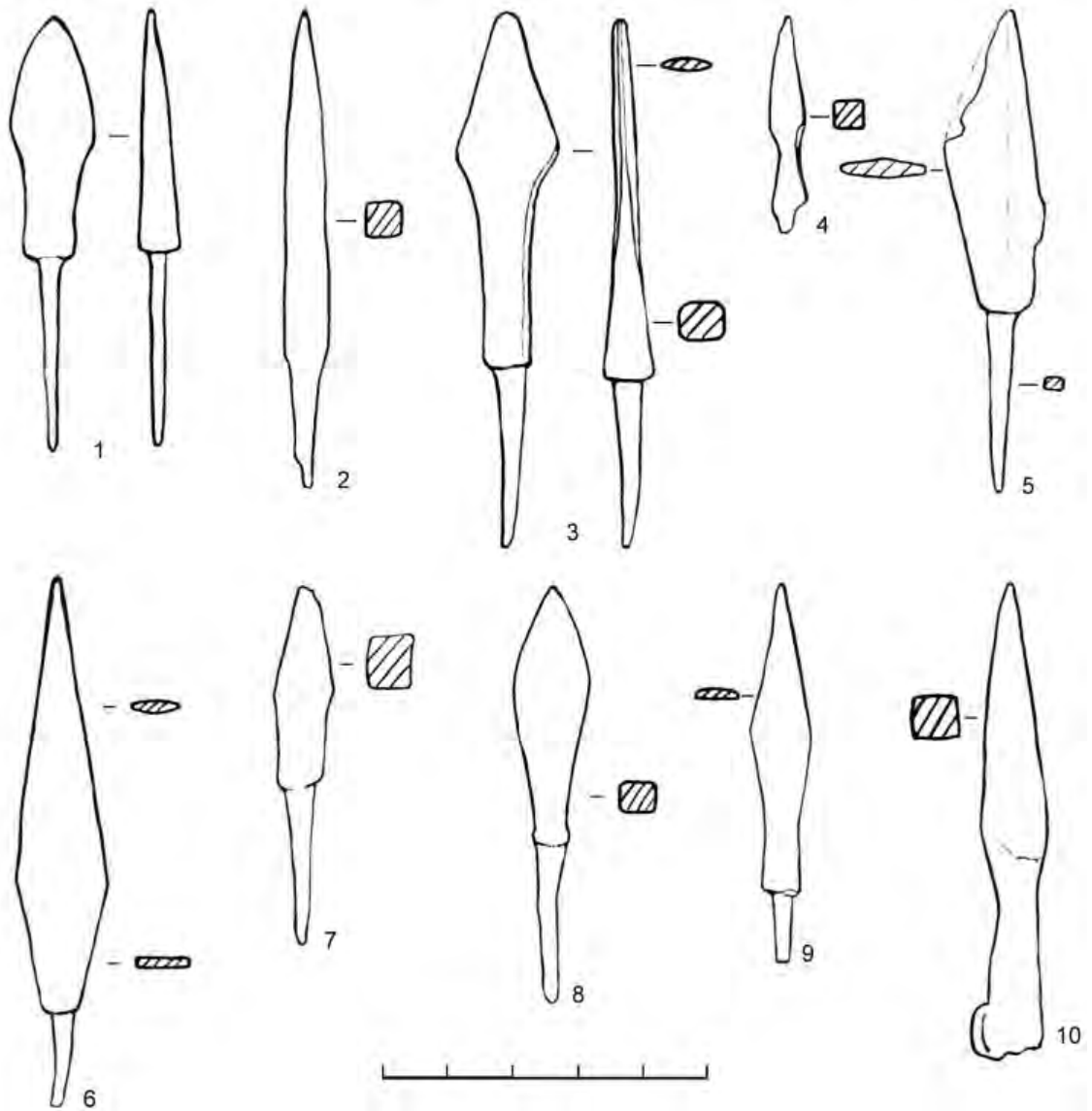

Рис. 23. Наконечники стрел (1-10). 1 — 141-9/К3-я.25; 2 — 163-8/Е1-я.20;
 3 — 511-9/Д7-я.59А; 4 — 663-10/Г2-я.37; 5 — 750-12/Е7-я.59Б; 6 — 816-9/Н18-я.85;
 7 — 1096-9/Д3-я.20; 8 — 1151-8/О8-я.51; 9 — 1377-12/И18-я.96; 10 — 1249-7/И17

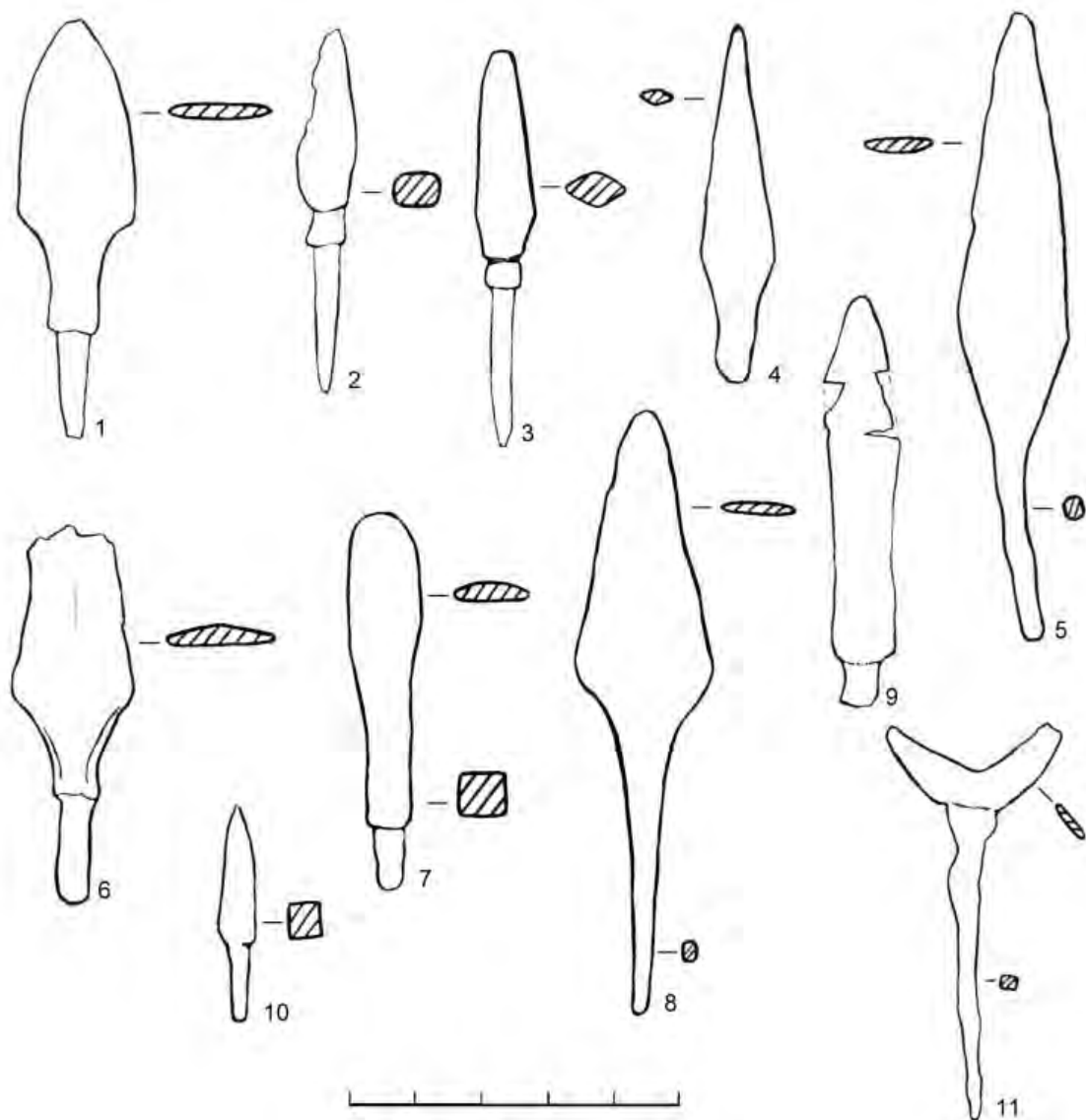

Рис. 24. Наконечники стрел (1-11). 1 — 1505-7/О9; 2 — 1684-7/Н10-я.110-В;
3 — 1765-8/09-я.130; 4 — 2017-4/Е5; 5 — 2064-5/Ж4; 6 — 2178-5/Ж5; 7 — 2186-5/Е5;
8 — 2246-5/Е4; 9 — 2286-6/Е5-я.164; 10 — 2340-7/Е5-я.76; 11 — 3103-11/Д5-я.76

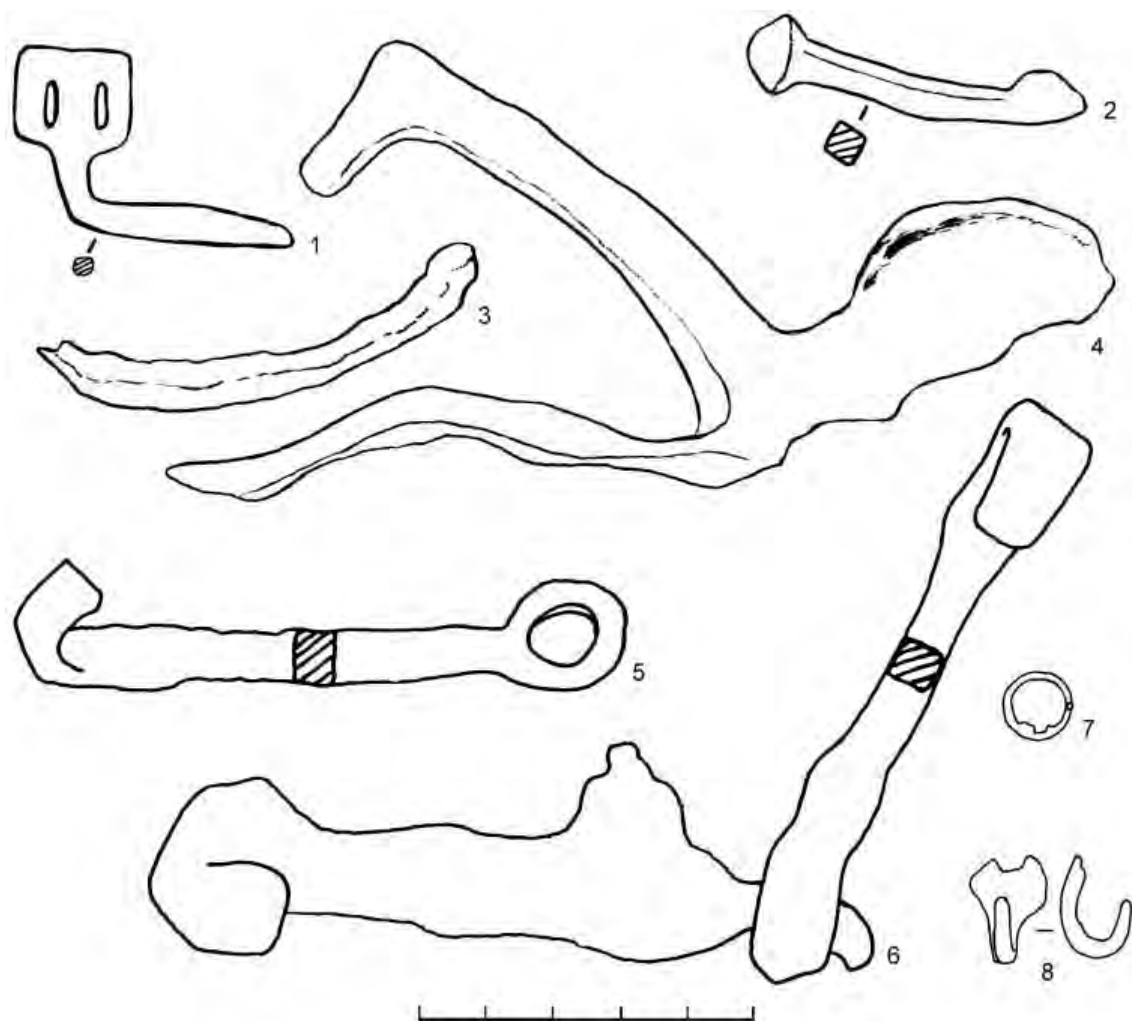

Рис. 25. Снаряжение коня и всадника (железо): шпоры и их фрагменты (1–4), удила (5, 6), кольчужное кольцо (7), колчаный крючок (8). 1 — 2456–11/Е5-я.76; 2 — 3092–5/Ж5; 3 — 1196–6/И16; 4 — 504–7/В7-я.60; 5 — 585–8/Г2-я.37; 6 — 724–11/Г1-я.37; 7 — 2942–9/Ж4-я.76; 8 — 112–4/Н2

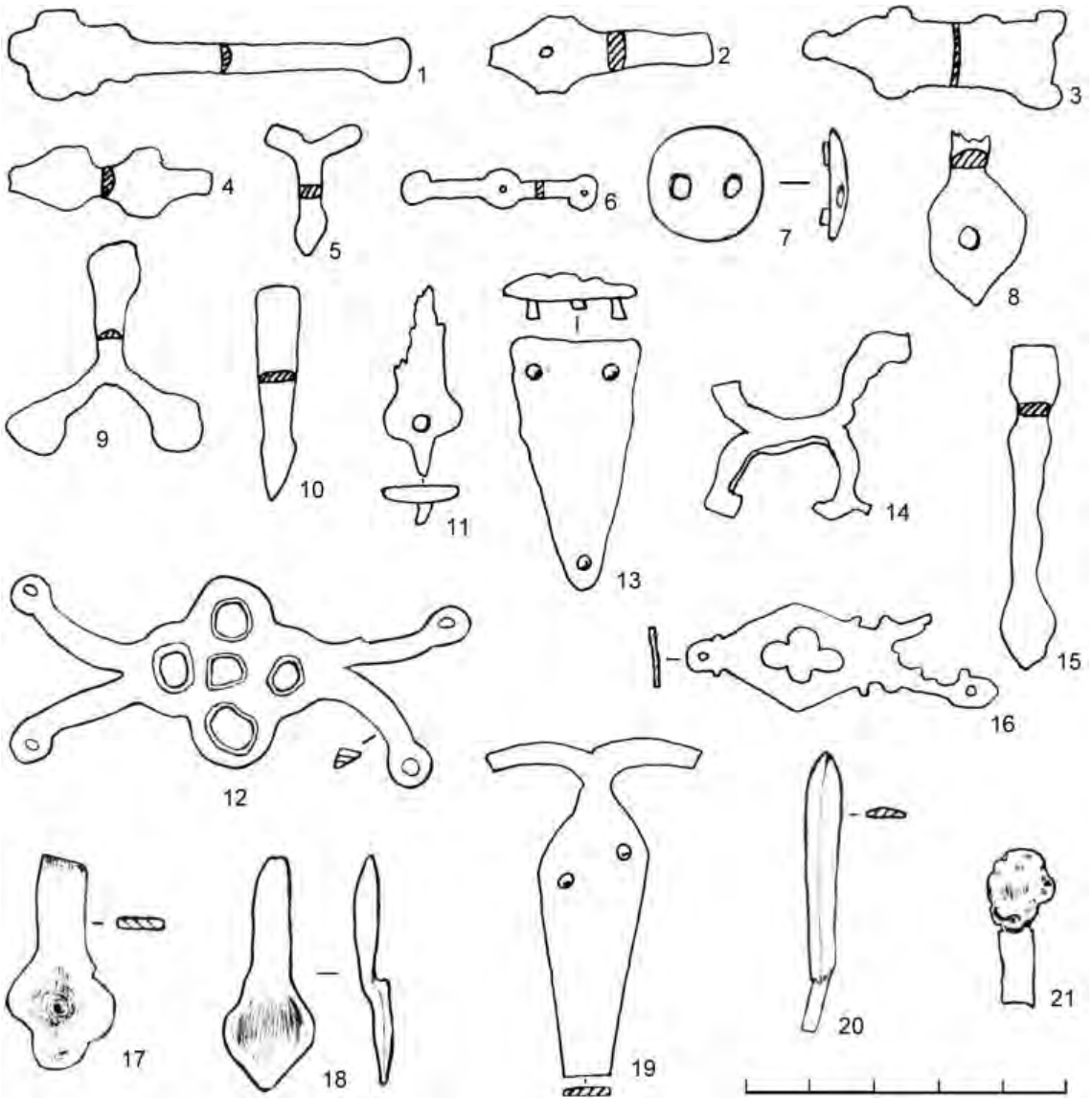

Рис. 26. Накладки железные (1-21; 21 — со следами позолоты). 1 — 1058-10/В2-я.37; 2 — 131-6/ЛЗ-я.35; 3 — 1333-11/И18-я.96; 4 — 1447-7/З16; 5 — 2434-11/Е5-я.76; 6 — 1144-8/О7-я.51; 7 — 2524-7/К4-я.160; 8 — 413-7/Г1-я.37; 9 — 591-10/О6-я.49; 10 — 2882-11/Д5-я.76; 11 — 2995-12/Ж4-я.76; 12 — 2750-9/И4-я.61; 13 — 1506-7/О10; 14 — 2736-10/И4-я.61; 15 — 1917-5/Б4; 16 — 2935-13/Ж5-я.76; 17 — 2880-10/Д5-я.76; 18 — 1411-14/К17-я.88; 19 — 1763-8/О10-я.130; 20 — 1241-12/О7-я.51; 21 — 2222-5/Е5

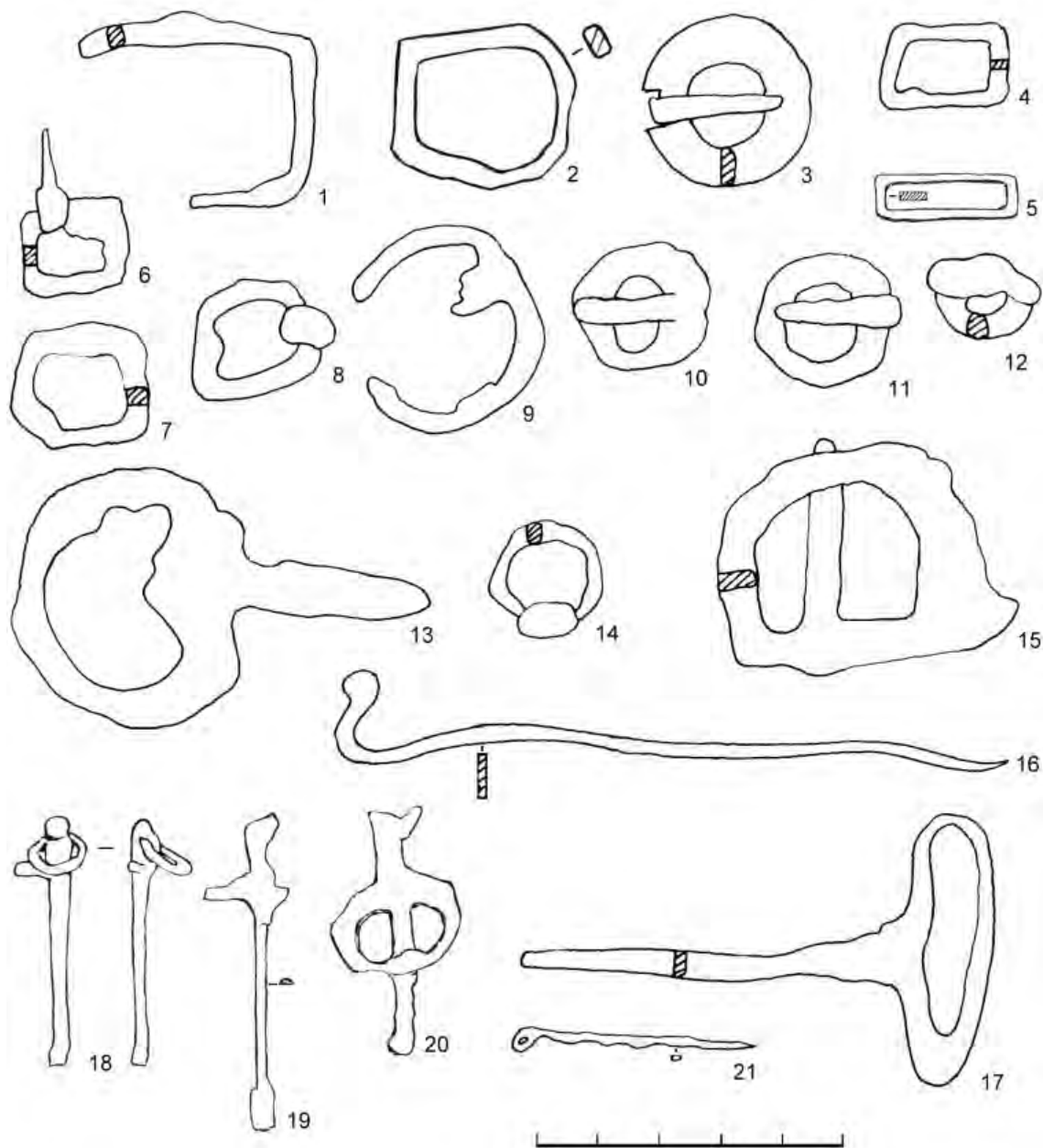

Рис. 27. Железные пряжки и обоймицы (1-15), каркасы от футляров ножей железные (16-18; 20-21) и бронзовый (19). 1 — 3113-3/Д5; 2 — 60-5/Л3; 3 — 1589-8/Л9-я.117; 4 — 1646-10/К8-я.93; 5 — 1762-8/О10-я.130; 6 — 1070-14/Е6-я.76; 7 — 1704-4/Б4; 8 — 70-5/Л3; 9 — 705-11/Д7-я.59Б; 10 — 829-11/Д1-я.37; 11 — 1403-13/М7-я.89; 12 — 3095-8/Е1-я.20; 13 — 325-11/В2-я.37; 14 — 2243-6/Л5-я.146; 15 — 915-9/Н7-я.86; 16 — 2941-11/Ж5-я.76; 17 — 2994-12/Ж4-я.76; 18 — 741-11/Г2-я.37; 19 — 745-11/Г1-я.37; 20 — 856-7/Д2-я.37; 21 — 1916-5/Б4

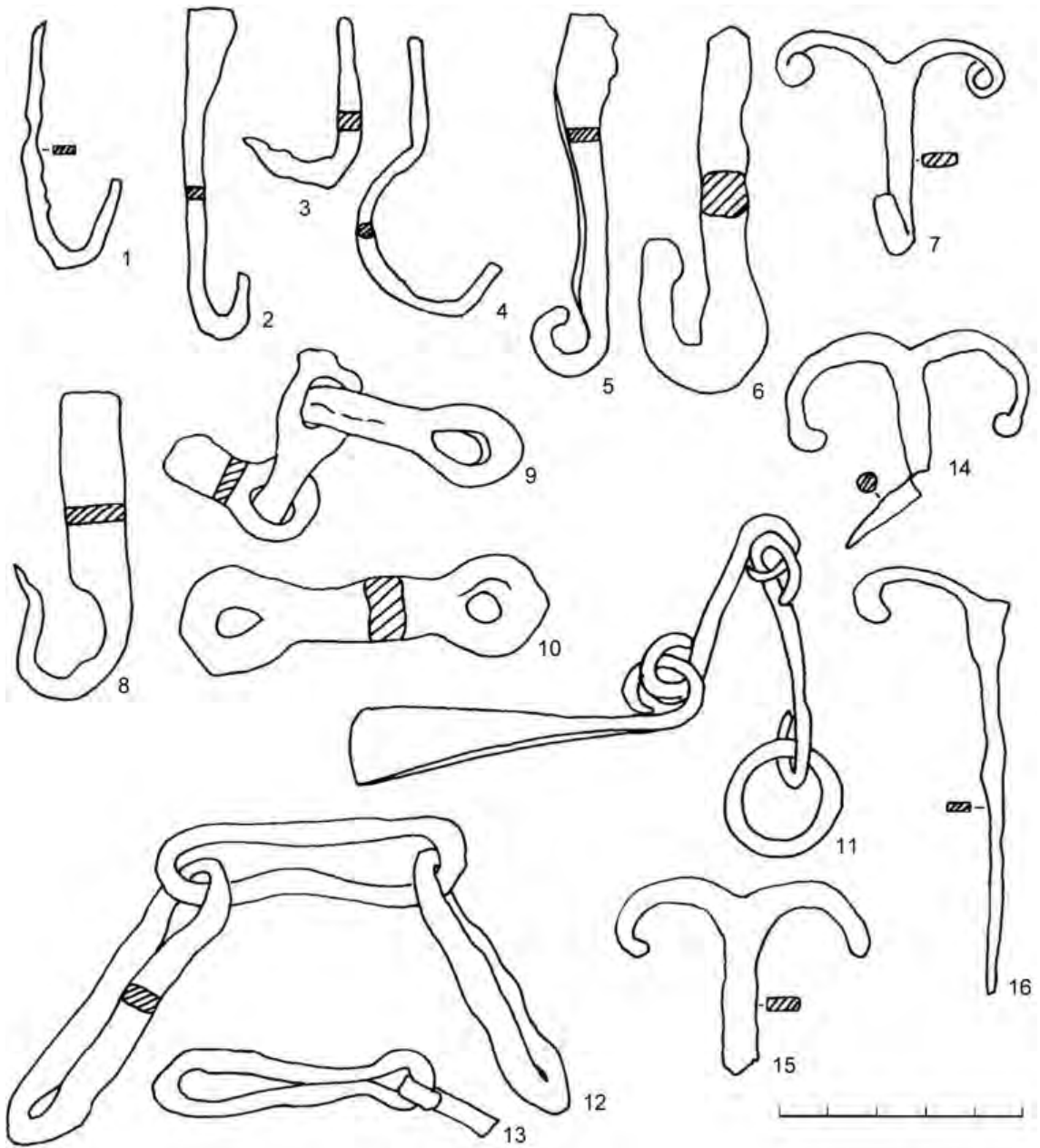

Рис. 28. Железные крюки (1-6, 8), цепи (9-13) и дверные накладки (7, 14-16).
 1 — 411-12/Г1-я.37; 2 — 361-12/В1-я.37; 3 — 1089-8/Д3-я.20; 4 — 1641-4/А4;
 5 — 1341-12/Л18-я.102; 6 — 1338-12/Л18-я.102; 7 — 2698-8/Д4-я.76; 8 — 2953-10/Ж5-я.76;
 9 — 1139-6/О7-я.51; 10 — 1289-10/К18-я.95; 11 — 2936-9/Ж5-я.76; 12 — 1390-8/К8-я.93;
 13 — 1511-7/О10; 14 — 1603-10/Д8-я.59А; 15 — 332-5/Ж6; 16 — 2863-9/Д5-я.76

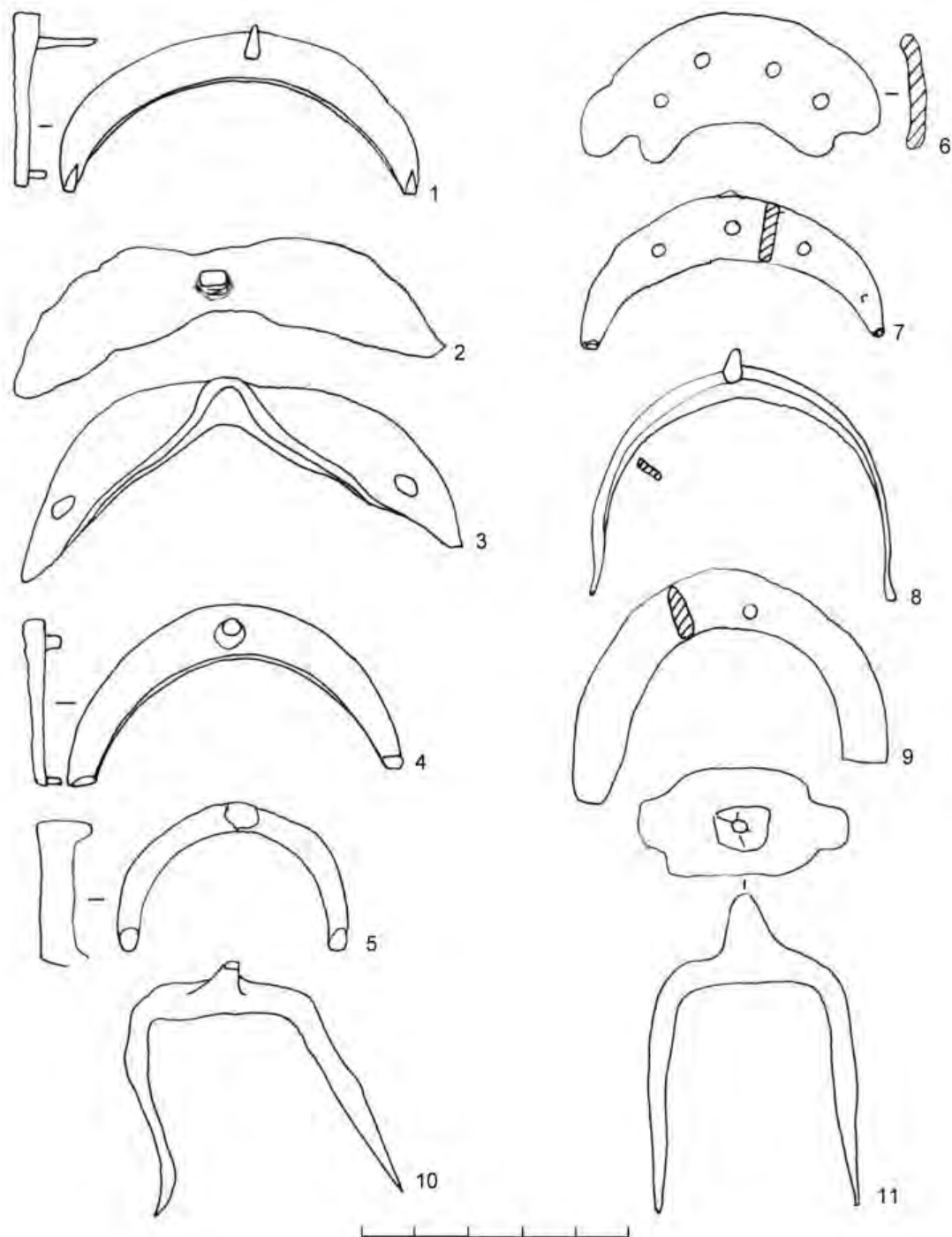

Рис. 29. Железные подковки (1-9) и ледоходные шипы (10, 11). 1 — 2139-5/Ж4; 2 — 2145-5/Ж5; 3 — 569-7/Д1-я.33; 4 — 3112-8/Д7-я.59А; 5 — 1329-13/К17-я.88; 6 — 2251-5/Ж3; 7 — 437-7/Г7-я.59А; 8 — 486-8/Д7-я.59А; 9 — 695-11/Д7-59Б; 10 — 855-8/Д2-я.37; 11 — 2781-10/Ж5-я.76

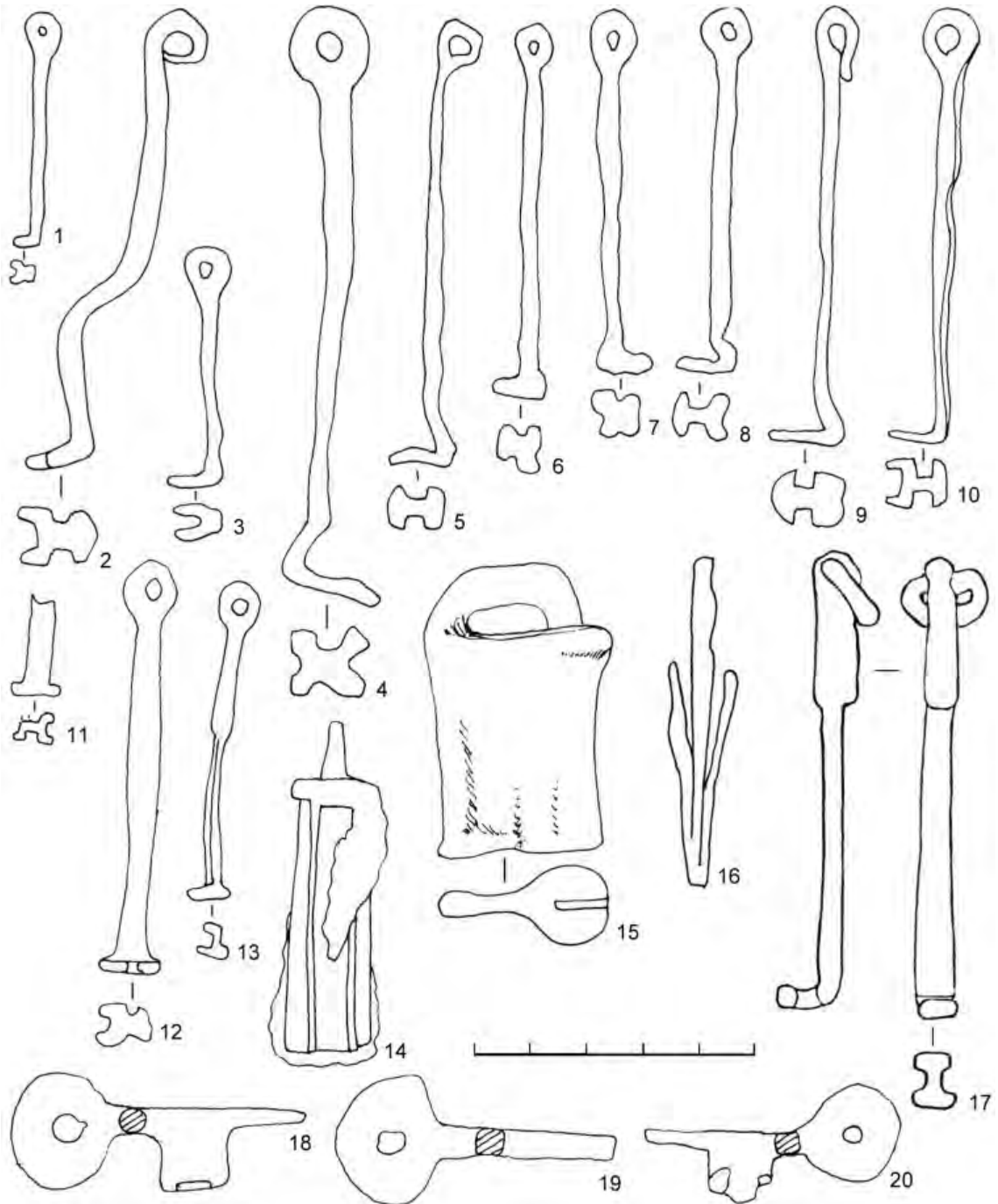

Рис. 30. Железные ключи (1-14, 17-20), замок (15), пружина от замка (16). 1 — 3115-5/Е4; 2 — 1061-11/Е6-я.76; 3 — 2738-10/Д4-я.76; 4 — 200-5/О2-я.38; 5 — 597-8/Г2-я.37; 6 — 1354-9/К7-я.93; 7 — 1397-14/М7-я.89; 8 — 1432-12/Л18-я.102; 9 — 1477-10/Г8-я.59-В; 10 — 2868-10/Д5-я.76; 11 — 769-13/Г2-я.37; 12 — 2440-11/Е5-я.76; 13 — 2930-12/Ж5-я.76; 14 — 1626-10/Д8-я.59А; 15 — 2682-10/Е4-я.76; 16 — 2919-12/Ж5-я.76; 17 — 25-5/Д3; 18 — 475-6/Н6; 19 — 2094-4/Ж5; 20 — 1099-14/Д1-я.20

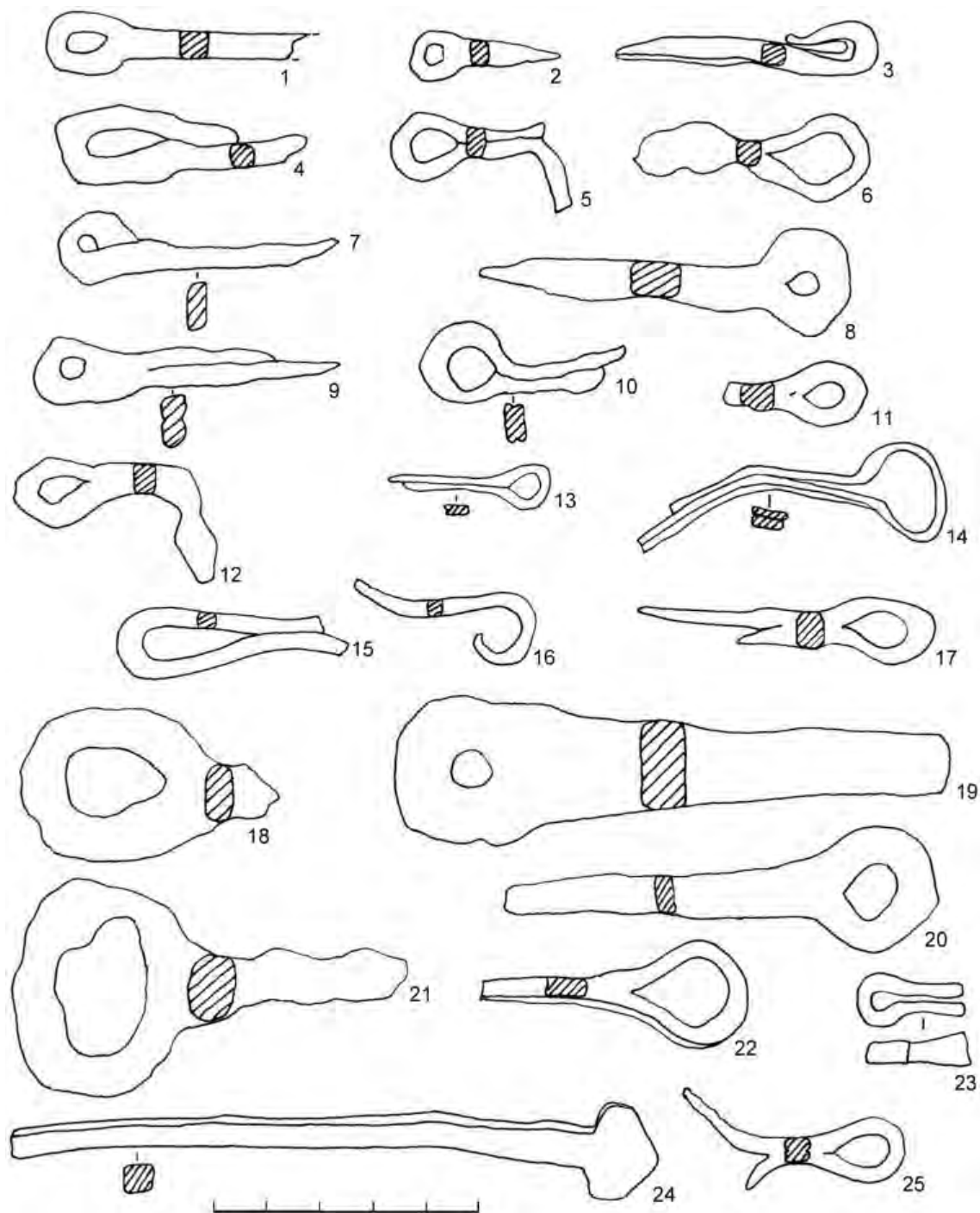

Рис. 31. Железные пробы. 1 — 109-4/О1; 2 — 923-11/Д2-я.37; 3 — 936-12/Д2-я.37; 4 — 181-7/Г1-я.37; 5 — 1106-7/И7-я.87; 6 — 1873-5/Н4; 7 — 465-8/Д7-я.59А; 8 — 1986-5/Е4; 9 — 628-9/Д2-я.20; 10 — 2080-5/35; 11 — 2298-7/Ж9-я.125; 12 — 834-6/Д2-я.37; 13 — 2316-8/Ж5-я.165; 14 — 2315-7/Ж4-я.17; 15 — 873-7/Н6-я.86; 16 — 2604-7/Е4-я.76; 17 — 2674-10/Е4-я.76; 18 — 891-11/Д2-я.37; 19 — 1997-4/Е5; 20 — 2217-5/Е5; 21 — 2023-5/Е5; 22 — 2839-10/Д5-я.76; 23 — 3114-6/Е5-я.76; 24 — 2096-4/Д5; 25 — 2881-12/Ж5-я.76

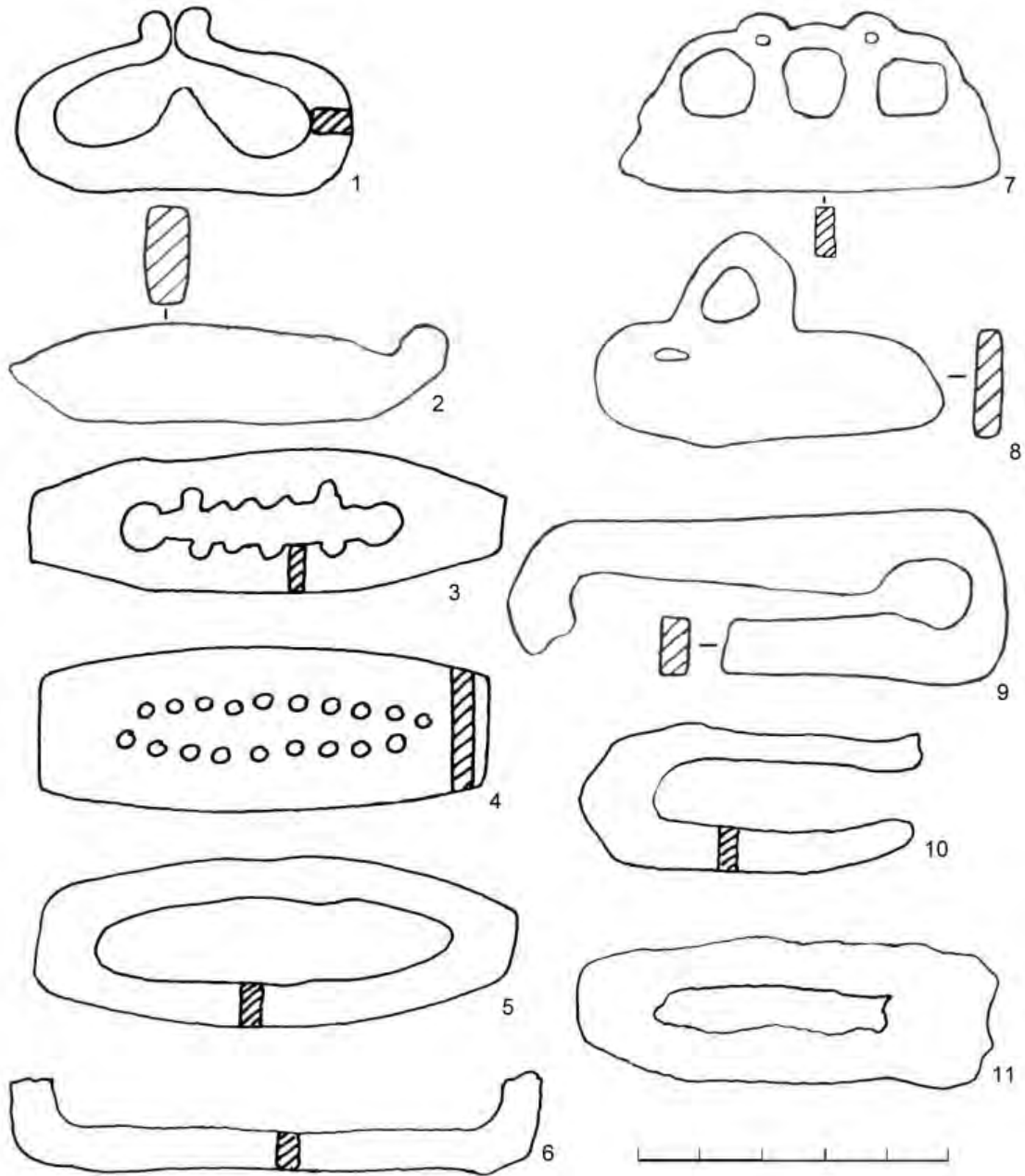

Рис. 32. Кресала. 1 — 40-6/Е1; 2 — 575-7/Г2-я.37; 3 — 1192-7/М18; 4 — 2788-10/Д4-я.76; 5 — 657-9/Г1-я.37; 6 — 610-6/Д6-я.57; 7 — 2109-9/О4-я.43; 8 — 3144-балластн. слой; 9 — 314-5/Л2; 10 — 2174-9/М5-я.145; 11 — 914-9/Н7-я.86

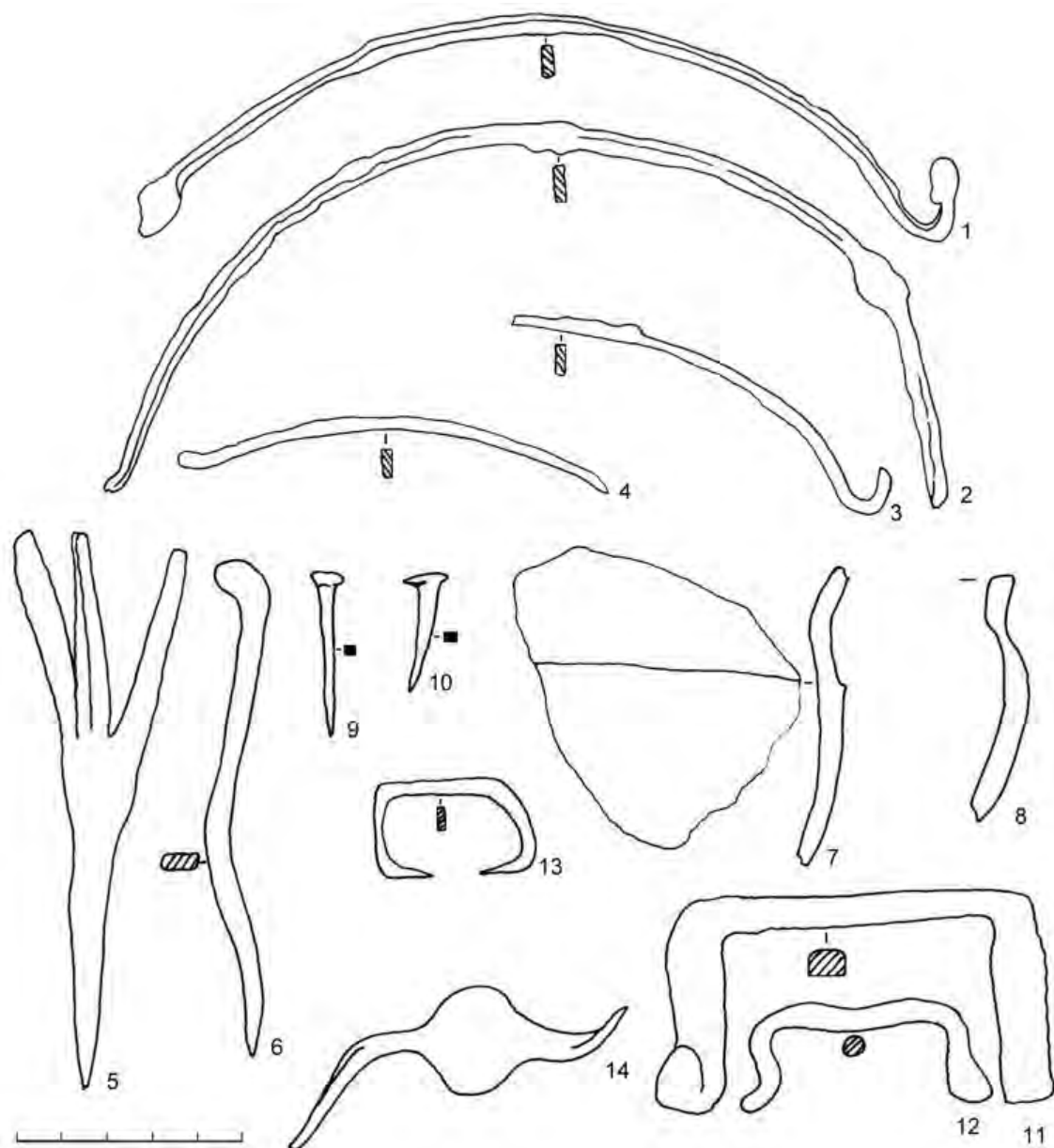

Рис. 33. Изделия из железа: дужки ведер (1-4), светцы (5, 6), фрагменты чугунных котлов (7, 8), гвозди (9, 10), ручки (11, 12), скобы (13, 14). 1, 2 — 3096-я.94; 3 — 2651-7/И4-я.61; 4 — 2466-11/Е5-я.76; 5 — 2600-7/Д3-я.18; 6 — 753-12/Д7-я.59-Б; 7 — 605-8/Г2-я.37; 8 — 392-7/В1-я.37; 9 — 1020-8/Е6-я.76; 10 — 1214-7/Л18; 11 — 853-7/Д2-я.37; 12 — 362-8/Г1-я.37; 13 — 662-9/Г1-я.37; 14 — 2303-5/Ж3-я.17

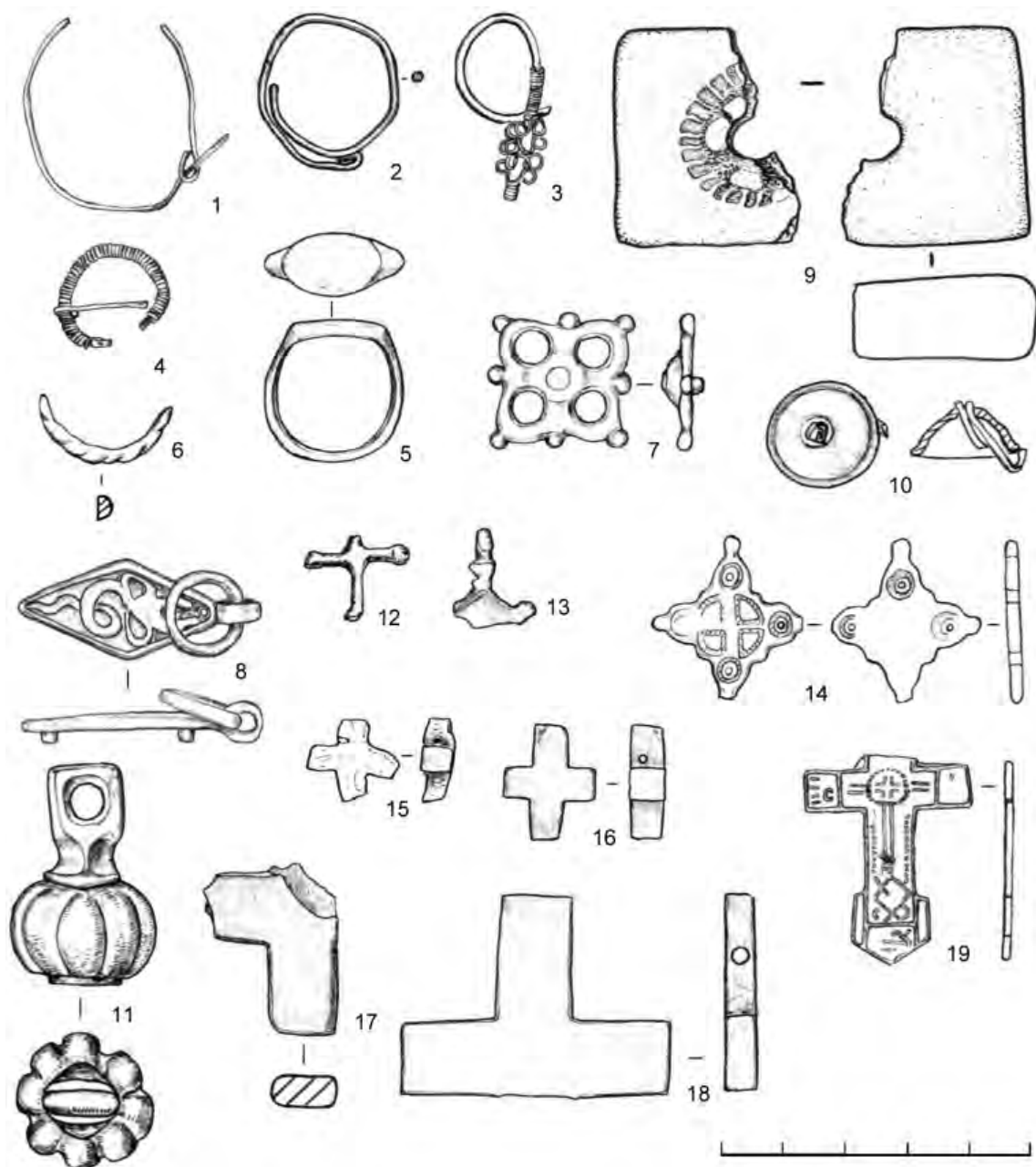

Рис. 34. Изделия из цветных металлов (1–8, 10–14, 19), глины (9), камня (16–18) и янтаря (15): височные кольца (1–3); сьюльгама кольцевидная (4); перстень щитковый (5); перстень рубчатый (6); накладка литая штифтовая квадратная ажурная (7); бляха с петлей для бокового ремня литая штифтовая ромбическая с изображением дракона (8); форма литейная, фрагмент (9); пуговица (?) (10); кистень (?) (11); кресты-тельники (12–19). 1 — 2395–9/Е5-я.76; 2 — 1200–9/И7-я.87; 3 — 1234–10/И7-я.87; 4 — 1180–9/К7-я.87; 5 — 2800–9/Д5; 6 — 3116–6/Г2; 7 — 2500–13/Е5-я.76; 8 — 1630–9/Н10-я.110; 9 — 774–12/Д7-я.59Б; 10 — 1555–12/Ж9-я.94; 11 — 336–5/36; 12 — 600–10/Д1-я.33; 13 — 2115–5/Д5; 14 — 1219–7/К18; 15 — 554–10/М6-я.50; 16 — 479–9/Д7-я.59А; 17 — 65–4/М3; 18 — 12–5/Г3; 19 — 1598–8/Л9-я.117

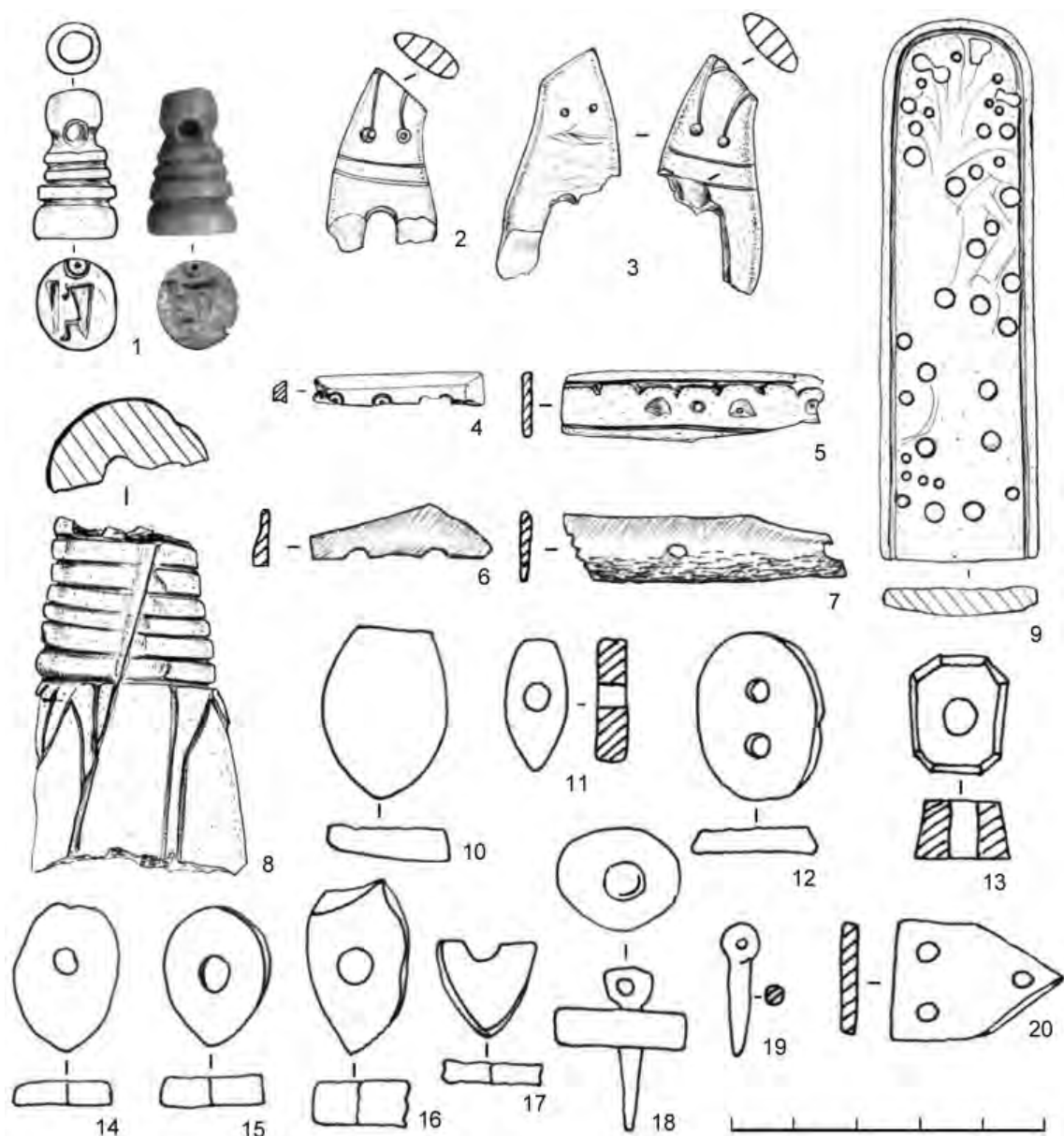

Рис. 35. Изделия из кости (1-20): печать-матрица (1), фрагменты петель для подвешивания налучья или колчана (2, 3), накладки (4-7), накладка (щиток для предохранения пальцев при стрельбе из лука (?)) (9), фрагмент рукояти (8), детали наборных рукоятей (10-20). 1 — 1800-11/Е10-я.124; 2 — 303-11/Е2-я.20; 3 — 931-9/Д3-я.37; 4 — 1081-11/Д3-я.37; 5 — 1307-7/К7-я.93; 6 — 1365-7/К8-я.93; 7 — 1079-9/В3-я.37; 8 — 1242-7/И17; 9 — 3140-7/И4-я.61; 10 — 732-12/Д7-59-Б; 11 — 2531-14/Е5-я.76; 12 — 2716-9/Д4-я.76; 13 — 702-9/Д1-я.76; 14 — 2734-7/Д5-я.76; 15 — 2865-11/Ж5-я.76; 16 — 1450-7/318; 17 — 1659-10/Н10-я.110; 18 — 1244-7/И17; 19 — 1373-12/И18-я.96; 20 — 2299-6/Ж5-я.165

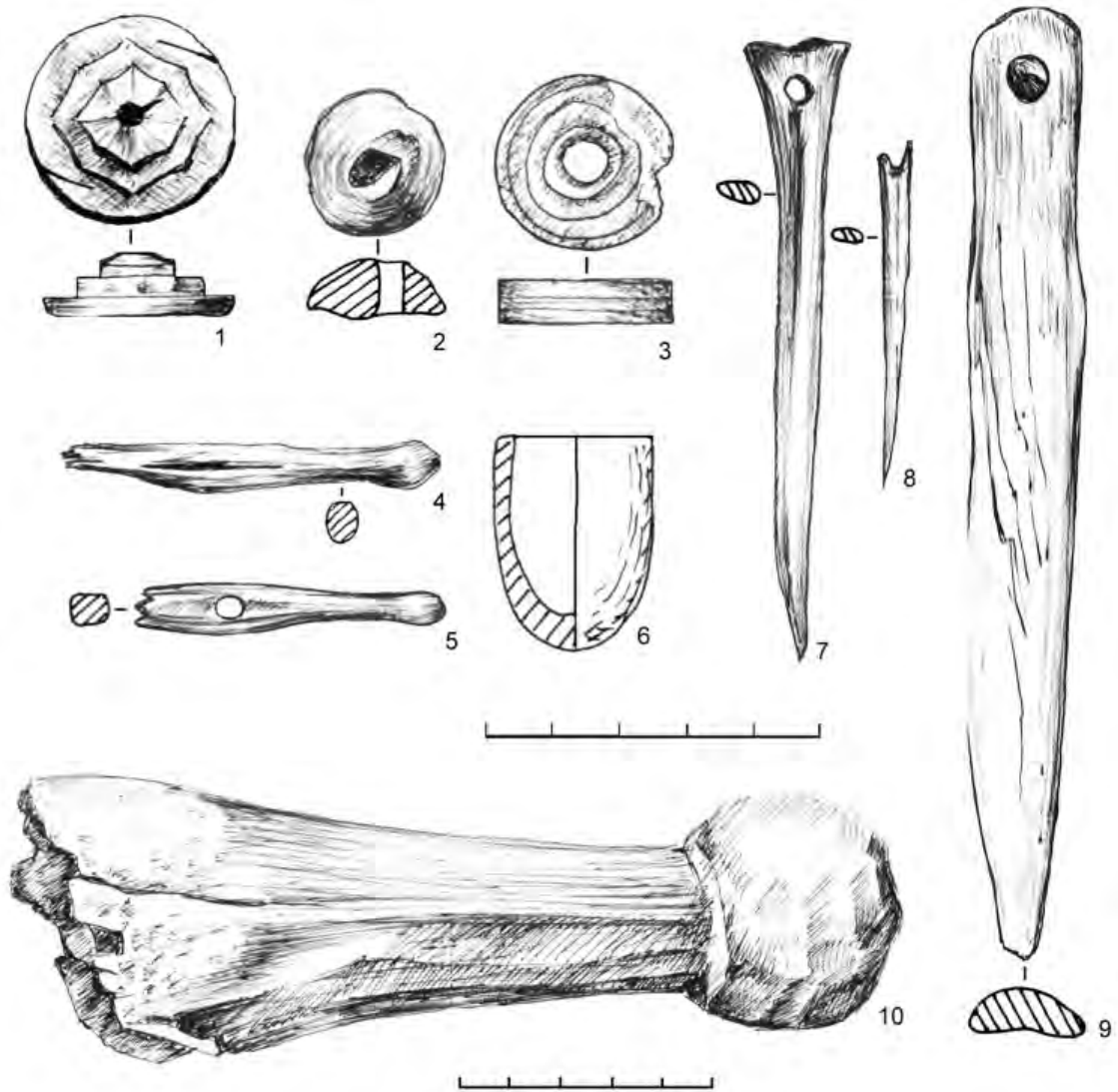

Рис. 36. Изделия из кости. 1 — 73-5/Н3; 2 — 940-8/Д3-я.37; 3 — 17346-10/Н9-я.110; 4 — 900-10/Д2-я.37; 5 — 740-9/Г1-я.37; 6 — 1328-13/К17-я.88; 7 — 809-9/Д1-я.37; 8 — 117-7/К3-я.25; 9 — 1291-9/К7-я.87; 10 — 1710-10/К9-я.93

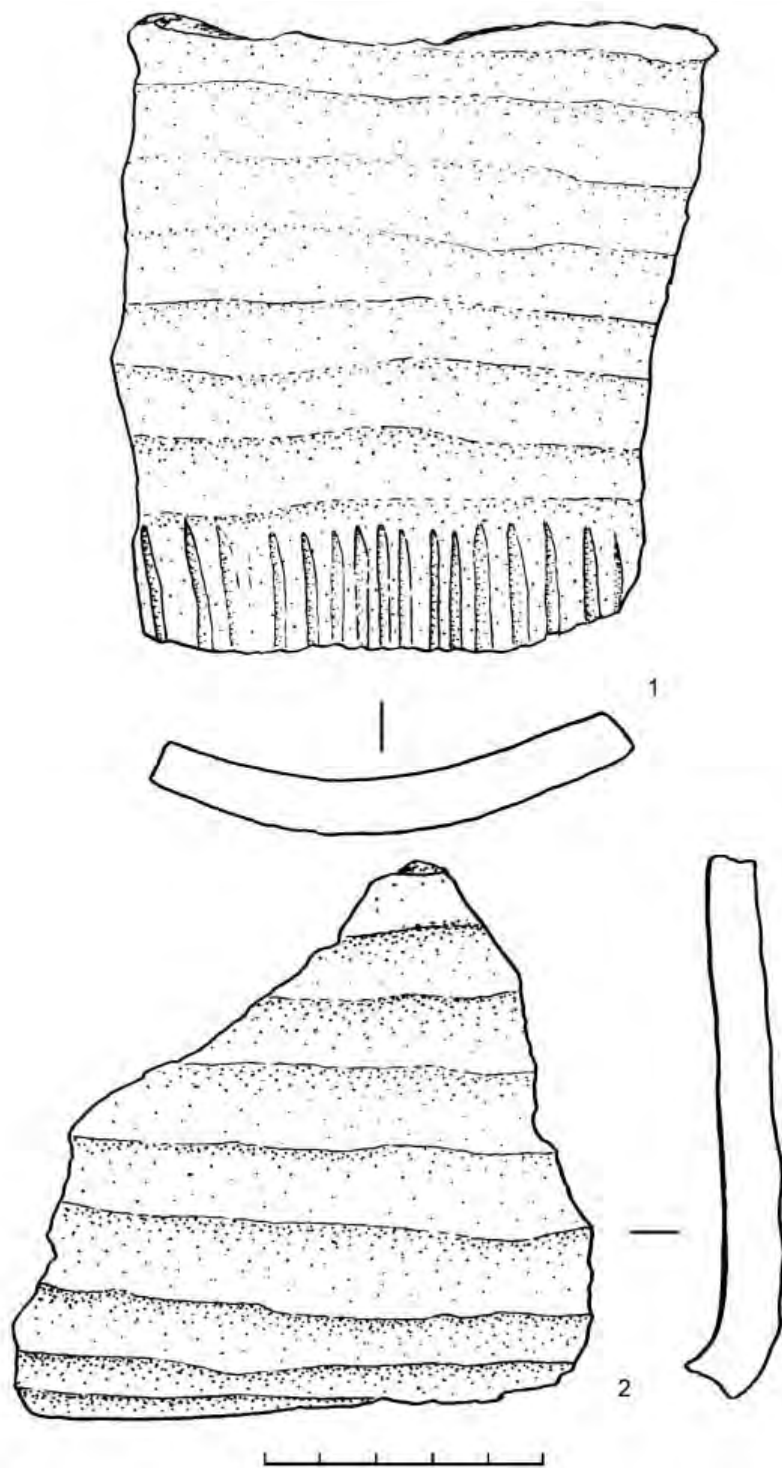

Рис. 37. Фрагменты каменных котлов. 1 — 3091-Ж5-я.87; 2 — 3090-Е5-я.76

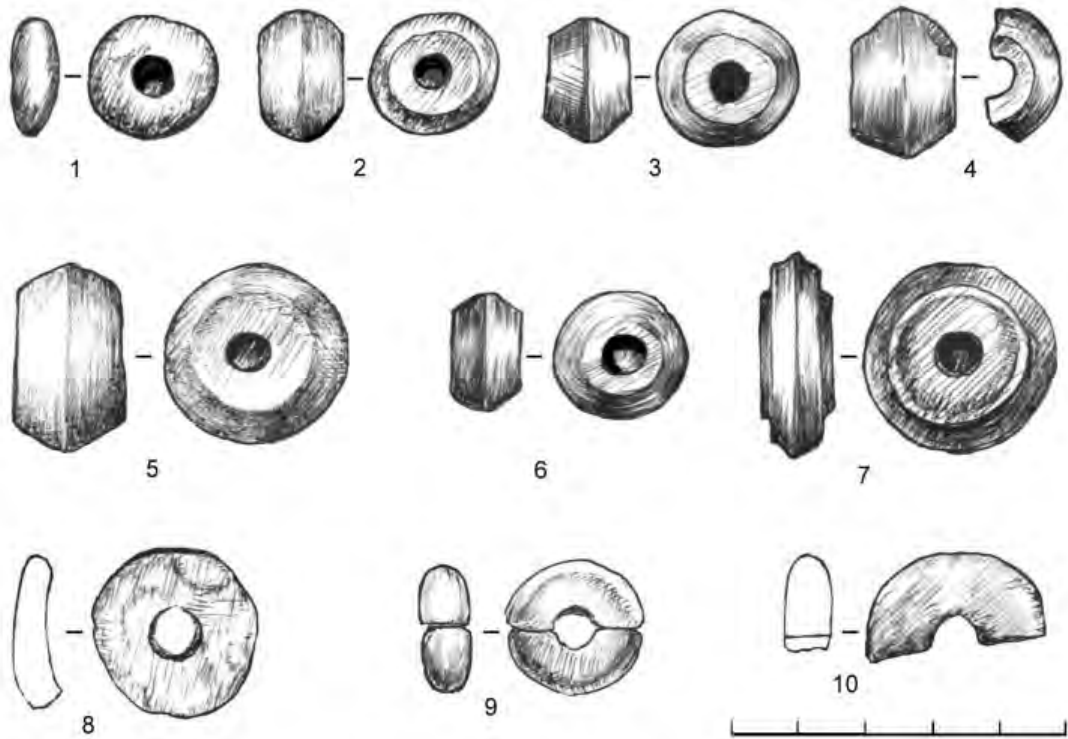

Рис. 38. Пряслица глиняные и каменные: с желто-зеленой поливой (1), с желтой поливой (2-4), сероглиняное (5), красоглиняное с подлощением (6), морёное с подлощением (7), из стенки белоглиняного сосуда (8), из аргиллита (9, 10). 1 — 1924-5/К5; 2 — 1717-4/В5; 3 — 221-5/В6; 4 — 1126-9/И7-я.87; 5 — 1830-5/М5; 6 — 577-9/О6-я.49; 7 — 1920-5/М4; 8 — 32-5/Ж2; 9 — 1817-5/М5; 10 — 2470-11/Е5-я.76

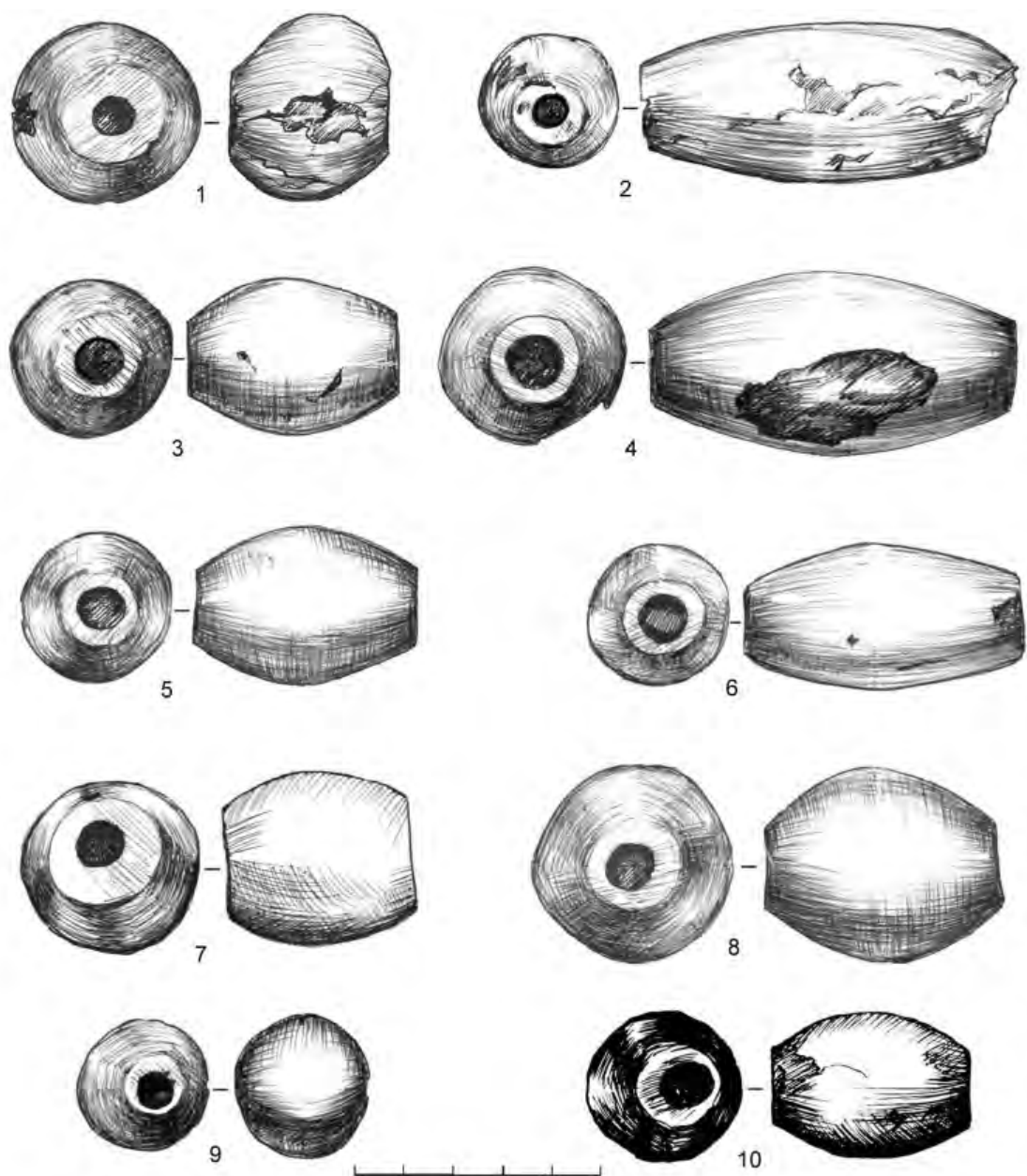

Рис. 39. Грузила глиняные: сероглиняные (1, 2), белоглиняные (3, 4), белоглиняное подлощёное (5), красноглиняные (6, 9), красноглиняное лощёное (7), красноглиняное с белым ангобом (8), морёное (10). 1 — 1410-12/Л18-я.102; 2 — 435-13/Г2-я.37; 3 — 2071-4/Ж4; 4 — 2141-5/Ж4; 5 — 468-7/Д3-я.18; 6 — 1624-11/Д8-я.59А; 7 — 84-7/Е3-я.18; 8 — 950-8/Н17-я.85; 9 — 1622-11/Д8-я.59А; 10 — 88-7-Е3-я.18

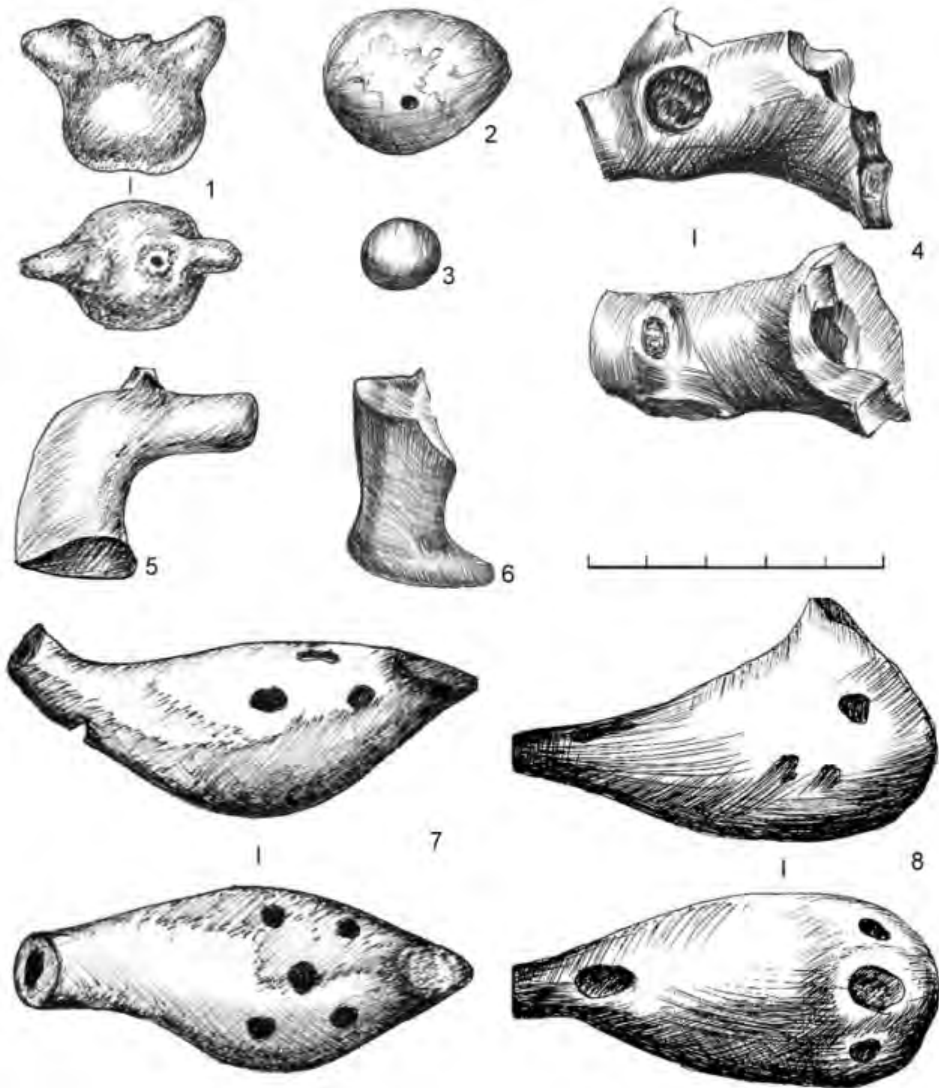

Рис. 40. Глиняные игрушки (1–3, 5–8) и фрагмент водолея (4): сероглиняные (1, 3, 4), поливная (2), красноглиняная (7), красноглиняные ангобированные (5, 8), морёная с лощением (6). 1 — 1889–5/М5; 2 — 1199–9/И7-я.87; 3 — 1343–6/36-я.73; 4 — 86–7/Е3-я.18; 5 — 2194–4/Д4; 6 — 562–8/Д1-я.33; 7 — 81–7/Е3-я.18; 8 — 87–7/Е3-я.18

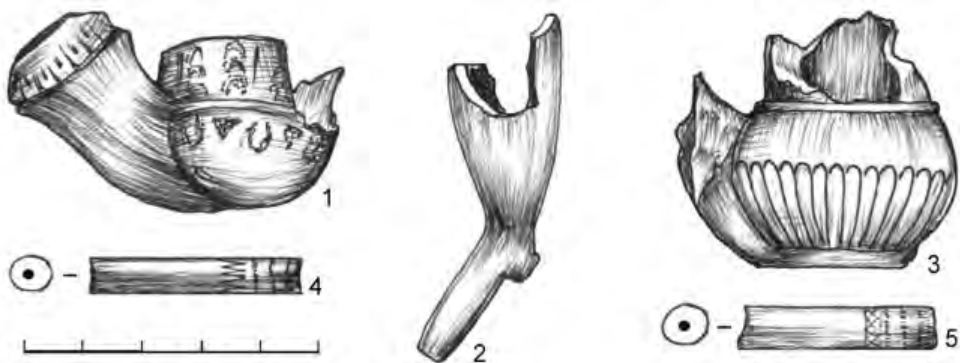

Рис. 41. Белоглиняные курительные трубки и мундштуки. 1 — 407–6/А7; 2 — 59–4/М3; 3 — 170–6/А7; 4 — 1895–5/М4; 5 — 2124–5/Ж5

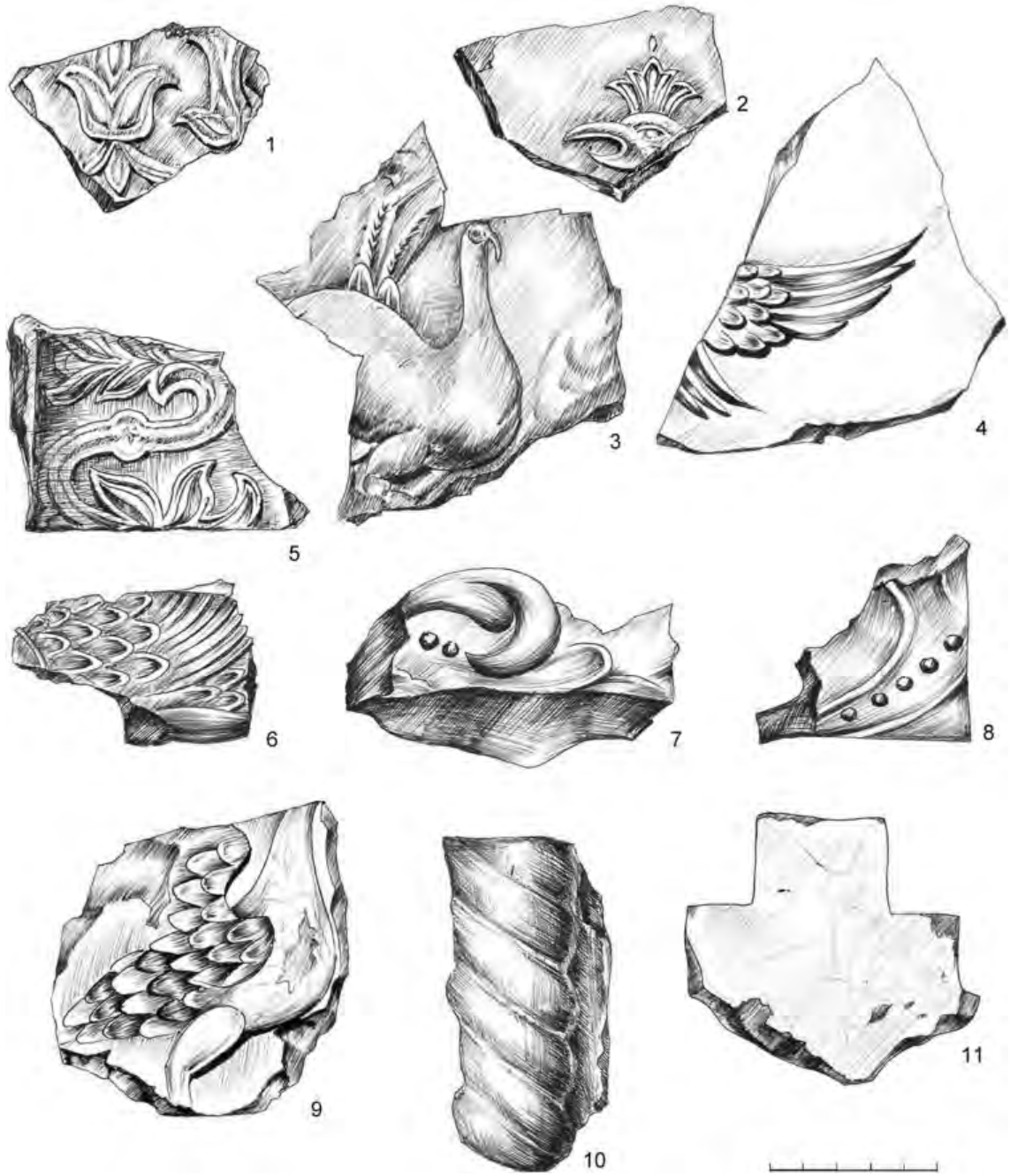

Рис. 42. Изразцы: красноглиняные рельефные (1–8), поливные (9, 10), лемех поливной (11).
 1 — 1833–5/М4; 2 — 1998–4/Е5; 3 — 1834–5/М4; 4 — 44-балластный слой;
 5 — 3123–8/Е5-я.76; 6 — 322–6/Л2; 7 — 45-балластный слой; 8 — 49-балластный слой;
 9 — 51–6/Ж2; 10 — 1938–5/М3; 11 — 52–6/Е1

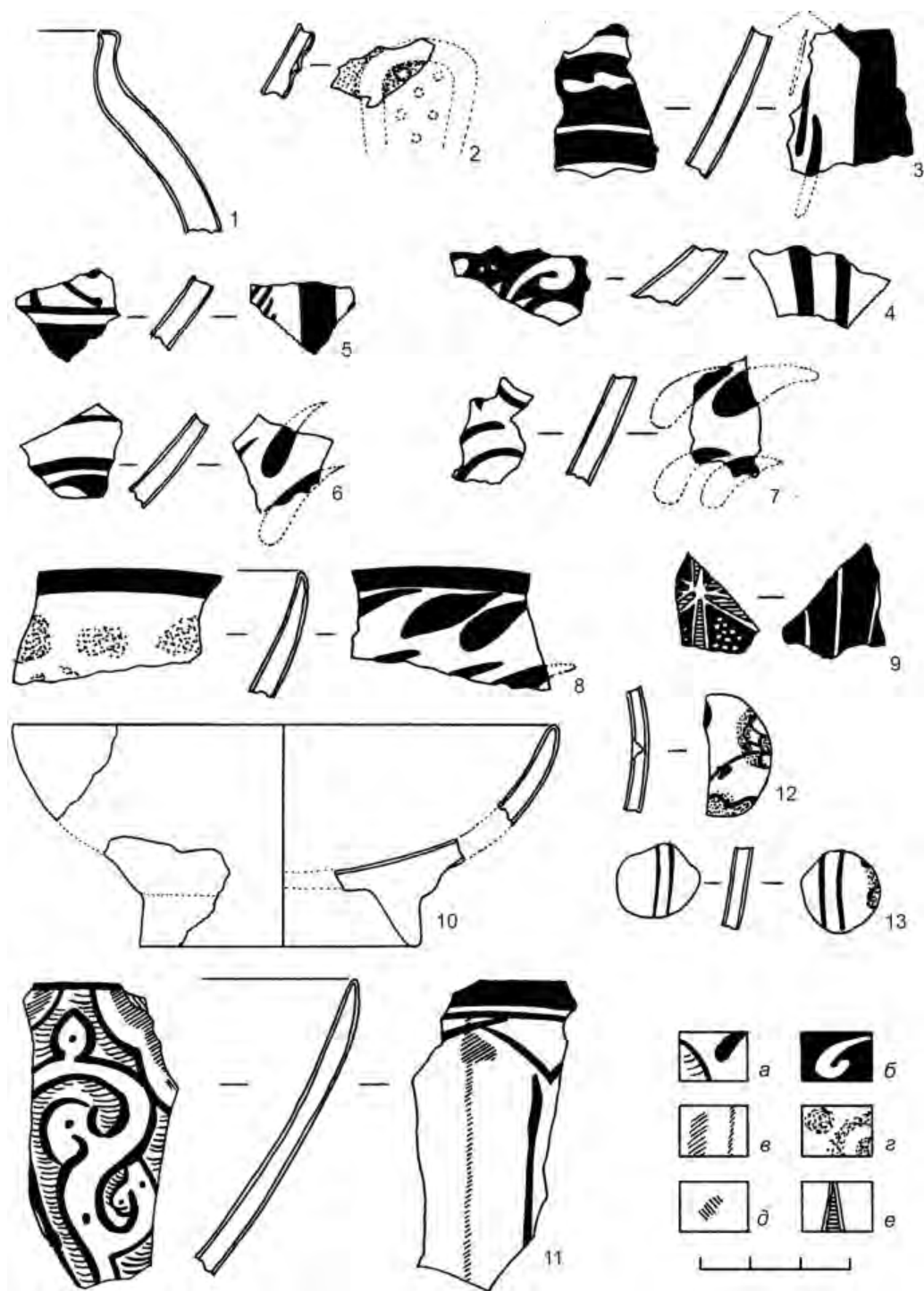

Рис. 43. Восточные фаянсы (1-5) и полуфаянсы (6-13): а — люстровая роспись (5-8), ультрамариновая глазурь (9), черная и зеленая краски (11-13); б — люстровая роспись «в резерве» (3, 4); в — синяя краска (11); г — углубленный фон рельефного декора (2), следы люстровой росписи (8), бледно-синяя подцветка (12, 13); д — бирюзовая краска (11); е — золотая фольга в красных контурах (9). 1 — 632-8/Г1-я.37+655-9/Г2-я.37+ 3058-8/?-я.37; 2 — 598-8/Д2-я.20; 3 — 665-9/Н6-я.50; 4 — 1620-8/Н6-я.110; 5 — 2699-8/Д4-я.76; 6 — 836-10/Н6-я.50; 7 — 2775-9/П-я.37; 8 — 1276-10/П-я.37; 9 — 2899-6/Д2-я.37; 10 — 2420-10/Е5-я.76; 11 — 886-10/Д2-я.37; 12 — 481-9/Д7-я.59-А; 13 — 522-10/Г7-я.59-А

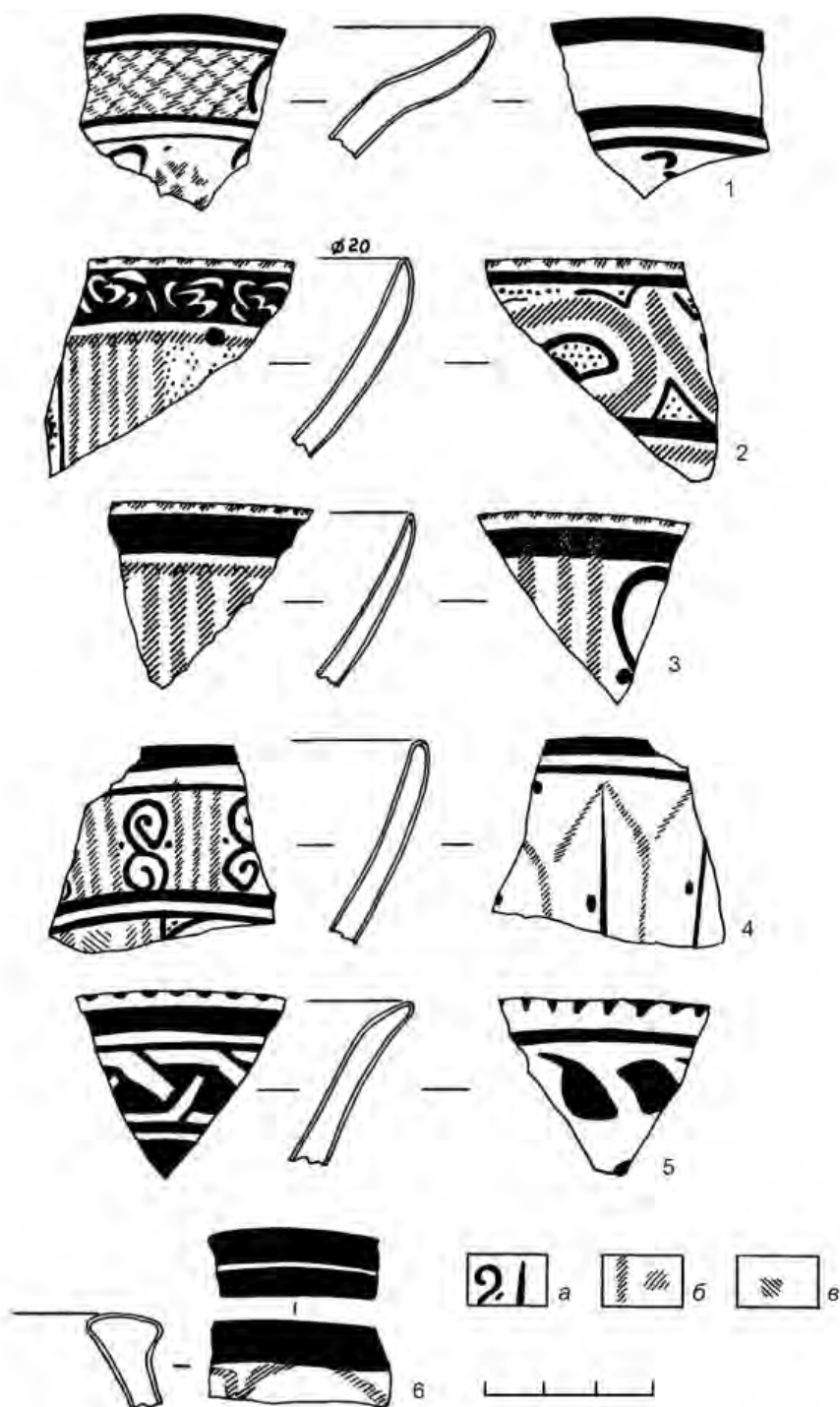

Рис. 44. Восточные полуфаянсы с бесцветной (1-4) и бирюзовой (5, 6) глазурью:
 а — черная и зеленая краски; б — синяя краска; в — бирюзовая краска.
 1 — 1545-10/Г8-я.59-Б; 2 — 2773-9/Д4-я. 76; 3 — 1314-8/М7-я.89; 4 — 2359-8/Е5-я.76;
 5 — 635-9/Г2-я.37; 6 — 1290-10/И18-я.96

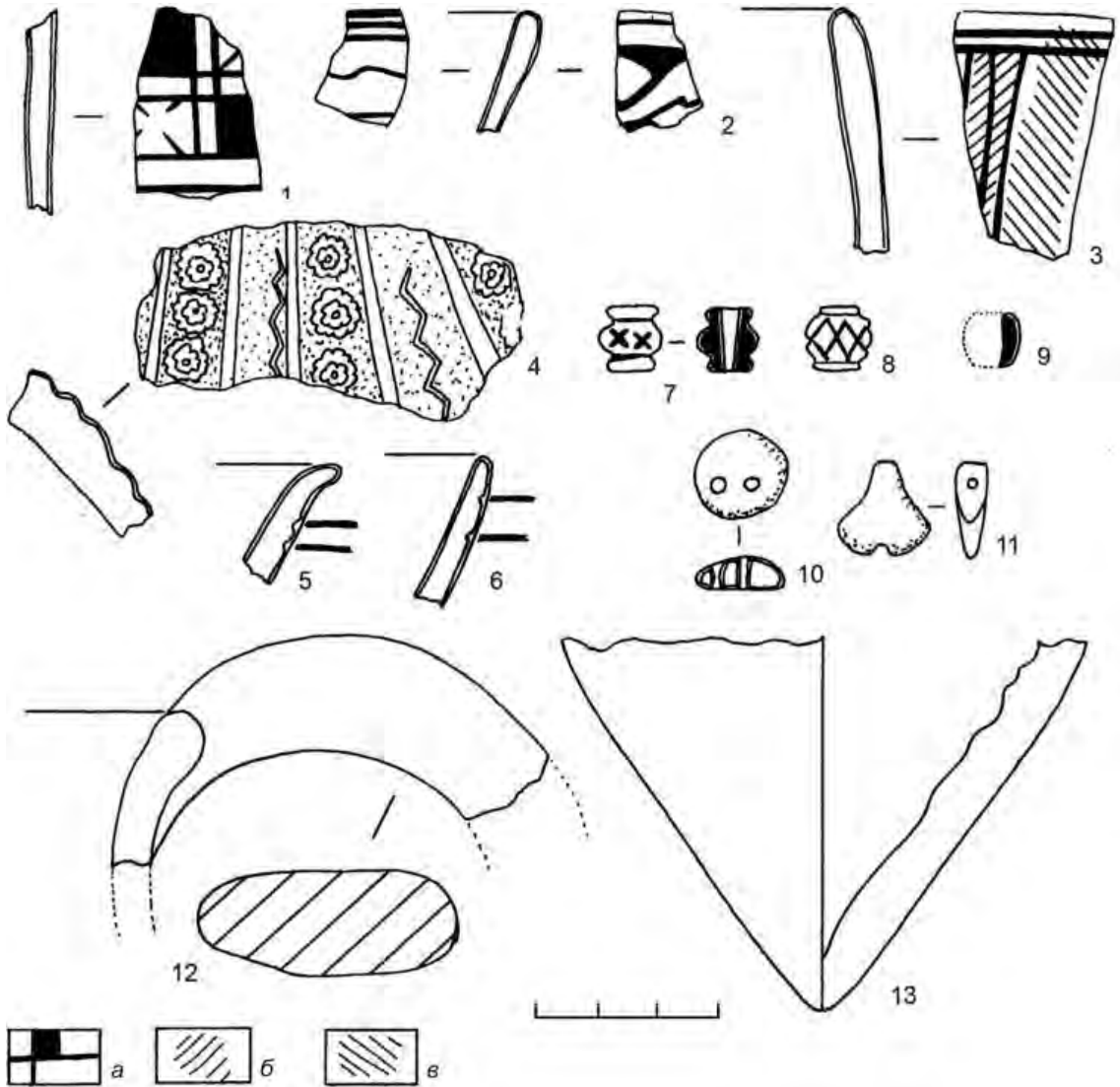

Рис. 45. Причерноморская полумайолика (1-6), кашинные бусы (7-9), пуговица (10) и подвеска (11), обломок красноглиняных кувшина (12) и сфероконуса (13).
 1 — 1478-10/Г8-я.59-В; 2 — 2412-10/Е5-я.76; 3 — 2462-12/Е5-я.76; 4 — 2100-4/Д5;
 5 — 764-9/Е7-я.59-Б; 6 — 3056-8/?-я.37; 7 — 389-8/О6-я.48; 8 — 550-10/О6-я.49;
 9 — 2856-8/Д5-я.76; 10 — 840-11/Н6-я.50; 11 — 2850-8/Д5-я.76; 12 — 2850-8/Д5-я.76;
 13 — я.86 (а — орнамент «сграффито» и участки с соскобленным ангобом; б — пурпурно-коричневая подцветка; в — желтая подцветка)

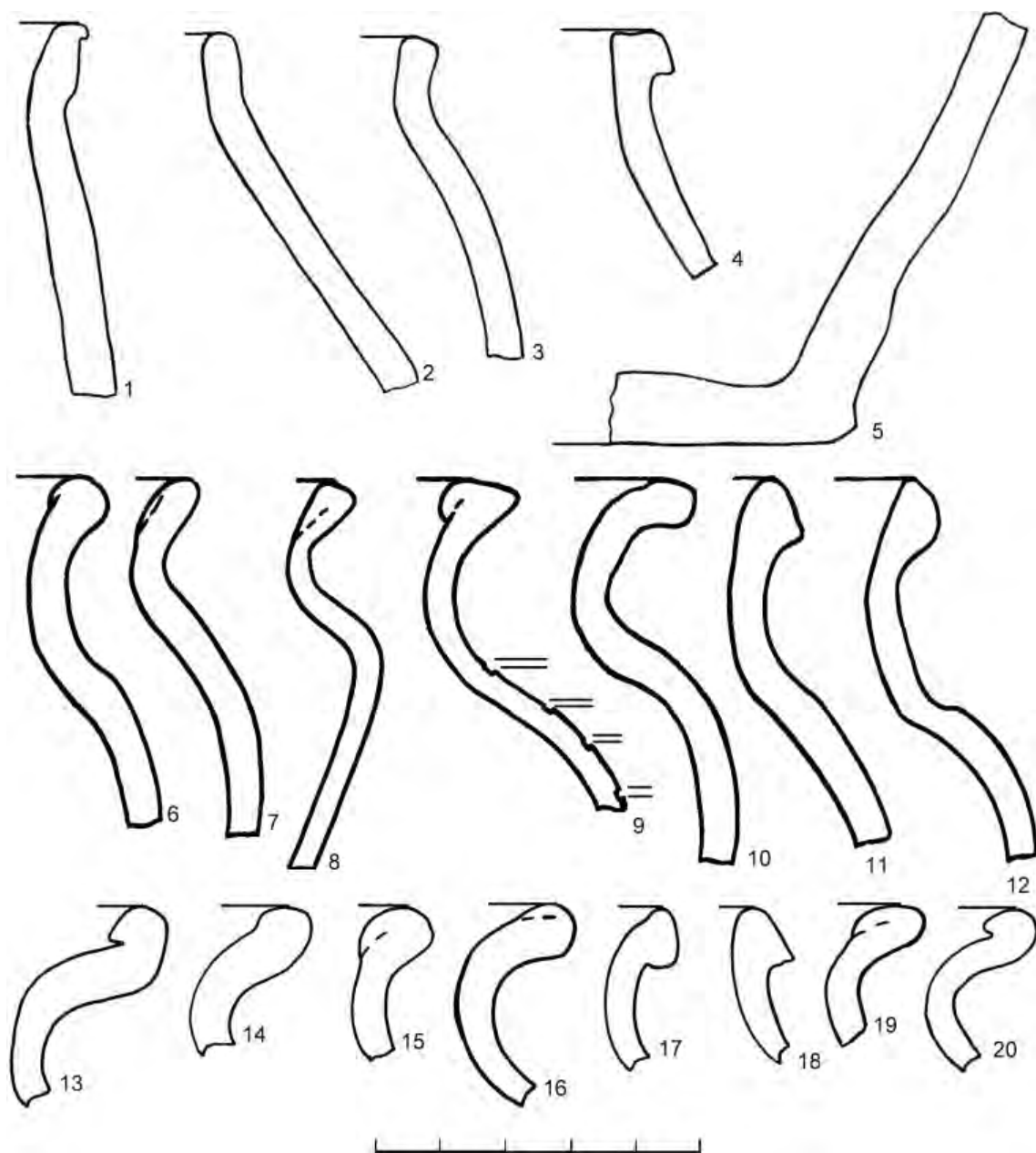

Рис. 46. Керамика группы I — лепная мордовская (1-5) и подгруппы II-1 — сероглиняная грубая (6-20): венчики (1-4, 6-20); днище (5). 1 — яма 51; 2 — яма 76; 3, 5 — кв. Г1, пл. 6; 4 — кв. Б7; 6-12 — яма 76, слой 3; 13-15, 20 — яма 85, слой 3; 16, 17, 19 — яма 85, слой 1; 18 — яма 85, слой 2

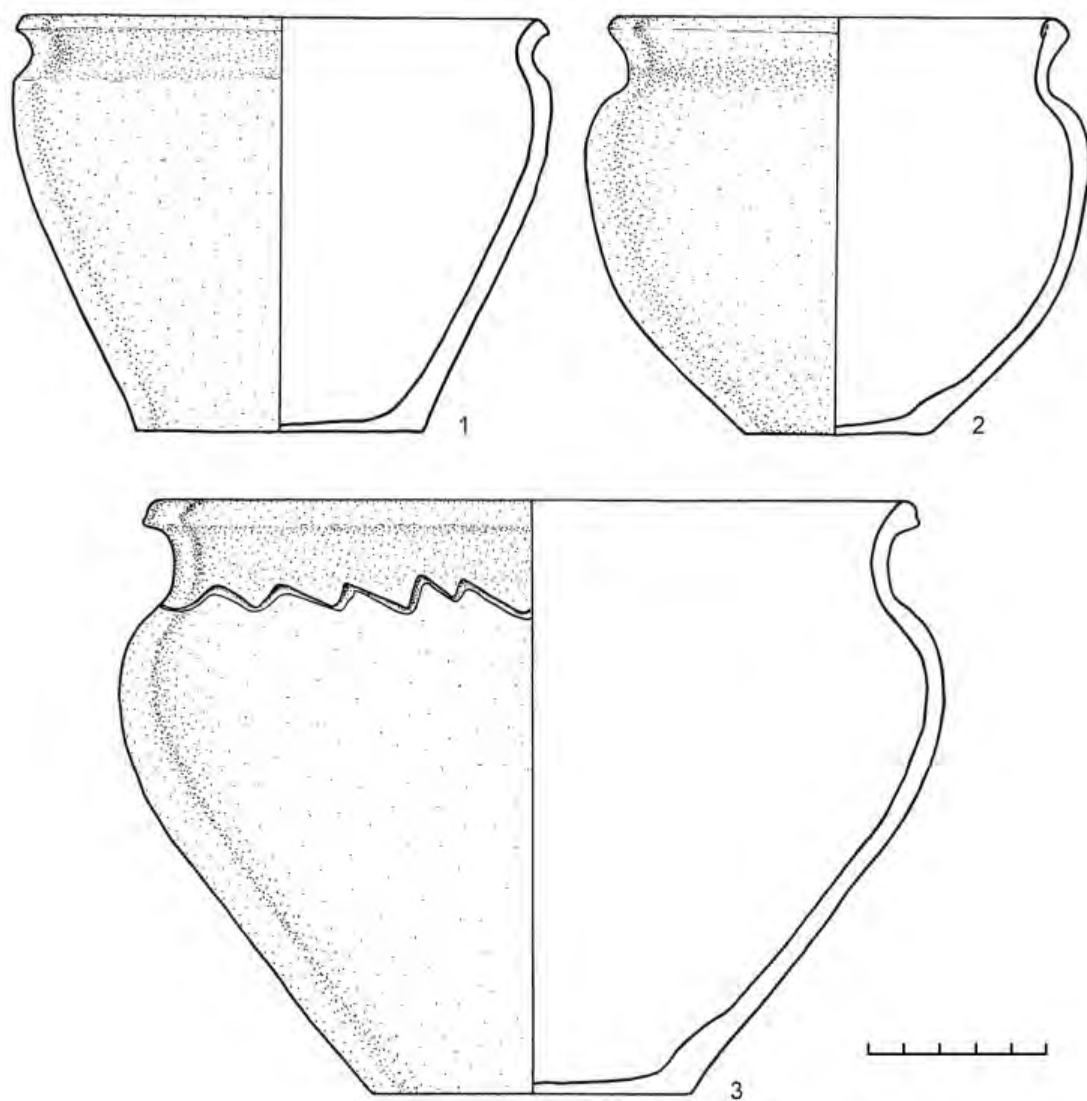

Рис. 47. Керамика подгруппы II-1 — сероглиняная грубая. 1 — яма 20 (№ 3176);
2 — яма 20 (№ 3179); 3 — яма 35 (№ 3181)

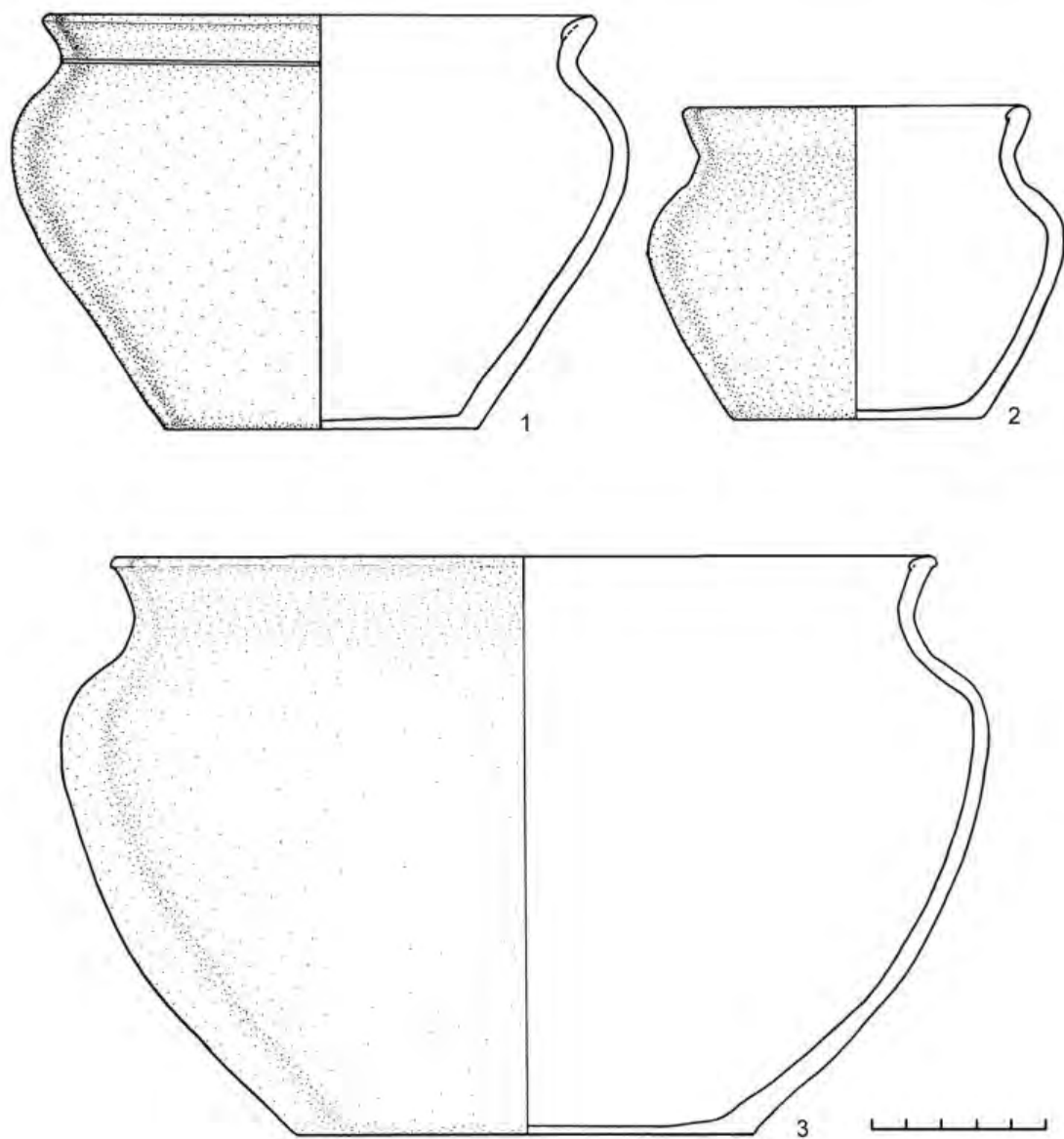

Рис. 48. Керамика подгруппы II-1 — сероглиняная грубая. 1 — яма 86 (№ 3183);
2 — яма 130 (№ 3177); 3 — кв. О4, пл. 4 (№ 3175)

Рис. 49. Керамика подгруппы II-1 — сероглиняная грубая. 1, 7 — яма 37; 2 — яма 53; 3 — яма 37 (№ 3180); 4 — яма 51; 5 — яма 49; 6 — яма 37, слой 2

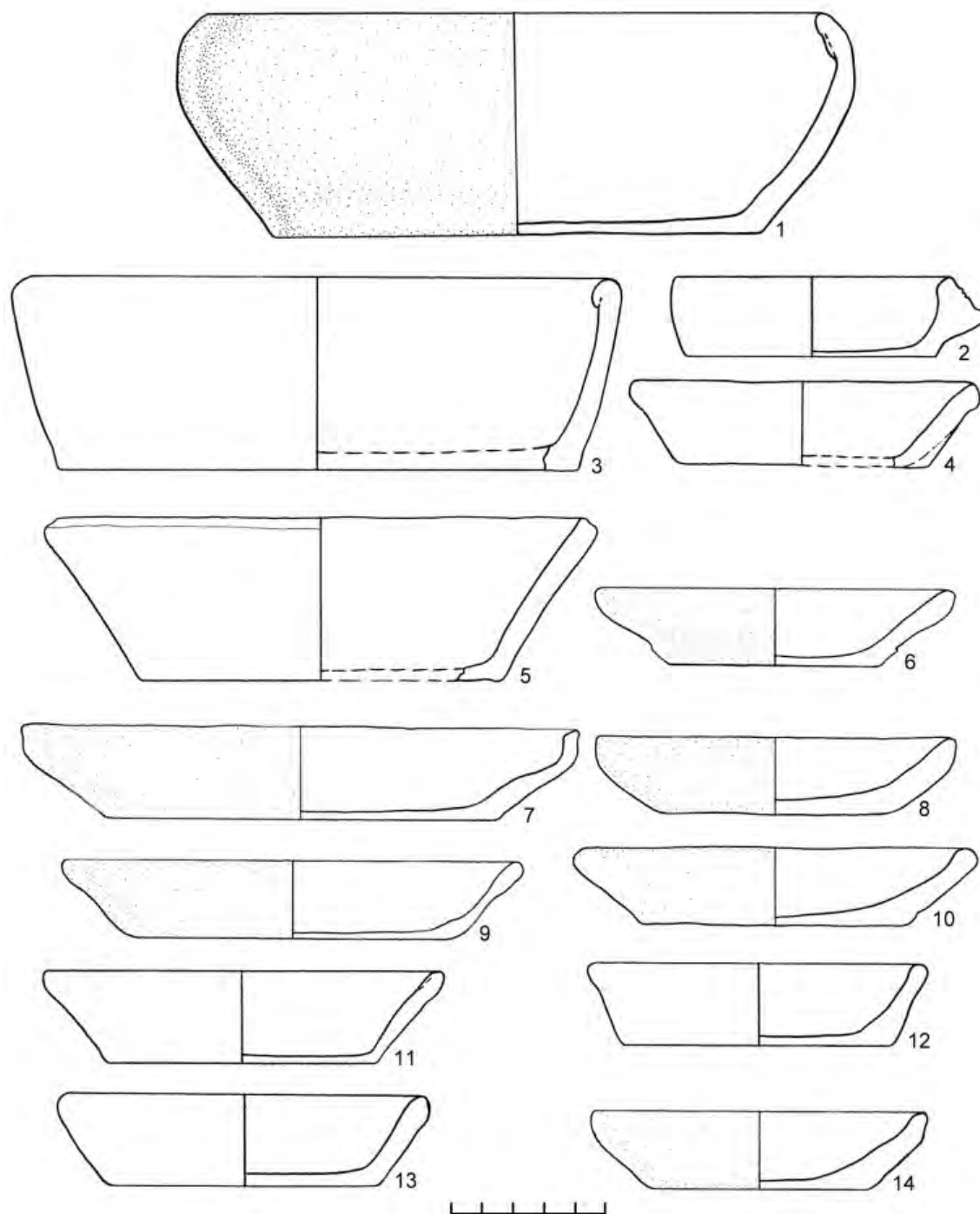

Рис. 50. Керамика подгруппы П-1 — сероглиняная грубая. 1 — яма 51 (№ 3172); 2 — яма 37 (№ 3158); 3 — яма 39 (№ 3146); 4 — кв. А1, пл. 6 (№ 3148); 5 — кв. Г1, пл. 6 (№ 3145); 6 — кв. О1, пл. 4 (№ 3154); 7 — кв. Н5, пл. 5 (№ 3151); 8 — кв. В5, пл. 3 (№ 3150); 9 — кв. Л5, пл. 5 (№ 3152); 10 — яма 76, слой 4 (№ 3149); 11 — кв. А8, пл. 7 (№ 3155); 12 — яма 86, слой 2 (№ 3156); 13 — яма 87, слой 2 (№ 3157); 14 — яма 145 (№ 3153)

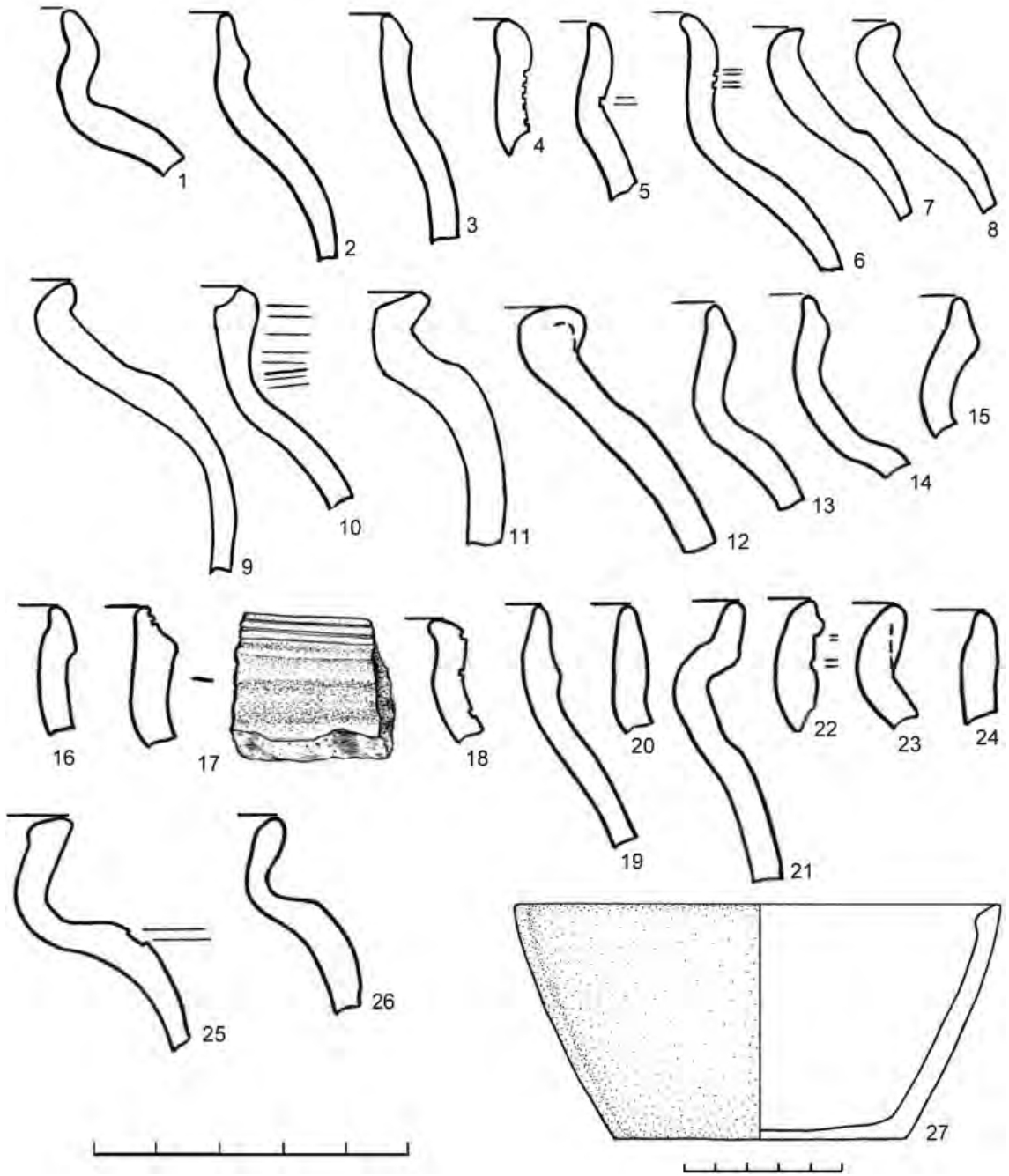

Рис. 51. Керамика подгруппы II-2 — красноглиняная гладкая. 1 — кв. А4, пл. 4; 2 — кв. Б5, пл. 4; 3 — кв. А5, пл. 4; 4 — кв. В4, пл. 4; 5 — кв. Г3, пл. 4; 6 — кв. В3, пл. 4; 7-9 — яма 85, слой 3; 10 — кв. Б7, пл. 3; 11 — кв. О8, пл. 8; 12-26 — яма 25; 27 — яма 59 (№ 3162)

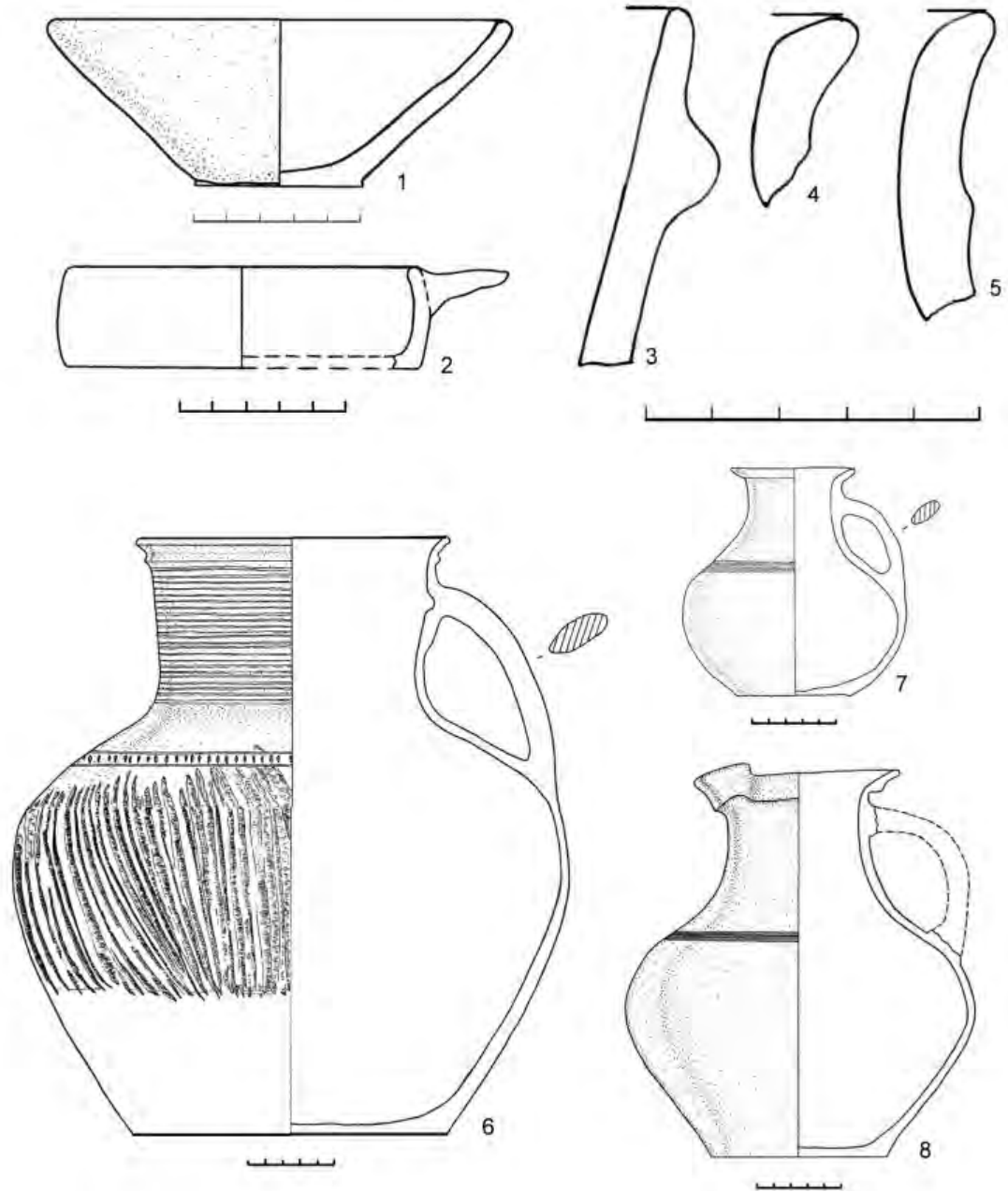

Рис. 52. Керамика подгруппы П-3 — красноглиняная лощёная. 1 — кв. А4, пл. 4 (№ 3170); 2 — кв. Н2, пл. 5 (№ 3147); 3 — кв. В1, пл. 6; 4 — кв. Г1, пл. 6; 5 — кв. Ж2, пл. 5; 6 — яма 94, слой 2 (№ 3189); 7 — яма 35 (№ 3191); 8 — яма 59 (№ 3190)

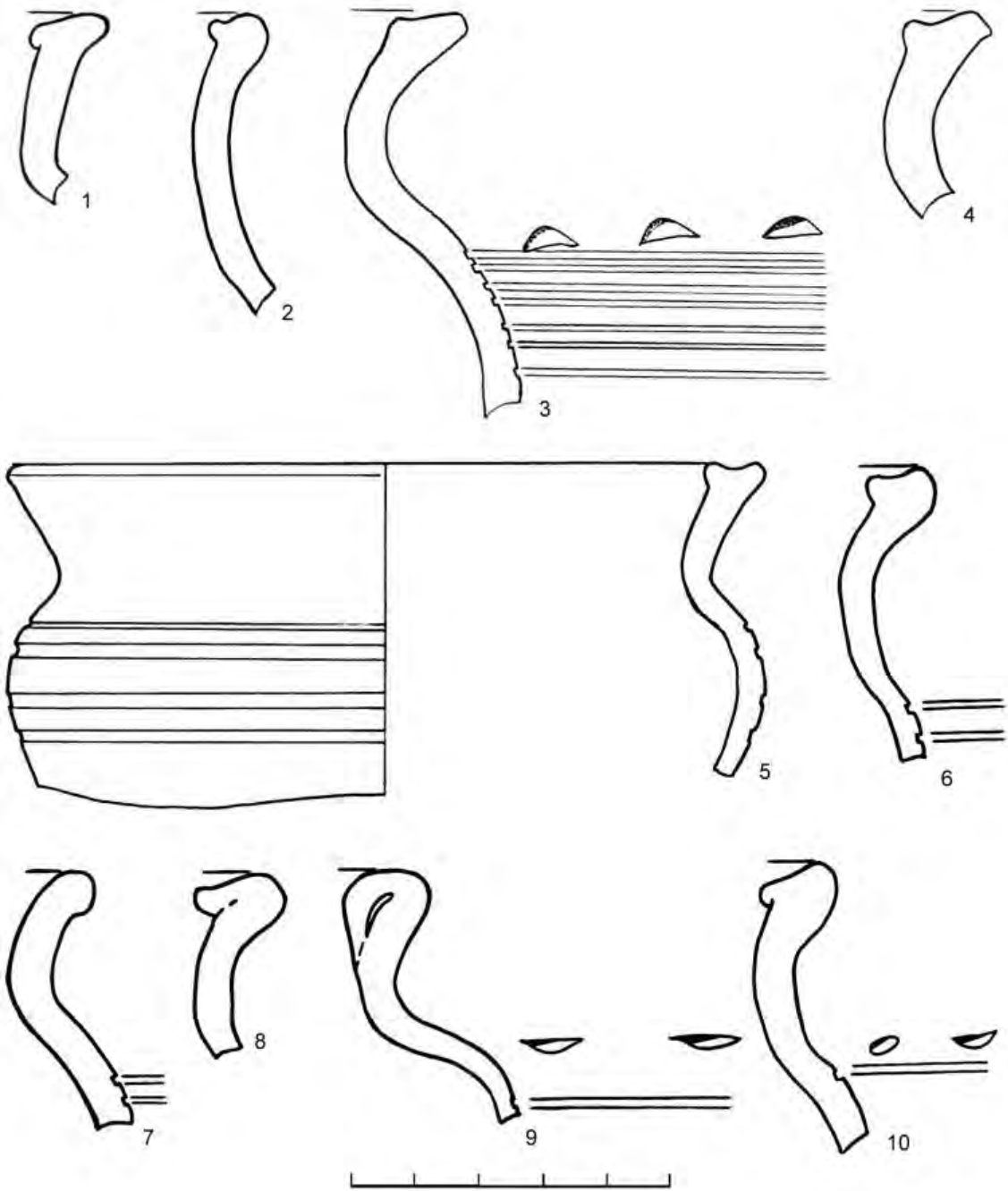

Рис. 53. Керамика подгруппы III-1 — белоглиняная ранняя. 1 — яма 76, слой 2; 2 — кв. Н5, пл. 3; 3 — кв. В1, пл. 8; 4 — яма 37, слой 3; 5 — яма 49; 6-10 — яма 76, слой 3

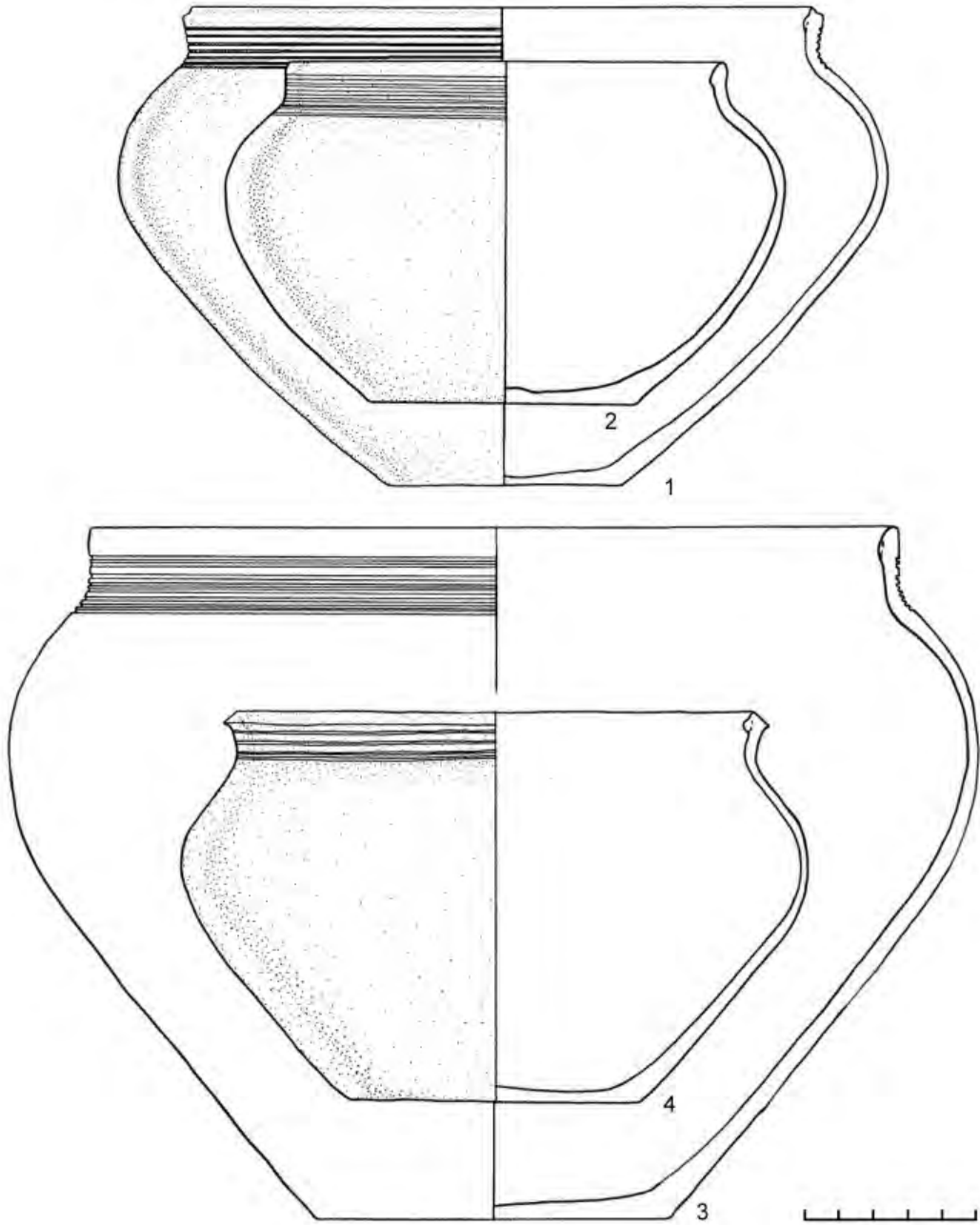

Рис. 54. Керамика подгруппы III-2 — белоглиняная гладкая без примеси. 1-3 — яма 94, слой 2 (№ 3184); 4 — яма 59-Б (№ 3174, 3187, 3160)

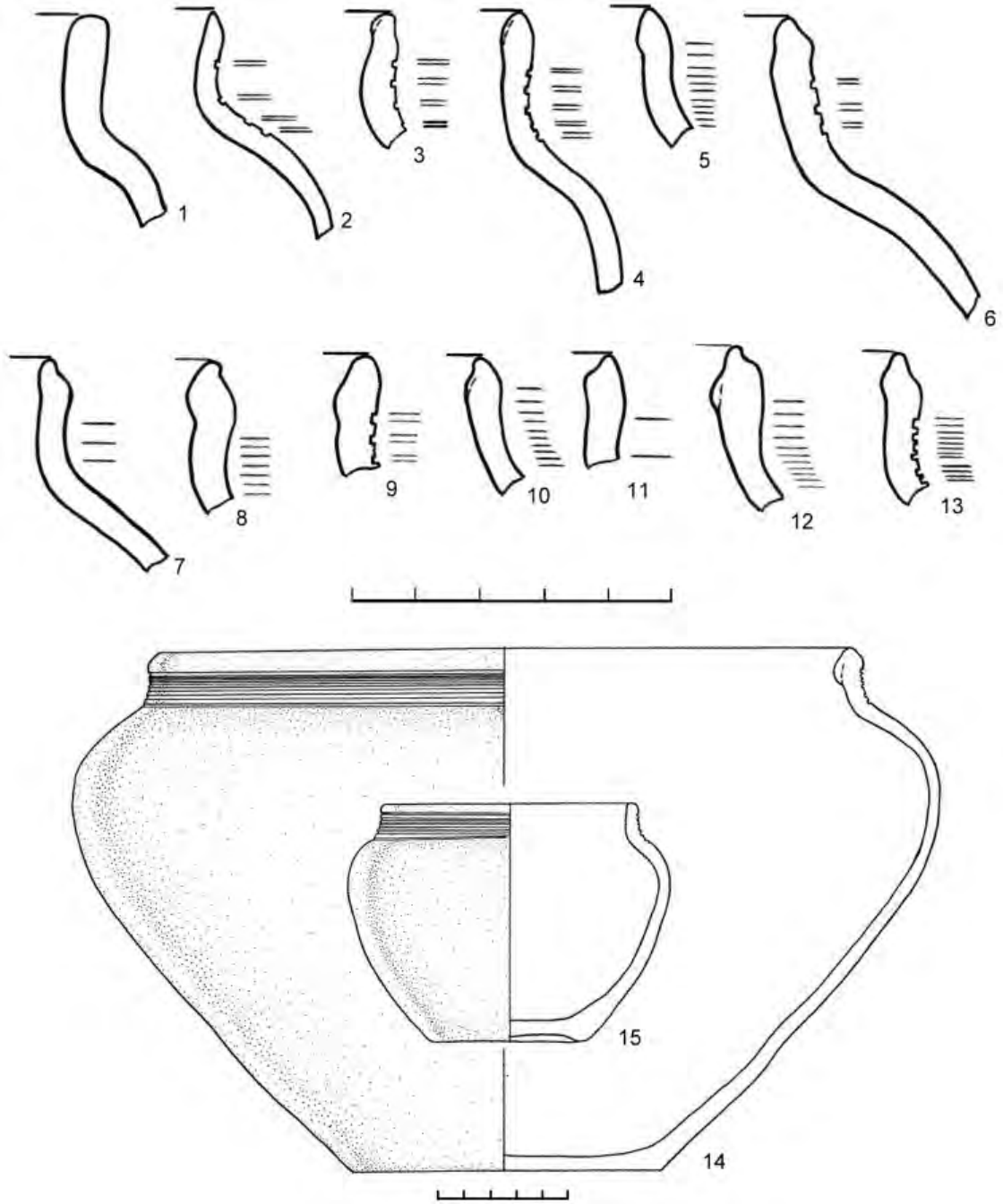

Рис. 55. Керамика подгруппы III-2 — белоглиняная гладкая без примеси. 1-13 — яма 25. Керамика подгруппы III-3 (белоглиняная гладкая с примесью песка). 14 — яма 59-Б (№ 3186); 15 — яма 35 (№ 3173)

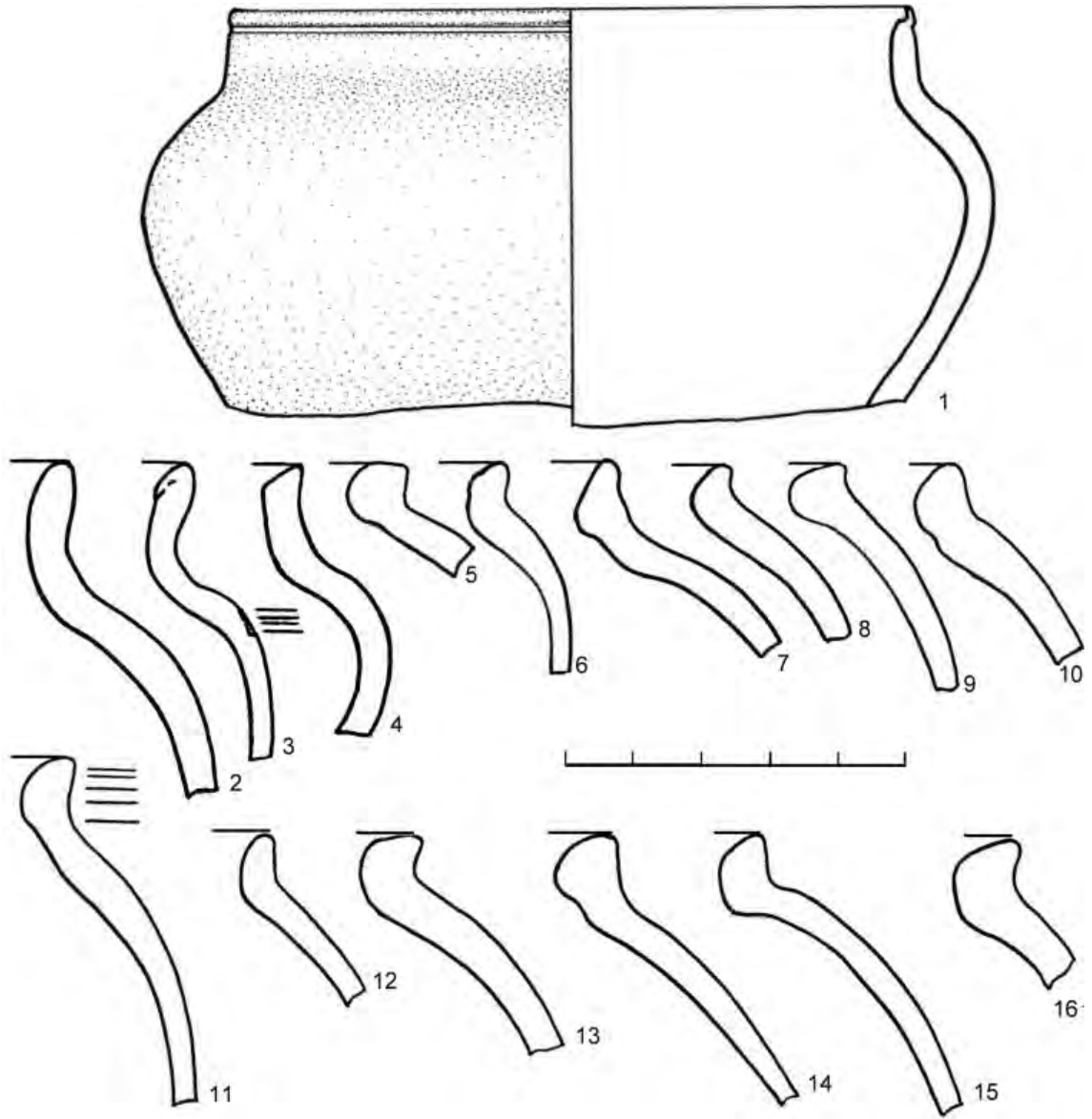

Рис. 56. Ангобированная керамика подгруппы IV-1 — красноглиняная ангобированная (1 — яма 25; 2-4 — яма 59) и подгруппы IV-2 (кирпично-красная с белым ангобом) (5 — кв. А3, пл. 3; 6-11 — кв. Б7, пл. 3; 12, 13 — кв. Е5, пл. 4; 14-16 — кв. В4, пл. 4)

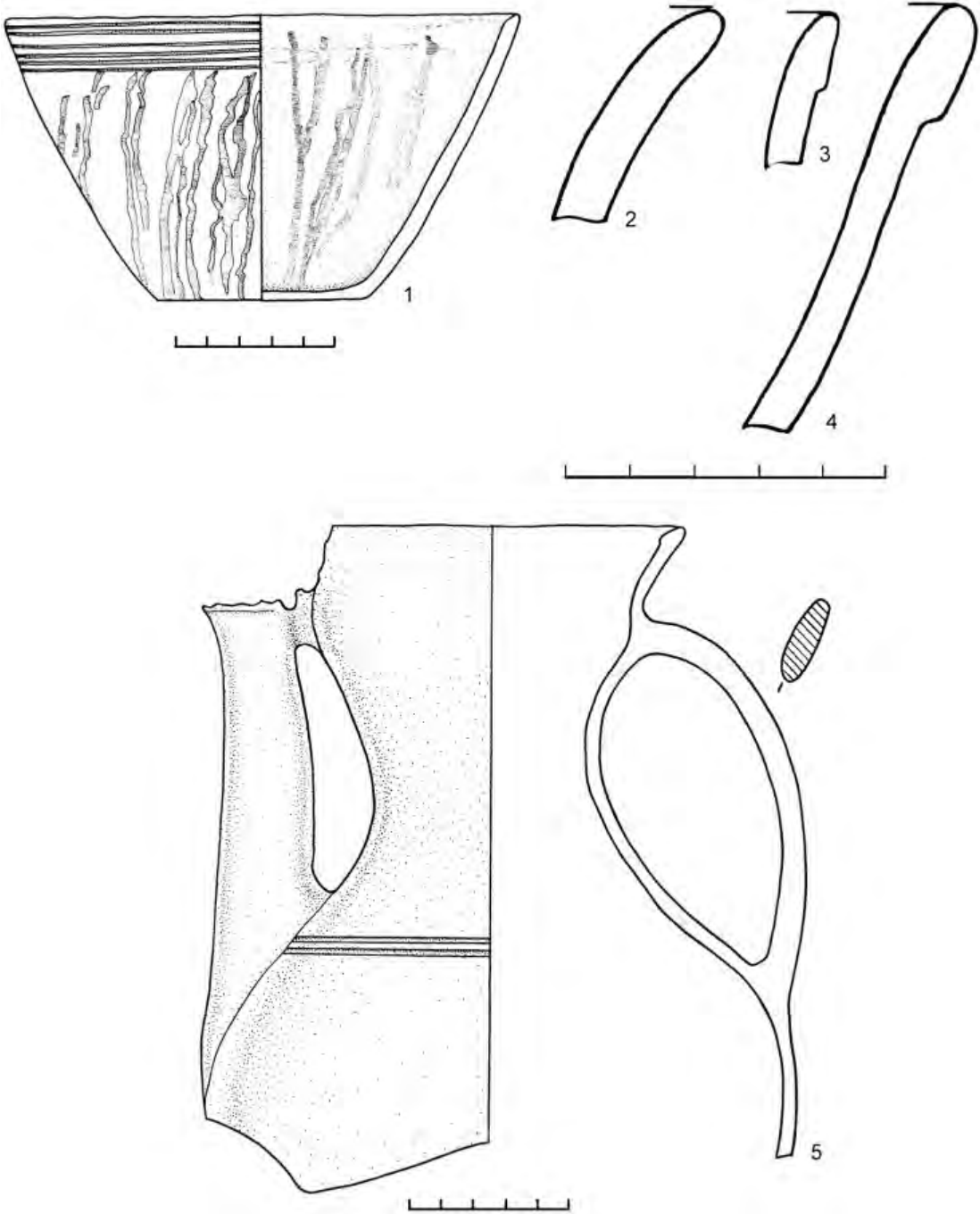

Рис. 57. Керамика подгруппы V-1 — чёрнолощёная керамика со сплошным лощёнием.
 1 — яма 59-А (№ 3159); 2-4 — яма 59; 5 — яма 94, слой 2 (№ 3161)

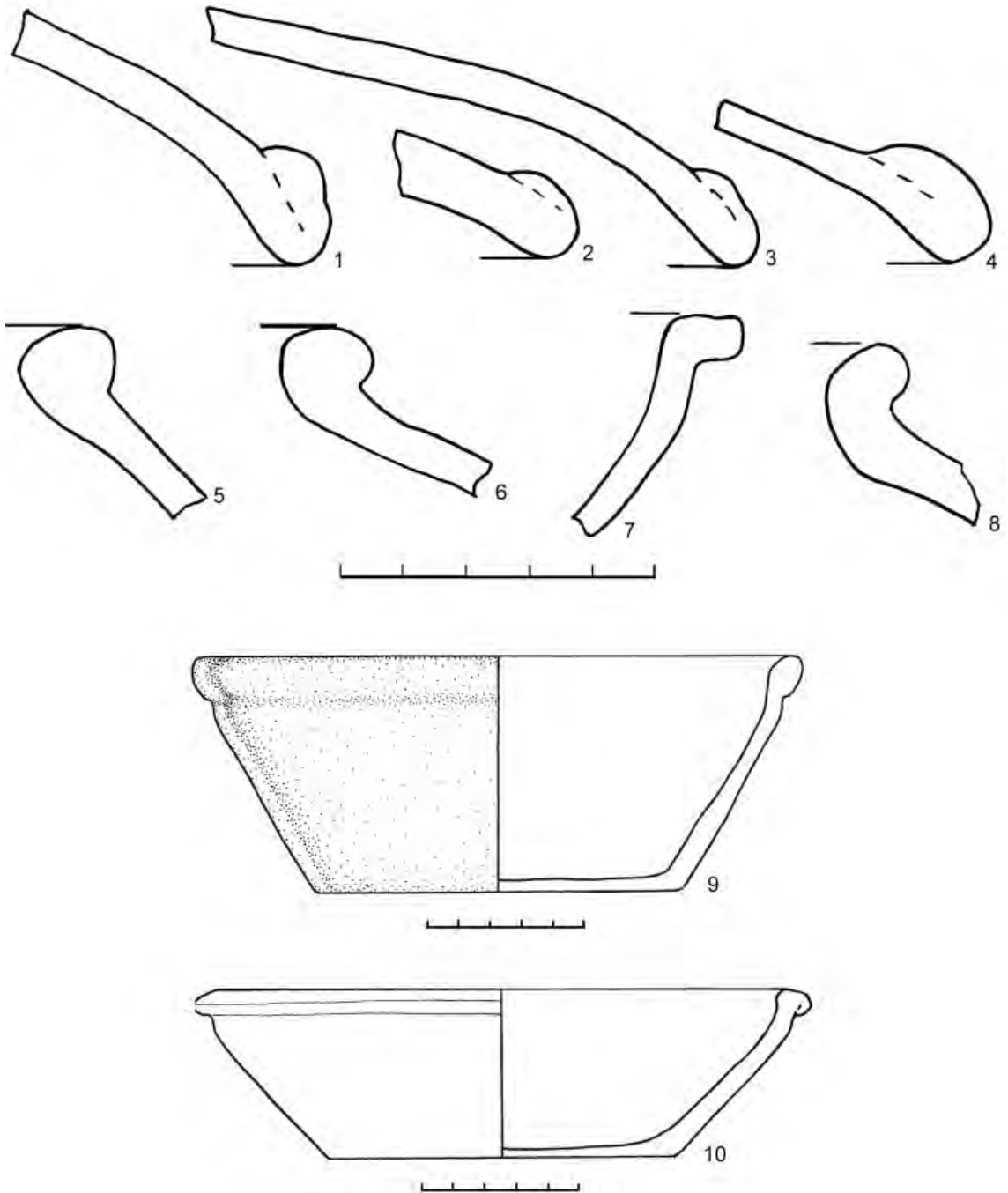

Рис. 58. Керамика подгруппы V-2 — чёрнолощёная керамика с разреженным полосчатым лощением: фрагменты крышек (1-4); венчики (5-8); миски (9, 10). 1, 3, 5-7, 10 — яма 17; 2 — кв. В4, пл. 4; 4, 8 — кв. Е5, пл. 4; 9 — яма 164 (№ 3171); 10 — яма 17 (№ 3163)

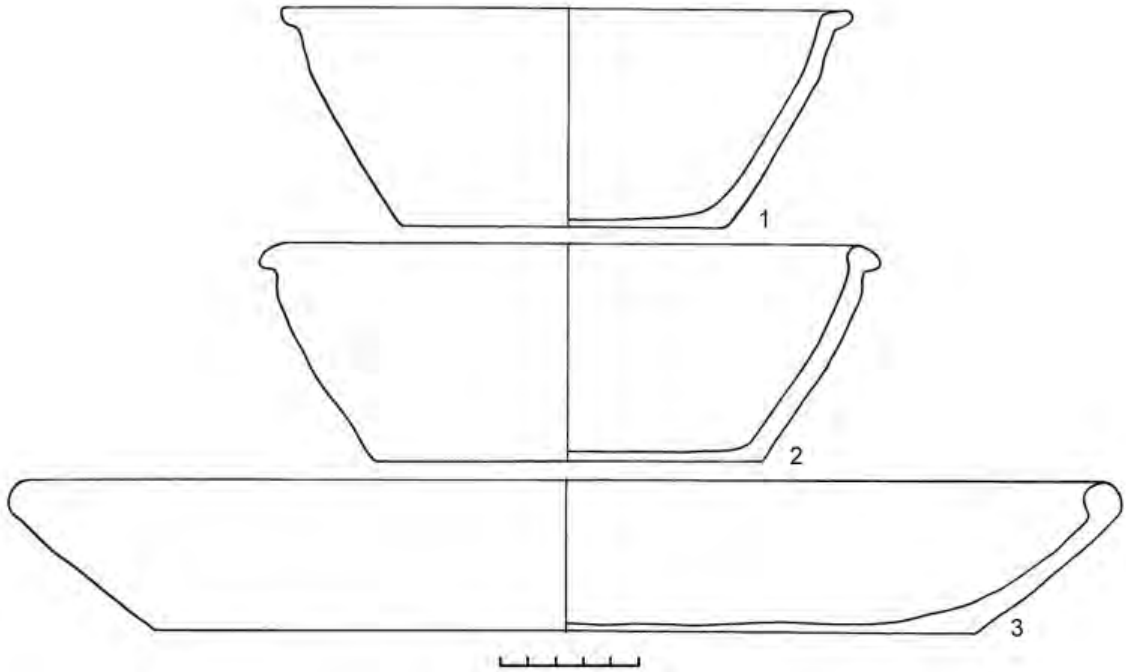

Рис. 59. Керамика подгруппы V-2 — чёрнолощёная керамика с разреженным полосчатым лощением. 1 — яма 18 (№ 3166); 2 — кв. В4, пл. 5 (№ 3167); 3 — яма 164 (№ 3168)

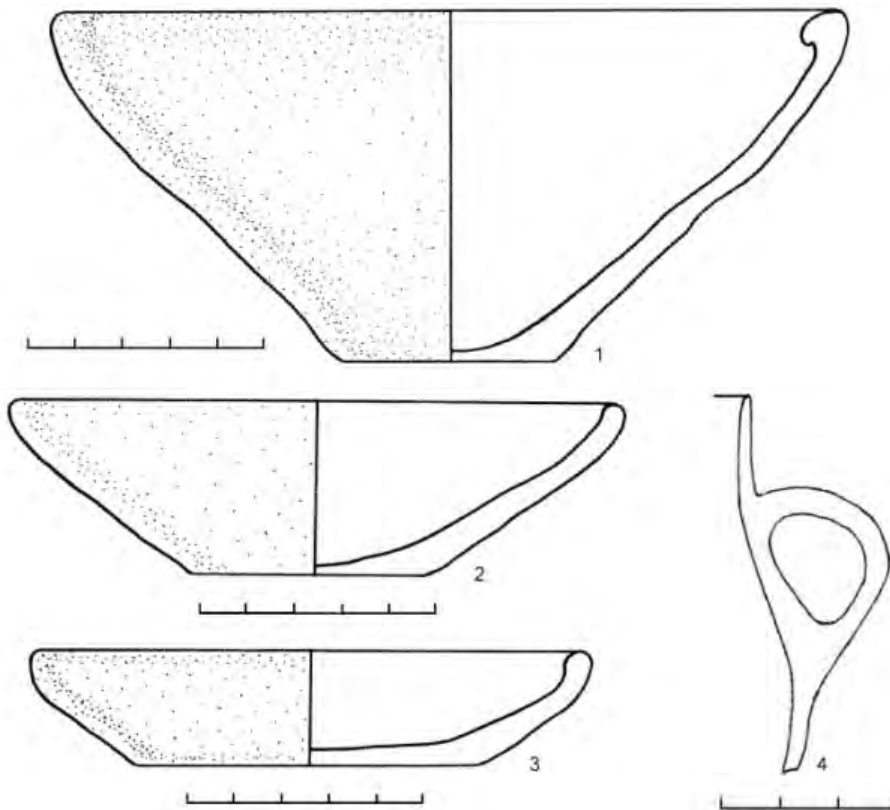

Рис. 60. Керамика подгруппы V-3 — морёная (1-3) и подгруппы VI-3 — белоглиняная с прозрачной зелёной поливой (4). 1 — яма 164 (№ 3169); 2 — яма 17 (№ 3164); 3 — кв. А7, пл. 3 (№ 3165); 4 — кв. Д6, пл. 8

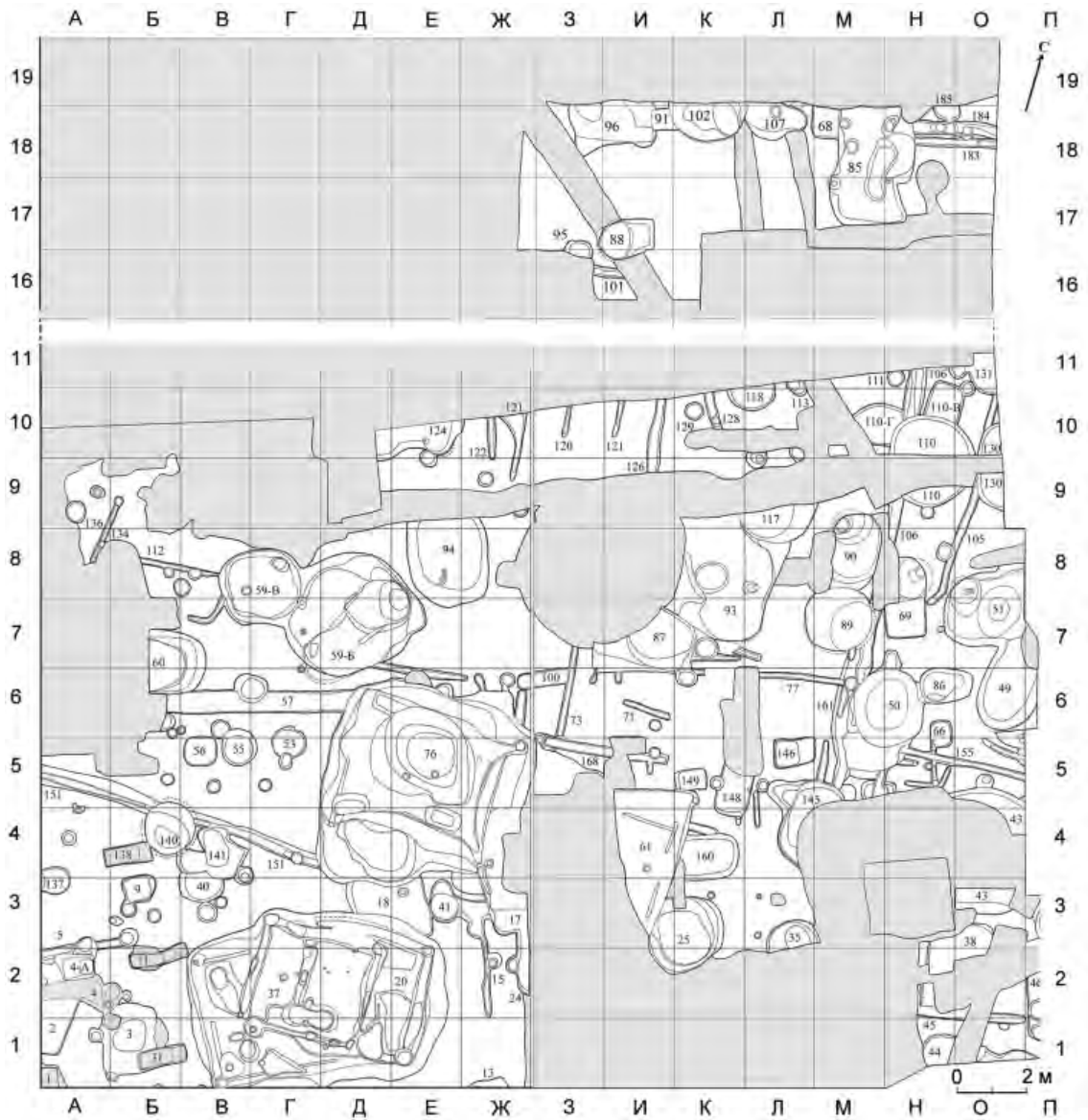

Рис. 61. Нижегородский кремль. Раскоп 2001–2002 гг. Сводный план материковых ям

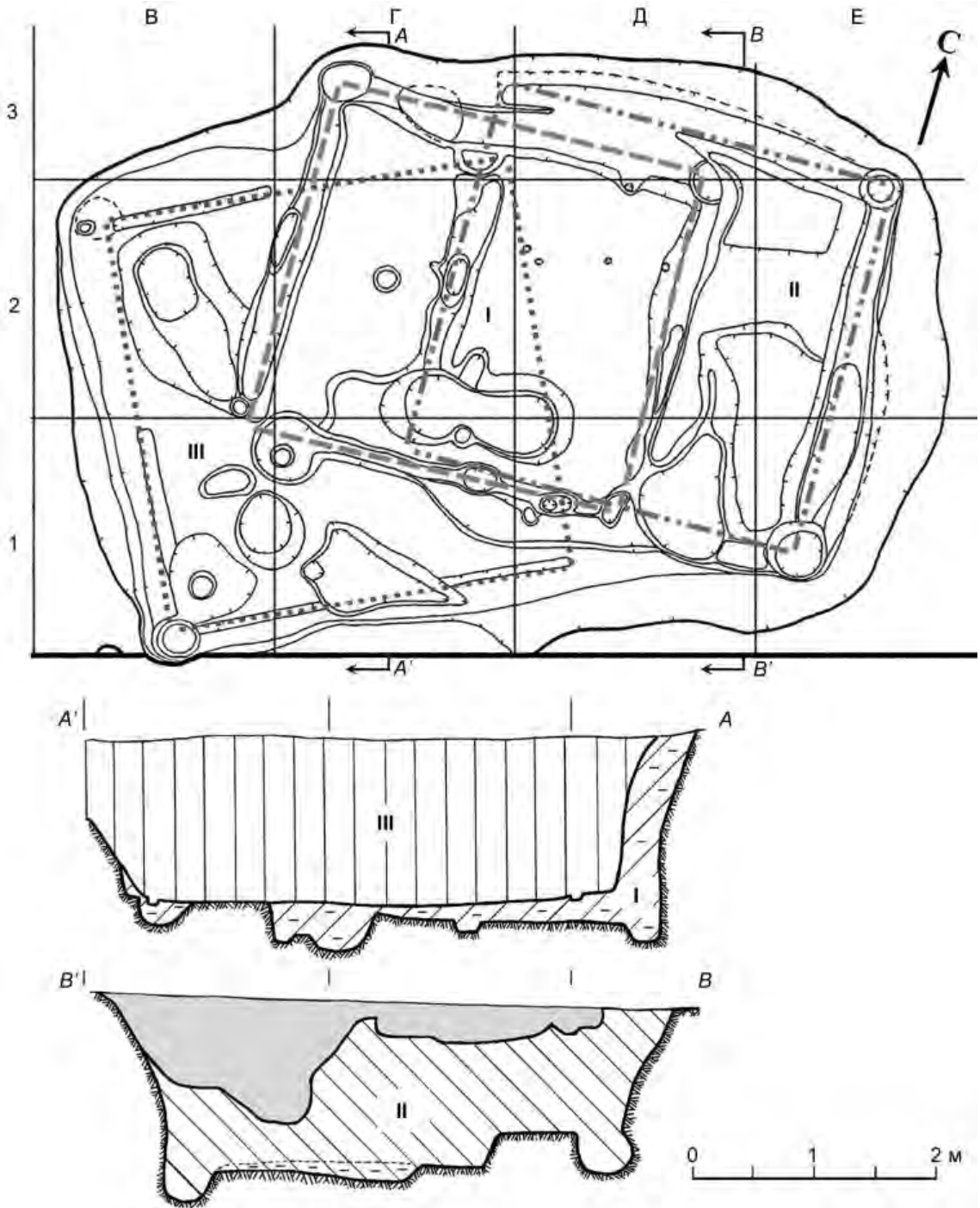

Рис. 62. Яма 20/37. I-III — заполнения сооружений, сменяющих друг друга

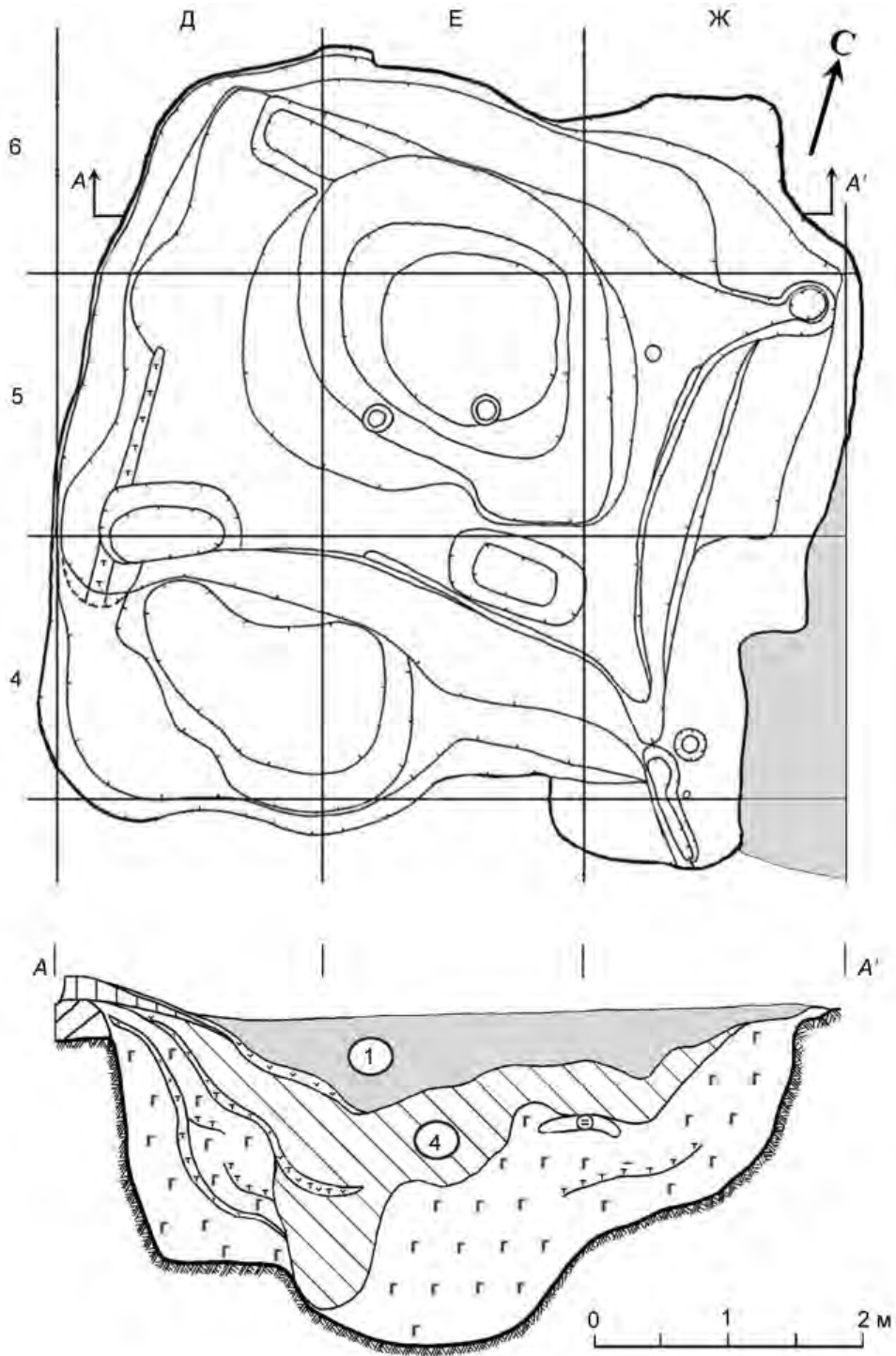

Рис. 63. Яма 76

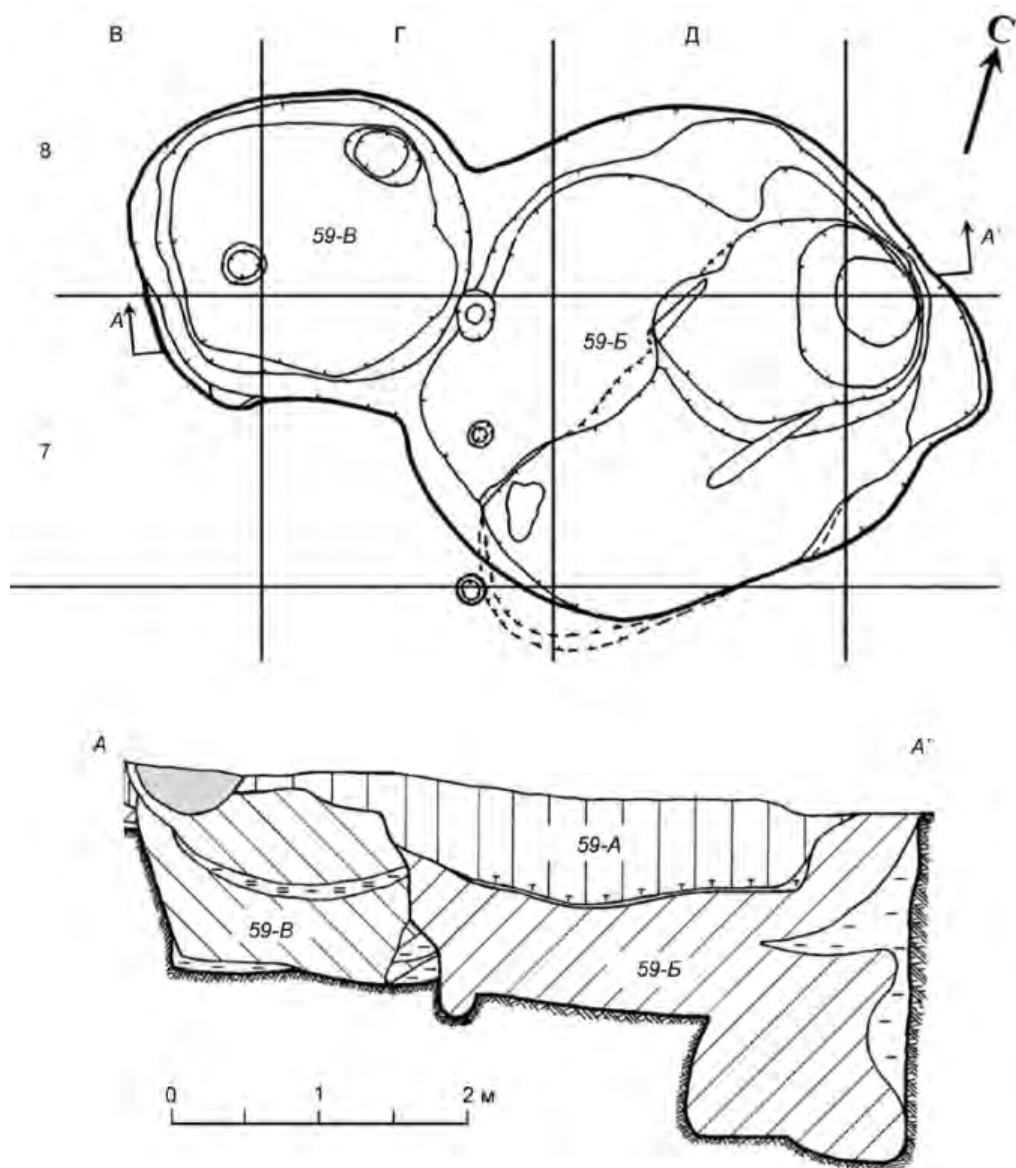
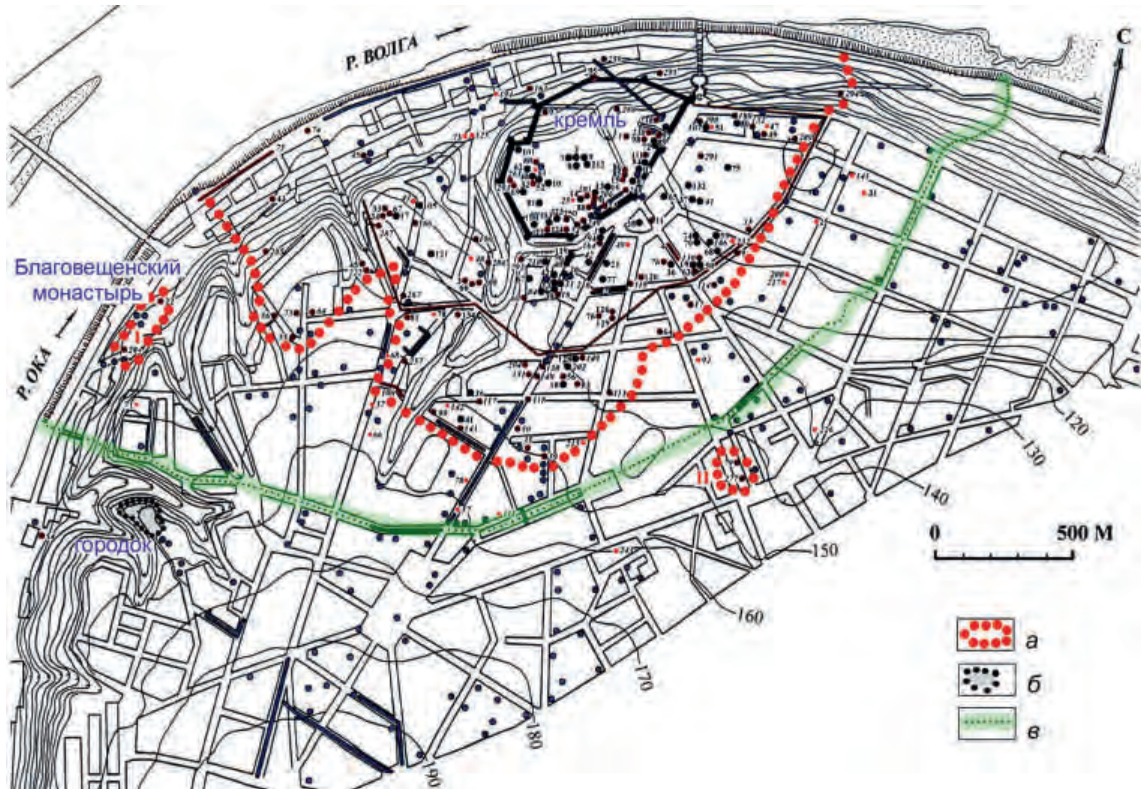

Рис. 64. Яма 59

Цв. ил. I. Нижний Новгород в XIII — начале XV в. (по Грибов 2018: рис. 5):
 а — границы распространения культурного слоя XIII — начала XV в.; б — культурный
 слой XV в.; в — граница укреплений острога по Писцовой книге 1621–1629 гг.

Цв. ил. II. Общий вид раскопа с запада

Цв. ил. III. Обогрев палаток

Цв. ил. IV. Энколпион (1146-8/Об-я.51)

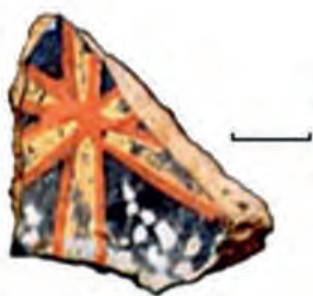
Цв. ил. V. Изделия из стекла: фрагменты посуды (1-12), закраина лампы (?) (13), бусина (14).
 1 — 523-7/О6-я.49; 2 — 3192-7/О6-я.49; 3 — 1597-8/Л9-я.117; 4 — 420-8/О6-я.48;
 5 — 1578-9/Г8-я.59-А; 6 — 1674-7/Н10-я.110; 7 — 2542-15/Е5-я.76; 8 — 1829-5/М5;
 9 — 2058-4/Е5; 10 — 1785-9/О9-я.130; 11 — 2966-7/Ж4-я.76; 12 — 2530-14/Е5-я.76;
 13 — 1493-11/Е8-я.94; 14 — 1996-4/Е5

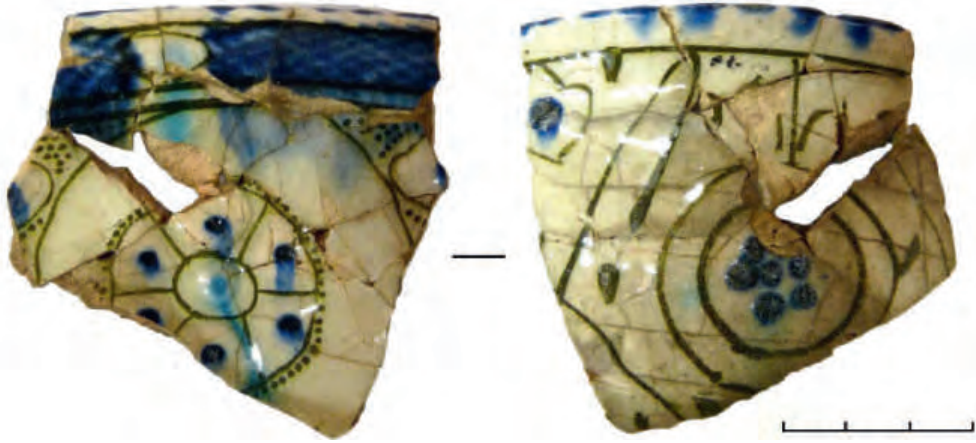
Цв. ил. VI. Изделия из стекла. Фрагменты сосудов, орнаментированных цветными эмалями. 1 — 2585-6/Д3-я.18; 2 — 2678-8/Е4-я.76; 3 — 2568-6/Е3-я.18; 4 — 2223-5/Е4; 5 — 2589-7/Д3-я.18

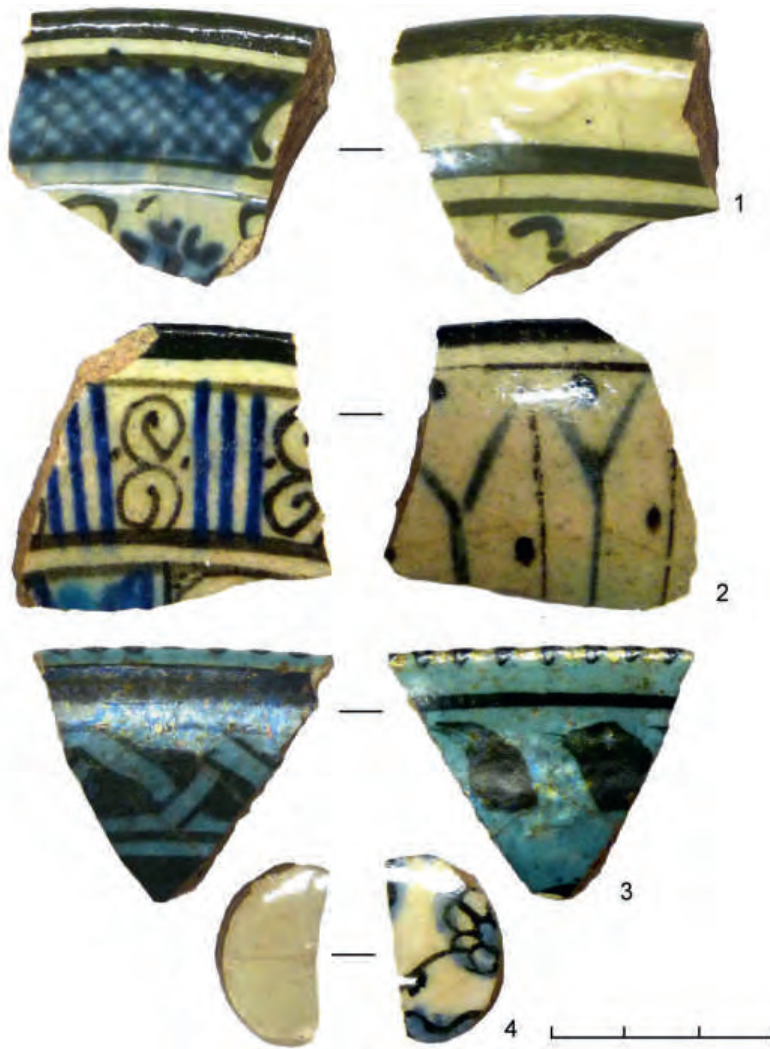
Цв. ил. VII. Псевдосаладон (632-8/Г1-я.37 + 655-9/Г2-я.37 + 3058-8/?-я.37)

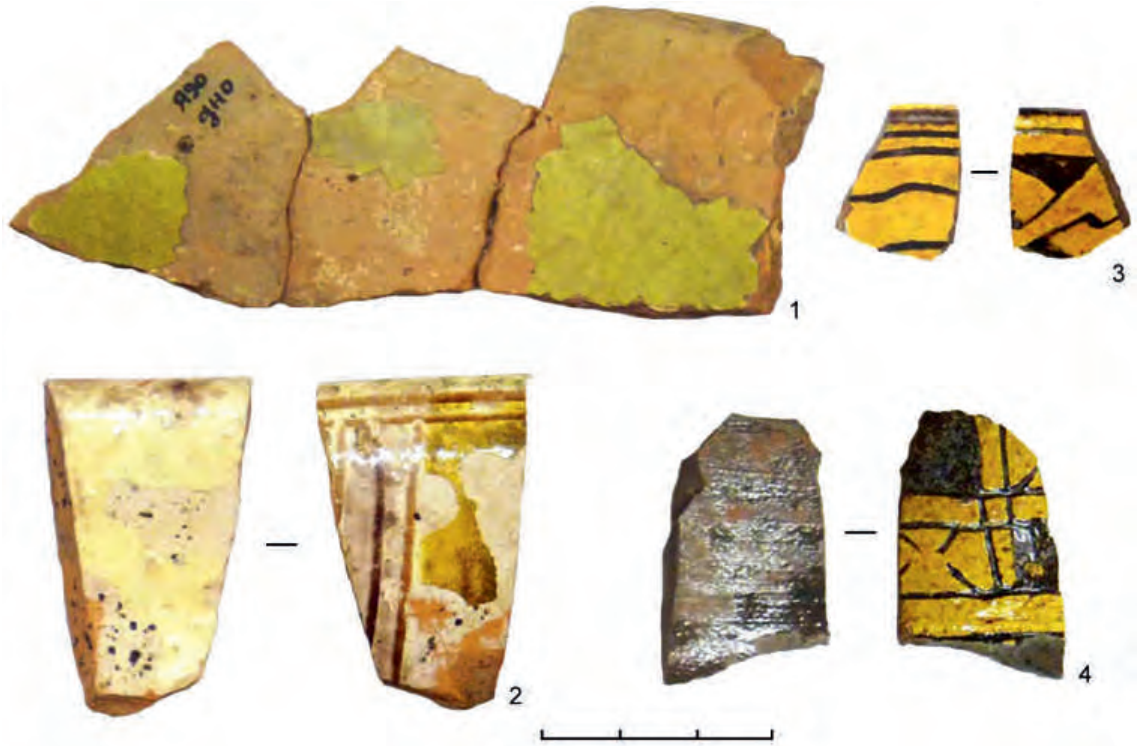
Цв. ил. VIII. Полуфаянс «ладжвардина» (обломок стенки чаши) (2899-6/Д2-я.37)

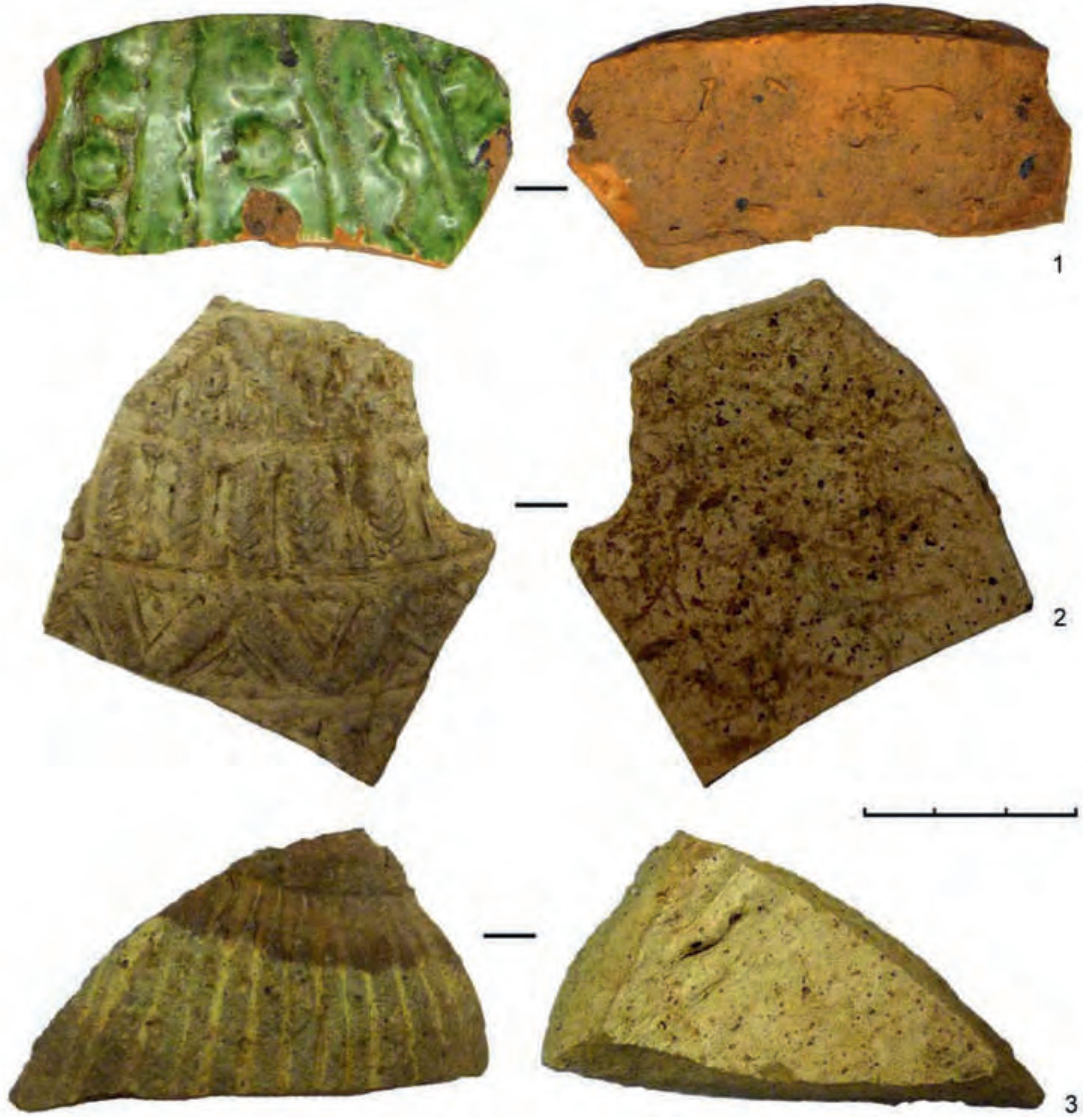
Цв. ил. IX. Полуфаянс с росписью белым ангобом, зеленой, синей и бирюзовой красками (обломок края чаши) (703-11/Г1-я.37)

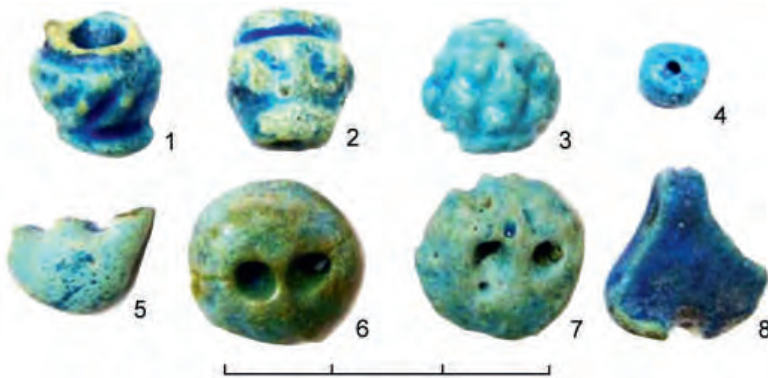
Цв. ил. X. Полуфаянсы с черно-синей росписью под бесцветной глазурью (1-2, 4) и черной росписью под бирюзовой глазурью (3). 1 — 1545-10/Г8-я.59-Б; 2 — 2359-8/Е5-я.76; 3 — 635-9/Г2-я.37; 4 — 481-9/Д7-я.59-А

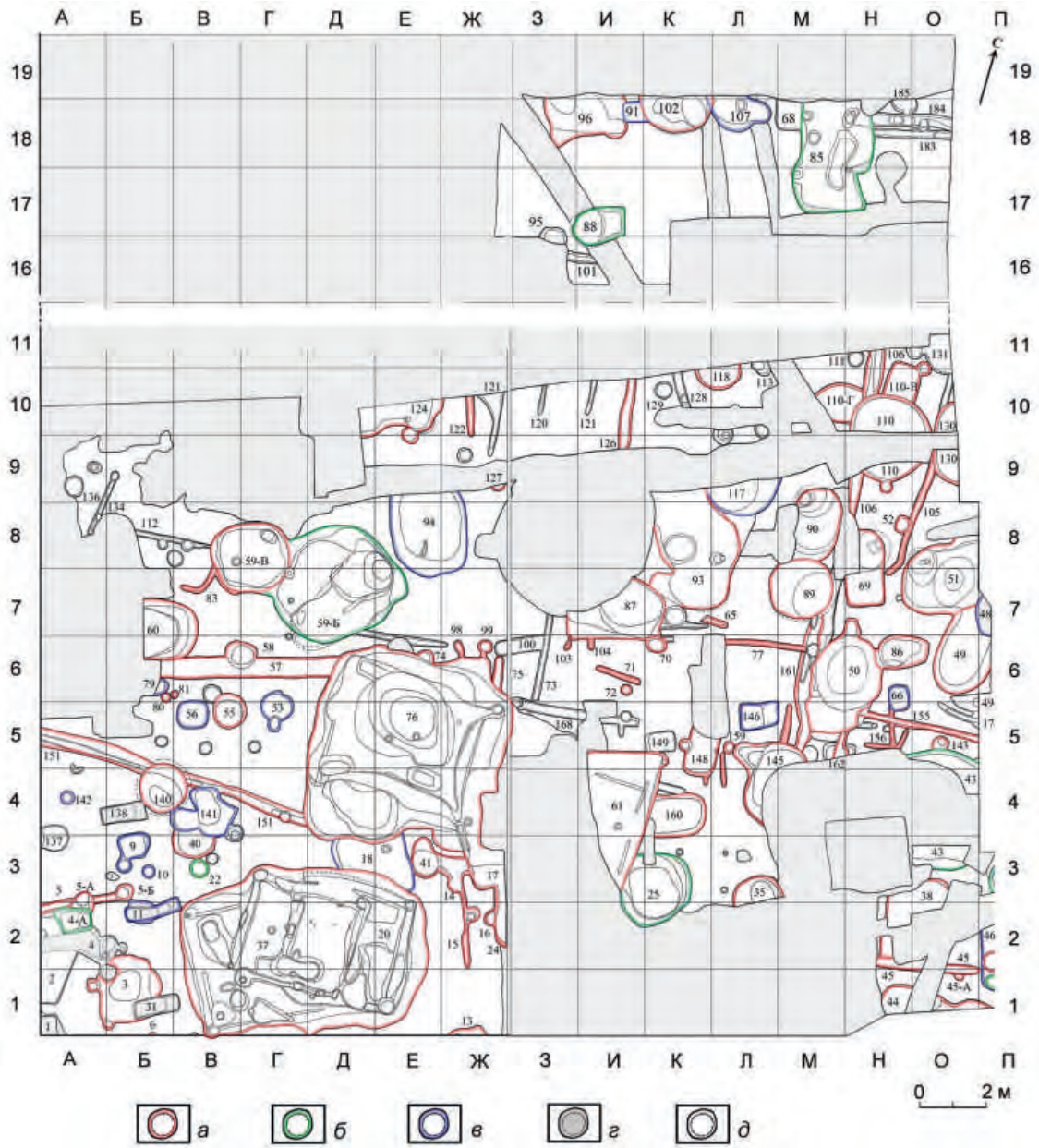
Цв. ил. XI. Полумайолика без дополнительного декора (1), с орнаментом «сграффито» и желто-коричневой подцветкой (2), с сочетанием «сграффито» и выемчатой техники (3-4).
 1 — 3043, 3044-я.90; 2 — 2462-12/Е5-я.76; 3 — 1478-10/Г8-я.59-В; 4 — 2412-10/Е5-я.76

Цв. ил. XII. Тисненая полумайолика (1), сероглиняная колыбная керамика (2), обломок ближневосточного сфероконуса (3). 1 — 2100-4/Д5; 2 — 3135-9/В1-я.37; 3 — 976-13/Д1-я.37

Цв. ил. XIII. Кашинные бусы (1-4), пуговицы (5-7) и подвеска (8). 1 — 389-8/О6-я.48; 2 — 390-8/О6-я.48; 3 — 550-10/О6-я.49; 4 — 2277-7/К4-я.160; 5 — 1605-4/В5; 6 — 840-11/Н6-я.50; 7 — 596-10/М6-я.50; 8 — 2850-8/Д5-я.76

Цв. ил. XIV. Датировка материковых ям: а — XIII-XIV вв., б — XVI-XVII вв., в — XVIII в., г — XIX-XX вв., д — датировка не определена

ЛИТЕРАТУРА

- Агафонов 1960 — *Агафонов С. Л.* Новые исследования укреплений Нижегородского кремля // Архитектурное наследство. М., 1960. Вып. 12. С. 83–94.
- Агафонов 1976 — *Агафонов С. Л.* Нижегородский кремль. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1976. 136 с. (1-е изд.).
- Агафонов 2008 — *Агафонов С. Л.* Нижегородский кремль. Нижний Новгород: Кварц, 2008. 224 с. (2-е изд.).
- Агафонов 2019 — *Агафонов С. Л.* Нижегородский кремль. Нижний Новгород: Кварц, 2019. 239 с. (3-е изд.).
- Агафонова, Давыдов 2010 — *Агафонова И. С., Давыдов А. И.* Гравюры из книги Адама Олеария как источник при исследованиях и реставрации архитектурного комплекса Нижегородского кремля // Материалы V Нижегородской межрегиональной архивоведческой конференции «Святыни земли нижегородской. Нижегородский кремль». Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2010. С. 31–35.
- Алихова 1959 — *Алихова А. Е.* Из истории мордвы конца I — начала II тыс. н. э. // Из древней и средневековой истории мордовского народа: Сб. ст. / Под ред. А. П. Смирнова. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1959 (Археологический сборник. Т. 2). С. 13–54.
- Алферова, Харламов 1982 — *Алферова Г. В., Харламов В. А.* Киев во второй половине XVII века. Историко-архитектурный очерк. Киев: Наукова думка, 1982. 159 с.
- Аникин 1997а — *Аникин И. С.* Население бассейна реки Кудьмы в эпоху средневековья (VI — начало XV в.) // НИКА. Нижний Новгород: НГУ, 1997. С. 3–11.
- Аникин 1997б — *Аникин И. С.* Финно-угорские неукрепленные поселения бассейна реки Кудьмы в эпоху средневековья // Древности Нижегородского Поволжья. Нижний Новгород: Историко-археологический центр «Регион», 1997. Вып. 1. С. 5–15.
- Аникин 2001 — *Аникин И. С.* Комплекс средневековых археологических памятников у д. Городище // НИКА. Нижний Новгород: НГУ, 2001. С. 16–23.
- Антипов 2000 — *Антипов И. В.* Древнерусская архитектура второй половины XIII — первой трети XIV в. Каталог памятников. СПб.: СПбГУ, 2000. 204 с.
- Антонов 2004 — *Антонов Д. А.* Древнерусские селища XII — XIV вв. в Нижегородском Заволжье // НИКА. Нижний Новгород: НГУ, 2004. С. 11–22.
- Антонов 2012 — *Антонов Д. А.* Данные археологии по истории освоения Нижегородского Заволжья в XII–XIV вв. // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы научного семинара. М.: ИА РАН, 2012. Вып. 4. С. 125–132.
- Антропологическая выставка. 1878–1879. Т. 2. М.: Тип. М. Н. Лаврова и К°, 1879.
- Ануфриева 1997 — *Ануфриева И. В.* Археологическое изучение низовьев р. Озерки в 1996 году // НИКА. Нижний Новгород: НГУ, 1997. С. 12–18.
- Ануфриева 2003 — *Ануфриева И. В.* Археологические исследования в переулке Университетском в Нижнем Новгороде в 1998–2000 годах // НИКА. Нижний Новгород: НГУ, 2003. С. 6–16.
- Ануфриева 2004 — *Ануфриева И. В.* Новые археологические материалы по исторической топографии Нижнего Новгорода // НИКА. Нижний Новгород, 2004. С. 22–38.

- Ануфриева 2005 — *Ануфриева И. В.* Археологические исследования на территории Нижнего Новгорода во второй половине XIX — середине XX в. // НИКА. Нижний Новгород: НГУ, 2005. Вып. 9. С. 35–47.
- Ануфриева 2006 — *Ануфриева И. В.* Археологические исследования на площади Минина в городе Нижнем Новгороде в 2005 г. // НИКА. Нижний Новгород: НГУ, 2006. Вып. 10. С. 36–48.
- Ануфриева 2010 — *Ануфриева И. В.* Памятник археологии культурный слой города Нижнего Новгорода. Краткое описание // НИКА. Нижний Новгород, 2010. Вып. 12. С. 12–18.
- Ануфриева, Четвертаков 2012 — *Ануфриева И. В., Четвертаков Е. В.* Новые археологические материалы по топографии укреплений Нижегородского детинца // Культурный слой: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Е. А. Молев. Вып. 1. Нижний Новгород: НГУ, 2012. С. 11–18.
- Археологическая хроника 2000 — Археологическая хроника 2000 года // НИКА. Нижний Новгород: НГУ, 2001. С. 3–6.
- Археологические экспедиции 1962 — Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР 1919–1956 гг.: Указатель. М.: АН СССР, 1962. 263 с.
- Асташева 1999 — *Асташева Н. И.* Хронология смоленских древностей // Археологический сборник. Памяти М. В. Фехнер / Отв. ред. Н. Г. Недошивина. М., 1999 (Тр. ГИМ. Вып. 111). С. 111–119.
- Асылгараева 2013 — *Асылгараева Г. Ш.* Исследования остеологических материалов Нижегородского кремля // Поволжская археология. 2013. № 3. С. 102–115.
- Балюнов 2010 — *Балюнов И. В.* Тобольские гончарные клейма XVII в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2010. № 2 (13). С. 75–78.
- Барсов 2011 — *Барсов Н. П.* Историко-географический словарь Русской земли: IX–XIV вв. М.: URSS, 2011. 220 с. (1-е изд. 1865 г.).
- Белецкий 1975 — *Белецкий В. Д.* Костяная печать из Пскова // СГЭ. Л., 1975. Вып. 40. С. 24–25.
- Белинский, Масловский 1998 — *Белинский И. В., Масловский А. Н.* Типологическая характеристика материалов раскопок участка золотоордынского Азака (г. Азов, ул. Московская, 7) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг.: Сб. ст. / Отв. ред. В. Я. Кияшко. Вып. 15. Азов: Изд-во Азовского краеведческого музея, 1998. С. 179–252.
- Беляев 1995 — *Беляев Л. А.* Древние монастыри Москвы по данным археологии. М.: ИА РАН, 1995. 458 с.
- Беляева 1982 — *Беляева С. А.* Южнорусские земли во второй половине XIII — XIV в. (по материалам археологических исследований). Киев: Наукова думка, 1982. 117 с.
- Бессарабова 2001 — *Бессарабова З. Д.* Сосуд из жировика из Старой Ладоги // Староладожский сборник. Вып. 4 / Отв. ред. А. А. Селин. СПб.: Старая Ладога, 2001. С. 119–125.
- Бойцов 1991 — *Бойцов И. А.* Московская красноглиняная керамика XIV — начала XVI вв. и возникновение Гончарной слободы в Москве // Московская керамика: новые данные по хронологии: Сб. ст. / Отв. ред. С. З. Чернов, М. Д. Полубояринова. М.: ИА АН СССР, 1991. С. 33–40.
- Бондаренко, Шумилкин 1988 — *Бондаренко И. А., Шумилкин С. М.* Исторический путь развития Нижнего Новгорода // Архитектурное наследие. М., 1988. № 35. С. 3–13.
- Борисов 2010а — *Борисов А. В.* Природные процессы и формирование заполнений котлованов средневековых построек // РА. 2010. № 3. С. 119–129.
- Борисов 2010б — *Борисов А. В.* Процессы и условия заполнения котлованов построек (взгляд почвовед) // АП. 2010. Вып. 6. С. 99–106.
- Борисов 2014 — *Борисов А. В.* Диагностические слои в заполнении котлованов построек // АП. 2014. Вып. 10. С. 339–343.

- Булатов 1968 — Булатов Н. М. Классификация поливной кашинной керамики золотоордынских городов // СА. 1968. № 4. С. 95–109.
- Булатов 1976 — Булатов Н. М. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья: Сб. ст. / Отв. ред. А. П. Смирнов, Г. А. Фёдоров-Давыдов. М.: Наука, 1976. С. 73–107.
- Булкин, Зоценко 1990 — Булкин В. А., Зоценко В. Н. Среднее Поднепровье и неманско-днепровский путь в IX–X вв. // Проблемы археологии Южной Руси: Материалы ист.-археол. семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.» (Чернигов, 26–28 сентября 1988 г.) / Отв. ред. П. П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1990. С. 117–122.
- Варфоломеева 1994 — Варфоломеева Т. С. Металлические детали кожаных футляров XI–XV вв. из раскопок в Новгороде // ННЗИА. 1994. Вып. 8. С. 166–182.
- Векслер и др. 1997 — Векслер А. Г., Лихтер Ю. А., Осипов Д. О. Обувные подковки XV–XVIII вв. (по материалам раскопок в г. Москве) // РА. 1997. № 3. С. 114–119.
- Волков 1992 — Волков И. В. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор // Донские древности. Азов, 1992. Вып. 1. С. 143–157.
- Волков 1996 — Волков И. В. Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // ННЗИА. 1996. Вып. 10. С. 90–104.
- Волков 2007 — Волков И. В. Поливная керамика Маджара // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв.: II международная научная конференция. Ялта: б. и., 2007. С. 33–42.
- Воронин 1946 — Воронин Н. Н. Социальная топография Владимира XII–XIII вв. и «Чертеж» 1715 г. // СА. 1946. VIII. С. 145–173.
- Воронин 1949 — Воронин Н. Н. Оборонительные сооружения Владимира XII в. // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1949 (МИА. № 11). С. 201–243.
- Воронин 1961 — Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. I. XII столетие. М.: АН СССР, 1961. 583 с.
- Воронин 1962 — Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. II. XIII–XV столетия. М.: АН СССР, 1962. 559 с.
- Воронин 2007 — Воронин Н. Н. Андрей Боголюбский. М.: Водолей Publishers, 2007. 318 с.
- Гайдуков 1992 — Гайдуков П. Г. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.: ИА РАН, 1992. 197 с.
- Гайдуков 1993 — Гайдуков П. Г. Медные русские монеты конца XIV — XVI в. М.: Наука, 1993. 297 с.
- Гациский 1886 — Гациский А. С. Нижегородский летописец. Нижний Новгород: Типография Губернского правления, 1886. 144 с. (2-е изд. — 2001 г.).
- Гендуне 1903 — Гендуне Ю. Г. Городище Дуна. СПб.: Тип. А. П. Лопухина, 1903. 22 с.
- Горский 2004а — Горский А. А. Русь: От славянского расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004. 392 с.
- Горский 2004б — Горский А. А. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV — середине XV в. // Средневековая Русь. 2004. Вып. 4. С. 140–170.
- Горский 2006 — Горский А. А. Великое княжение Владимирское и русско-ордынские отношения в 1370–е — начале 1380–х гг. // Куликовская битва в истории России: Сб. ст. / Ред. А. Н. Наумов. Тула: Левша, 2006. С. 8–11.
- Горский 2010 — Горский А. А. От земель к великим княжениям: «Примыслы» русских князей второй половины XIII — XV вв. М.: Индрик, 2010. 176 с.
- Грибов 1996 — Грибов Н. Н. Материалы к археологической карте Нижегородской округи // НИКА. Нижний Новгород: НГУ, 1996. С. 11–21.
- Грибов 1997 — Грибов Н. Н. Раскопки усадьбы на русском селище Ближнее Константиново-1 близ Нижнего Новгорода // НИКА. Нижний Новгород: НГУ, 1997. С. 36–49.

- Грибов 2000а — *Грибов Н. Н.* История славяно-русского расселения в Нижегородском Поволжье в период XII–XIV вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02 — Отечественная история. Нижний Новгород: НГУ, 2000. 27 с.
- Грибов 2000б — *Грибов Н. Н.* Мордва в контексте русской колонизации Нижегородской округи XIII–XIV вв. (по археологическим материалам) // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья (проблемы хронологии и этнической истории): Тезисы докладов Всерос. науч. конф., 2–3 февраля 2000 г. Саранск: Мордовский гос. пед. ин-т им. М. Е. Евсевьева, 2000. С. 63–67.
- Грибов 2000в — *Грибов Н. Н.* Структура русского расселения в Нижегородском Поволжье на рубеже XIV–XV веков // НИКА. Нижний Новгород: НГУ, 2000. С. 41–72.
- Грибов 2001а — *Грибов Н. Н.* Гончарные клейма селища Ближнее Константиново-1 // НИКА. Нижний Новгород: НГУ, 2001. С. 38–55.
- Грибов 2001б — *Грибов Н. Н.* Керамический комплекс русского селища XIV в. из округи г. Н. Новгорода // Вестник Костромской археологической экспедиции. Вып. 1. Кострома: Науч. произв. центр по охране и использованию памятников истории и культуры; Центр археол. исслед., 2001. С. 158–169.
- Грибов 2005 — *Грибов Н. Н.* Русское городище второй половины XV в. из нижегородской округи // НИКА. Вып. 9. Нижний Новгород: НГУ, 2005. С. 69–82.
- Грибов 2006 — *Грибов Н. Н.* Хронология керамических комплексов русских поселений эпохи Золотой орды (по материалам памятников района устья р. Оки) // НИКА. Вып. 10. Нижний Новгород: НГУ, 2006. С. 62–91.
- Грибов 2007а — *Грибов Н. Н.* Нижегородская округа: итоги и перспектива изучения // КСИА. 2007. Вып. 221. С. 112–121.
- Грибов 2007б — *Грибов Н. Н.* Предварительные итоги исследования русского селища второй половины XIII — XIV в. на окраине Нижнего Новгорода // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 1. М.: ИА РАН, 2007. С. 58–67.
- Грибов 2008а — *Грибов Н. Н.* Древнерусский Городец-на-Волге в контексте археологических исследований // НИКА. Вып. 11. Нижний Новгород: НГУ, 2008. С. 26–54.
- Грибов 2008б — *Грибов Н. Н.* Русское владельческое село удельного периода (по материалам раскопок селища Ближнее Константиново-1) // Сельская Русь в IX–XVI веках: Сб. ст. / Отв. ред. Н. А. Макаров, С. З. Чернов; сост. И. Н. Кузина. М.: Наука, 2008. С. 253–264.
- Грибов 2009а — *Грибов Н. Н.* Исследование средневековых селищ в окрестностях Нижнего Новгорода // АО 2006 г. М., 2009. С. 170–172.
- Грибов 2009б — *Грибов Н. Н.* Позднесредневековая белоглиняная керамика из Нижнего Новгорода // АП. Вып. 5. М.: ИА РАН, 2009. С. 327–339.
- Грибов 2011а — *Грибов Н. Н.* Нижний Новгород в XIII–XV веках // Археология древнерусского города XI–XV веков. Проблемы источниковедения, становления государственности и культурогенеза: Тезисы докладов Междунар. науч. конф. (6–9 апреля 2011 г.) / Сост. И. Ю. Стрикалов. М.: ИА РАН, 2011. С. 19–20.
- Грибов 2011б — *Грибов Н. Н.* Русско-болгарское пограничье в эпоху Золотой Орды (по материалам поселения Курмыш-4) // Болгарский форум I: Материалы Междунар. Болгарского форума (19–21 июня 2010 г., г. Болгар) / Отв. ред. Ф. Ш. Хузин. Казань, 2011 (Археология евразийских степей. Вып. 12). С. 85–92.
- Грибов 2012 — *Грибов Н. Н.* Отложения в котлованах построек: характерные структуры, их выделение, интерпретация // АП. 2012. Вып. 8. С. 155–165.
- Грибов 2017 — *Грибов Н. Н.* О времени появления первых финских погребений на Нижней Оке // КСИА. 2017. Вып. 249, ч. 2. С. 28–43.
- Грибов 2018 — *Грибов Н. Н.* Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города. М.: ИА РАН, 2018. 592 с.

- Грибов 2019 — Грибов Н. Н. Стратифицированный средневековый горизонт в Нижегородском кремле: условия формирования и предварительная характеристика // КСИА. 2019. Вып. 257. С. 247–260.
- Грибов, Антипина 2013 — Грибов Н. Н., Антипина Е. Е. Жизнеобеспечение городища Городок и его социальный статус в Нижегородской средневековой поселенческой структуре (по археозоологическим данным) // Зоологический журнал. 2013. Т. 92, № 9. С. 1001–1013.
- Грибов, Коваль 2007 — Грибов Н. Н., Коваль В. Ю. Восточная керамика из окрестностей Нижнего Новгорода // КСИА. 2007. Вып. 221. С. 216–227.
- Грибов, Лапшин 2008 — Грибов Н. Н., Лапшин В. А. Нижегородский кремль в XIII–XIV и XV веках // АВ. 2008. Вып. 15. С. 141–156.
- Грибов, Цепкин 2004 — Грибов Н. Н., Цепкин Е. А. Рыболовный промысел в окрестностях нижнего Новгорода в средние века // НИКА. Нижний Новгород: НГУ, 2004. С. 71–95.
- Грибов и др. 2009 — Грибов Н. Н., Аникин И. С., Иванова Н. В., Пудеев А. А. Разведочные исследования в окрестностях Нижнего Новгорода // АО 2006 г. М., 2009. С. 172–174.
- Грибов и др. 2021 — Грибов Н. Н., Марьенкина Т. А., Иванова Н. В. Археологические исследования в нижней части Нижегородского кремля (предварительные результаты работ 2018–2019 гг.) // КСИА. 2021. Вып. 262. С. 322–338.
- Губайдуллин, Шакиров 2010 — Губайдуллин А. М., Шакиров З. Г. Исследования на территории Нижегородского кремля, раскоп Арсенал 1 // АО 2007 г. М., 2010. С. 110.
- Гусева 1992 — Гусева Т. В. Итоги и перспективы археологического изучения Городца на Волге // Городецкие чтения: Материалы науч.-практ. конф. Городец: Городецкий краеведческий музей, 1992. С. 32–41.
- Гусева 1996 — Гусева Т. В. Культурный слой Нижнего Новгорода как исторический источник // НИКА. Нижний Новгород: НГУ, 1996. С. 22–48.
- Гусева 2004 — Гусева Т. В. Нижний Новгород по результатам раскопок 2002–2004 гг. // Древность и средневековье Волго-Камья: Материалы III Халиковских чтений (27–30 мая 2004 г.). Казань; Болгар: ИИ АН РТ, 2004. С. 61–63.
- Гусева, Чеченков 2012 — Гусева Т. В., Чеченков П. В. Периодизация средневековой истории Городца и Нижнего Новгорода глазами историка и археолога // Городецкие чтения. Вып. 7. Городец: Городецкий краеведческий музей, 2012. С. 5–23.
- Данилов 2013 — Данилов А. В. Дятловы горы // НИКА. Вып. 13. Нижний Новгород: НГУ, 2013. С. 39–53.
- Даркевич, Борисевич 1995 — Даркевич В. Г., Борисевич Г. В. Древняя столица Рязанской земли. М.: Кругъ, 1995. 448 с.
- Дмитриевский 1997 — Дмитриевский С. М. Археологическая разведка в районе Печерского монастыря // НИКА. Нижний Новгород: НГУ, 1997. С. 56–60.
- Дмитриевский 1999 — Дмитриевский С. М. Археологические исследования в Старых Печерах в 1996 году // НИКА. Нижний Новгород: НГУ, 1999. С. 77–88.
- Дмитриевский, Еремин 1997 — Дмитриевский С. М., Еремин И. О. Археологические исследования на территории Нижегородского Благовещенского монастыря и прилегающей территории в 1995 году // НИКА. Нижний Новгород: НГУ, 1997. С. 61–65.
- Егоров 2000 — Егоров В. Л. Города Руси и Золотой Орды в XIII–XIV вв. — общее и особенное // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: Материалы науч. конф. / Отв. ред. И. В. Белоцерковская. М., 2000 (Тр. ГИМ. Вып. 122). С. 263–272.
- Егоров 2002 — Егоров В. Л. Основные направления развития культуры Золотой Орды // Поволжье и сопредельные территории в средние века / Отв. ред. В. Л. Егоров, Ю. А. Зеленева. М., 2002 (Тр. ГИМ. Вып. 135). С. 79–84.
- Егоров 2009 — Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Либриком, 2009. 248 с. (2-е изд.).

- Егорьков 2001 — *Егорьков А. Н.* Химический состав тверского посудного стекла монгольского времени // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение: Сб. ст. / Ред. В. А. Лапшин. СПб.: Европейский дом, 2001. С. 138–148.
- Енукова 2005 — *Енукова О. Н.* Жилая постройка средневекового г. Рыльска // Куликово Поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв.: Сб. ст. / Отв. ред. А. Н. Наумов, А. М. Воронцов. Тула: РИФ «Инфа», 2005. С. 145–158.
- Енукова 2007 — *Енукова О. Н.* Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв. Курск: КГУ, 2007. 220 с.
- Енукова 2010 — *Енукова О. Н.* 2010. Древнерусские ледники в раскопках Липинского селища // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 5. Липецк, 2010. С. 273–281.
- Енукова 2011 — *Енукова О. Н.* Вопросы методики и реконструкции славяно-русского жилья в условиях «сухого» слоя // Ученые записки: Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3 (10), т. 2. URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/021-005.pdf> (дата обращения: 3.03.2018).
- Еремин 1992 — *Еремин И. О.* Реконструкция застройки Нижегородского кремля XVII в. на основе данных археологии и переписной книги 1678 г. // Мининские чтения: Материалы науч. конф. / Науч. ред. и сост. В. П. Макарихин. Нижний Новгород: НГУ, 1992. С. 61–64.
- Ерёмин 1994 — *Ерёмин И. О.* Новые данные о месторасположении деревоземляных укреплений нижегородского кремля // Памятники истории, культуры и природы Европейской России: Тезисы докладов V Всерос. науч. конф. «Проблемы исследования памятников истории, культуры и природы Европейской России» / Отв. ред. Ф. В. Васильев. Нижний Новгород: Этнос, 1994. С. 128–129.
- Еремин, Муренцова 2010 — *Еремин И. О., Муренцова Т. Ю.* Амфора из раскопа на территории Нижегородского кремля // НИКА. Вып. 12. Нижний Новгород: НГУ, 2010. С. 29–37.
- Жарнов 2003 — *Жарнов Ю. Э.* Археологические исследования во Владимире и «проблема 1238 года» // Русь в XIII веке: Древности темного времени: Сб. ст. / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М.: Наука, 2003. С. 48–58.
- Завьялов 2005 — *Завьялов В. И.* Археологические исследования посада // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М.: ИА РАН, 2005. С. 94–104.
- Закиров 1966 — *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М.: Наука, 1966. 160 с.
- Зеленцова, Кузина 2008 — *Зеленцова О. В., Кузина И. Н.* Некоторые итоги раскопок в квартале 13 города Владимира в 2007 г. // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 2. 2008. С. 127–136.
- Зеленцова и др. 2011 — *Зеленцова О. В., Кузина И. Н., Милованов С. И.* Древнерусские усадьбы из раскопок в Мономаховом городе Владимира в 2008 г. // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 3. 2011. С. 111–121.
- Зиборов, Турилов 1993 — *Зиборов В. К., Турилов А. А.* Летописец Нижегородский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.), ч. 2. СПб.: Дмирий Буланин, 1993. С. 254–257.
- Івакін 1999 — *Івакін Г. Ю.* Енколпион-квадрифолій з Києва // Археологія. 1999. № 2. С. 144–150.
- Иванова, Грибов 2001 — *Иванова Н. В., Грибов Н. Н.* Каменная иконка из Нижнего Новгорода // НИКА. Нижний Новгород: НГУ, 2001. С. 55–64.
- Изюмова 1959 — *Изюмова С. А.* К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. М.; Л., 1959 (МИА. № 65). С. 192–222.
- Кадиева 1996 — *Кадиева Е. К.* Клейма на круговых сосудах из Ростова Великого как источник по истории развития города (XI — начало XIV в.) // ТТЗ. 1996. Вып. 1. С. 241–245.

- Кадиева 2007 — *Кадиева Е. К.* Клейма на круговой посуде Центра Северо-Восточной Руси: хронология и распространение // АП. 2007. Вып. 3. С. 173–196.
- Казаков 1991 — *Казаков Е. П.* Булгарское село X–XIII вв. низовий Камы. Казань: Татарское книжное изд-во, 1991. 176 с.
- Каменецкая 1983 — *Каменецкая Е. В.* Керамические клейма XI–XIII вв. из Смоленска // СА. 1983. № 2. С. 244–247.
- Каштанов 1988 — *Кашданов С. М.* Финансы средневековой Руси. М.: Наука, 1988. 250 с.
- Кирпичников 1966 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX–XIII вв. М.: Л.: Наука, АО, 1966 (САИ. Вып. Е1-36). 148 с.
- Кирпичников 1971 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. М.: Л.: Наука, АО, 1971 (САИ. Вып. Е1-36). 93 с.
- Кирпичников 1973 — *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. М.: Л.: Наука, АО, 1973 (САИ. Вып. Е1-36). 138 с.
- Кирьянов 1956а — *Кирьянов И. А.* К вопросу о времени основания Нижнего Новгорода. Горький: Горьковский обл. краевед. музей, 1956. 33 с.
- Кирьянов 1956б — *Кирьянов И. А.* Нижегородский Кремль. Очерк истории Кремля в г. Горьком. Горький: Горьковское книжное изд-во, 1956. 116 с.
- Кирьянов 1958 — *Кирьянов И. А.* Нижегородский кремль. Горький: Горьковское книжное изд-во, 1958. 40 с.
- Кирьянов 1961 — *Кирьянов И. А.* Старинные крепости Нижегородского Поволжья. Горький: Горьковское книжное изд-во, 1961. 106 с.
- Кирьянов 1968 — *Кирьянов И. А.* Нижегородский кремль. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1968. 48 с.
- Кирьянов 2001 — *Кирьянов И. А.* К истории строительства Нижегородского кремля // Нижегородский кремль. К 500-летию основания каменной крепости — памятника архитектуры XVI века: Материалы науч. конф. (13–14 сентября 2000 года). Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Администрации Губернатора Нижегородской области, 2001. С. 19–24.
- Клюг 1994 — *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь: РИФ ЛТА, 1994. 432 с.
- Ключевский 1903 — *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Т. I. М.: Тип. Рябушинского, 1903. 464 с.
- Ковалевский 2001 — *Ковалевский В. Н.* Термин «полуземлянка» (история появления и использование в современной науке) // Верхнедонской археологической сборник. Вып. 2. Липецк, 2001. С. 180–184.
- Коваль 1996 — *Коваль В. Ю.* Иранская люстровая керамика в средневековой Руси // ТТЗ 1. Тверь, 1996. С. 235–240.
- Коваль 2001 — *Коваль В. Ю.* Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. 2001. № 1. С. 98–109.
- Коваль 2002 — *Коваль В. Ю.* Клейма на средневековой русской керамике (опыт исследования на примере Ростиславля Рязанского) // ТТЗ. 2002. Вып. 4. С. 125–135.
- Коваль 2003а — *Коваль В. Ю.* Амфоры византийского культурного круга в средневековой Руси (X–XIII вв.) // Русь в XIII веке: Древности темного времени: Сб. ст. / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М.: Наука, 2003. С. 361–371.
- Коваль 2003б — *Коваль В. Ю.* Глазурованная керамика из окрестностей Увека // КСИА. 2003. Вып. 215. С. 58–69.
- Коваль 2005 — *Коваль В. Ю.* Кашинная керамика в Золотой Орде // РА. 2005. № 2. С. 75–86.
- Коваль 2007 — *Коваль В. Ю.* Проблемы изучения планировки и застройки поселений средневековой Руси // АП. Вып. 3. М., 2007. С. 58–70.
- Коваль 2008 — *Коваль В. Ю.* Планировка и застройка малого города средневековой Руси на примере Ростиславля Рязанского // Московская Русь: проблемы археологии и истории архитектуры: к 60-летию Л. А. Беляева. М.: ИА РАН, 2008. С. 116–151.

- Коваль 2009 — *Коваль В. Ю.* Глазури средневековых восточных фаянсов: химический состав по данным спектрального анализа // Великий Новгород и средневековая Русь: Сб. ст. к 90-летию В. Л. Янина / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: Памятники ист. мысли, 2009. С. 371–389.
- Коваль 2010а — *Коваль В. Ю.* Керамика Востока на Руси IX–XVII вв. М.: Наука, 2010. 269 с.
- Коваль 2010б — *Коваль В. Ю.* Об археологической интерпретации двухэтажных построек средневековой Руси (критические заметки) // АП. Вып. 6. М., 2010. С. 84–98.
- Коваль 2010в — *Коваль В. Ю.* Ордынцы на Руси // Русь и Восток в IX–X веках, новые археологические исследования: Сб. ст. / Отв. ред. Н. А. Макаров, В. Ю. Коваль. М.: Наука, 2010. С. 76–85.
- Коваль 2014 — *Коваль В. Ю.* Русское гончарство в Золотоордынскую эпоху // Культура русских в археологических исследованиях: Сб. науч. ст. / Под ред. Л. В. Татауровой, В. А. Борзунова. Т. II. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. С. 56–63.
- Коваль 2017 — *Коваль В. Ю.* Малые города средневековой Руси: исторические этапы формирования // Гороховец и земли Окско-Клязьминского междуречья в XII–XVII вв.: история и археология: Материалы науч. конф. / Сост. В. И. Милованов. М.: ИА РАН, 2017. С. 25–32.
- Козлова 2004 — *Козлова А. В.* Украшения ремня, сбруи и сумок восточного происхождения из раскопок в Великом Новгороде // ННЗИА. 2004. Вып. 18. С. 188–207.
- Козлова 2006а — *Козлова А. В.* Восточные традиции украшений и предметов быта из цветных металлов в городах северо-западной Руси и сопредельных территорий: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.06 — Археология. М.: МГУ, 2006. 22 с.
- Козлова 2006б — *Козлова А. В.* Некоторые восточные традиции украшений XIII–XV вв. в Великом Новгороде // АИППЗ. 2006. Вып. 51. С. 221–232.
- Козлова 2007 — *Козлова А. В.* Металлические украшения и предметы быта восточной традиции X–XV веков из раскопок в Пскове // АИППЗ. 2007. Вып. 52. С. 125–142.
- Колчин 1959 — *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Производство, технология) // Тр. Новгородской археологической экспедиции. Т. II. М.: Наука, 1959 (МИА. № 65). С. 7–120.
- Колчин 1982 — *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода / Под общ. ред. Б. А. Колчина, В. Л. Янина. М.: Наука, 1982. С. 156–177.
- Колчин, Куза 1985 — *Колчин Б. А., Куза А. В.* Археологические источники и методы исследования // Древняя Русь. Город. Замок. Село / Отв. ред. Б. А. Колчин. М.: Наука, 1985 (Археология СССР). С. 29–38.
- Колчин, Рыбина 1982 — *Колчин Б. А., Рыбина Е. А.* Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода / Под общ. ред. Б. А. Колчина, В. Л. Янина. М.: Наука, 1982. С. 178–238.
- Кудрявцев 2012 — *Кудрявцев А. А.* Хронология замков и ключей средневекового Новгорода (по материалам Неревского раскопа) // РА. 2012. № 4. С. 119–124.
- Куза 1985 — *Куза А. В.* Древнерусские города // Древняя Русь. Город, замок, село / Отв. ред. Б. А. Колчин. М.: Наука, 1985. С. 51–66.
- Куза 1996 — *Куза А. В.* Древнерусские городища X–XIII вв. М.: Христианское изд-во, 1996. 256 с.
- Кузнецов 2006 — *Кузнецов А. А.* Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII в. Нижний Новгород: НГУ, 2006. 540 с.
- Кузнецов 2008 — *Кузнецов А. А.* Политическое освоение Среднего Поволжья Владимирским княжеством в XII–XIII вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен: XX чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто: Сб. тр. конф. М.: ИВИ, 2008. С. 119–123.

- Кураева 1969 — *Кураева Л. А.* Средневековая привозная каменная утварь из Мерва и Нисы // Тр. ЮТАКЭ. Вып. XIV. Ашхабад, 1969. С. 217–226.
- Курбатов 2004 — *Курбатов А. В.* Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам археологических исследований 1993–1997 гг.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 312 с.
- Кучкин 1974 — *Кучкин В. А.* Нижний Новгород и Нижегородское княжество в XIII–XIV вв. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. / Под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Наука, 1974. С. 234–260.
- Кучкин 1975 — *Кучкин В. А.* О маршрутах походов древнерусских князей на государство волжских булгар в XII — первой трети XIII в. // Историческая география России. XII — начало XX в.: Сб. ст. к 70-летию проф. Л. Г. Бескровного / Отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1975. С. 31–45.
- Кучкин 1976 — *Кучкин В. А.* О Нижних Новгородах — «Старом» и «Меньшом» // История СССР. 1976. № 5. С. 223–231.
- Кучкин 1984 — *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. 349 с.
- Кучкин 1990 — *Кучкин В. А.* Города Северо-Восточной Руси в XIII–XV веках (Число и политико-географическое размещение) // История СССР. 1990. № 6. С. 72–85.
- Кучкин 2002 — *Кучкин В. А.* Основание Нижнего Новгорода // Нижегородский кремль. К 500-летию памятника архитектуры XVI в. Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Администрации Губернатора Нижегородской области, 2002. С. 82–97.
- Кучкин 2011 — *Кучкин В. А.* Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Нижний Новгород: Кварц, 2011. 282 с.
- Кызласов 2010 — *Кызласов И. Л.* Особенности появления аскизских изделий в Европе в XIII–XIX вв. // Русь и Восток в IX–X веках, новые археологические исследования: Сб. / Отв. ред. Н. А. Макаров, В. Ю. Коваль. М.: Наука, 2010. С. 139–162.
- Лапшин 1985а — *Лапшин В. А.* Население центрального района Ростово-Суздальской земли X–XIII вв. (по археологическим данным): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.06 — Археология. Л.: б. и., 1985. 17 с.
- Лапшин 1985б — *Лапшин В. А.* Система расселения в центральном районе Ростово-Суздальской Руси X–XIII вв. и природный фактор // Человек и окружающая среда в древности и средневековье: Материалы совещ., 25–26 января 1983 г. / Отв. ред. А. К. Станюкович. М.: Наука, 1985. С. 101–104.
- Лапшин 1997 — *Лапшин В. А.* Костяная печать-матрица из раскопок в Твери // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. I / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.; Псков: Невельская типография, 1997. С. 400–401.
- Лапшин 2005 — *Лапшин В. А.* Нижегородский кремль по материалам раскопок 2001–2002 гг. // Вестник Нижегородского университета. 2005. Серия История. Вып. 1(4). С. 89–95.
- Лапшин 2009 — *Лапшин В. А.* Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопа Тверской кремль-11, 1993–1997 гг.). СПб.: Изд-во Филологического факультета СПбГУ, 2009. 540 с.
- Лапшин 2010 — *Лапшин В. А.* Комплексы больших построек XIV в. из Нижегородского кремля // Диалог культур и народов средневековой Европы: Сб. ст. / Отв. ред. А. Е. Мусин, Н. В. Хвощинская. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 178–185.
- Лапшин 2012 — *Лапшин В. А.* Датировка нижегородских стеклянных браслетов (по материалам раскопок в Кремле в 2001/02 г.) // Культурный слой: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Е. А. Молев. Вып. 1. Нижний Новгород: НГУ, 2012. С. 45–50.
- Лапшин 2017 — *Лапшин В. А.* Датирование комплексов длительного накопления (по материалам раскопок в Нижегородском кремле) // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 6. М., 2017. С. 127–135.

- Лапшин А. Г. 2012 — *Лапшин А. Г.* Корсунские кресты из раскопок в «Ветчаном городе» древнего Владимира (по материалам археологических работ 2009 г.) // *Культурный слой: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Е. А. Молев. Вып. 1. Нижний Новгород: НГУ, 2012. С. 51–59.*
- Лесман 1984 — *Лесман Ю. М.* Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // *Археологическое исследование Новгородской земли: Межвуз. сб. / Под ред. Г. С. Лебедева. Л.: ЛГУ, 1984. С. 118–153.*
- Лесман 1990 — *Лесман Ю. М.* Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // *Материалы по археологии Новгорода: 1988 / Под ред. В. Л. Янина, П. Г. Гайдукова. М.: Новгородская археологическая экспедиция, 1990. С. 29–98.*
- Лесман 1994 — *Лесман Ю. М.* Кашинные бусы в Новгородской земле: материалы к изучению русско-ордынских связей // *Новгородские археологические чтения: Материалы науч. конф., посв. 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского (Новгород, 28 сентября — 2 октября 1992 г.) / Под ред. В. Л. Янина, П. Г. Гайдукова. Новгород: Новгородский музей-заповедник, 1994. С. 187–193.*
- Лисова 2012 — *Лисова Н. Ф.* Орнамент глазурованной посуды золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Казань: ИИ АН РТ, 2012 (*Археология евразийских степей. Вып. 15*). 184 с.
- Лобанов 1989 — *Лобанов Н. А.* Некоторые бытовые находки из Пскова // *КСИА. 1989. Вып. 195. С. 80–85.*
- Мазур 2006 — *Мазур А. Д.* Русский город XI–XVIII вв. Владимирская земля. М.: Гриф и К°, 2006. 111 с.
- Макарий 1999 — *Макарий (Мирлобов).* Памятники церковных древностей. История нижегородской иерархии. Нижний Новгород: Нижегородская ярмарка, 1999. 700 с. (1-е изд. — СПб., 1857).
- Макарихин 1991 — *Макарихин В. П.* Нижегородский край XII–XIV вв. по данным русских летописей // *Нижегородский край в эпоху феодализма: Материалы Нижегородских чтений–91 / Науч. ред. и сост. В. П. Макарихин. Нижний Новгород: МП «Просвещение», 1991. С. 3–16.*
- Макарихин 1994 — *Макарихин В. П.* Новгород Земли Низовской (повествование об основателе Нижнего Новгорода великом князе Юрии Всеволодовиче). Нижний Новгород: Нижний Новгород, 1994. 62 с.
- Макаров 2003 — *Макаров Н. А.* Русь в XIII в.: характер культурных изменений // *Русь в XIII веке: Древности темного времени: Сб. ст. / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М.: Наука, 2003. С. 5–11.*
- Макаров 2017 — *Макаров Н. А.* Урбанизация Северо-Восточной Руси в XI–XIII вв.: размеры городских территорий // *Гороховец и земли Окско-Клязьминского междуречья в XII–XVII вв.: история и археология: Материалы науч. конф. / Сост. В. И. Милованов. М.: ИА РАН, 2017. С. 11–24.*
- Медведев 1966 — *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М.: Наука, 1966 (САИ. Вып. E1-36). 184 с.
- Медведев 1967 — *Медведев А. Ф.* Первые раскопки в Городце на Волге // *КСИА. 1967. Вып. 110. С. 73–85.*
- Медведев 1968 — *Медведев А. Ф.* Новые материалы к истории Городца на Волге // *КСИА. 1968. Вып. 113. С. 31–40.*
- Мельников 1884 — *Мельников П. И.* О старом и новом городах в Нижнем Новгороде // *Труды IV Археологического съезда в России. Т. I. Казань: Казанский университет, 1884. С. 178–182.*
- Мельникова 1989 — *Мельникова А. С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М.: Финансы и статистика, 1989. 316 с.

- Милованов 2013 — *Милованов С. И.* Новые находки каменных котлов на территории Древней Руси // КСИА. 2013. Вып. 228. С. 83–86.
- Михальченко 1974 — *Михальченко С. Е.* Сфероконысы Поволжья // КСИА. 1974. Вып. 140. С. 46–50.
- Моргунов 2003 — *Моргунов Ю. Ю.* Самсониев Остров: Пограничная крепость на посульской окраине Южной Руси в XI–XIII вв. М.: Наука, 2003. 187 с.
- Морохин 1997 — *Морохин Н. В.* Нижегородский топонимический словарь. Нижний Новгород: КиТиздат, 1997. 215 с.
- Муравьева 1983 — *Муравьева Л. Л.* Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII — начала XV века. М.: Наука, 1983. 295 с.
- Насонов 1969 — *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII в. М.: Наука, 1969. 555 с.
- Насонов 2002 — *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб: Наука, 2002. 412 с. (1-е изд. — 1951 г.)
- Нижегородская археолого-этнологическая комиссия... 1930 — Нижегородская археолого-этнологическая комиссия 1929 г. Нижний Новгород: б. и., 1930. 19 с.
- Николаенко 2004 — *Николаенко Т. Д.* Археологическая карта России. Нижегородская область. Ч. 1. М.: ИА РАН, 2004. 384 с.
- Николаенко 2005 — *Николаенко Т. Д.* Нижний Новгород XIII–XV вв. по письменным и археологическим источникам (краткий очерк) // НИКА. Вып. 9. Нижний Новгород: НГУ, 2005. С. 87–129.
- Николаенко 2006 — *Николаенко Т. Д.* Основные этапы развития Нижнего Новгорода в 13–17 веках // Археология Верхнего Поволжья: Сб. ст. / Ред. А. В. Кашкин. М.: ИА РАН, 2006. С. 323–343.
- Николаенко 2008а — *Николаенко Т. Д.* Археологическая карта России. Нижегородская область. Ч. 2. М.: ИА РАН, 2008. 462 с.
- Николаенко 2008б — *Николаенко Т. Д.* Правобережье нижней Оки по археологическим данным // НИКА. Вып. 11. Нижний Новгород: НГУ, 2008. С. 69–93.
- Носов, Горюнова, Плохов 2005 — *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 403 с.
- Очеретина, Очеретин 2005 — *Очеретина С. В., Очеретин И. А.* Археологические наблюдения в исторической части г. Горького (Н. Новгорода) в начале 1960-х годов (по материалам фондов НГИАМЗ) // НИКА. Вып. 9. Нижний Новгород: НГУ, 2005. С. 130–137.
- Очеретина, Очеретин 2016 — *Очеретина С. В., Очеретин И. А.* Новые данные о заселении Верхнего посада Нижнего Новгорода в XIV веке (по материалам археологических работ 2014 года) // НИКА. Вып. 14. Нижний Новгород: НГУ, 2016. С. 23–227.
- Памяти Храмцовского 1899 — *Памяти Н. И. Храмцовского, историка Нижнего Новгорода.* Нижний Новгород: Нижегород. губ. учен. арх. комис., 1899. (Действия НГУАК). 43 с.
- Панина, Волков 2000 — *Панина Э. Л., Волков И. В.* Штампованная керамика золотоордынских городов // Средняя Азия: археология, история, культура: К 60-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР д-ра ист. наук проф. С. П. Толстова: Сб. ст. / Редкол. А. В. Виноградов и др. М.: Пересвет, 2000. С. 89–91.
- Панова 2013 — *Панова Т. Д.* Историческая и социальная топография Московского кремля в середине XII — первой трети XVI века. М.: ТАУС, 2013. 408 с.
- Пантелеев, Лукашова 2020 — *Пантелеев С. А., Лукашова Л. Н.* Исследования усадебного пространства второй половины XIII — первой половины XIV в. в Нижнем Новгороде в 2017 году (по ул. Октябрьской, 10А) // Культурный слой: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Е. А. Молев. Вып. 6. Нижний Новгород: НГУ, 2020. С. 67–73.
- Панченко 2007 — *Панченко К. И.* Клейма XII–XIX веков на донцах керамических сосудов из раскопок в городе Дмитрове // АП. Вып. 3. М., 2007. С. 197–204.

- Парийский 1914 — *Парийский С. М.* Древнее кладбище и ордынские монеты, открытые в Нижнем Новгороде при земляных работах в Кремле // Действия НГУАК. Нижний Новгород, 1914. Т. XVII, вып. 1. С. 39–40.
- Пескова 2017 — *Пескова А. А.* К вопросу о традиции изготовления квадрифолийных энколпионов на Руси // *Stratum plus*. 2017. № 5. С. 361–375.
- Петренко 1984 — *Петренко А. Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 174 с.
- Петренко, Асылгараева 2003 — *Петренко А. Г., Асылгараева Г. Ш.* Археозоологические материалы из раскопок Казанского кремля. Казань: ИИ АН РТ, 2003. 320 с.
- Писцовая и переписная книги 1896 — Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду. Писцовая книга 1621–1629 гг. СПб.: Археографическая комиссия, 1896. XXIX, 73 с., 463 стб.; 27 с.
- Полубояринова 1963 — *Полубояринова М. Д.* Стекланные браслеты древнего Новгорода // Новые методы в археологии. Тр. Новгородской археологической экспедиции. Т. III. М.: Наука, 1963 (МИА № 117). С. 164–199.
- Полубояринова 1971 — *Полубояринова М. Д.* Костяная печать из Серенска // КСИА. 1971. Вып. 125. С. 95–97.
- Полубояринова 1978 — *Полубояринова М. Д.* Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978. 133 с.
- Полубояринова 1983 — *Полубояринова М. Д.* Две костяные печати из Болгара // КСИА. 1983. Вып. 175. С. 95–97.
- Полубояринова 1988 — *Полубояринова М. Д.* Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г. А. Фёдоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 151–219.
- Полубояринова 1991 — *Полубояринова М. Д.* Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.: ИА РАН, 1991. 112 с.
- Полубояринова 1993а — *Полубояринова М. Д.* Русь и Волжская Булгария в X–XV вв. М.: Наука, 1993. 123 с.
- Полубояринова 1993б — *Полубояринова М. Д.* Стекланные лампы из Болгара // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара: Историко-культурная ассоциация «Артефакт», 1993. С. 178–183.
- Полубояринова 1994 — *Полубояринова М. Д.* Полудрагоценные камни и янтарь в древнем Новгороде // Новгородские археологические чтения: Материалы науч. конф., посвящ. 60-летию археол. изуч. Новгорода и 60-летию со дня рождения основателя Новгор. археол. экспедиции А. В. Арциховского (Новгород, 28 сентября — 2 октября 1992 г.) / Под ред. В. Л. Янина, П. Г. Гайдукова. Новгород: Новгородский музей-заповедник, 1994. С. 75–82.
- Полубояринова 2003 — *Полубояринова М. Д.* Китайский селадон из Болгара // РА. 2003. № 2. С. 155–164.
- Полубояринова 2004а — *Полубояринова М. Д.* Каменные котлы из Болгара // Восточная Европа в Средневековье: Сб. ст. / Редкол. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов, Н. В. Лопатин. М.: Наука, 2004. С. 316–323.
- Полубояринова 2004б — *Полубояринова М. Д.* Рецензия на книгу: Руденко К. А. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. Казань. 2000 // РА. 2004. № 3. С. 179–181.
- Полякова 1996 — *Полякова Г. Ф.* Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков: Очерки / Отв. ред. Г. А. Фёдоров-Давыдов. Казань: Наука, 1996. С. 154–268.
- Попов 1965 — *Попов А. И.* Географические названия. М.; Л.: Наука. 1965. 181 с.
- Поппэ 1996 — *Поппэ А.* Митрополиты и князья Киевской Руси // *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб.: Византинороссика, 1996. С. 442–499.

- Пресняков 1998 — *Пресняков А. Е.* 1998. Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетия. М.: Богородский печатник, 1998. 496 с. (1 изд. — Пг., 1918 г.).
- ПСРА. I — Полное собрание русских летописей. Т. I. 1962.
- ПСРА. XI — Полное собрание русских летописей. Т. XI. 1965.
- ПСРА. XV — Полное собрание русских летописей. Т. XV. 1965.
- ПСРА. XX — Полное собрание русских летописей. Т. XX. 1910.
- ПСРА. XXIV — Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. 2000.
- ПСРА. XXV — Полное собрание русских летописей. Т. XXV. 1949.
- ПСРА. XXXIV — Полное собрание русских летописей. Т. XXXIV. 1978.
- Пугаченкова 1958 — *Пугаченкова Г. А.* Мастер-керамист Мухаммед-али Инойятон из Мерва (К характеристике штампованной керамики Мерва XII — начала XIII в.) // СА. 1958. № 2. С. 78–91.
- Пудалов 2001 — *Пудалов Б. М.* Письменные источники по истории Нижегородского края (XIII — начало XVIII вв.). Нижний Новгород: Нижегородский гос. пед. ун-т, 2001. 118 с.
- Пудалов 2003 — *Пудалов Б. М.* Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII — первая треть XIII в.). Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Администрации Губернатора Нижегородской обл., 2003. 214 с.
- Пудалов 2004 — *Пудалов Б. М.* Русские земли Среднего Поволжья (вторая треть XIII — первая треть XIV в.). Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской обл., 2004. 243 с.
- Пудеев 2014 — *Пудеев А. А.* К вопросу о начальной дате строительства Нижегородского Кремля // Альманах по истории средних веков и раннего Нового времени. Нижний Новгород: НГУ, 2014. С. 175–184.
- Пушкина 1981 — *Пушкина Т. А.* Скандинавские вещи из Гнёздовского поселения // СА. 1981. № 3. С. 285–290.
- Рабинович 1971 — *Рабинович М. Г.* Культурный слой центральных районов Москвы / Материалы и исследования по археологии Москвы. Древности Московского Кремля. М., 1971 (МИА. Вып. 167). С. 9–116.
- Раппопорт 1975 — *Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище. Л.: Наука, 1975 (САИ. Е1-32). 180 с.
- Раппопорт 1982 — *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X–XIII вв.: Каталог памятников. Л.: Наука, 1982 (САИ. Е1-47). 136 с.
- Раппопорт 1993 — *Раппопорт П. А.* Древнерусская архитектура. СПб.: Стройиздат, 1993. 487 с.
- Раппопорт 2013 — *Раппопорт П. А.* Хронологическая таблица развития древнерусского зодчества // *Раппопорт П. А.* Архитектура средневековой Руси. Избранные статьи. СПб.: Лики России, 2013. С. 290–302.
- Раппопорт и др. 1985 — *Раппопорт П. А., Колчин Б. А., Борисевич Г. В.* Жилище // Древняя Русь. Город. Замок. Село / Отв. ред. Б. А. Колчин. М.: Наука, 1985 (Археология СССР). С. 136–154.
- Родина 2004 — *Родина М. Е.* Международные связи Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. (по материалам Ростова, Суздаля, Владимира и их округи). Историко-археологические очерки. Владимир: Аркаим, 2004. 207 с.
- Розенфельдт 1968 — *Розенфельдт Р. Л.* Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука, 1968 (САИ. Вып. Е1-39). 124 с.
- Романчук 2003 — *Романчук А. И.* Глазурованная посуда поздневизантийского Херсона. Екатеринбург: Волот, 2003. 224 с.
- Руденко 2000 — *Руденко К. А.* Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. Казань: Репер, 2000. 158 с.
- Русь в XIII веке 2003 — Русь в XIII веке: Древности темного времени: Сб. ст. / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М.: Наука, 2003. 406 с.

- Савченкова 1996 — *Савченкова Л. Л.* Чёрный металл Болгара. Типология // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков: Очерки / Отв. ред. Г. А. Фёдоров-Давыдов. Казань: Наука, 1996. С. 5–88.
- Салмина 1994 — *Салмина Е. В.* Рыболовный инвентарь из раскопок в Пскове // Археологическое изучение Пскова. Вып. 2. Псков, 1994. С. 151–170.
- Самойлович 2007 — *Самойлович Н. Г.* Охранные раскопки селища Михали в г. Суздале // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 1. 2007. С. 27–32.
- Сарачева 2007 — *Сарачева Т. Г.* Ювелирные изделия второй половины XIII — XVI в. с территории Северо-Восточной Руси // КСИА. 2007. Вып. 221. С. 73–88.
- Сахаров 1959 — *Сахаров А. М.* Города Северо-Восточной Руси XIV–XV веков. М.: МГУ, 1959. 238 с.
- Седова 1972 — *Седова М. В.* Древнерусские города низовьев р. Клязьмы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИА АН СССР, 1972. 27 с.
- Седова 1978 — *Седова М. В.* Ярополч Залесский. М.: Наука, 1978. 159 с.
- Седова 1981 — *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 195 с.
- Седова 1997 — *Седова М. В.* Суздаль в X–XV вв. М.: Русский мир, 1997. 236 с.
- Сидоров 2021 — *Сидоров В. В.* Реконструкция жилища по археологическим источникам // Неолитическое жилище: Материалы международного симпозиума. СПб.: ИИМК РАН; СГСПУ, 2021. С. 8–16.
- Скоробогатова 1983 — *Скоробогатова Т. В.* Одна из групп золотоордынской поливной керамики // СА. 1983. № 2. С. 92–108.
- Смирнова 1999 — *Смирнова Л. И.* Проколки. Хронология и функциональное назначение // ННЗИА. Вып. 13. 1999. С. 142–162.
- Стальсберг 2003 — *Стальсберг А.* Связи между Норвегией и Древней Русью: археологические находки // Ладога и истоки Российской государственности и культуры: Материалы конф. / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: Вести, 2003. С. 115–126.
- Сударев, Коваль 2021 — *Сударев Н. И., Коваль В. Ю.* Византийский кувшин палеологовской эпохи из раскопок в станице Тамань // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы V Междунар. науч. конф. / Отв. ред. В. В. Лебединский. М.: ИВ РАН, 2021. С. 263–268.
- Сычёва, Грибов 2003 — *Сычёва С. А., Грибов Н. Н.* Катастрофические изменения почв, форм рельефа и ландшафтов в окрестностях Нижнего Новгорода в XIV–XVIII вв. // Экология древних и современных обществ: Доклады конф. Вып. 2 / Отв. ред. Н. П. Матвеева. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2003. С. 90–93.
- Таловин 2001 — *Таловин Д. С.* Великое Нижегородско-Суздальское княжество (1341–1392 гг.) в системе земель Северо-Восточной Руси: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02 — Отечественная история. Нижний Новгород: НГУ, 2001. 18 с.
- Татаурова 1998 — *Татаурова Л. В.* Типология русской керамики (по этнографическим материалам) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. 3. Новосибирск: Наука, 1998. С. 88–123.
- Терехова 1974 — *Терехова Н. Н.* Технология чугунолитейного производства у древних монголов // СА. 1974. № 1. С. 69–78.
- Турилов 1993 — *Турилов А. А.* Летописец о Нижнем Новгороде // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.), ч. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. С. 267–268.
- Узденников 1985 — *Узденников В. В.* Монеты России 1700–1917. М.: Финансы и статистика, 1985. 504 с.

- Фасмер 2003 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М.: Астрель; АКТ, 2003.
- Феннел 1989 — *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М.: Прогресс, 1989. 296 с.
- Фёдоров-Давыдов 1981 — *Фёдоров-Давыдов Г. А.* Монеты Московской Руси. М.: МГУ, 1981. 222 с.
- Фёдоров-Давыдов 1989 — *Фёдоров-Давыдов Г. А.* Монеты Нижегородского княжества. М.: МГУ, 1989. 253 с.
- Фёдоров-Давыдов 1994 — *Фёдоров-Давыдов Г. А.* Золотоордынские города Поволжья. М.: МГУ, 1994. 229 с.
- Фёдоров-Давыдов 2001 — *Фёдоров-Давыдов Г. А.* Золотоордынские города Поволжья. Керамика. Торговля. Быт. М.: МГУ, 2001. 252 с.
- Флёрова 2001 — *Флёрова В. Е.* Резная кость юго-востока Европы. IX–XII вв. СПб.: Алетейя, 2001. 252 с.
- Френ 1832 — *Френ Х. М.* Монеты ханов улуса Джучиева или Золотой Орды. СПб.: Тип. АН, 1832. XVI, 80 с., 17 л. ил.; 26 с.
- Ханенко 1899 — *Ханенко Б. И., Ханенко В. И.* Древности русские. Кресты и образки. Вып. 1. Киев: Фототипия и тип. С. В. Кульженко, 1899. 33 с.
- Хвощинская 2007 — *Хвощинская Н. В.* Каменные литейные формочки в коллекции Рюрикова городища и стеатитовые находки на Руси // У истоков Русской государственности. Историко-археологический сб.: Материалы междунар. науч. конф. (4–7 октября 2005 г., Великий Новгород) / Отв. ред. Е. Н. Носов, А. Е. Мусин; ред.-сост. А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 199–202.
- Херман 1986 — *Херман Й.* Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы: Сб. ст.; пер. с нем. / Под общ. ред. Е. А. Мельниковой. М.: Прогресс, 1986. С. 8–128.
- Холден 2009 — *Холден (Смирнова) Л. И.* Кистени или весовые гири. Переоценка функционального назначения известной категории находок // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева / Сост. А. Е. Мусин. Новгород; СПб.; М.: ЛеопАрт, 2009. С. 576–588.
- Храмцовский 1857 — *Храмцовский Н. И.* Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Ч. 1 (Очерк истории). Нижний Новгород: Губернская типография, 1857. 127 с.
- Храмцовский 1859 — *Храмцовский Н. И.* Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Ч. 2 (Описание города). Нижний Новгород: Губернская типография, 1859. 224 с.
- Храмцовский 1998 — *Храмцовский Н. И.* Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Нижний Новгород: Нижегородская ярмарка, 1998. 608 с. (2-е изд.)
- Хузин, Дроздова 1986 — *Хузин Ф. Ш., Дроздова Г. И.* Каменные котлы и металлическая посуда // Посуда Биляра: Сб. ст. / Отв. ред. А. Х. Халиков; сост. Ф. Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ, 1986. С. 84–101.
- Цалкин 1956 — *Цалкин В. И.* Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси. М.: Наука, 1956 (МИА. № 51). 184 с.
- Чернецов 2003 — *Чернецов А. В.* К проблеме оценки исторического значения монголо-татарского нашествия как археологического рубежа // Русь в XIII веке: Древности темного времени: Сб. ст. / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М.: Наука, 2003. С. 12–17.
- Черников 1974 — *Черников В. Ф.* Исследования в г. Горьком и области // АО 1973 г. М., 1974. С. 177.
- Черников 1996 — *Черников В. Ф.* Ров Нижегородского кремля // Город славы и верности России: Материалы историко-краеведческой конф., посв. 775-летию Нижнего Новгорода. Нижний Новгород: Управление культуры Администрации г. Н. Новгорода, 1996. С. 23.

- Черников 2010 — Черников В. Ф. К вопросу о датах строительства дерево-земляных укреплений в Новгороде Нижнем // НИКА. Вып. 12. Нижний Новгород: НГУ, 2010. С. 104–122.
- Черников, Анучин 1991 — Черников В. Ф., Анучин С. Б. Археологические памятники, открытые Б. А. Сафоновым // Археология Верхнего Поволжья: Сб. ст. / Под ред. А. В. Кашкина. Нижний Новгород: б. и., 1991. С. 153–159.
- Чернов 1991 — Чернов С. З. К хронологии московской керамики конца XV — XVI вв. // Московская керамика: новые данные по хронологии / Отв. ред. С. З. Чернов, М. Д. Полубяринова. М.: ИА АН СССР, 1991 (Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 5). С. 20–32.
- Чеченков 2001a — Чеченков П. В. Интеграция нижегородских земель в политическую систему великого княжества Московского в конце XIV — первой половине XV века // Нижегородский кремль. К 500-летию основания каменной крепости — памятника архитектуры XVI века: Материалы науч. конф. (13–14 сентября 2000 г.). Нижний Новгород: б. и., 2001. С. 45–57.
- Чеченков 2001б — Чеченков П. В. Золотая Орда и Нижегородская земля в конце XIV — первой четверти XV вв. // Поволжье в средние века: Тезисы докладов Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения Г. А. Фёдорова-Давыдова. Нижний Новгород: б. и., 2001. С. 130–131.
- Чеченков 2002 — Чеченков П. В. Нижегородский кремль XIV–XV веков // Нижегородский кремль. К 500-летию памятника архитектуры XVI в. Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2002. С. 111–118.
- Чеченков 2004 — Чеченков П. В. Нижегородский край в конце XIV — третьей четверти XVI в.: внутреннее устройство и система управления. Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2004. 137 с.
- Чеченков 2010 — Чеченков П. В. Спорные вопросы истории Нижегородского кремля XIV — начала XVI в. // Материалы V Нижегородской межрегиональной архивоведческой конференции «Святые земли Нижегородской. Нижегородский кремль». Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2010. С. 13–25.
- Шайдакова 2006 — Шайдакова М. Я. Нижегородские летописные памятники XVII в. Нижний Новгород: НГУ, 2006. 281 с.
- Шакиров, Хамзин 2011 — Шакиров З. Г., Хамзин Р. Н. Исследования на территории г. Нижнего Новгорода // АО 2008 г. М., 2011. С. 244–246.
- Шаповалов 2000 — Шаповалов Р. Г. Классификация и хронология изделий из янтаря Неревского раскопа // ННЗИА. Вып. 14. Великий Новгород, 2000. С. 149–165.
- Шполянский 2007 — Шполянский С. В. Вещевой комплекс селища Кленово 2 из окрестностей Перемышля Московского // КСИА. 2007. Вып. 221. С. 99–111.
- Шполянский 2008 — Шполянский С. В. Конструкция подполий средневековых построек в Суздале и его округе (опыт систематизации) // Археология Владимиро-Суздальской земли. 2008. Вып. 2. С. 56–66.
- Шумилкин С., Шумилкин А. 2010 — Шумилкин С. М., Шумилкин А. С. Архитектурно-пространственное формирование Нижнего Новгорода XIII — начала XX в. Нижний Новгород: ННГАСУ, 2010. 213 с.
- Щапов 2011 — Щапов А. Н. Предварительные итоги охранных работ во Владимире на ул. Девическая, 2а // Археология Владимиро-Суздальской земли. 2011. Вып. 3. С. 126–132.
- Щапова 1963 — Щапова Ю. Л. Стекланные изделия древнего Новгорода // Тр. Новгородской археологической экспедиции. Т. III. М., 1963 (МИА. № 117). С. 104–163.
- Щапова 1972 — Щапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. М.: МГУ, 1972. 215 с.

- Янин 1970 — Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв.: В 2 т. М.: Наука, 1970. Т. I — 330 с.; Т. II. — 366 с.
- Янин, Гайдуков 1998 — Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III. М.: Интрада, 1998. 491 с.
- Янина 1970 — Янина С. А. Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов Поволжской археологической экспедиции на Царёвском городище 1959–1962 гг. // Поволжье в средние века: Сб. ст. М.: Наука, 1970. С. 194–222.
- Lamm 1929–1930 — Lamm C. J. Mittelalterliche Glasser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten. Berlin, 1929–1930. В. I. Text; В. II. Abbildungen.
- Masterpieces 1968 — Masterpieces of Glass / Eds. D. B. Harden, K. S. Painter, R. H. Pinder-Wilson, H. Tait. London: Trustees of the British Museum, 1968. Pp. 199 + 5 colour pls. + 269 illus.
- Watson 1985 — Watson O. Persian lustre ware. London: Faber & Faber, 1985. 209 p.
- Wenzel 1984 — Wenzel M. Thirteenth-century Islamic enamelled glass found in medieval Abingdon // Oxford journal of archaeology. 1984. Vol. 3, no. 3: November. P. 1–22.

SUMMARY

V. A. Lapshin

The topography and chronology of the Nizhny Novgorod Kremlin of the 13th–14th centuries (after materials from excavations of 2001–2002)

Introduction

The introduction characterizes the historical context of the emergence of Nizhny Novgorod in the beginning of the 13th century. The foundation of the city in 1221 had been a logical result of the expansion of princes of North-Eastern Rus to the Volga region during the 12th — early 13th century. Volga Bulgaria was here a trade counteragent and simultaneously a military rival of Rus. Nizhny Novgorod was founded at the confluence of the Oka and Volga as a fortress on the border with Bulgaria and a springboard for occupying new lands in the Volga region.

The city was probably destroyed during the Batu's raids to North-Eastern Rus in 1237–1239. The second half of the 13th — first third of the 14th century is the “darkest” period in the history of Nizhny Novgorod, however it is apparently during that period that it becomes an important centre of the Volga trade. Otherwise it would remained unclear why Nizhny Novgorod became the capital during the establishment of the Nizhny Novgorod Grand Duchy instead of more ancient Suzdal which was not introduced into the new political formation.

The Grand Duchy of Nizhny Novgorod had existed for fifty years from 1341 to 1392. This was a period of the peak of flourishing of the capital of the principality. But in 1392, Vasiliy Dmitrievich of Moscow bought in the Horde a *yarlyk* (licence) for Nizhny Novgorod and the independent Nizhny Novgorod seat was abolished while the city became to be ruled by a Moscow governor.

Nizhny Novgorod suffered a period of a deep decline which ended only in the beginning of the 16th century after the Moscow Prince built already a new stone kremlin. Then the city again becomes a military springboard but now during conflicts with the Kazan Khanate. After the raids of Ivan IV against Kazan and Astrakhan and uniting of the entire Volga route within the limits of a single state, Nizhny Novgorod acquires the significance primarily as a rich trade city. It is natural that exactly Nizhny Novgorod's militia played the decisive role in the restoration of the Russian state power in the beginning of the 17th century.

The Nizhny Novgorod trade fair remained the largest in the country for the second half of the 17th to the early 20th century.

CHAPTER 1

Archaeological investigations of Nizhny Novgorod and its rural surroundings

Chapter 1 considers the history of the archaeological investigations of Nizhny Novgorod and its rural surroundings, characterizes the unsolved problems of the topography and chronology of the Nizhny Novgorod Kremlin. It is stated that a pre-Mongol cultural layer has not been revealed in the territory under consideration. The cultural deposits of the 13th–14th centuries have been recorded both in the Kremlin itself and at the adjoining *posads* (unfortified suburbs). The cultural layer of the 15th century is absent in the town having been preserved only in Gorodok — the residence of the Moscow governor, 1.5 km from the Kremlin. The question is raised about the limits of the wood-and-earth kremlin of the 13th–14th centuries inside the stone kremlin of the early 16th century.

CHAPTER 2

Excavations at the Nizhny Novgorod Kremlin in 2001–2002

The general characteristics of the excavations. The excavations of 2001–2002 were conducted in the western section of the Kremlin, 150 m to the south-west from the Church of the Archangel Michael. The excavations were carried out in winter under the conditions of artificial illumination and heating. Methods of working in winter are described. The features of the cultural layer and the specifics of the formation of archaeological complexes are characterized. The cultural layer of the Nizhny Novgorod is “dry” and it is considerably disturbed. The pits of different periods were superimposed one upon another. The finds were several times re-deposited. Their considerable vertical movements are typical.

Peculiarities of the material culture and chronology of Nizhny Novgorod. This section presents a general characterization of 3,200 individual finds (Color il. IV–VI; Fig. 18–42), 397 examples of eastern imported pottery (Color il. VII–XIII; Fig. 43–45), 49,303 fragments and 43 reconstructed items of the local domestic ware (Fig. 46–60).

The majority of finds from the excavations at the Nizhny Novgorod Kremlin are typical of a medieval Russian town and are datable to within the chronological limits of 13th–14th centuries according to the most reliably developed Novgorod scale. However, there are also some peculiarities. Firstly these are in relatively large numbers of eastern pottery and eastern glass wares imported via the Golden Horde or manufactured at its Volga towns and belonging to items of luxury. At the same time, a relatively large quantity of ordinary finds from Bolgar and other Volga towns of the Golden Horde have been encountered in Nizhny Novgorod. They include fragments of cast iron (Fig. 33, 7, 8) and stone (Fig. 37, 1, 2) cauldrons, earrings (Fig. 39, 2, 3), a casting mould (Fig. 34, 9), loops from bow cases (Fig. 35, 2, 3), mounts (Fig. 26), and plaques (Fig. 39, 7, 8). These finds are evidence of the presence of the Horde residents in the city. Chronicles under year 1366 mention Muslims living in the town with their families.

A peculiarity of the urban culture of Nizhny Novgorod is in stable mutual occurrence of glass bracelets with *kashin* pottery in the pit associations. This fact indicates that by contrast to other Russian towns, in Nizhny Novgorod this type of ornamental wares was widely distributed in the 14th century. A similar situation is observed only in Tver and Bolgar.

CHAPTER 3

Historical topography of the Nizhny Novgorod Kremlin of the 13th–14th centuries according to archaeological evidence

The location of the first churches was the reference point of the most importance in the earliest topography of Old-Russian towns. The practically simultaneous foundation of two temples on the highest points of the bank to the west from the Ivanovsky ravine in the beginning of the 13th century suggests the initial two-part structure of the fortified section of the city. Here the advantages of the natural indentation of the upper bank terrace by ravines was used. Possibly, the initial fortifications in the eastern part of the future kremlin consisted of the *detinets* proper on a small promontory with an area of about 1.5–2.0 ha with the Church of the Transfiguration of the Saviour in the centre. The western part between the Ivanovsky and Pochaynin ravines had an area of eight ha. At the initial stage, only its northern section was settled where there was the princely property with the Church of Archangel Michael. Evidently, the early houses were extended in a narrow band along the northern edge of the upper riverine terrace. The question remains open whether the princely court had its primary fortifications or they at once embraced a considerable empty space. What we know about other early Russian towns suggests rather the second variant. However already in the 14th century the city quickly expanded and its fortified area was surrounded by the growing *posads*.

The complex of large cellars, investigated at the excavation represents the remains of a rich urban property of the 14th century marked by numerous Golden-Horde imports, finds of weapons, and horse and rider's equipment. Of special note is a find of a valve of a quadrifoliate encolpion (Fig. IV) presumably manufactured in Kiev and a find of seal/matrix turned on a lathe in the form of a checkmate pawn (Fig. 16: 1). It is possible that this urban property belonged to the head of the princely administration of the city.

CONCLUSION

The place of Nizhny Novgorod in the political structure of North-Eastern Rus of 13th–15th centuries: historical and archaeological aspects

In the conclusion a comparison is presented of Nizhny Novgorod with Moscow and Tver, i.e. the cities of similar fate and also arisen from small border fortresses to capitals of grand duchies. They were marked by a “Grand Princely” self-identification expressed in the early emergence of monumental architecture, annalistic corpora, literary monuments, and minting of their own coin. In addition, the richness of Nizhny Novgorod was due to the trade via the Volga route. The decline of the city resulted of the raids of Horde armies in 1377, 1378 and 1408. However the final blow on the economy of Nizhny Novgorod was delivered by Timur who had not reached the city but annihilated in 1395–1396 its main trade partners — Golden Horde cities. While Moscow and Tver had survived the Tatar devastations and rose anew supported by their surroundings, Nizhny Novgorod, on the contrary, suffered a period of a deep decline which ended only in the beginning of the 16th century after the Moscow Prince had already built a new stone kremlin.

The Appendices publish a catalogue of complexes of pits in virgin-soil and identification of osteological materials of animals from excavations in the Nizhny Novgorod Kremlin.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ — Археологические вести. СПб.: ИИМК РАН
АИППЗ — Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков
АО — Археологические открытия. М.: Наука
АП — Археология Подмосковья. М.: ИА РАН
ИААНРТ — Институт археологии Академии наук Республики Татарстан им. А. Х. Халикова
ИА РАН — Институт археологии РАН
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН
И СССР — История СССР
КГУ — Курский государственный университет
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
НГУ — Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
НИКА — Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Сборник научных и методических статей
ННГАСУ — Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет
ННЗИА — Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник
ПСРА — Полное собрание русских летописей
РА — Российская археология. М.
СА — Советская археология. М.
САИ — свод археологических источников.
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея. М.
ТТЗ — Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь

Научное издание

Лапшин Владимир Анатольевич

Топография и хронология
Нижегородского кремля XIII–XIV вв.
(по материалам раскопок 2001–2002 гг.)

Труды ИИМК РАН. Том LIX

Корректор *О. К. Чеботарева*
Редактор, верстка *Е. В. Новгородских*
Дизайн обложки *В. А. Лапшин, О. Д. Курта*

Подписано в печать 09.12.2022. Формат 60 × 84 ¹/₈.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 28. Тираж 300 экз. Заказ № 1231

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории материальной культуры РАН;
Дворцовая наб., 18, литер А, Санкт-Петербург, 191186, Россия

Отпечатано в типографии «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134

V. A. Lapshin

The topography and chronology
of the Nizhny Novgorod Kremlin
of the 13th–14th centuries

Лапшин Владимир Анатольевич (род в 1951 г.) – археолог, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий Отделом славяно-финской археологии Института истории материальной культуры Российской академии наук. В 1977 г. окончил исторический факультет ЛГУ по кафедре археологии. С 1982 г. работает в ИИМК РАН (ранее ЛОИА АН СССР). Публикации В. А. Лапшина отражают два направления исследований: сельские поселения и городские центры Северной Руси. В 1985 г. защитил кандидатскую диссертацию «Население центрального района Ростово-Суздальской земли X–XIII вв. (по археологическим материалам)», в 2011 г. – докторскую диссертацию «Тверь в XIII–XV вв.» (издана книгой в 2009 г.). На основе полевых работ 1983–1991 гг. опубликовал «Археологическую карту Ленинградской области» в двух книгах (1990, 1995). Проводил раскопки в округе Суздаля (1978–1991), во Владимире (1992), Твери (1992–1998), Ленинградской области (1999–2007), Нижнем Новгороде (2001–2002), Санкт-Петербурге (2008–2013). С 2014 г. проводит исследования в Старой Ладогe.

